РС – 1902 г.

октябрь

№ 2133

Ж 1/46

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIII-й. ОКТЯБРЬ. 1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. Дубровина. 5—33
II. М. М. Сперанскій генералъ-губернаторомъ въ Сибири и возвращеніе его въ Петербургъ. Сообщилъ И. А. Бычковъ. 35—56
III. Изъ прошлаго. Ужасные дни. П. Д. Парепсова. 57—64
IV. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина 65—79
V. Французскій парламентъ въ Петрозаводскѣ въ 1821 году. Н. Д. 81—85
VI. И. М. Муравьевъ-Апостолъ. Ив. Кубасова. 87—104
VII. Посѣщеніе гимназій Харьковскаго учебнаго округа наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ въ 1837 г. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. 105—111
VIII. Полувѣковой юбилей Лицея. Стихи В. Зотова. Сообщ. П. Д. Стремоуховъ. 113—114
IX. Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною 1853—1856 гг. (Окончаніе). В. В. Тимощукъ. 115—140
X. Варшава, въ ночь съ 3-го на 4-е октября 1861 года. Сообщилъ А. Н. Крыжановскій. 141—144
XI. Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ. Д. Г. Анучина. 145—163
XII. Крестьянскій вопросъ въ Екатерининской коммиссіи. В. Строева. 165—182
XIII. Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса. П. Майкова. 183—194
XIV. Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ. Сообщ. И. А. Бычковъ. 195—208
XV. Записная книжка „Русской Старины“: Отношенія поляковъ къ русскимъ въ 1816 году. (стр. 34).—Два билета, выданныхъ во время польскаго возстанія въ 1864 г. (80).—Письмо Ив. Ив. Дмитріева—П. П. Свиньину. (86).—Письмо Н. И. Гнѣдича—цесаревичу Константину Павловичу. Сообщ. П. В. Петровъ. (112).—Письмо гр. Д. А. Гурьева—М. М. Сперанскому (164).
XVI. Библіографич. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ князя Адама Чарторыйскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1902 года.

ВНУТРЕННЕЕ СОЗРАНІЕ

Библіографическій листокъ.

Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ. Томъ второй. Часть 2-я. Комитетъ Министровъ въ царствованіе императора Николая Перваго (1825 г. ноября 20—1855 г. февраля 18). Составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе Канцеляріи Комитета Министровъ СПБ. 1902 г.

Во второй части второго тома своего труда С. М. Середонинъ прежде всего останавливается на дѣятельности Комитета Министровъ, въ царствованіе императора Николая I, по центральному и мѣстному управленію. Участіе Комитета Министровъ въ измѣненіяхъ организаціи и устройства центральныхъ органовъ управленія было,—по словамъ автора,—не велико, какъ и въ предшествующее царствованіе, и даже меньше, чѣмъ при Александрѣ I; дѣла объ измѣненіи штатовъ, а тѣмъ болѣе по переустройству управленій подлежали большею частью рѣшенію Государственнаго Совѣта. Это выяснено было въ самомъ началѣ царствованія: въ засѣданіи 2-го октября 1826 г. Комитетъ предписалъ всѣмъ министрамъ немедленно заняться составленіемъ общихъ губернскихъ штатовъ и представленія объ этомъ внести въ Государственный Совѣтъ. На этой меморіи Государь написалъ: «весьма нужно, и я прошу симъ не замедлить; при семъ прошу г.г. министровъ заняться и уменьшеніемъ штатовъ и своихъ канцелярій, а равно и департаментовъ, и поспѣшить этимъ дѣломъ».

Комитетъ Министровъ и самъ время отъ времени замѣчалъ, что по нѣкоторымъ дѣламъ онъ всегда утверждалъ мнѣніе министра, и что, слѣдовательно, внесеніе такихъ представленій въ Комитетъ равносильно было только замедленію хода дѣлъ; въ такихъ случаяхъ Комитетъ полагалъ предоставить разрѣшеніе точно означенныхъ дѣлъ министрамъ; такъ, министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено было: увольнять въ отпускъ на срокъ свыше 4 мѣсяцевъ членовъ дворянскихъ депутатскихъ собраній; не сообщать Комитету о переуступкахъ мѣщанами рекрутскихъ зачетныхъ квитанцій; разрѣшать разсрочку краткосрочныхъ займовъ изъ всѣхъ вообще приказовъ общественнаго призрѣнія и давать разрѣшеніе построекъ въ городахъ на суммы до 5.000 руб. Министру финансовъ, между прочимъ, было предоставлено: отпускать безденежно лѣсъ на постройку церквей; давать льготы отъ платежа гильдейскихъ повинностей на шесть лѣтъ всѣмъ устраивающимъ въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ фабрики и заводы. Министру народнаго просвѣщенія—возвышать оклады учителей иностранныхъ языковъ до 1.800 руб. въ годъ, въ виду полнаго недостатка въ нихъ.

Комитетъ опредѣлялъ число чиновниковъ особыхъ порученій въ каждомъ министерствѣ и классы ихъ должностей; назначалъ мундиры нѣкоторымъ должностямъ, не вошедшимъ въ высочайше утвержденное росписаніе; утверждалъ временные штаты нѣкоторыхъ учрежденій, какъ, напримѣръ, временную организацію счетной части во вновь учрежденномъ (въ 1837 г.) медицинскомъ департаментѣ и т. п.

Медико-хирургическая академія передержала въ 1830 г. 51.000 руб. сверхъ штата. Комитетъ, положивъ отпустить ей эти деньги изъ государственнаго казначейства, возложилъ на государственный контроль ревизію счетовъ академіи, чтобы открыть истинныя причины такой большой передержки. Государь далъ резолюцію: «я на это не согласенъ; допускать расходовъ сверхъ штата никто права не имѣетъ; повѣрку чрезъ контроль произвести; а до того недостающія суммы пополнить изъ жалованья и столовыхъ со всего начальства академіи».

Чрезъ Комитетъ министры получали иногда отъ государя и особливыя указанія, и напоминанія: чрезъ Комитетъ же сообщались имъ и всемилостивѣйшія похвалы государя. Чаще всего онѣ бывали на годовыхъ отчетахъ министровъ; напр., на отчетѣ по почтовому департаменту за 1827 г. Николай I написалъ: «съ удовольствіемъ и признательностью вижу успѣшный ходъ дѣлъ». На докладѣ о движеніи отчетности по военному вѣдомству за 1830 г. государь написалъ такъ: «въ Комитетъ Министровъ съ тѣмъ, что я увѣренъ, что и прочія министерства усугубятъ достичь сихъ же столь удовлетворительныхъ послѣдствій».

Довольно важнымъ дѣломъ, разрѣшеннымъ Комитетомъ по вопросу о распредѣленіи дѣлъ по вѣдомствамъ,—было дѣло о недостаткахъ тогдашняго уголовнаго судопроизводства. Послѣ введенія новаго уголовнаго уложенія государь приказалъ подавать ему ежегодно таблицы о числѣ арестантовъ, которые больше года содержались подъ стражею; такихъ было: въ 1845 г.—10.512, въ 1846 г.—1.2581, въ 1847 г.—15.184. Государь обратилъ вниманіе Комитета на быстрое увеличеніе числа арестантовъ и приказалъ Комитету обсудить вопросъ, не новое ли уголовное уложеніе причиною этому явленію? Изъ собранныхъ Комитетомъ справокъ оказалось: 1) число уголовныхъ дѣлъ вообще съ каждымъ годомъ все болѣе увеличивается; увеличеніе особенно замѣтно было въ 1845 г., когда общее число уголовныхъ

ТЕЛЕСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

КНЯЗЬ АДАМЪ ЧАРТОРЫЙСКІЙ.

1770 † 1861.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1902.

ОКТЯБРЬ.— НОЯБРЬ.— ДЕКАБРЬ.

25184
49 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ТОМЪ СТО ДВѢНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1902.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1902 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе быть русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

---

*

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

ИСТОРІЯ
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
И
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. Ѳ. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

заключающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами. Цѣна **9** рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться въ **Товарищество «Общественная Польза»**, СПБ. Большая Подъяческая, № 39.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XXI [1]).

Отъѣздъ графа Огинскаго изъ Парижа въ Петербургъ. — Ревность къ нему князя Чарторыйскаго.—Письмо его императору Александру. — Предложеніе графа Огинскаго образовать Великое герцогство Литовское. — Мнѣніе объ этомъ Александра. — Записка М. М. Сперанскаго. — Рескриптъ графу Огинскому на польскомъ языкѣ.—Колебанія государя. — Предложеніе Огинскаго объявить восемь западныхъ и юго-западныхъ губерній Польскимъ королевствомъ.—Переписка императора съ кн. Чарторыйскимъ. — Отношенія поляковъ герцогства Варшавскаго къ Россіи. — Внутреннее положеніе герцогства. — Варшавскій сеймъ 1811 г. — Волненія въ западныхъ губерніяхъ.— Появленіе въ нихъ сторонниковъ и эмиссаровъ Наполеона. — Возобновленіе переписки императора Александра съ кн. Чарторыйскимъ.

Отправившись въ 1810 году въ Парижъ къ своему семейству, графъ М. Огинскій нашелъ тамъ полное приготовленіе къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи, при чемъ поляки, жившіе въ Парижѣ, увѣряли его, что война предпринимается съ цѣлью возстановленія ихъ самобытности.

Графъ Огинскій не раздѣлялъ, однако же, этихъ радужныхъ надеждъ и скоро убѣдился въ справедливости своего взгляда. На балу у Валевской приближенные Наполеона упрекали его за то, что онъ принялъ званіе русскаго сенатора.

— Было бы гораздо лучше для васъ,—сказалъ ему Дюрокъ,— если бы оставались полякомъ и служили открыто интересамъ вашего отечества.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, сентябрь 1902 г.

— Никакое званіе, никакія почести,—воскликнулъ Огинскій,—никогда не заставятъ меня забыть, что я полякъ. Я готовъ пролить послѣднюю каплю крови, лишь бы только видѣть отечество мое независимымъ и свободнымъ.

— Независимость Польши,—замѣтилъ на это маршалъ,—не болѣе какъ химера, неосуществимая мечта. Польша и въ прежнее время не была независимою; она была всегда жертвою анархіи. Мнимая свобода, которою вы хвалитесь, состояла лишь въ заносчивыхъ рѣчахъ, которыя дворянство имѣло право произносить на сеймахъ; рабство крестьянъ постоянно препятствовало нормальному устройству власти. Поляки слишкомъ раздѣлены взаимною враждой, и дворянское ихъ сословіе слишкомъ держится за свои привиллегіи, чтобы Польша могла когда-нибудь занять мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ.

Слова человѣка, близкаго къ Наполеону, выражали лучше самого императора истинный взглядъ послѣдняго и его намѣренія относительно поляковъ. Переговоры же объ исключеніи Польши изъ состава европейскихъ державъ убѣждали Огинскаго, что Наполеонъ смотрѣлъ на поляковъ, какъ на хорошихъ воиновъ, но не считалъ ихъ способными къ самоуправленію. Графъ Огинскій сознавалъ, что императоръ французовъ покровительствуетъ національнымъ стремленіямъ поляковъ только потому, что можетъ пользоваться ихъ услугами, и думалъ, что скорѣе можно достигнуть успѣха съ помощью императора Александра, такъ сочувственно говорившаго съ нимъ о полякахъ.

22-го января 1811 года графъ М. Огинскій выѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ.

Узнавъ объ этомъ и опасаясь, чтобы Огинскій не былъ предпочтенъ ему, князь Чарторыйскій писалъ императору Александру [1]):

«Узнавъ, что г. Огинскій отправился въ Петербургъ, я считаю долгомъ предупредить ваше величество, что онъ не пользуется у насъ особымъ вліяніемъ и уваженіемъ. Его считаютъ легкомысленнымъ и непослѣдовательнымъ. Складъ его ума и нѣкоторыя обстоятельства его жизни создали ему эту репутацію. Если ваше величество приступите когда-нибудь къ осуществленію своего плана, то успѣхъ будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ выбора людей, коихъ ваше величество для этого употребите. Поэтому я считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ говорить объ этомъ съ вашимъ величествомъ всегда съ полною откровенностью. Особенно убѣдительно прошу ваше величество не упоминать въ разговорѣ съ г. Огинскимъ о вашей перепискѣ со мною, ибо я опасаюсь, чтобы молва объ этомъ, безъ всякаго злаго умысла съ его сто-

[1]) Въ письмѣ отъ 21-го марта (2-го апрѣля) 1811 г. Арх. Собственной Его Величества библіотеки, шкафъ 113, полка 4.

роны, не перешла изъ устъ въ уста, что̀ могло бы подвергнуть меня большой опасности».

Между тѣмъ, по пути къ Варшавѣ графъ Огинскій всюду видѣлъ военныя приготовленія и необычайное воодушевленіе поляковъ. Французскій посланникъ въ Дрезденѣ, Бургуэнь, увѣрялъ ихъ въ скоромъ возстановленіи Польши. «Я заранѣе предвидѣлъ,—пишетъ Огинскій въ своихъ запискахъ,—какъ обманутся они (поляки) въ своихъ ожиданіяхъ и какъ мало пожнутъ плодовъ отъ своихъ великодушныхъ усилій на жертву отчизны. Но могъ ли я осуждать ихъ? Я, отъ всего сердца раздѣлившій ихъ желанія увидѣть возстановленіе Польши? Мы только не сходились въ средствахъ и способахъ къ достиженію цѣли» [1]).

Графъ Огинскій сознавалъ, что для пользы дѣла полякамъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ усилить свою дѣятельность при русскомъ правительствѣ и искать возстановленія Польши подъ покровительственнымъ господствомъ императора Александра. «Но этотъ неуловимый императоръ,—говоритъ де-Мазадъ, біографъ князя А. Чарторыйскаго,—постоянно колебался между своими прежними идеями (относительно поляковъ) и русскихъ духомъ, который не могъ примириться съ мыслію объ отреченіи отъ западныхъ провинцій, хотя бы для того, чтобы образовать изъ нихъ, вмѣстѣ съ Польшей, одно государство подъ скипетромъ своего царя».

Рѣшаясь дѣйствовать и мало зная характеръ Александра, графъ Огинскій основывался на всеобщей молвѣ о великодушіи и прекрасномъ сердцѣ императора и на словахъ его воспитателя Лагарпа, говорившаго, что Александръ съ самыхъ юныхъ лѣтъ питаетъ симпатіи и сожалѣетъ объ участи Польши.

9-го (21-го) апрѣля графъ Огинскій пріѣхалъ въ Петербургъ, а 13-го (25-го) числа получилъ приглашеніе къ высочайшему столу. Послѣ обѣда Александръ разспрашивалъ его о политическомъ положеніи Европы. Графъ смѣло говорилъ императору о шаткости русской политики; о томъ, что Наполеонъ дѣлаетъ огромныя приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ и, опираясь, между прочимъ, на поляковъ, вторгнется въ Россію съ тѣмъ, чтобы разгромить ее, какъ единственное препятствіе къ осуществленію всемірной монархіи.

Не желая, чтобы подобные разсказы распространялись въ обществѣ, императоръ Александръ старался опровергнуть мнѣніе Огинскаго

— Я не раздѣляю вашего мнѣнія,—сказалъ государь ему,—чтобы Наполеонъ думалъ разгромить Россію, и полагаю, что у него достаточно разсудка, чтобы предвидѣть невозможность этого. Вѣрю, что Наполеонъ очень желаетъ объявить войну Россіи; но я, быть можетъ, единственный чело-

---

[1]) Графъ Михаилъ Огинскій. „Русскій Арх.“ 1874 г. Т. I, стр. 642.

вѣкъ такъ думающій, и въ Петербургѣ едва-ли кто допускаетъ это. Поэтому прошу васъ говорить объ этомъ только со мною и ни съ кѣмъ болѣе не быть откровеннымъ; всѣмъ же, кто станетъ разспрашивать васъ о пребываніи вашемъ въ Парижѣ, отвѣчайте уклончиво.

— Вы, однако, ничего не говорите о Польшѣ,—замѣтилъ съ улыбкою Александръ, желавшій возстановить разговоръ,—а между тѣмъ я убѣжденъ, что она составляетъ единственный предметъ вашихъ заботъ, и хотя, конечно, не опасаетесь за Россію, которая во всякомъ случаѣ съумѣетъ отстоять себя, но, безъ сомнѣнія, тревожитесь, чтобы отечество ваше не сдѣлалось поприщемъ военныхъ дѣйствій.

— Сознаюсь, государь,—отвѣчалъ Огинскій, — именно поэтому я и желалъ бы, чтобы ваши арміи двинулись черезъ герцогство Варшавское въ Пруссію. Въ такомъ случаѣ прусскія войска, вмѣсто того, чтобы подкрѣпить Наполеона, примкнули бы къ русскимъ, и если бы ваше величество въ то же время провозгласили бы себя польскимъ королемъ и обнадежили бы жителей герцогства Варшавскаго въ соединеніи ихъ съ литовцами, то пріобрѣли бы двѣнадцать милліоновъ вѣрныхъ поляковъ, готовыхъ на всякую жертву ради возстановленія своей отчизны. Но ваше величество высказали рѣшительное нежеланіе начинать войну, и я долженъ умолкнуть и отказаться отъ мысли осуществить мою прекрасную мечту.

— Почему же мечту?—возразилъ императоръ;—развѣ со временемъ этого не могло бы исполниться и безъ того, чтобы я первый началъ войну?

Касаясь поляковъ герцогства Варшавскаго, Александръ выражалъ участіе къ ихъ положенію, но не разсчитывалъ на ихъ сочувствіе къ Россіи.

— Въ настоящее время,—говорилъ онъ,—они наэлектризованы до восторженности обѣщаніемъ возсоздать ихъ королевство, а потому не время обращать ихъ на путь разсудительности.

— Что касается меня,—прибавилъ Александръ,—то я никогда не обѣщаю того, чего не могъ бы выполнить; но настанетъ время, когда поляки убѣдятся, какъ высоко цѣню я ихъ и какое участіе принимаю въ судьбѣ ихъ. На этотъ разъ я долженъ ограничиться лишь желаніемъ видѣть моихъ польскихъ подданныхъ счастливыми и довольными, и если вы можете дать мнѣ указанія къ осуществленію такихъ моихъ видовъ, то я съ удовольствіемъ займусь этимъ.

Пользуясь разрѣшеніемъ, графъ Огинскій тутъ же предложилъ образовать изъ сѣверо- и юго-западныхъ губерній [1]) особый округъ подъ

---

[1]) Гродненской, Виленской, Минской, Витебской, Могилевской, Кіевской, Подольской и Волынской.

названіемъ Великаго герцогства Литовскаго, поставивъ во главѣ его великую княгиню Екатерину Павловну.

— Мнѣ очень пріятно,—отвѣчалъ императоръ,—что наши мысли сходятся. Уже шесть мѣсяцевъ занимаюсь я дѣломъ въ этомъ духѣ... Какъ только трудъ мой будетъ оконченъ, я сообщу вамъ его, а между тѣмъ прикажу приглашать васъ каждый разъ, когда будутъ обсуждаемы дѣла, относящіяся къ предмету нашего теперешняго разговора и будьте увѣрены, безъ соглашенія съ вами не состоится ни одно рѣшеніе по этимъ дѣламъ.

Высказавъ нѣсколько возраженій на проектъ Огинскаго объ образованіи Великаго герцогства Литовскаго, императоръ поручилъ ему развить на бумагѣ подробно свой проектъ.

Сѣмя обнадеживанія было брошено, и Огинскій былъ въ восторгѣ. Приглашаемый два раза въ недѣлю къ обѣденному столу императора и имѣя съ нимъ разговоръ наединѣ о переустройствѣ западныхъ областей Россіи, Огинскій съ увлеченіемъ писалъ записку и 15-го мая 1811 г. явился съ нею во дворецъ.

Напомнивъ императору, что самъ Наполеонъ, всѣ французскія газеты, прокламаціи и рѣчи его агентовъ въ Варшавѣ открыто говорятъ, что императоръ французовъ намѣренъ объявить себя сторонникомъ независимаго существованія Польши,—графъ Огинскій вызывалъ русское правительство къ противодѣйствію этимъ слухамъ и намѣреніямъ Наполеона. Онъ совѣтовалъ императору Александру объявить себя немедленно королемъ Польши или по крайней мѣрѣ образовать Великое герцогство Литовское.

По его словамъ, Литва всегда составляла особенное самостоятельное владѣніе. «Жители Литвы искони отличались воинственнымъ духомъ, предпріимчивостью, ревнительностію къ своимъ правамъ, вѣрностью къ монархамъ, мужествомъ и любовію къ отечеству. Они всегда гордились своею народностью, и хотя и соединились съ Польшею, однако, сохранили свои обычаи, гражданскіе законы и мѣстное управленіе, свою армію, верховные суды, министровъ, государственныхъ сановниковъ и даже сеймъ, такъ какъ сеймы собирались попеременно въ Варшавѣ и Гроднѣ. Всѣ эти привилегіи были такъ дороги литовцамъ, что они не рѣшались разстаться съ ними, не смотря ни на какія условія и краснорѣчивыя убѣжденія многихъ государственныхъ дѣятелей»,

Графъ Огинскій увѣрялъ, что, не смотря на рѣзкій переходъ литовцевъ отъ независимости къ подчиненію, на злоупотребленіе администраціи и повсемѣстную бѣдность, литовцы никогда не измѣняли русскимъ монархамъ; что если имъ будутъ даны привилегіи, которыя они прежде имѣли, то не легко будетъ «проникнуть туда (въ Литву) какому бы то ни было иноземному вліянію».

«Даруя этимъ восьми губерніямъ,—писалъ Огинскій [1]),—сообразную съ мѣстными условіями и характеромъ жителей организацію и прекративъ вкравшіяся въ ихъ внутреннее управленіе злоупотребленія, ваше величество пріобрѣтете незыблемое право на ихъ признательность и образуете на западной границѣ вашей Имперіи оплотъ болѣе надежный, нежели всѣ расположенныя тамъ войска и крѣпости».

Разсчитывая на податливость и согласіе императора Александра, графъ Огинскій приложилъ къ своей запискѣ и «Проектъ указа о новой организаціи западныхъ губерній», въ которомъ управленіе Литовскимъ герцогствомъ ввѣрялось намѣстнику, имѣющему пребываніе въ главномъ городѣ, Вильнѣ. Онъ долженъ былъ имѣть свой дворъ и окружать себя возможною пышностью. При императорѣ должна была состоять особая литовская канцелярія; въ Вильнѣ долженъ быть совѣтъ, подраздѣленный на нѣсколько департаментовъ, и все судопроизводство производиться на основаніи Литовскаго статута; ибо литовское дворянство всегда считало этотъ статутъ за наилучшій кодексъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ. Дѣлопроизводство предполагалось вести на польскомъ языкѣ, не смотря на то, что бо́льшая часть населенія не знала его; послѣднею инстанціею для рѣшенія всѣхъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ долженъ быть верховный трибуналъ въ Вильнѣ.

Императоръ Александръ выслушалъ внимательно чтеніе записки, но какъ человѣкъ, обладавшій скрытнымъ и подозрительнымъ характеромъ, не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта и, отпуская графа Огинскаго, приказалъ передать записку М. Сперанскому и сказалъ, что воспользуется его мыслями и займется вмѣстѣ съ нимъ этимъ вопросомъ.

По разсмотрѣніи записки, М. Сперанскій писалъ 11-го іюня 1811 г императору Александру:

«Графъ Огинскій желалъ со мною видѣться прежде, нежели получилъ дозволеніе черезъ князя Любомирскаго явиться сегодня у вашего величества. Получивъ же сіе дозволеніе, разговоръ его со мною былъ уже безъ цѣли. Между тѣмъ въ довѣренности онъ мнѣ читалъ меморіалъ, который намѣренъ представить вашему величеству. Меморіалъ сей можно раздѣлить на двѣ части: въ первой довольно пространно и безполезно доказывается та истина, слишкомъ извѣстная, что Наполеонъ мыслитъ о возстановленіи Польши, и что нельзя намъ считать на невѣрность къ нему варшавскаго войска. Во второй довольно смѣшанно предлагаются прежніе виды объ отдѣльномъ управленіи Литовскаго княжества, объ установленіи въ немъ генералъ-губернаторства и по томъ о разныхъ выгодахъ, кои нынѣ же всѣмъ вообще польскимъ про-

[1]) „Русскій Арх.“ 1874 г. Т. I, стр. 657.

винціямъ даровать можно, какъ-то уравнять ихъ въ податяхъ съ россійскими и тому подобное.

«Кажется, меморіалъ сей ни въ чемъ не можетъ перемѣнить прежнихъ мыслей вашего величества, чтобъ, не вдаваясь въ даль, начать тѣмъ, чтобъ учредить здѣсь комитетъ изъ лучшихъ польскихъ дворянъ, подъ предлогомъ жалобъ на неуравнительность повинностей. По повелѣнію вашему у меня изготовляются уже нужныя къ сему бумаги. Трудность состоитъ въ томъ, какъ составить сей комитетъ, выборомъ ли дворянства на мѣстахъ, или непосредственнымъ назначеніемъ здѣсь. Первый способъ продолжителенъ и слишкомъ громокъ. Второй кажется удобнѣе. Хотя ничего не говорилъ я Огинскому о семъ комитетѣ, но изъ словъ его заключаю, что и онъ о семъ помышляетъ, въ томъ предположеніи, когда первый его проектъ не удастся. Для сего изготовилъ онъ уже списокъ людей примѣчательныхъ. Сообразивъ сей списокъ съ тѣмъ, который доставленъ былъ отъ Северина Потоцкаго, кажется, легко будетъ сдѣлать хорошій выборъ. Предсѣдателемъ сего комитета полезно бы было назначить графа Завадовскаго, не смотря на его отсутствіе. Поляки его уважаютъ и любятъ, а для нашихъ было бы сіе полезно тѣмъ, что преградило бы разные о семъ комитетѣ толки. Членамъ сего комитета, здѣсь на лицо состоящимъ, какъ-то: Огинскому, Любецкому, Стройновскому и Платеру, можно бы было нынѣ же, и прежде, нежели другіе соберутся и графъ Завадовскій возвратится, поручить заняться предварительными соображеніями, дабы тѣмъ дать заботливости ихъ полезное упражненіе и основать скорѣе ихъ надежды.

«Князь Любомирскій и Огинскій оба говорили, что нужно распространить на всѣ польскія губернія правило, принятое для Виленской, чтобъ выборы дворянскіе производить не общимъ собраніемъ всего дворянства, но посредствомъ делегатовъ, избранныхъ по уѣздамъ. Мысль сія кажется весьма основательна, и въ первый разъ я буду имѣть счастіе представить о семъ проектъ указа» [1]).

Не о дѣйствительномъ осуществленіи проекта Огинскаго думалъ тогда императоръ Александръ, но о томъ, чтобы возбудить надежды въ польскомъ населеніи западныхъ губерній и привлечь его на свою сторону. Въ виду этого онъ говорилъ, что мысли Огинскаго сходятся въ бо́льшей части съ его собственными планами и предначертаніями. Для бо́льшаго же усиленія впечатлѣнія Александръ, въ сентябрѣ 1811 года, пригласилъ къ себѣ Огинскаго и сказалъ ему:

— Я слышалъ, что вы ѣдете въ Литву; скажите вашимъ землякамъ, что я думаю о нихъ, что я занимаюсь ихъ судьбою, желаю улучшить

[1]) Сбор. Соб. Его Величества канцеляріи, т. I, стр. 215—217.

ее, и мнѣ, быть можетъ, скоро представится случай доказать имъ это; я разсчитываю на ихъ преданность и требую отъ нихъ довѣрія.

— Государь! Могу ли я,—спрашивалъ Огинскій,—передать моимъ землякамъ увѣреніе въ покровительствѣ и благоволеніи вашего величества, не пробудивъ въ нихъ новыхъ надеждъ, такъ какъ если я стану говорить имъ отъ моего имени, они мнѣ не повѣрятъ; отъ имени же вашего величества не смѣю говорить иначе, какъ въ самыхъ ясныхъ и опредѣлительныхъ выраженіяхъ... А между тѣмъ ваше величество, какъ полагаю, сами еще въ нерѣшимости по этому предмету...

— Какъ въ нерѣшимости?—прервалъ его императоръ,—одно изъ двухъ: или, въ случаѣ войны, я образую Польское королевство въ такой же связи съ Россійскою имперіею, какъ Венгрія и Богемія съ Австріею, или же, если войны не будетъ, приведу въ исполненіе наш ъ великій планъ относительно Литвы.

Въ ноябрѣ 1811 года, виленскій губернскій и уѣздные предводители дворянства прислали Огинскому подписанный ими всеподданнѣйшій благодарственный адресъ, за финансовыя облегченія Виленской губерніи. Адресъ былъ написанъ на польскомъ языкѣ, и потому графъ Огинскій перевелъ его на русскій и представилъ императору. 8-го декабря онъ получилъ отъ Александра слѣдующій собственноручный рескриптъ:

«Посылаю вамъ, г. графъ, отвѣтъ на присланное мнѣ вами письмо отъ имени виленскаго дворянства. Вмѣсто того чтобы подписать его по-французски, я считаю соотвѣтственнѣе написать его на польскомъ языкѣ. Прошу васъ, поэтому, принять на себя трудъ перевести его тотчасъ и прислать къ моей подписи. Черезъ нѣсколько дней покажу вамъ новый трудъ въ довершеніе того, которымъ мы занимались».

Отвѣтъ виленскому дворянству, который поручено было перевести, былъ слѣдующій:

«Господинъ сенаторъ графъ Огинскій. Я всегда дорожилъ чувствами, воодушевляющими жителей Литвы, и съ истиннымъ удовольствіемъ принимаю новое доказательство ихъ благодарности.

«Все сдѣланное мною для нихъ до сего времени да будетъ залогомъ моихъ твердыхъ и неуклонныхъ намѣреній къ ихъ благу.

«Мнѣ пріятно видѣть въ васъ органъ для передачи моихъ настоящихъ увѣреній».

На слѣдующій день, 9-го декабря, польскій рескриптъ на имя виленскаго дворянства былъ подписанъ. Онъ былъ единственнымъ документомъ, подписаннымъ императоромъ на польскомъ языкѣ, и несомнѣнно произвелъ бы громадное впечатлѣніе, если бы въ промежутокъ этого времени не произошли обстоятельства, охлаждающія его значеніе.

Въ концѣ того же ноября отношенія между Россіей и Франціею

выяснились на столько, что въ Петербургѣ никто не сомнѣвался въ неизбѣжности войны. Встрѣтившись съ Огинскимъ, императоръ Александръ высказалъ ему опасеніе, что едва-ли до войны ему удастся произвести желаемыя преобразованія.

— Мнѣ только жаль,—сказалъ онъ,—что у насъ не будетъ времени привести въ исполненіе нашъ планъ относительно Литвы. Но теперь уже нечего думать объ административныхъ мѣрахъ и организаціи нашихъ восьми губерній, а надо позаботиться объ усиленіи средствъ къ защитѣ. Поэтому прошу васъ объяснить мнѣ виды ваши относительно военныхъ средствъ, которыя соотечественники ваши, въ подвластныхъ мнѣ губерніяхъ, могутъ теперь предоставить въ мое распоряженіе.

Эти слова разрушили всѣ надежды Огинскаго, но, исполняя приказаніе, онъ 1-го декабря подалъ новую записку императору. Предоставляя людямъ болѣе опытнымъ выработать планъ организаціи литовской арміи, Огинскій говорилъ, что его можно осуществить съ пользою только тогда, когда ему будетъ предшествовать организація западныхъ губерній.

«Не въ имени, конечно,—писалъ онъ [1]),—истинное счастіе людей, принадлежащихъ къ какой бы то ни было народности. Силою вѣковыхъ переворотовъ, въ Европѣ дотого перепутаны судьбы народовъ и названія земель, что найдутся милліоны людей, не вѣдающихъ своего дѣйствительнаго отечества. И однако же слово о т е ч е с т в о несомнѣнно существуетъ. Съ древнѣйшихъ временъ оно составляетъ любимую идею истинныхъ мужей страны. Есть въ немъ какая-то обаятельная прелесть для всѣхъ, кому дороги честь и добродѣтель. Оно призывной лозунгъ всѣхъ народовъ, испытавшихъ порабощеніе, и никакая человѣческая сила не смогла заглушить его въ длинномъ ряду поколѣній».

Въ такомъ положеніи, по мнѣнію Огинскаго, находятся поляки, имѣющіе основательныя причины желать возстановленія ихъ древняго отечества. Раздѣленные между тремя государствами, они несутъ разнообразное чужеземное иго. Въ Австріи полякамъ достались чуждый языкъ, тяжкіе налоги, непривычное судопроизводство и насилованіе старинныхъ обычаевъ. Въ Пруссіи всѣ административные должности заняты нѣмецкими чиновниками; достались тяжелыя формы дѣлопроизводства на нѣмецкомъ языкѣ, издѣвательства, неспособность и вымогательство чиновниковъ. Только въ Россіи,—говорилъ Огинскій [2]),—положеніе поляковъ несравненно лучше, и «благодаря сходству языка, обычаевъ, привычекъ, наклонностей и потребностей судьба ихъ не столь тягостна. Налоги не увеличены, дворянство сохранило свои преимущества, судопроизводство

---

[1]) Графъ М. Огинскій и его отношенія къ императору Александру. „Русскій Архивъ“ 1874 г. Т. I, стр. 672.

[2]) Тамъ же, стр. 673.

почти не измѣнилось; свободный выборъ чиновниковъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, назначаемыхъ отъ правительства, оставленъ на прежнемъ основаніи. Однимъ словомъ, состоящіе подъ владычествомъ Россіи поляки, и именно дворяне, имѣютъ много основаній предпочитать свой бытъ условіямъ, въ которыя поставлены соотечественники ихъ въ Австріи и Пруссіи.

«Но какъ, съ другой стороны, изгладить старинныя воспоминанія? Какимъ образомъ заставить забыть деспотическое господство въ Польшѣ русскихъ пословъ, конфедераціи и вызванныя ими междоусобицы, личныя преслѣдованія, разореніе земельной собственности, гибель и униженіе множества семействъ.

«Разсудительные люди, не относя всѣхъ этихъ дѣйствій къ русскому правительству, слагали вину ихъ собственно на чиновниковъ. Тѣмъ не менѣе, однако, зло было велико и глубоко чувствовалось. Даже и послѣ окончательнаго паденія Польши, какъ мало чиновниковъ оправдало виды правительства! Какъ многіе изъ нихъ, взирая на поляковъ какъ на мятежниковъ и революціонеровъ, отказывали имъ въ томъ покровительствѣ, какимъ пользуются всѣ другіе подданные Имперіи».

Этимъ путемъ развивалось неудовольствіе въ народѣ, и Огинскій приписываетъ его дѣйствіямъ мелкаго чиновничества, представлявшаго поляковъ народомъ безпокойнымъ, которымъ трудно управлять по малой преданности его къ русскимъ монархамъ. Но единственнымъ недугомъ этого народа было желаніе носить имя поляковъ и если,—прибавлялъ Огинскій,—«ваше величество призовете ихъ къ дѣятельности, они будутъ первыми орудіями вашей славы и преданнѣйшими вамъ подданными. Наполеонъ льститъ ихъ надеждами, и они видятъ въ немъ обновителя своего отечества».

— Обратите, государь,—говорилъ Огинскій,—то же самое оружіе противъ Наполеона, и вы увидите, какою силою подкрѣпятъ васъ ихъ преданность и одушевленіе, внушаемыя къ тому же вашими личными качествами.

Но для этого надо было дѣйствовать скоро и рѣшительно. По мнѣнію графа, въ виду близкаго разрыва Россіи съ Франціею и обѣщаній Наполеона, одного образованія великаго герцогства Литовскаго будетъ уже недостаточно, и мѣра эта не поведетъ за собою тѣхъ великихъ послѣдствій, какихъ можно было ожидать въ мирное время. Она не пробудитъ всеобщаго энтузіазма, ибо какъ бы велики ни были выгоды, предоставленныя Литвѣ, онѣ не могутъ идти въ сравненіе съ мыслію о возстановленіи всей Польши.

— Съ того момента,—говорилъ графъ Огинскій,—какъ Наполеонъ изберетъ или провозгласитъ польскаго короля, если только ему удастся предупредить въ этомъ ваше величество, рушатся всѣ радостныя впеча-

тлѣнія, какія вызвала бы организація Литвы. При увѣренности въ войнѣ, организація Литвы была бы уже мѣрою политическою; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что для Россіи было бы гораздо выгоднѣе сдѣлать изъ Литовскаго герцогства Польшу, и вашему величеству провозгласить себя польскимъ королемъ, и стать въ положеніе, которое присвоивалъ себѣ Наполеонъ.

Огинскій предлагалъ теперь объявить всѣ восемь губерній Польскимъ королевствомъ, издать манифестъ, въ которомъ было бы выражено положительное обѣщаніе даровать королевству впослѣдствіи конституцію 3-го мая столь дорогую полякамъ. Но и этотъ планъ онъ считалъ полумѣрой и находилъ, что впослѣдствіи необходимо будетъ установить тѣсную связь между западными губерніями, Варшавскимъ герцогствомъ и Галиціей. Такимъ образомъ сначала шла рѣчь объ отдѣльной политической и административной организаціи западныхъ губерній, а теперь заявлялось требованіе объявить ихъ, со включеніемъ Кіева, краемъ польскимъ и мирнымъ путемъ возстановить Польшу въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ была она въ концѣ XVIII вѣка.

— Возстановленіе Польши въ томъ видѣ, въ какомъ вы предполагаете,—отвѣчалъ Александръ графу Огинскому,—не противорѣчитъ интересамъ Россіи; это значитъ не отчуждать завоеванныя провинціи, но сдѣлать изъ нихъ, напротивъ, могущественный оплотъ для Имперіи и привязать къ интересамъ Россіи милліоны жителей, которые не могутъ еще забыть о прежнемъ своемъ существованіи. Что касается титула, то почему не наименовать мнѣ себя польскимъ королемъ, если это пріятно жителямъ. Но во всякомъ случаѣ надо подождать развитія событій. Въ настоящее время я получилъ болѣе успокоительныя извѣстія, подающія нѣкоторую надежду, что, быть можетъ, дѣло не дойдетъ до открытаго разрыва съ Наполеономъ. На всякій случай, однако, я желаю, чтобы вы указали мнѣ тѣхъ изъ вашихъ соотечественниковъ, которымъ могъ бы я довѣрить изготовленіе плана организаціи восьми губерній, изъ которыхъ должна состоять Литва или Польша. Я желаю по одному изъ каждой губерніи.

Огинскій назвалъ этихъ лицъ, императоръ одобрилъ ихъ и присовокупилъ, что сдѣлаетъ распоряженіе о скорѣйшемъ по возможности вызовѣ депутатовъ [1]).

Между тѣмъ слухъ о намѣреніяхъ Александра образовать Литовское герцогство быстро распространился и дошелъ до кн. Чарторыйскаго, который съ нѣкоторой завистью писалъ императору [2]):

«До меня дошли разные слухи касательно предполагаемаго намѣ-

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1874 г. Т. I, стр. 682.

[2]) Въ письмѣ отъ 25-го января (6-го февраля) 1812 г. Сенява въ Галиціи.

ренія вашего величества создать Великое княжество Литовское и даровать этому новому государству (état) всѣ преимущества, которыя могутъ сдѣлать дальнѣйшую его участь гораздо завиднѣе участи герцогства Варшавскаго.

«Такъ какъ эти слухи все болѣе и болѣе подтверждаются, то я осмѣлился употребить одинъ изъ паспортовъ, который вы соблаговолили дать мнѣ, чтобы вызвать сюда одного изъ моихъ пріятелей, который писалъ мнѣ въ восторженныхъ выраженіяхъ о планахъ, приписываемыхъ вашему величеству. Но онъ сообщилъ мнѣ весьма мало новаго, передавъ мнѣ только одни слухи и предположенія.

«Между тѣмъ, эти слухи, при всей ихъ туманности, были приняты съ восторгомъ и признательностію не только въ провинціяхъ подвластныхъ вашему величеству; но они произвели еще бо́льшее впечатлѣніе въ герцогствѣ Варшавскомъ, гдѣ народъ очень страдаетъ и желаетъ развязки, которая выяснила бы совершенно опредѣленно дальнѣйшую судьбу страны.

«Ваше величество оказали бы мнѣ особенную милость, разъяснивъ въ нѣсколькихъ словахъ вышеупомянутые слухи. Если эта просьба покажется вашему величеству неумѣстною, то соблаговолите простить мнѣ это, во вниманіе къ руководящему мною при этомъ побужденію, которое вызвано столько же искреннимъ желаніемъ блага моей странѣ сколько и моей преданностію къ особѣ вашего величества».

Императоръ Александръ не желалъ однако же ни входить въ подробности, ни разъяснять истинныя свои намѣренія. Онъ оставилъ безъ отвѣта князя Чарторыйскаго и не вызывалъ депутатовъ изъ губерній. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ только кокетничалъ съ поляками и, какъ русскій императоръ, не имѣлъ возможности привести въ исполненіе свои обѣщанія.

Если, въ виду предстоявшаго разрыва съ Наполеономъ, было опасно имѣть враговъ въ лицѣ дворянства западныхъ губерній, то еще опаснѣе было наканунѣ войнѣ оскорблять Россію отдѣленіемъ отъ нея этихъ губерній и признаніемъ ихъ польскими. Какъ бы ни сочувствовалъ Александръ полякамъ, онъ все-таки долженъ былъ сознать, что поступокъ этотъ нанесъ бы страшный ударъ всѣмъ русскимъ, отцы и братья которыхъ проливали свою кровь за возвращеніе провинцій, издревле принадлежавшихъ Россіи и съ русскимъ населеніемъ. Хотя общественное мнѣніе проявлялось тогда весьма слабо, но все-таки вокругъ императора раздавались голоса, указывавшіе на несбыточность подобнаго плана. Въ числѣ такихъ лицъ были Карамзинъ и Сперанскій. «Дѣла польскія,—писалъ послѣдній императору Александру [1]),—могутъ озаботить

[1]) Въ собственноручной запискѣ отъ 11-го марта 1811 г.

насъ наипаче въ томъ предположеніи, когда возстановится Польское королевство.

«Для сего: 1) должно намъ сколь можно болѣе удостовѣриться въ намѣреніяхъ Франціи. Въ Вѣнѣ и въ Парижѣ можетъ быть нуженъ лучшій дипломатическій надзоръ. 2) Показать рѣшительную твердость, что не токмо по видамъ пользы, но по совершенной необходимости, мы принуждены удерживать прежнія наши положенія во всей ихъ силѣ. Податливость и снисхожденіе тутъ могутъ только поощрить предпріимчивость Наполеона».

Въ виду этого, императору Александру приходилось льстить полякамъ, ограничиваться одними обѣщаніями и поддерживать ихъ надежды на возможность возстановленія Польши. Онъ выслушивалъ предложенія гр. Огинскаго и просьбы князя Чарторыйскаго, давалъ обѣщанія тому и другому, но въ дѣйствительности не сдѣлалъ ни одного рѣшительнаго шага. Поляки потеряли вѣру въ русскаго императора.

Будущее никому неизвѣстно; люди, общество и цѣлыя государства живутъ настоящимъ и прошедшимъ, являющимся какъ опытъ. Прошедшее говорило полякамъ, что Наполеонъ образовалъ сначала герцогство Варшавское и потомъ расширилъ его территорію и увеличилъ его народонаселеніе, а императоръ Александръ давалъ только обѣщанія, дѣлалъ намеки, велъ переговоры и, съ осложненіемъ политической обстановки, прямо высказалъ графу Огинскому, что теперь не время приступать къ какимъ-либо преобразованіямъ. Послѣ характеристики, сдѣланной княземъ Чарторыйскимъ графу Огинскому, Александръ не считалъ уже возможнымъ вести съ нимъ серьезные переговоры и открываться ему. Императоръ принималъ его проекты, обсуждалъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ, но далѣе этого не шелъ. На чью же сторону должны были клониться всѣ симпатіи поляковъ? Отъ кого они могли ожидать дѣйствительнаго возстановленія Польши и дарованія ей самобытности? Въ этомъ случаѣ имъ не было выбора, и въ ихъ глазахъ только одинъ Наполеонъ могъ быть творцомъ ихъ счастія. Съ его разрѣшенія образовывались конфедераціи въ герцогствѣ Варшавскомъ, собирались сеймы, на которыхъ произносились патріотическія зажигательныя рѣчи, обсуждались и рѣшались вопросы до нѣкоторой степени самостоятельнаго государства. Варшавское герцогство привлекало теперь вниманіе всѣхъ поляковъ, находившихся подъ властію Пруссіи, Австріи и Россіи; всѣ они зорко слѣдили за тѣмъ, что происходило въ Варшавѣ.

Тамъ кн. Понятовскій старался возбудить энтузіазмъ въ своихъ солдатахъ. На смотрахъ онъ привѣтствовалъ ихъ громкими фразами, говорилъ имъ, что они—отрасли того самаго народа, отъ котораго въ древнія времена дрожалъ весь свѣтъ; хвалилъ ихъ дѣйствія и храбрость

25187
Журнальный отдел
Московской обл. библиотеки

въ послѣднюю войну съ австрійцами; давалъ балы и обѣды своимъ офицерамъ, проповѣдывавшимъ то же самое. Словомъ сказать, энтузіазмъ поляковъ былъ возбужденъ на столько, что французскому министру въ Варшавѣ, по его собственному признанію, нужно было умѣрять его порывы и стараться предупреждать только отклоненіе этого патріотизма отъ прямаго пути—патріотизма, столь выгоднаго и согласнаго съ интересами Франціи. Биньонъ, окруженный множествомъ агентовъ и снабженный деньгами, успѣлъ достигнуть того, что поляки вѣрили въ расположеніе Наполеона къ польской націи и твердили вмѣстѣ съ поэтомъ:

Francya winna Ci szczęście, kray Wloski znaczenie,
Państwa Rzeszy byt pewny, Polska wybawienie.
Ląd u calego odglos ten się dziś urodzil,
Co zuchwalych ukorzyl, slabych oswobodzil.

(Франція тебѣ (Наполеону) одолжена счастіемъ, Италія—могуществомъ, Германскій союзъ—упроченнымъ состояніемъ, Польша—освобожденіемъ. Вся твердь единогласно восклицаетъ: сегодня родился тотъ, который дерзкихъ и надменныхъ унизилъ, а слабыхъ освободилъ).

Ten kometa na niebie w Europie się ziawil,
Za nim przyszedl co Litwę z nicosci wybawil.
To jest promień, co lodów stapiaiąe okowy—
Wraca martwym roslinom życie i wzrost zdrowy.
Przezeń Bóg nowe Króli osadza na Tronie,
Sprawiedliwy, wszechmocny Bóg w Napoleonie.

(Эта комета явилась въ Европѣ на небѣ, а за нею пришелъ тотъ, который Литву извлекъ изъ ничтожества. Вотъ божественный лучъ, разрушающій ледяныя оковы и возвращающій растеніямъ жизнь и здоровье. Богъ его десницею новыхъ королей возводитъ на престолы, справедливый всемогущій Богъ, проявляющійся въ Наполеонѣ).

Поляки аристократическаго строя съ нетерпѣніемъ ожидали развязки. Въ каждомъ домѣ, причислявшемъ себя къ числу двигателей вопроса о возстановленіи Польши, можно было встрѣтить портретъ Наполеона.

«На походѣ случалось намъ,—пишетъ одинъ изъ участниковъ Отечественной войны [1]),—останавливаться для квартированія въ фольваркахъ у помѣщиковъ. Почти въ каждомъ домѣ были портреты Наполеона.

«Въ такомъ случаѣ панья (хозяйка), замѣчая наше вниманіе къ портрету, разсказывала, что Наполеонъ великій (великій) самъ себя называлъ незграбнымъ (неловкимъ, некрасивымъ) французомъ, але голова его мосце добродзею,—прибавляла она съ значи-

[1]) Походныя записки артиллериста, стр. 289 и 290.

тельнымъ тономъ, качая своею головою и давая черезъ то уразумѣть остальное».

Многіе поляки дошли до совершенной экзальтаціи. Предстоящая война, возбуждая ихъ надежду, не представляла ничего страшнаго: никто не думалъ ни объ опасностяхъ, ни о лишеніяхъ.

Дамы распредѣляли между собою полки, для которыхъ должны были приготовлять корпію и бинты, для перевязки раненыхъ.

«Въ продолженіе четырехъ или пяти мѣсяцевъ, предшествовавшихъ войнѣ, во всѣхъ домахъ можно было видѣть круглый столъ, вокругъ котораго деликатныя ручки, отбросивъ всѣ остальныя работы, занимались приготовленіемъ, по розданнымъ моделямъ и образцамъ, различныхъ формъ бандажей и принадлежностей для перевязки ранъ, дѣлаемыхъ или саблею, или огнестрѣльнымъ оружіемъ» [1]).

Если съ одной стороны образованный и господствующій классъ и патріоты были настолько возбуждены, что готовы были жертвовать всѣмъ въ пользу Наполеона, то съ другой стороны остальное, преимущественно земледѣльческое населеніе было далеко недовольно и тяготилось различнаго рода поборами и своеволіемъ войскъ.

Смотря на Варшавское герцогство какъ на свое созданіе и какъ на обширный военный лагерь на границахъ Россіи, Наполеонъ не стѣснялся съ поляками и высасывалъ изъ жителей послѣдніе соки, требовалъ отъ нихъ чрезвычайныхъ напряженій. Онъ приказалъ увеличить польскую армію до 60.000 человѣкъ [2]), переписать всѣхъ лошадей, изъ которыхъ нѣсколько тысячъ было отобрано у частныхъ лицъ въ счетъ недоимокъ и съ обѣщаніемъ уплаты, никогда не возвращенной. По распоряженію императора Франціи, 20.000 земледѣльцевъ работали на литейныхъ и оружейныхъ заводахъ и черезъ то лишились доходовъ отъ своихъ полей, дурно обработанныхъ. Съ тѣхъ же жителей производили сборы съѣстныхъ припасовъ и фуражъ безплатно. Содержаніе войскъ, постройка новыхъ литейныхъ заводовъ и арсеналовъ, работы

---

[1]) Bignon. Histoire de France. II, 467.

[2]) Военныя силы Варшавскаго герцогства составились: 1) изъ легіоновъ, въ Италіи бывшихъ; 2) конскриціи и 3) изъ бѣглецовъ австрійскихъ и поляковъ польскихъ провинцій. Къ нимъ были прикомандированы французскіе офицеры. Солдаты были хорошо одѣты, содержались въ довольствѣ, строго и съ „большою пышностью“ обучались. „Но вообще замѣчено, что никакъ не можетъ правительство согласить ихъ съ французскими войсками, кои поютъ разныя оскорбительныя для нихъ пѣсни и называютъ ихъ мужиками, которые не умѣли спасти своего отечества. Замѣчено также, что, при всякомъ успѣхѣ во французскихъ дѣлахъ, самому герцогству даютъ чувствовать, что оно есть завоеванная провинція, что чрезвычайно оскорбляетъ всѣ состоянія“. (Записка, поданная М. М. Сперанскимъ императору Александру).

*

на нихъ истощили казначейство и повели къ истребленію государственныхъ лѣсовъ. Цѣны на всѣ сельскія произведенія упали вслѣдствіе дороговизны денегъ. Для покрытія усиленныхъ расходовъ на военныя потребности, Наполеонъ приказалъ сдѣлать за счетъ герцогства заемъ въ 12 милліоновъ, еще болѣе разорившій населеніе.

«Мнѣ показалось при въѣздѣ въ первыя польскія деревни,—пишетъ Михайловскій-Данилевскій [1]),—что я очутился въ жилищѣ дикихъ. Варшава уподоблялась крѣпости, находившейся въ осадѣ; въ ней видны были одни солдаты и ученья; всюду раздавался барабанный бой. Приготовлялись къ нашествію на Россію. Наполеонъ успѣлъ обратить Польшу въ военный лагерь».

Всеобщая нищета, безпорядки въ администраціи, разногласіе во мнѣніяхъ—вотъ состояніе, въ какомъ находилось герцогство Варшавское. Какъ городскіе жители, такъ и земледѣльцы стонали подъ тяжестію налоговъ, говорили, что работаютъ единственно для содержанія многочисленныхъ войскъ, цифрою своею превышавшихъ средства страны. Многіе владѣльцы добровольно отдали свои имѣнія въ управленіе правительству, потому что доходовъ съ нихъ не хватало на уплату податей.

Тѣ же, которые оставили имѣнія за собою, заискивали расположеніе крестьянъ, устраивали для нихъ обѣды, кормили на свой счетъ; словомъ, ухаживали за ними. Молодые люди болѣе изъ нужды, чѣмъ изъ истинной любви къ отечеству, поступали въ войска; между властями царствовала раздѣльность: однѣ были увлечены возрожденіемъ отечества, а другія—собственною корыстью и наживою. По словамъ одной современной польской записки [2]), самое большое число мѣстъ занималось голышами, перекрестами и людьми самыми безнравственными; не мало было и такихъ, которые прямо изъ тюрьмы заняли лучшія правительственныя мѣста. Они не останавливались въ выборѣ средствъ, грабили населеніе, и землевладѣльцы пришли въ крайнюю бѣдность.

Тяжело жилось въ герцогствѣ, и въ Варшавѣ появились, ходившіе по рукамъ, стихи подъ заглавіемъ: «Изображеніе герцогства Варшавскаго», въ которыхъ въ подстрочномъ переводѣ на русскій языкъ говорилось:

Въ княжествѣ (герцогствѣ) царствуетъ король-нѣмецъ [3])
А полякъ въ отечествѣ своемъ чужеземецъ.
Солдатъ польскій, а гульденъ прусскій;
Правленіе, законы и кодексъ французскій.

---

[1]) Проѣзжавшій черезъ Польшу въ іюнѣ 1811 г. „Русская Старина“ 1891 г. № 9, стр. 486.

[2]) См. Отечественная война 1812 г. Изданіе Военно-ученаго комитета Главнаго Штаба 1902 г., т. III, стр. 126—128.

[3]) Король саксонскій.

Большая въ отечествѣ мѣшанина
И каждый день иная новина.
Имѣнія отъ всѣхъ отобрали,
Дворянъ въ рекруты записали.
Жиды, крестьяне и мѣщане
Въ одномъ съ дворянами станѣ.
Пахарь свободенъ, но только голый;
Солдатъ безъ жалованья, но веселый.
По принужденію чужіе края измѣряетъ,
Въ чужомъ дѣлѣ жизнь теряетъ.
А въ правленіи—Серра глава,
Чиновниковъ нѣсть числа.—
Нашъ чиновникъ не крушится,
Что съ тьмою народа бранится;
Но казна довольно его награждаетъ,
За то, что онъ свою братью угнетаетъ:
Деретъ, грабитъ всѣхъ безъ мѣры,
Чтобы войску дать мундиры.—
Какое непонятное заблужденіе!
Совершенное торговли пресѣченіе.—
И остатки старины отнять
Умѣлъ Бонапарте способъ дать.
Миряне, духовенство притворствуютъ очень живо
И кричатъ, все счастливо:
Польша возобновлена отъ Наполеона [1]).

Не смотря на всѣ старанія отыскать сочинителя этихъ стиховъ, его не удалось найти. Казалось бы, что подобное положеніе дѣлъ должно было отклонить поляковъ отъ Наполеона, но мысль о возможности возстановленія отечества была такъ сильна, что вызывала совершенно обратное толкованіе поступковъ французскаго императора. Вотъ, что писалъ императору Александру, увлеченный тою же идеею возстановленія Польши, графъ Огинскій [2]):

«И въ публичныхъ рѣчахъ на сеймѣ въ Варшавѣ, и въ приказахъ по войскамъ герцогства Варшавскаго непрерывно повторяются выраженія признательности Наполеону, воскресителю Польши, постоянно заботящемуся о счастьѣ польскаго народа. Столь же открыто и положительно говорится объ его великодушныхъ намѣреніяхъ относительно Польши и въ распространяемыхъ по всей Европѣ печатныхъ сочиненіяхъ,—чего, конечно, не могло бы быть безъ формальнаго разрѣшенія французскаго правительства, или, по крайней мѣрѣ, безъ его тайнаго согласія. Минуя, наконецъ, надежды, вызываемыя учрежденіемъ герцогства Варшавскаго, укажу на недавнее умноженіе польской арміи до

[1]) Стихи эти приложены къ донесенію дѣйст. ст. совѣт. Кржижановскаго министру полиціи отъ 26-го августа 1811 г. № 9.

[2]) Въ запискѣ 15-го мая 1811 г. „Рус. Арх.“ 1874 г. Т. I, стр. 652.

60.000, на формированіе національной гвардіи въ герцогствѣ Варшавскомъ, но новую реквизицію лошадей для польской артиллеріи, на отправку въ послѣднее время 200 пушекъ и 40.000 рублей въ Варшаву, на сдѣланный по приказанію Наполеона заемъ въ 12.000.000 за счетъ герцогства Варшавскаго. Все это факты, которые должны были возбудить энтузіазмъ и надежды поляковъ.

«Такова сила обаянія Наполеона, таковы искусства, увлекательность и могущество средствъ, которыми онъ дѣйствуетъ на поляковъ, что они и до сихъ поръ еще убѣждены въ возстановленіи Польши, какъ необходимаго для Франціи оплота противъ Россіи.

«Вѣра ихъ въ него такъ велика, что, не смотря ни на тяжесть налоговъ и крутые пріемы ихъ взиманія, ни на непрерывные наборы и множество стѣснительныхъ нововведеній, они терпѣливо выносятъ гнетъ руки, отъ которой все же ждутъ возврата отчизны.

«Было бы ошибочно сомнѣваться въ преданности Наполеону арміи герцогства Варшавскаго, или вѣрить въ возможность отвратить ее отъ него при настоящихъ обстоятельствахъ; или же, наконецъ, допустить, чтобы вызываемое повсемѣстною бѣдностью и стѣснительными мѣрами Наполеона неудовольствіе жителей герцогства Варшавскаго могло ослабить ихъ патріотическое настроеніе и разочаровать ихъ надежды. Пока Наполеонъ будетъ расточать полякамъ лицемѣрныя обѣщанія и льстить ихъ патріотизму, а съ другой стороны Россія не выйдетъ изъ нынѣшняго апатичнаго бездѣйствія,—энтузіазмъ и надежды поляковъ будутъ все болѣе рости и развиваться».

При такихъ условіяхъ 6-го декабря 1811 года былъ созванъ въ Варшавѣ сеймъ, имѣвшій огромное значеніе на умы поляковъ.

На сеймѣ собралось все лучшее населеніе Варшавскаго герцогства, говорило и спорило въ теченіе пятнадцати дней. Выслушавъ отчетъ министра финансовъ о печальномъ положеніи казны, сеймъ все-таки прежде всего обратилъ вниманіе на устройство войскъ. Желающихъ поступить въ его ряды было много, но чувствовался значительный недостатокъ въ деньгахъ, необходимыхъ на обмундированіе, продовольствіе и вооруженіе солдатъ. Самъ саксонскій король въ разговорѣ своемъ съ барономъ Биньономъ какъ нельзя лучше охарактеризовалъ средства поляковъ, сказавъ, что у Польши какъ изъ земли выростаютъ солдаты и крѣпости, но жаль, что въ ней не ростутъ такимъ же образомъ деньги. Денегъ не давалъ полякамъ и Наполеонъ, по распоряженію котораго производились вооруженія. Онъ поскупился даже и тогда, когда Биньонъ донесъ ему, что большой смотръ войскъ отложенъ и не состоялся потому, что у солдатъ не было сапоговъ. Французскій императоръ требовалъ только вооруженія и заготовленія запасовъ продовольствія. Запасы эти запрещено было расходовать для мѣстныхъ

польскихъ войскъ, получавшихъ свое довольствіе отъ особыхъ подрядчиковъ. Все это принудило сеймъ увеличить налоги по многимъ статьямъ доходовъ, запретить вывозъ хлѣба за границу, объявить военную конскрипцію, а съ евреевъ, вмѣсто рекрутъ, взять 700.000 злотыхъ. Вслѣдъ затѣмъ, по настоянію Наполеона, учреждена національная гвардія, къ службѣ въ которой призывались всѣ обыватели отъ 18 до 50 лѣтъ отъ роду, и объявлено, что въ случаѣ, если война приметъ обширные размѣры, то всѣ мирные жители могутъ быть потребованы на службу.

Не смотря на всѣ налоги, тягости и невзгоды, поляки ликовали, видя въ сеймѣ свою самостоятельность и нѣкоторую независимость. Еще болѣе ликовали поляки западныхъ нашихъ губерній, зорко слѣдившіе за тѣмъ, что происходило въ Варшавѣ.

«Извѣстно,—говоритъ современникъ [1]),—какимъ пламеннымъ польскимъ патріотизмомъ пылала Литва въ то время; она, быть можетъ, превосходила въ этомъ коренныхъ поляковъ. Для Литвы Наполеонъ былъ полу-богомъ, идеаломъ земнаго величія и могущества, ниспосланнымъ свыше для возстановленія исторической Польши въ единствѣ съ Литвою». Ожидаемую кампанію они считали средствомъ къ осуществленію этой задушевной мечты и потому готовы были на всякія пожертвованія.

Литовскіе помѣщики-поляки часто ѣздили въ Варшаву, получали тамъ наставленія, собирали политическія извѣстія и съ ними возвращались домой.

«Варшава,—писалъ Кржижановскій [2]),—для порочныхъ, банкротовъ, шалуновъ, богатыхъ молодыхъ людей и развратныхъ женщинъ, есть такое же пристанище, какова была для Украйны въ Малороссіи Запорожская сѣчь. Тамъ принимаютъ всякаго бродягу и богатымъ даютъ безъ разбора чины. Жители княжества Варшавскаго съ жителями провинцій россійскихъ заражены однимъ воображеніемъ, слѣдовательно, родственники притягиваютъ къ себѣ своихъ родныхъ для службы и на жительство. Россійскіе подданные получаютъ большею частію паспорты безсрочные и, пользуясь таковымъ отпускомъ, увозятъ за границу наличную монету, отчего ощутительный въ краѣ здѣшнемъ недостатокъ въ звонкой монетѣ».

---

[1]) Калейдоскопъ воспоминаній. „Русскій Архивъ“ 1872 г. Т. II, 2294.

[2]) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Кржижановскій, въ концѣ іюня 1811 года, подъ предлогомъ осмотра заведеній, состоявшихъ въ вѣдѣніи Приказовъ общественнаго призрѣнія и полиціи, былъ командированъ въ губерніи: Волынскую, Гродненскую, Виленскую, Подольскую, Минскую, Бѣлостокскую область и въ присоединенную часть австрійской Галиціи. „Во время нахожденія вашего въ помянутыхъ губерніяхъ,—писалъ ему А. Д. Балашовъ 30-го іюня 1811 г.,—по долгу вѣрноподданнаго, вы не оставите доставлять мнѣ извѣстія о злоупотребленіяхъ, кои до васъ доходить будутъ“

Съ присоединеніемъ Бѣлостокской области, вновь установленная граница представляла всѣ удобства для сношеній жителей герцогства Варшавскаго съ поляками, жившими въ Россіи. Принадлежавшее графу Старжинскому имѣніе Пѣшково раздѣлялось рѣчкою, составлявшею границу, такъ что домъ графа принадлежалъ Бѣлостокской области, а вся деревня и большая часть земли отошла къ герцогству Варшавскому. Самъ Старжинскій, бывшій областнымъ маршаломъ, уѣхалъ въ Галицію, и его имѣніе было пріютомъ для всякаго рода переговоровъ и сношеній. Поляки пользовались такимъ удобствомъ сообщенія, закупали лошадей въ значительномъ числѣ и отправляли ихъ въ герцогство. Въ Варшавѣ можно было видѣть цѣлые полки кавалеріи на русскихъ лошадяхъ. Въ Смоленскѣ, Могилевѣ, Минскѣ и другихъ городахъ появились шпіоны подъ видомъ комедіантовъ, фокусниковъ, учителей, художниковъ, лѣкарей, музыкантовъ и странствующихъ монаховъ. Такъ въ Минской губерніи появилось очень много землемѣровъ, по-польски к о м о р н и к о в ъ, которые занимались сниманіемъ окрестной мѣстности.

Въ февралѣ 1811 года министръ полиціи Балашовъ просилъ губернаторовъ Юго-Западнаго края, чтобы за пріѣзжающими изъ Варшавскаго герцогства продавцами ситъ или такъ называемыми рѣшетниками, хотя бы они и имѣли законные паспорты, былъ употребленъ строгій надзоръ, при разъѣздахъ ихъ по ярмаркамъ, такъ какъ въ числѣ ихъ могутъ «пробираться люди съ неблагонамѣренными видами».

Въ іюлѣ Барклай-де-Толли просилъ кіевскаго военнаго губернатора М. А. Милорадовича слѣдить затѣмъ, чтобы лица, выѣзжавшія изъ Варшавы, не были допускаемы до осмотра и съемки нашихъ крѣпостей. Вообще правительствомъ приняты были мѣры къ усиленію надзора и принятію всѣхъ мѣръ къ открытію всякаго рода подозрительныхъ людей, пріѣзжающихъ къ намъ изъ Варшавы; приказано было строго наблюдать за исправностью карауловъ въ крѣпостяхъ и военныхъ складахъ; всячески предупреждать и пресѣкать попытки злонамѣренныхъ людей снимать планы и собирать свѣдѣнія о производящихся крѣпостныхъ работахъ и немедленно подвергать аресту лицъ «польской, французской и жидовской націй, любопытствующихъ о числѣ и состояніи войскъ, яко о предметахъ неприличныхъ и не принадлежащихъ частнымъ лицамъ» [1]).

Такихъ лицъ ловили, но взамѣнъ ихъ появлялись новыя.

«Слабый присмотръ,—доносилъ баронъ Розенъ [2]),—и безпечность здѣшней виленской полиціи облегчаютъ отправленнымъ изъ герцогства Варшавскаго особамъ собирать извѣстія и возмущать поляковъ».

---

[1]) Тревожные годы. „Кіевская Старина“ 1892 г., т. XXXIX, стр. 201.

[2]) Изъ Вильны отъ 12-го февраля 1812 г. Арх. III отдѣл. 1-й экспедиціи. Опись 1811 г., дѣло № 6.

Такія лица являлись въ Вильну съ паспортами за подписью варшавскихъ министровъ и проживали въ городѣ долго. Они ходили по вечерамъ въ питейные домы, гдѣ собирались: мелкая шляхта, адвокаты и купцы. Наиболѣе примѣчательными, по словамъ барона Розена, были: графъ Потоцкій, супругъ принцессы де-Линь и адъютантъ маршала Даву. Онъ усиленно посѣщалъ всѣ общественныя и частныя собранія, приглашалъ къ себѣ разнаго состоянія людей, съ которыми и бесѣдовалъ наединѣ. Отставной бригадиръ Шидловскій, присутствовавшій на варшавскомъ сеймѣ, своими разсказами о значительныхъ пожертвованіяхъ варшавскихъ жителей кружилъ головы полякамъ. Лабунскій, братъ каноника въ Вильнѣ, проповѣдывалъ необходимость соединенія съ французами и проч. Всѣ эти лица находились подъ покровомъ полиціи.

«Покровительствуя подобнымъ злоупотребленіямъ,—доносилъ баронъ Розенъ,—полиція пользуется выгодами. Полицеймейстеръ отъ здѣшняго кагала получаетъ ежемѣсячно по тысячѣ червонныхъ и соразмѣрную плату отъ прочихъ купцовъ и промышленниковъ».

Полиція предоставляла каждому полную свободу дѣйствій; переходъ черезъ границу былъ для всякаго свободенъ и никѣмъ не наблюдался. Поляки широко пользовались такою свободою: одни ѣхали въ Варшаву для того, чтобы поговорить на сеймѣ и подышать, по ихъ собственному выраженію, «воздухомъ свободы»; другіе отправлялись, для устройства Общества, имѣвшаго цѣлью возбужденіе всѣхъ и каждаго содѣйствовать возстановленію отечества. Въ числѣ послѣднихъ были: Александръ Сапѣга, самый богатый собственникъ въ Литвѣ, князь Доминикъ Радзивилъ, Сангушко, Ходкевичъ, Потоцкій и другіе.

Возвращаясь домой, они привозили извѣстія, что Наполеонъ, соединившись съ польскими войсками, вторгнется на Волынь; что Россія не имѣетъ денегъ для веденія войны, ни способныхъ генераловъ и не въ состояніи противиться генію Наполеона [1]). Такія внушенія производили всеобщее волненіе. «Молодые люди,—писалъ кіевскій военный губернаторъ Милорадовичъ [2]),—въ большомъ восхищеніи о варшавскихъ войскахъ и говорятъ объ энтузіазмѣ сего войска. Сколько можно было замѣтить, то бывшій здѣсь изъ Волыни на контрактахъ польской службы генералъ Карвицкій чрезмѣрно зараженъ воображеніемъ въ возстановленіи Польши.

«Бывшій здѣсь сынъ велико-короннаго подкоморія, графа Винцентія Потоцкаго, Францишекъ Потоцкій, сколько по слухамъ извѣстно, приверженъ къ французскому правительству, но велъ себя скромно».

---

[1]) Донесеніе Кржижановскаго министру внутреннихъ дѣлъ 2-го августа 1811 г. изъ Житомира.

[2]) „Кіевская Старина“ 1892 г., т. XXXIX, стр. 207.

Пользуясь всеобщимъ броженіемъ, ксендзы и монахи произносили въ костелахъ патріотическія проповѣди, въ которыхъ называли Наполеона великимъ и тѣмъ лучемъ солнца, которое въ самомъ непродолжительномъ времени взойдетъ надъ всею Польшею. Проповѣди эти оказывали большое вліяніе на женщинъ.

Въ своемъ патріотическомъ увлеченіи польскія дамы перещеголяли мужчинъ и были вѣрнѣйшими и преданнѣйшими слугами Наполеона. «Онѣ,—говоритъ современникъ,—были поголовно и буквально влюблены во французскаго императора дотого, что, не видавши его никогда, на вѣру изображеній на портретахъ и деньгахъ рожали дѣтей удивительно похожихъ на императора французовъ. Это замѣчательный физіологическій фактъ: въ поколѣніи того времени считалось много лицъ обоего пола съ физіономіями, живо воспроизводившими наполеоновскій типъ» [1]). Польская женщина того времени была съ головы до ногъ патріотка, мечтавшая о возстановленіи Польши. Чтобы не быть голословными, мы приведемъ слова Биньона, рисующаго участіе женщинъ въ этомъ дѣлѣ.

Въ концѣ 1811 года пріѣхала въ Варшаву княгиня Чарторыйская, супруга старика князя Адама-Казиміра Чарторыйскаго, еще въ 1764 г. претендовавшаго на польскій престолъ. Биньонъ познакомился съ княгинею и въ восторгѣ писалъ [2]): «Если есть хотя одна страна, гдѣ мнѣніе женщинъ не должно быть пренебрегаемо, то, конечно, это Польша. Нельзя видѣть безъ особаго удовольствія общаго направленія ихъ чувствъ, а въ особенности тамъ, гдѣ чувства эти касаются собственно любви къ независимой самобытности ихъ отечества. Это по истинѣ вещь благородная, это—родъ удальства, съ которымъ женщины смотрятъ на войну, какъ на единственное средство къ благосостоянію ихъ отечества.... Княгиня Чарторыйская много жила, много перенесла испытаній для того, чтобы въ ней можно было подозрѣвать блестящія иллюзіи, которыя тѣшатъ воображеніе болѣе молодыхъ и менѣе опытныхъ.

«Тѣ же самыя чувства, но съ гораздо бо́льшимъ жаромъ, возбуждены во всѣхъ дамахъ высшаго общества.—Можетъ быть, они смѣшиваются съ честолюбивыми идеями, можетъ быть,—съ желаніемъ видѣть возстановленнымъ Польское королевство, а, можетъ быть, наконецъ, онѣ присоединяютъ къ этому тайную надежду занять мѣсто, близкое къ трону, который будетъ возстановленъ, и видѣть въ Варшавѣ снова дворъ, способный соперничать въ блескѣ съ другими большими европейскими дворами».

---

[1]) Калейдоскопъ воспоминаній. „Русскій Архивъ“ 1872 г. Т. II, 2294.

[2]) Lettre de M-r Bignon au ministre de relation extérieures en date du 17 octobre 1811 г.

Поляки и польскія дамы забывали всякую осторожность и потому пугали излишествомъ патріотизма самого Биньона, имѣвшаго приказаніе до времени не обѣщать ничего опредѣленнаго. Но всеобщее увлеченіе Наполеономъ должно было естественно вызывать противоположное чувство относительно Россіи.

«Какъ вѣрный подданный,—доносилъ баронъ Розенъ,—я могу подъ присягою увѣрить, что, во время пребыванія моего въ Литвѣ, я вездѣ находилъ поляковъ недоброжелательствующими Россіи, и они теперь болѣе, нежели когда-нибудь, надѣются на возстановленіе Польскаго королевства».

Въ этой надеждѣ, почти вся аристократія въ западныхъ губерніяхъ уѣхала въ Варшаву. — Въ Несвижѣ, Минской губерніи, принадлежавшемъ князю Радзивилу, славившемуся прежде гостепріимствомъ и стеченіемъ многихъ дворянъ, Кржижановскій нашелъ пустымъ даже замокъ самого князя. — Онъ поступилъ на службу въ польскіи войска, оставивъ въ имѣніи одну малолѣтнюю дочь съ кормилицею и двумя нянями, въ самомъ скудномъ состояніи.—Передъ отъѣздомъ князь Радзивилъ отправилъ своего коммиссіонера въ Варшаву съ 10 тыс. червонцевъ, а самъ вывезъ съ собою до тысячи разнаго рода людей, столько же лошадей и забралъ съ собою деньги, серебряные сервизы и всѣ драгоцѣнности [1]).—Многіе помѣщики послѣдовали его примѣру, а оставшіеся волновали населеніе.

Дворянство отказывалось служить, говоря, что, не имѣя отечества, не желаетъ жертвовать собою для чужихъ выгодъ [2]). По словамъ Кржижановскаго, повѣты вилейскій, речицкій, слуцкій, мозырскій и пинскій поголовно были неблагонадежны и готовы были поднять оружіе противъ Россіи.

«Смѣло сказать могу,—доносилъ онъ,—что доколѣ будетъ Варшавское княжество (герцогство) въ нынѣшнемъ положеніи существовать, доколѣ не истребится въ полякахъ воображеніе возстановить Польское королевство, дотолѣ не будетъ вѣрности въ здѣшнемъ народѣ къ правительству».

«Входя,—писалъ князь П. Багратіонъ Барклаю-де-Толли[3]),—дѣятельнѣйшимъ образомъ въ розысканіе образа мыслей и поведенія жителей по Волынской и Подольской губерніямъ,—узналъ я за истинно справедливое, что многія изъ значущихъ по достатку своему особъ, не приверженныхъ къ намъ ни наружно, ни внутренно, имѣютъ сильное вліяніе

---

[1]) Донесенія Кржижановскаго министру полиціи 2-го августа, 9-го сентября и 23-го октября 1811 г.

[2]) Донесеніе барона Розена ему же 7-го сентября 1811 г.

[3]) Въ письмѣ отъ 19-го октября 1811 г. изъ Житомира.—Военно-ученый Арх., дѣло № 287.

и между собою сношенія, какъ здѣсь, такъ и въ герцогствѣ Варшавскомъ. Пребываніе ихъ въ семъ краѣ я нахожу весьма вреднымъ и въ томъ утверждаюсь мнѣніи, что сего рода людей крайне необходимо удалить во внутренніе россійскіе города и тѣмъ прервать всю здѣшнюю и заграничную ихъ связь. Оставя же ихъ безъ замѣчанія, то число сихъ коварныхъ и неблагомыслящихъ со временемъ умножится, кои дѣйствуя соединенно съ другими, и наши дѣла приведутъ въ разстройство. Имена ихъ мнѣ извѣстны, о коихъ оффиціально отнестись къ вамъ не могу, ибо легко статься можетъ, что и въ самой столицѣ найдутся люди, которые сіе опровергнутъ.

«Вотъ причины, истинно побуждающія меня покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство, пока еще со стороны нашихъ сосѣдей не происходитъ никакого движенія, исходатайствовать высочайшее у государя императора соизволеніе прибыть мнѣ зимнимъ путемъ, какъ удобнѣйшимъ для поѣздки, на самое короткое время въ столицу, для личнаго объясненія съ его величествомъ и съ вами, по нѣкоторымъ частямъ, до арміи касающимся, такъ равномѣрно обнаружить качества замѣченныхъ мною особъ и тѣмъ внутреннюю безопасность нашу постановить на основательныхъ и твердыхъ мѣрахъ».

Разрѣшенія однако же не послѣдовало, и Баркай-де-Толли писалъ Багратіону, что его величеству неугодно, чтобы командующіе войсками въ «нынѣшнее время» отъ своихъ мѣстъ отлучались. — Отказъ этотъ вызывался тѣмъ, что почти во всѣхъ губерніяхъ разглашали слухъ, что Наполеонъ въ самомъ непродолжительномъ времени провозгласитъ независимость Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ. — Подъ вліяніемъ такихъ слуховъ, молодежь волновалась и изучала военный строй подъ руководствомъ ксендзовъ и монаховъ, не стѣсняясь присутствіемъ русскихъ войскъ.—Въ Несвижѣ «гимназисты и школьники,—пишетъ очевидецъ [1]),—большими партіями, подъ руководствомъ доминиканскихъ монаховъ, гуляли по городу съ барабаннымъ боемъ и воинскими криками, неся на шестахъ пестрые платки, въ видѣ знаменъ. Это меня изумило; я подошелъ къ ихъ предводителю и спросилъ, что это значитъ?

— Муштра (ученье),—отвѣчалъ онъ.

— Для чего?

— Такъ для пшиклада (примѣра).

Положеніе было настолько серьезно, что императоръ Александръ пытался вновь привлечь на себя вниманіе поляковъ.

Указывая на великую важность приближающейся минуты, онъ писалъ князю Чарторыйскому, что продолжаетъ трудиться надъ любимыми

---

[1]) Письма русскаго офицера, стр. 30.

планами по возрожденію Польши, но приведеніе ихъ въ исполненіе останавливается обстоятельствами.

«Ваши предъидущія письма,—прибавлялъ государь [1]),— оставили мнѣ слишкомъ мало надежды на успѣхъ для того, чтобы я могъ дѣйствовать, на что я могъ бы благоразумно рѣшиться лишь при нѣкоторой вѣроятности успѣха. Итакъ, мнѣ по необходимости пришлось выжидать событій и не вызывать моими дѣйствіями борьбы, всю важность и опасность коей я оцѣняю, не думая, впрочемъ, потому, что я ея избѣгну...

«Дѣло въ томъ, что проекты, насъ занимавшіе, по вѣроятности ли своей, которая не могла ускользнуть ни отъ одного мыслящаго человѣка, или по нескромности нѣкоторыхъ изъ вашихъ соотечественниковъ, съ добрымъ намѣреніемъ разгласившихъ собственныя свои предположенія, что эти проекты пріобрѣли гласность, весьма невыгодную для ихъ съ осуществленія, такъ что о нихъ заговорили даже въ Дрезденѣ и Парижѣ.

«Всѣ эти соображенія заставили меня хранить долгое молчаніе; но ни участіе къ идеямъ, насъ занимавшимъ, ни рѣшимость приложить ихъ къ дѣлу, какъ только позволятъ обстоятельства, не покидали меня ни на минуту»...

Обстоятельства истекали изъ неизбѣжности войны съ Наполеономъ.

«Эта война,—продолжалъ государь,—прольетъ потоки крови, и бѣдное человѣчество еще разъ будетъ принесено въ жертву ненасытному честолюбію человѣка, созданнаго, повидимому, для его несчастія. Вы слишкомъ ясно смотрите на вещи, чтобы не видѣть, сколь мало либеральныя идеи относительно вашей родины имѣютъ вліянія на его образъ дѣйствій. Наполеонъ имѣлъ на этотъ счетъ конфиденціальные разговоры съ посланниками австрійскимъ и прусскимъ, и тонъ, которымъ онъ объяснялся съ ними, прекрасно выражаетъ и его характеръ, и малую его привязанность къ вашимъ соотечественникамъ, на которыхъ онъ смотритъ лишь какъ на орудіе своей ненависти противъ Россіи.

«Эта война, отъ которой, какъ мнѣ кажется, я не могу болѣе уклониться, совершенно развязываетъ мнѣ руки относительно Франціи и предоставляетъ мнѣ свободу трудиться надъ любимыми моими планами возрожденія вашего отечества.

«Итакъ теперь дѣло идетъ только о томъ, чтобы опредѣлить образъ дѣйствій самый выгодный для обезпеченія успѣха нашихъ плановъ; и для того, чтобы вы имѣли болѣе данныхъ для составленія себѣ мнѣнія, считаю полезнымъ сообщить вамъ нѣсколько указаній о военныхъ дѣйствіяхъ.

[1]) Въ письмѣ отъ 1-го апрѣля 1812 г. „Русскій Архивъ“ 1871 г. Т. I, стр. 823—829.

«Хотя нѣтъ невозможности, чтобы мы могли довести наши войска до Вислы, даже переправить ихъ и занять Варшаву, однако, осторожнѣе было бы не основывать нашихъ разсчетовъ на столь выгодныхъ предположеніяхъ. Отсюда вытекаетъ необходимость распорядиться нашими дѣйствіями такъ, чтобы не было надобности разсчитывать на средства и на вліяніе, которое доставило бы намъ обладаніе Варшавою. Итакъ центръ дѣйствій нужно будетъ создать въ нашихъ областяхъ. Изъ этого проистекаетъ нѣсколько вопросовъ, разрѣшеніе коихъ весьма важно.

«Какой моментъ всего удобнѣе для того, чтобы провозгласить возрожденіе Польши? Самый ли это моментъ разрыва? Или выгоднѣе подождать, чтобы военныя дѣйствія увѣнчались какимъ-либо значительнымъ успѣхомъ?

«Если мы предпочтемъ второе, будетъ ли полезно, для успѣха нашихъ плановъ, устроить Великое княжество Литовское, въ видѣ предварительной мѣры и дать ему одну изъ двухъ приготовленныхъ конституцій?

«Относительно этихъ двухъ существенныхъ вопросовъ прошу я васъ высказать ваше мнѣніе.

«Я не стану болѣе вступать здѣсь въ разсужденіе о двухъ вѣроятностяхъ, представляющихся для Россіи въ этой борьбѣ; удовольствуюсь напоминаніемъ о громадномъ протяженіи земли, которое имѣютъ за собою русскія войска для того, чтобы отступать, не давая себя разстроить, и о возрастающихъ трудностяхъ, которымъ будемъ подвергаться Наполеонъ, по мѣрѣ удаленія отъ источника своихъ силъ. Если только война начнется, здѣсь рѣшились не складывать оружія. Собранныя военныя средства весьма значительны, и общее настроеніе превосходно, въ противоположность тому, коего вы были свидѣтелемъ первые два раза. Нѣтъ уже болѣе того хвастовства, которое заставляло презирать непріятеля. Напротивъ того, его силу признаютъ, и считаютъ неудачи весьма возможными; но, не смотря на то, твердо намѣрены до послѣдней возможности поддерживать честь Имперіи.

«Какое бы дѣйствіе произвело при этихъ обстоятельствахъ присоединеніе поляковъ! Оно было бы громадно, и эта масса нѣмцевъ, влекомыхъ силою, конечно, послѣдовала бы ихъ примѣру. Неужели не возможно достигнуть этого великаго результата?..

«Вы, который всегда были столь усердны къ этому дѣлу (освобожденію угнетенной Европы), вы, не сомнѣваюсь въ томъ, сознаете всѣ громадныя выгоды, которыя принесетъ Европѣ и человѣчеству вообще его успѣхъ (дѣла) и, въ качествѣ поляка, вы не можете быть ослѣплены относительно всѣхъ несчастій, коимъ подверглась бы ваша родина,

если бы, ставъ подъ знаменемъ Франціи, она дала Россіи право отомстить за все зло, которое бы ей причинила Польша».

Письмо это было получено кн. Чарторыйскимъ только 22-го мая (3-го іюня) 1812 г.

«Мнѣ представляется,—отвѣчалъ онъ [1]),—единственный въ своемъ родѣ случай доставить вашему величеству этотъ отвѣтъ,—это проѣздъ Новосильцова, отъ котораго я съ часу на часъ ожидаю извѣстія, и къ которому я намѣренъ въѣхать навстрѣчу за нѣсколько почтовыхъ станцій отсюда, чтобы избѣжать огласки, которая могла бы быть вызвана нашимъ свиданіемъ.

«Затруднительность сообщенія съ Россіей увеличивается съ каждымъ днемъ; становится даже опасно преодолѣвать ее. Меня объ этомъ особенно предупреждали. То мѣсто въ письмѣ вашего величества, коимъ вы были такъ добры увѣдомить меня о шпіонахъ, меня окружающихъ, заставляетъ меня удвоить осторожность въ будущемъ. Новосильцевъ пріѣдетъ сегодня или завтра. Мнѣ остается всего нѣсколько часовъ, чтобы собраться съ мыслями и изложить ихъ наскоро. Я долженъ спѣшить и потому могу коснуться только главныхъ пунктовъ письма вашего величества, не распространяясь о тѣхъ предметахъ, о коихъ вы говорите такъ подробно, какъ они того требуютъ.

«Когда находишься вдали отъ дѣлъ, не будучи причастенъ къ нимъ въ совокупности, когда приходится бесѣдовать издалека, и когда между вопросомъ и отвѣтомъ проходитъ шесть недѣль и болѣе, между тѣмъ, какъ всякій день приноситъ съ собою новыя событія и положеніе дѣлъ постоянно измѣняется,—очень трудно отважиться давать совѣты. Затрудненія увеличиваются болѣе, когда ихъ приходится давать въ столь рѣшительную минуту. Одна ошибка, одно невѣрно понятое слово могутъ повлечь за собою такую огромную отвѣтственность, которой я, при моемъ исключительномъ положеніи, долженъ опасаться болѣе, чѣмъ кто-либо. Поэтому я не осмѣлюсь дать никакихъ положительныхъ совѣтовъ, но, такъ какъ ваше величество приказываете, то я выскажу свое мнѣніе, сдѣлаю возраженія, предоставляя вашему величеству самимъ вывести изъ нихъ заключеніе».

Безграничная преданность поляковъ къ своей родинѣ,—говорилъ Чарторыйскій,—и постоянное стремленіе ихъ слиться воедино требуютъ непремѣннаго возстановленія Польши, «раздѣлъ которой былъ *первѣйшею причиною всѣхъ бѣдствій*, обрушившихся съ тѣхъ поръ на Европу». Предстоящая борьба приведетъ, вѣроятно, къ тому, что еще до ея окончанія, такъ или иначе, Польша будетъ возстановлена.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 23-го мая (4-го іюня) 1812 г. изъ Сенявы. Арх. Собств. Его Величества библіотеки, шк. 113, полка 4.

«Тотъ монархъ, который захочетъ снискать любовь ея жителей, долженъ будетъ пообѣщать полякамъ тѣ блага, которыхъ они добиваются, и тотъ, кто сдержитъ свое обѣщаніе, можетъ разсчитывать на ихъ неизмѣнную преданность.

«Предположенное вашимъ величествомъ учрежденіе Великаго княжества Литовскаго,—продолжалъ Чарторыйскій,—было бы, нѣсколько времени тому назадъ, мѣрой весьма желательной. Но это слѣдовало сдѣлать годъ тому назадъ, когда созданное такимъ образомъ княжество могло бы, до начала весьма вѣроятной войны, принесть ожидаемые плоды, вылиться въ извѣстную форму и установиться прочно. Въ настоящую минуту, когда раздастся вскорѣ громъ орудій, среди путаницы, безпорядка и превратностей военнаго времени, было бы весьма трудно, даже почти невозможно, организовать новый порядокъ вещей и привести его въ исполненіе. Но если бы въ моментъ объявленія войны появился манифестъ, коимъ народу были бы торжественно обѣщаны разныя преимущества, которыя онъ могъ бы ожидать отъ монарха, обратившагося къ нему съ этимъ манифестомъ, то послѣдній могъ бы произвести сильное впечатлѣніе на умы. Хотя бы это не принесло немедленныхъ выгодъ, но все же этимъ было бы брошено сѣмя, которое могло бы принести плоды, смотря по обстоятельствамъ. Ходъ военныхъ дѣйствій указалъ бы благопріятный моментъ, когда благодѣтельныя намѣренія, возвѣщенныя монархомъ, могли бы быть осуществлены».

Касаясь вопроса о конституціи, Чарторыйскій не одобрялъ ни одного изъ проектовъ, предлагаемыхъ императоромъ Александромъ, и считалъ необходимымъ составить нѣчто среднее между двумя предложенными но для составленія его необходимы просвѣщенные и благомыслящіе, мѣстные дѣятели, пользующіеся уваженіемъ общества.

«Выборъ людей,—говорилъ князь Чарторыйскій,—которые будутъ употреблены въ дѣло и совѣтами которыхъ будутъ пользоваться, всегда окажетъ самое существенное вліяніе на успѣхъ всѣхъ мѣропріятій въ Польшѣ. Вашему величеству необходимо обратить на этотъ предметъ особое вниманіе и не повторять ошибокъ русскаго двора, когда на сцену (въ Польшѣ) выступали обыкновенно люди, пользовавшіеся въ странѣ самой дурной репутаціей. Даже имя Огинскаго, поставленное во главѣ, можетъ внушить недовѣріе къ прочности и успѣху предпріятія, такъ какъ его обвиняютъ въ легкомысліи. Илинскій и Ворцель вовсе не могутъ быть употреблены у насъ, такъ какъ они пользуются слишкомъ дурной репутаціей. Ваврженкій можетъ сообщить вѣрныя свѣдѣнія относительно болѣе или менѣе выдающихся личностей, которыя заслуживаютъ того, чтобы съ ними посовѣтовались».

Обращаясь къ мѣрамъ, которыя необходимо предпринять, кн. Чар-

торыйскій совѣтовалъ усвоить такую систему дѣйствій, которая уничтожила бы всякую вражду между двумя народами.

«Добродушіе, чувствительность и храбрость—отличительныя черты моего народа,—выразился кн. Чарторыйскій о полякахъ. Въ теченіе продолжительной анархіи, бывшей послѣдствіемъ крайне плохой формы правленія, польскій престолъ никогда не былъ обагренъ кровью. Слѣдовательно, поляки не способны выказать неблагодарность за сдѣланныя имъ благодѣянія.

«Провидѣніе рѣшитъ участь начинающейся страшной борьбы. Оно вдохновитъ васъ. Каково бы ни было опредѣленіе судьбы, я искренно желаю, чтобы ваше величество не отрѣшались отъ умѣренности и великодушной доброты, составляющихъ основныя черты вашего характера. Эти благородныя качества никогда не могутъ повредить и служатъ иногда самой надежной помощью и поддержкой тому, кто ими обладаетъ. Возношу мольбы за ваше благополучіе и за мое отечество. Какъ бы я былъ счастливъ, если бы эти мольбы могли совмѣститься!»

Письмо это нашло императора Александра уже въ Вильнѣ.

По мѣрѣ того, какъ войска обѣихъ сторонъ стягивались къ нашимъ границамъ и можно было въ близкомъ будущемъ ожидать кровавой встрѣчи, императоръ Александръ призналъ необходимымъ отправиться въ Вильну, чтобы оттуда руководить войсками и слѣдить за населеніемъ.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отношенія поляковъ къ русскимъ въ 1816 году.

Письмо графа Булгари къ А. И. Михайловскому-Данилевскому.

5-го октября 1816 г. М. Радзивиловъ.

Любезный Александръ Ивановичъ!

Принужденъ нашелся отправить къ князю Петру Михайловичу въ Брестъ курьера, которому я приказалъ въ проѣздъ вручить ему письмо. Я долженъ былъ прибѣгнуть къ его сіятельству, потому единственно, что поляки осѣдлали сенатора Сиверса и заставили его написать обо мнѣ государю императору.

Мое дѣло было уличить ихъ, въ чемъ и надѣюсь успѣть; ихнее же (дѣло) есть обратиться къ тѣмъ мѣрамъ, кои низкость и подлость были имъ всегда сродны. Русскіе тутъ хуже животныхъ, и цѣлая армія, на Волыни расположенная, свидѣтельствовать въ томъ можетъ. Русскіе законы въ пренебреженіи, и самоправіе торжествуетъ. Что мнѣ тутъ оставалось дѣлать? согласиться съ ними и вредить государству, или любя свое Отечество, открывать ихъ цѣль. Я знаю довѣріе государя къ сенатору Сиверсу, знаю и то, что государь справедливъ, и для этого хотя долго я не рѣшался писать, однако нужда и обстоятельства тому повелѣваютъ, я убѣдительно прошу помощи у князя Петра Михайловича и Василія Романовича (Марченко?), у коего можете полюбопытствовать копію моего послѣдняго донесенія къ начальству.

Вы были всегда мнѣ любезны, вы любите Отечество и русскихъ, и для того я уповаю, что вы при случаѣ не оставите оказать все то, что только послужить можетъ пособіемъ. Чрезъ курьера моего, прошу меня хотя одною строкою посѣтить, такъ же попросите князя Петра Михайловича, чтобы увѣдомилъ меня, доволенъ ли былъ государь устроенными мною объѣзчиками, дабы я имѣлъ каковой-либо актъ у себя.

Примите, любезный Александръ Ивановичъ, чувства истинной моей къ вамъ приверженности и почтенія, съ коимъ честь имѣю быть покорнѣйшій слуга Булгари.

М. М. Сперанскій генералъ-губернаторомъ въ Сибири

и возвращеніе его въ Петербургъ [1]).

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

22-го марта 1819 года былъ подписанъ высочайшій указъ о назначеніи Сперанскаго сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Ѣхать къ новой должности Сперанскій смогъ только 7-го мая. Незадолго до отъѣзда своего изъ Пензы, онъ получилъ слѣдующее письмо отъ С. С. Уварова, изъ Петербурга, отъ 23-го апрѣля 1819 года:

«Отъѣздъ г. Цейера подаетъ мнѣ удобной случай изъявить вамъ, любезной и почтенной Михайло Михайловичь, тѣ чувствованія нелицемѣрнаго уваженія, коими я всегда былъ наполненъ къ вамъ. Новое ваше назначеніе открываетъ вамъ обширное поприще дѣлать добро какъ государственной человѣкъ и какъ просвѣщенной христіанинъ. Я увѣренъ впередъ, что затрудненія, васъ ожидающія, — всякаго рода; что геній добра съ трудомъ пробьется сквозь мракъ, покрывающій несчастную Сибирь; что лутчія силы изнемогаютъ; что лутчія надежды увядаютъ — но я радуюсь душевно при мысли, что, наконецъ, свѣтъ правосудія и человѣчества озаритъ сей огромной и прекрасной край нашего отечества. Да дастъ вамъ Богъ нужныя силы для совершенія труднаго вашего подвига!

«Г. Цейеру поручилъ я сказать на словахъ, сколь искренно и безпредѣльно я вамъ преданъ. Позвольте же мнѣ надѣяться, что ваше пребываніе въ Сибири будетъ полезно и для наукъ. Академія Наукъ имѣла

---

[1]) Дополнительные матеріалы и замѣтки къ „Жизни графа Сперанскаго“.

всегда въ виду распространеніе познаній объ отдаленнѣйшихъ краяхъ имперіи. Въ Сибири если не все ново, то почти все дурно описано и небрежно изслѣдовано. За особое удовольствіе почту я войти съ вами, если вы позволите, въ сношеніе и по сему предмету. Академія будетъ заниматься новыми путешествіями. Она начала издавать полное собраніе своихъ прежнихъ путешествій. На-дняхъ издана будетъ карта Камчатки, представляющая сей край въ совершенно новомъ видѣ: ибо до сихъ поръ ни одно астрономическое наблюденіе не оказалось вѣрнымъ. Ваше содѣйствіе весьма для насъ будетъ важно; а я васъ убѣдительно прошу не отказать мнѣ въ сей просьбѣ.

«Я почитаю себя весьма счастливымъ, что видѣлъ васъ въ Пензѣ. Въ Иркутскѣ врядъ намъ увидѣться: развѣ восторжествуетъ святая инквизиція, а бѣдныхъ hos liberales отправятъ для исправленія подъ вашу державу; но я сего не опасаюсь: инквизиція наша болѣе скучна, нежели зла, а либералисты такъ разсѣяны и такъ слабы, что и опасаться ихъ нельзя. Затѣмъ прощайте, любезной и почтенной Михайло Михайловичь, будьте здоровы, бодрствуйте духомъ и любите преданнаго вамъ Ув(арова)».

Въ мѣстномъ сибирскомъ управленіи, ко времени назначенія Сперанскаго, главную роль игралъ иркутскій губернаторъ Н. И. Трескинъ, вначалѣ бывшій хорошимъ и дѣятельнымъ начальникомъ губерніи, но потомъ постепенно превратившійся въ жестокаго тиранна и деспота, не уважавшаго никакихъ частныхъ правъ, не слушавшагося ни министерскихъ, ни сенатскихъ предписаній. Много повредила ему его жена, «нѣжно имъ любимая, но вовсе того недостойная и окружившая себя могущественнымъ союзомъ изъ трехъ своихъ любимцевъ и кліентовъ»— какъ говорится на страницѣ 168-й второго тома «Жизни графа Сперанскаго» (исправленнаго изданія).

«Хотя и въ первомъ изданіи нашей книги мы привели о дѣйствіяхъ жены Трескина только показанія Геденштрома [1]), именно на нихъ сославшись,—читаемъ въ дополнительной замѣткѣ барона Корфа—но въ изданіи исправленномъ сочли нужнымъ еще болѣе смягчить это мѣсто. Между тѣмъ отзывы всѣхъ лицъ, съ которыми мы говорили и переписывались о той эпохѣ, къ сожалѣнію, вполнѣ подтверждаютъ показанія Геденштрома.

«Агнеса Ѳедоровна Трескина, урожденная Ключарева, была столько же распутна, сколько и наглая взяточница. Къ этому присоединялось еще нестерпимое тщеславіе, простиравшееся до того, что въ публичныхъ собраніяхъ она садилась съ своими дѣтьми на возвышеніи и да-

---

[1]) Верхнеудинскаго исправника, пользовавшагося покровительствомъ Трескина, а потомъ писавшаго на него доносы.

вала цѣловать руку всѣмъ входившимъ гостямъ. Тріумвиратъ, образованный ею, состоялъ изъ Ефима Кузнецова, бывшаго впослѣдствіи счастливымъ откупщикомъ и золотопромышленникомъ и выведеннаго, наконецъ, въ статскіе совѣтники, съ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ [1]), изъ Геденштрома и, наконецъ, изъ засѣдателя приказа общественнаго призрѣнія, титулярнаго совѣтника Третьякова, который былъ факторомъ Трескиной во взяткахъ и въ городѣ носилъ кличку Алексѣя Темнаго. Власть жены, не представлявшей никакихъ блестящихъ качествъ, надъ такимъ мужемъ, каковъ былъ Трескинъ, заключалась единственно въ его привычкѣ угождать ей, начавшейся отъ благодарности къ ея отцу, московскому почтъ-директору Ключареву, бывшему нѣкогда начальникомъ и благодѣтелемъ Трескина».

Лично Трескинъ, по мнѣнію многихъ, не былъ лихоимцемъ. «По привозѣ въ Петербургъ—пишетъ К. Г. Рѣпинскій — дѣлъ слѣдственныхъ коммиссій Иркутской губерніи и по воспослѣдованіи рѣшенія Сибирскаго Комитета предать суду Сената, вмѣстѣ съ прочими, Трескина, Михайло Михайловичъ приказалъ лично мнѣ исключить (вывязать) изъ этихъ дѣлъ всѣ показанія бурятскихъ тайшей и другихъ лицъ о подаркахъ, кои будто они давали Трескину, или, точнѣе, кои собирались съ нихъ на имя Трескина: ибо доказательствъ, чтобы Трескинъ точно принималъ эти подарки, не существовало. Другой причины я не знаю. И собственно ли отъ себя Михайло Михайловичь такъ распорядился, или по желанію Комитета Сибирскаго, тоже не знаю; но думаю, что Комитетъ, или, по крайней мѣрѣ, предсѣдатель его графъ Кочубей, не не зналъ о такомъ исключеніи и побужденъ былъ къ нему самимъ же Михайлою Михайловичемъ, вѣроятно и съ своей стороны раздѣлявшимъ то мнѣніе, что Трескинъ, лично, не былъ взяточникъ».

«Сочтя себя обязанными—читаемъ въ одной изъ дополнительныхъ замѣтокъ барона Корфа,—вслѣдствіе переписки нашей съ Молчановымъ [2]), напечатанной нами во всѣхъ газетахъ, перемѣнить редакцію замѣтки о его отцѣ [3]), мы вмѣстѣ съ тѣмъ, поколебавшись въ вѣрѣ къ точности всѣхъ вообще свѣдѣній, переданныхъ намъ о чиновникахъ Сперанскаго по званію сибирскаго генералъ-губернатора, признали за нужное смягчить сказанное о нихъ въ нашей книгѣ; соотвѣтственно чему и явилось, въ декабрѣ

---

[1]) Этого Кузнецова Трескинъ, за красивость стана и лица и за ловкое возвышеніе изъ кабачныхъ поднощиковъ въ откупщики, называлъ въ шутку королемъ,—не подозрѣвая, кажется, что къ выходу красавца-поднощика въ люди послужила ступенью жена его же, Трескина.

[2]) См. „Русскую Старину“ 1902 г., январь, стр. 161.

[3]) Миронѣ Филипповичѣ, служившемъ въ канцеляріи сибирскаго генералъ-губернатора.

1861 года, исправленное ея изданіе, въ существѣ тождественное съ прежнимъ, только съ перепечаткою въ немъ этихъ и еще нѣсколькихъ другихъ страницъ, на которыхъ были замѣчены кое-какія ошибки [1]). Опытъ оправдалъ нашу осторожность. Въ мартѣ 1862 года мы получили изъ Рыльска (Курской губерніи), отъ баронессы Е. И. Тизенгаузенъ, урожденной Шкларевской, рекламацію за сдѣланный въ нашей книгѣ нелестный отзывъ объ умершемъ ея отцѣ [2]), къ которому она «привыкла видѣть всеобщее уваженіе»,—отзывъ, хотя и смягченный во второмъ изданіи, но все же заставляющій ее «удивляться смѣлости того, кто дерзнулъ доставить автору книги столь невѣрныя свѣдѣнія: замѣтно, что это человѣкъ чрезвычайно желчный, имѣющій претензіи почти на всѣхъ чиновниковъ Сперанскаго». Приложивъ къ этому разные документы о службѣ своего отца, баронесса Тизенгаузенъ заключила свое письмо такъ: «Сознавая, что вы безнамѣренно огорчили меня, вы, какъ благородный человѣкъ, во имя истины замѣните вашъ отзывъ о моемъ отцѣ тѣми выраженіями, которыя употребилъ графъ Сперанскій въ данномъ ему аттестатѣ».

Отвѣтъ барона Корфа баронессѣ Тизенгаузенъ (отъ 13-го марта) былъ написанъ А. Ѳ. Бычковымъ и кончался такъ: «Если настоящее мое объясненіе покажется вамъ въ какомъ-либо отношеніи неудовлетворительнымъ, и если вы вообще признаете удобнымъ возражать на книгу, столь давно уже вышедшую, то, конечно, отъ вашего собственнаго благоусмотрѣнія зависѣть будетъ печатно заявить все, высказанное въ вашемъ письмѣ, но въ такомъ случаѣ надѣюсь, что вы и мнѣ позволите тѣмъ же самымъ путемъ представить публикѣ мои объясненія». Дальнѣйшихъ послѣдствій эта переписка не имѣла.

«Я могу назвать и тѣ лица, которыми были мнѣ сообщены свѣдѣнія о чиновникахъ, составлявшихъ канцелярію Сперанскаго по званію сибирскаго генералъ-губернатора,—писалъ впослѣдствіи баронъ Корфъ.—Это были, съ одной стороны, К. Г. Рѣпинскій, а съ другой—чиновникъ этой же канцеляріи (названный и въ книгѣ) Н. В. Жуковскій,—но послѣдній не прямо, а черезъ общаго нашего пріятеля, упомянутаго въ исторіи де-Санглена, В. Д. Карнильева [3]), который самъ былъ родомъ сибирякъ. Всѣхъ троихъ я зналъ за людей честныхъ, добросовѣстныхъ, правдивыхъ, не могъ притомъ подозрѣвать ни въ одномъ изъ нихъ никакихъ предубѣжденій противъ людей, уже давно исчезнувшихъ въ толпѣ и даже умершихъ, и наконецъ тѣмъ болѣе увлеченъ былъ имъ повѣрить, что переданныя ими свѣдѣнія поражали своимъ согласіемъ. Вышло не

[1]) См. „Русскую Старину“ 1902 г., январь, стр. 162.

[2]) Иванѣ Ивановичѣ Шкларевскомъ, правителѣ канцеляріи сибирскаго генералъ-губернатора.

[3]) См. „Русскую Старину“ 1902 г., мартъ, стр. 505.

совсѣмъ такъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ фактамъ, ибо, что касается до моральной оцѣнки, то, въ отношеніи, напримѣръ, Молчанова, многіе изъ имѣвшихъ впослѣдствіи дѣло до него по Сенату вполнѣ подтвердили мнѣ «нечистоту его на руку». Но, бывъ принужденъ, по представленнымъ мнѣ документамъ, сознать неточность фактовъ, я, натурально, не могъ (да и не хотѣлъ) настаивать на такой моральной оцѣнкѣ, справедливость которой всегда очень трудно доказать. При всемъ томъ, я не разъ и горько раскаявался во всей этой несчастной выноскѣ (стр. 209 и 210 II-го тома «Жизни графа Сперанскаго») не только по непріятностямъ, которыя она мнѣ навлекла, но и потому, что я задѣлъ въ ней, совершенно безполезно для главнаго моего предмета, бѣдныхъ маленькихъ людей. Дѣло другое Растопчинъ, Лопухинъ, Аракчеевъ, даже Карамзинъ и Державинъ; но этихъ бѣдняковъ не было ни малѣйшей надобности ни трогать, ни даже исчислять».

Въ настоящее время почти смѣшно ссылаться на газетныя статьи, особенно за ту эпоху, когда онѣ, по духу времени и по условіямъ цензуры, были исключительно посвящаемы оффиціальнымъ «восторгамъ». Между тѣмъ, въ описываемый здѣсь періодъ, единственная почти газета, у насъ тогда выходившая, «С.-Петербургскія Вѣдомости», содержала въ себѣ частыя извѣстія о переѣздахъ и другихъ «дѣяніяхъ» сибирскаго генералъ-губернатора. Выписки изъ этихъ сообщеній «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», находившіяся въ бумагахъ барона Корфа, были имъ сообщены г. Вагину, напечатавшему эти выписки въ своемъ трудѣ «Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири» [1]).

«Замѣчательно,—писалъ баронъ Корфъ—что всѣ эти статьи, хотя онѣ и были доставляемы въ редакцію «Вѣдомостей» изъ разныхъ мѣстностей, носятъ на себѣ отпечатокъ одного и того же пера. Не позволительно ли изъ этого заключить, что онѣ принадлежали не мѣстнымъ корреспондентамъ, а кому-либо изъ сопровождавшихъ Сперанскаго чиновниковъ? При знаніи его характера, мы даже не прочь отъ мысли, что онѣ были писаны—по его заказу».

Въ автобіографіи своей Сперанскій воспѣлъ хотя и короткій, но блестящій хвалебный гимнъ сибирской своей дѣятельности. Вотъ переводъ сказаннаго имъ тамъ о себѣ,—разумѣется, въ третьемъ лицѣ: «Два

---

[1]) Томъ I (Спб. 1872), стр. 608—609.

года поѣздокъ, изысканій, трудовъ неимовѣрныхъ обогатили его самымъ точнымъ знаніемъ мѣстныхъ нуждъ и способовъ, на которомъ онъ основалъ новый планъ управленія для Сибири. Отличительный характеръ этой работы состоитъ въ томъ, что не оставлена безъ вниманія ни одна часть населенія огромнаго края, соединяющаго въ себѣ всѣ степени образованности, отъ дикаго ловчаго до богатаго горожанина, ведущаго торгъ съ Китаемъ; обсужены всѣ интересы; взвѣшены всѣ потребности; обезпечены всѣ средства постепеннаго просвѣщенія въ будущемъ». Въ нѣмецкомъ переводѣ къ этому прибавлено еще слѣдующее: «На возвратномъ пути въ Россію, г-ну Сперанскому предшествовала вполнѣ заслуженная имъ добрая слава и сопутствовали благословенія жителей обширнѣйшей области имперіи».

По выраженіямъ рескрипта 22-го марта 1819 года, Сперанскій назначеніе свое въ Сибирь считалъ, съ самаго начала, за порученіе только временное, а себя болѣе за ревизора, нежели за генералъ-губернатора. Поэтому, какъ только разысканія о злоупотребленіяхъ и составленіи проектовъ для будущаго образованія Сибири стали приближаться къ концу, онъ тотчасъ началъ ходатайствовать и настаивать о своемъ отозваніи. Прежде всего онъ обратился къ графу Кочубею [1]).

Кочубей принялъ въ это время званіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, котораго, за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, былъ настоящимъ министромъ. Это обстоятельство, послѣ заявленнаго прежде желанія совсѣмъ оставить службу, побудило его нѣкоторымъ образомъ оправдываться передъ прежнимъ подчиненнымъ, теперь вновь поступавшимъ подъ его начальство.

«При отправленіи къ вамъ, милостивый государь мой Михайло Михайловичъ, съ послѣднею почтою оффиціальнаго отношенія о поступленіи министерства внутреннихъ дѣлъ въ управленіе мое,—писалъ Кочубей Сперанскому 14-го ноября 1819 года,—не успѣлъ я послѣдовать первому движенію моему, изъявить, сколь истинное удовольствіе нахожу я вступить съ вами въ сношенія. Вамъ извѣстно, что никто болѣе меня не отдавалъ справедливости достоинствамъ и всѣмъ качествамъ вашимъ, и отдаленіе ваше не могло, конечно, перемѣнить впечатлѣній души моей.

«Зная слабость здоровья моего, частые припадки и угнетеніе духа, несчастіями моими [2]) произведенное, вы, конечно, удивились, получа извѣстіе о моемъ назначеніи. Безъ труда всякой согласится, что желать онаго я не могъ; самолюбіе же, если бы я даже онымъ еще зараженъ былъ, и того болѣе требовало бы уклоненія отъ такого званія, которое и въ существѣ, и въ мнѣніи общемъ чрезвычайно упало. Я исполнилъ волю

---

[1]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 239—240.

[2]) Потери дѣтей.

государя; я принесъ, вѣроятно, послѣднюю жертву его величеству, ибо, на 52-мъ году и больной, не могу я надѣяться на возобновленіе подобныхъ приношеній. Его величеству открылъ я съ самою большою откровенностію малое надѣяніе мое, чтобъ силы мои позволили мнѣ долго заниматься дѣлами. Государь принялъ сіе милостиво; а я просилъ его величество, что коль скоро пріищется человѣкъ, ожиданіямъ его величества удовлетворить могущій, то чтобъ безъ всякаго препинанія замѣнилъ онъ меня. Однимъ словомъ, я ласкаю себя, что бремя мое возложено на меня временно [1]). Впрочемъ, я на оное не сѣтую, принявъ министерство съ нѣкоторымъ удовольствіемъ по старымъ моимъ привычкамъ всегда быть угоднымъ государю, и по привязанности моей къ особѣ его.

«Министерство, поступившее ко мнѣ, есть самое гнилое, самое подлое. Съ начала установленія онаго при Балашовѣ [2]), не положено не только никакихъ прочныхъ правилъ министерству сему, но, напротивъ, всѣ распоряженія по оному были противны здравому распоряженію и показываютъ, что трудно частному приставу сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ. Народъ, наполняющій министерство сіе, едва-ли не похожъ большею частью на вашихъ иркутскихъ господъ. Большая часть людей приказнаго разбору; нѣтъ ни знанія, ни соображенія, ни даже грамоты. Министерство отъ Балашова поступило къ графу Вязмитинову. Тутъ уже пошло управленіе, доброму, но полумертвому человѣку свойственное. Одна очистка текущихъ дѣлъ (если дѣлами назвать можно вѣдомости о происшествіяхъ, отъисканіе бѣглаго рекрута и пр.). Впрочемъ, все сколько-нибудь важное откладывалось, и по одному такъ названному (Богъ знаетъ почему) Исполнительному департаменту нашелъ я 598 дѣлъ неоконченныхъ; между тѣмъ министерство закидано бумагами. Каждая почта московская привозитъ отъ 2-хъ до 300 пакетовъ, изъ коихъ иногда до 200 заключаютъ что?—вѣдомости о происшествіяхъ капитанъ-исправниковъ и городничихъ!!! Вотъ государственное распоряженіе г. Балашова. Назначеніе его въ генералъ-губернаторы или въ будущіе окружные начальники удивило здѣсь многихъ.

«О кругѣ дѣйствія моего не имѣю я никакого точнаго понятія. Если будетъ онъ тотъ, который я нашелъ, то можно смѣло сказать, что не нужно государю имѣть министерства внутреннихъ дѣлъ: текущія и пустыя дѣла не требуютъ особаго департамента.—О вашихъ дѣйствіяхъ по министерству моему я не имѣю никакого свѣдѣнія, но слышалъ отъ самого госу-

---

[1]) Дѣйствительно, Кочубей управлялъ министерствомъ только до іюля 1823 года; тутъ онъ былъ уволенъ въ безсрочный отпускъ, съ замѣщеніемъ его, временно, барономъ Кампенгаузеномъ, и, до кончины Александра, оставался уже внѣ всякой служебной дѣятельности.

[2]) Балашовъ былъ назначенъ министромъ полиціи, которая была соединена впослѣдствіи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

даря, что вы дѣятельно и весьма хорошо принимаетесь и что вамъ даны на всѣ представленія ваши разрѣшенія.

«Я хотѣлъ написать къ вамъ нѣсколько строкъ, а нечувствительно вовлеченъ былъ удовольствіемъ съ вами бесѣдовать. Письмо сіе вы пріймете знакомъ моей довѣренности и чувствъ искренней моей преданности».

Оффиціальною бумагою, отъ 8-го марта 1820 года, Кочубей объявилъ Сперанскому высочайшую волю—прибыть въ Петербургъ, съ дѣлами сибирскими, къ исходу октября того года.

Это сообщеніе обрадовало Сперанскаго. Онъ поспѣшилъ отправить бо́льшую часть своего имущества съ отходившими тогда изъ Иркутска судами и оставилъ при себѣ только то, что могло ему понадобиться въ теченіе лѣта.

Вдругъ 7-го мая пришелъ, черезъ князя А. Н. Голицына, подписанный государемъ рескриптъ отъ 20-го марта, въ которомъ Сперанскій прочелъ, между прочимъ, слѣдующее: «Расположите путь вашъ такимъ образомъ, чтобы прибыть въ С.-Петербургъ къ послѣднимъ числамъ марта будущаго (т. е. 1821) года».

Этотъ рескриптъ жестоко поразилъ Сперанскаго. Не временное лишеніе удобствъ, послѣдствіе отсылки изъ Иркутска вещей, его тяготило; его волновалъ страхъ, что возвратъ о т с р о ч и л и, можетъ быть, только для того, чтобы послѣ и совсѣмъ о т м ѣ н и т ь, волновали и разныя другія чувства. Никогда до тѣхъ поръ никому, даже изъ самыхъ близкихъ къ нему по службѣ, онъ не жаловался на Александра. Рескриптъ 20-го марта, видно, переполнилъ мѣру его терпѣнія. Спустя нѣсколько дней по его полученіи [1]), послѣ обѣда, за чтеніемъ газетъ, онъ, при Цейерѣ и Вильде, вдругъ заговорилъ объ этомъ предметѣ, коснулся обѣщаній перваго рескрипта, полученнаго имъ въ Пензѣ, вынулъ его, далъ прочесть обоимъ и излилъ свое негодованіе, обвиняя государя особенно въ томъ, что онъ столько разъ н е и с к р е н н о поступалъ съ нимъ, даже въ противность и нарушеніе п и с ь м е н н ы х ъ своихъ обѣщаній и обнадеживаній. «Мы знаемъ,—замѣчаетъ Корфъ,—что т о т ъ ж е с а м ы й укоръ, т. е. в ъ н е и с к р е н н о с т и, Александръ, съ своей стороны, прежде и послѣ, дѣлывалъ самому Сперанскому. Кто изъ нихъ былъ правъ?».

Наконецъ, насталъ для Сперанскаго желанный, столь давно и горячо вымаливаемый часъ освобожденія. 8-го февраля 1821 года Сперанскій началъ обратный свой путь изъ Тобольска въ Петербургъ.

Любопытный моментъ во время этого путешествія должно было составить свиданіе Сперанскаго съ Балашовымъ—первое послѣ событій 1812 года—въ Рязани, гдѣ бывшій министръ полиціи имѣлъ въ то

---

[1]) Разсказъ служившаго при Сперанскомъ Густава Григорьевича Вильде.

время свою резиденцію въ званіи генералъ-губернатора пяти губерній, ввѣренныхъ его управленію на особыхъ правахъ.

Вотъ, что записано въ дневникѣ Сперанскаго объ этомъ свиданіи [1]): «11-го (марта), пятница. Рано утромъ. Рязань. Въ 9 часовъ посѣтилъ генералъ-губернаторъ. Въ 10 посѣщеніе ему. Дополненіе къ исторіи моей ссылки. Ударъ Армфельда направленъ былъ и на Балашова и на министра финансовъ [2]). Слѣдствіемъ сего было то, что Балашовъ увлеченъ былъ въ походъ. На мѣсто министра финансовъ предложены были Голубцовъ и Поповъ [3]), но государемъ отвергнуты. Потомъ отъ государя предназначаемъ былъ Кампенгаузенъ, но отстраненъ заговорщиками. Армфельдъ искалъ соединенія и съ Балашовымъ. Паденіе Армфельда отъ опыта, отъ перемѣны и скораго движенія военныхъ дѣлъ, и особенно отъ того, что онъ посѣтилъ Палена».

«Что можно понять изъ этихъ гіероглифическихъ очерковъ,—замѣчаетъ Корфъ—и не правы ли мы были, сказавъ [4]), что, въ сущности, они не только не разъясняютъ, но почти еще болѣе затемняютъ дѣло?»

«Эта загадочность и какъ бы преднамѣренная запутанность—писалъ А. Ѳ. Бычковъ [5]) — естественно объясняются неловкимъ положеніемъ Балашова передъ Сперанскимъ, въ глазахъ котораго ему нужно было оправдать себя во что бы то ни стало».

А вотъ, что писалъ Корфу съ своей стороны де-Сангленъ, когда, послѣ всѣхъ полученныхъ отъ него сообщеній, Корфъ призналъ не излишнимъ передать ему и вышеприведенную таинственную замѣтку:

«Выписка изъ дневника Сперанскаго удостовѣряетъ меня въ мнѣніи о немъ. Къ уму въ дѣлахъ ясному и къ образованію, тѣмъ болѣе высокому, что оно было пріобрѣтено глубокимъ размышленіемъ, присоединялъ онъ простодушіе первобытныхъ временъ—вѣрилъ, а чему вѣрилъ? Неужели Балашовъ въ Рязани сталъ бы подчивать его чистосердечнымъ раскаяніемъ и правдою на собственный свой счетъ? Очень вѣроятно! Что «ударъ Армфельда направленъ былъ и на Балашова»—это вы знаете уже изъ прежнихъ моихъ листковъ. Но министра финансовъ Балашовъ припуталъ тутъ, кажется, для того только, чтобъ отвлечь вниманіе Сперанскаго отъ самого себя. Дѣло Гурьева было особое, по доносу честнаго нѣмца, оберъ-форштмейстера,

---

[1]) Въ „Жизни графа Сперанскаго“ (т. II, стр. 257) приведена только первая часть этой записи. Вполнѣ же она напечатана въ изданномъ подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова сборникѣ „Въ память графа М. М. Сперанскаго“, Спб. 1872, стр. 98.

[2]) Д. А. Гурьева.

[3]) Василій Степановичъ.

[4]) „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 257.

[5]) „Въ память графа М. М. Сперанскаго“, стр. 99.

и прямо къ государю. По приказанію императора производилось оно мною секретно. Разсерженный государь хотѣлъ, дѣйствительно, удалить Гурьева, и ему, на дворскомъ языкѣ, было худо; пронюхали это царедворцы, ласкатели власти, и начали предлагать, на его мѣсто, Голубцова, Попова и, наконецъ, Кампенгаузена. Но государь, сказавъ мнѣ о томъ, прибавилъ: «Гурьевъ довольно нахваталъ; но послѣ даннаго ему урока (?) онъ хоть немного, да остановится, а новый и снова начнетъ».—Далѣе: «Армфельдъ искалъ соединенія съ Балашовымъ» — находится въ противорѣчіи съ предъидущимъ: «ударъ Армфельда направленъ былъ и на Балашова». Да и когда же онъ могъ того искать? Развѣ послѣ ссылки Сперанскаго? Но къ чему? Армфельдъ искалъ во мнѣ, чтобы изобличить Балашова въ воровствѣ и интригахъ; но я отказался, почитая подобныя дѣйствія за спиною—подлостію. «Слѣдствіемъ того было, что Балашовъ увлеченъ былъ въ походъ»—неправда. Государь, не довѣряя болѣе Балашову, рѣшился уничтожить министерство полиціи навсегда, что̀ послѣ и сдѣлалъ; но въ то время не имѣлъ ни возможности, ни досуга заняться преобразованіемъ, а еще менѣе охоты занять публику новымъ разительнымъ происшествіемъ. Онъ взялъ министра полиціи съ собою въ армію, какъ генералъ-адъютанта, назначилъ управляющимъ министерствомъ полиціи другаго (Вязмитинова) и министра сдѣлалъ безъ министерства—un ministre en l'air» [1]).

Въ Петербургъ Сперанскій пріѣхалъ 22-го марта 1821 года.

«Если взглянуть пристальнѣе на рядъ событій, пролегшихъ между высылкою Сперанскаго въ 1812 году и возвращеніемъ его въ Петербургъ, то трудно не придать этимъ девяти годамъ значеніе цѣлаго столѣтія,—читаемъ въ дополнительныхъ замѣткахъ къ «Жизни графа Сперанскаго». — Александръ, сперва, уничиженный, покинутый всѣми, кромѣ вѣрнаго своего народа, льющій слезы надъ погибшею Москвою, какъ Марій на развалинахъ Карѳагена; потомъ, вдругъ, торжествующій, превознесенный миротворецъ и возстановитель троновъ, раздающій царства и исполняющій для враждебной Польши то, что нѣкогда замышлялъ для преданной Россіи; наконецъ, пресыщенный славою и величіемъ, разочарованный, покоряющій себя и всѣхъ волѣ мрачнаго временщика; Александръ, впавшій въ летаргическое равнодушіе, въ совершенную апатію, изъ которой только на минуту заставилъ его очнуться случившійся въ то время бунтъ Семеновскаго полка: Александръ, говоримъ, уже первый представлялъ совсѣмъ другаго и монарха, и человѣка, нежели какимъ онъ былъ до всемірной войны».

---

[1]) Затѣмъ въ письмѣ де-Санглена слѣдуютъ подробности о паденіи Армфельда (см. „Русскую Старину“ 1902 года, май, стр. 245).

«Много было перемѣнъ и въ окружавшей Александра средѣ. Одни изъ главныхъ дѣятелей прежней эпохи—Армфельдъ, Николай Толстой, Салтыковъ, Козодавлевъ, Вязмитиновъ, Строгановъ, Барклай, Кутузовъ — лежали въ могилѣ. Другіе — не упоминая о Новосильцевѣ и Чарторыжскомъ, которыхъ вѣкъ уже прежде миновалъ—Растопчинъ, Балашовъ, Румянцевъ, Трощинскій, Чичаговъ, Петръ Толстой, жили вдали отъ двора и всякаго вліянія. Оставались еще Нессельродъ, Голицынъ, Мордвиновъ, Кочубей и Гурьевъ; но Мордвиновъ стоялъ уже далеко не на первомъ планѣ, а два послѣдніе были къ концу политическаго своего значенія. Всѣ начальствующіе и всѣ части управленія безусловно покорствовали скипетру Аракчеева, и противоборство слабыхъ партій Голицына и Волконскаго, вращавшихся больше только въ своемъ кругу, не могло входить тутъ ни въ какой счетъ. Съ одной стороны жестокое самовластіе, съ другой колѣнопреклоненное раболѣпство заняли мѣсто тѣхъ либеральныхъ плановъ и утопій, въ разгарѣ которыхъ Сперанскій былъ оторванъ отъ Александра. Неудовольствія и ропоту слышалось не менѣе, чѣмъ въ его эпоху, но и цѣль, и движеніе ихъ были уже другія. Ту степень въ народной ненависти, которая была удѣломъ доктринернаго мечтателя Сперанскаго, теперь занималъ Аракчеевъ съ гнетомъ своихъ военныхъ поселеній и своего желѣзнаго, саркастическаго деспотизма; но ненависть эта уже не ограничивалась, какъ прежде, одними бездѣйственными возгласами и эпиграммами. Наученная впечатлѣніями и примѣрами, вынесенными нашею военною молодежью съ запада, она искала органовъ для своего проявленія на самомъ дѣлѣ. Вдали, въ тайномъ мракѣ, готовились тѣ замыслы, которые потомъ разрѣшились событіемъ 14-го декабря 1825 года,—первою въ Петровской Россіи революціею не дворскою, а народною, или по крайней мѣрѣ родившеюся не въ царскихъ чертогахъ. . . . .».

Императора Александра Сперанскій не засталъ въ Петербургѣ: государь находился въ то время въ Лайбахѣ, откуда вернулся въ Царское Село 26-го мая. 6-го іюня послѣдовало первое свиданіе Сперанскаго съ государемъ.

По разсказу Вронченка, слышанному имъ отъ самого Сперанскаго, и подтвержденному, отчасти, графомъ Уваровымъ и Лубяновскимъ, это первое свиданіе происходило слѣдующимъ образомъ:

Едва только Сперанскій вошелъ въ кабинетъ, какъ государь, со словами: «Уфъ, какъ здѣсь жарко», вывелъ его съ собою на балконъ въ садъ, откуда всякій прохожій могъ не только ихъ видѣть, но почти и разслышать каждое ихъ слово. Очевидно, что цѣлью этого было избѣжать всякой откровенной, задушевной бесѣды.

— Ну, Михайло Михайловичъ,—началъ тотчасъ Александръ, и при томъ безъ объятій, съ простымъ пожатіемъ руки, — очень радъ тебя

видѣть. Здоровъ ли? Каковъ былъ твой переѣздъ? Я думаю—ужасный, потому что ты попалъ въ самую распутицу. Извини, что такъ долго не могъ тебя принять, но все это время, послѣ возвращенія, былъ ужасно занятъ. О! да какая съ тобою кипа бумагъ! Но, виноватъ: сегодня никакъ не могу ими заняться. Оставь у меня до другого разу.

Разговоръ продолжался и далѣе безъ всякаго возврата къ прежнему, безъ всякаго выраженія сердечнаго; Александръ изливался въ потокѣ словъ, ни на минуту не останавливаясь. «Государь — разсказывалъ Сперанскій—говорилъ такъ много, такъ скоро и такъ непрерывно, что мнѣ не удавалось помѣстить почти ни слова, и я только успѣвалъ кланяться». Вдругъ, когда уже изсякли всѣ дальнѣйшія фразы въ этомъ разговорѣ, онъ остановился на вопросѣ:

— Скажи же мнѣ, съ кѣмъ ты нынче видишься въ Петербургѣ?

— Въ ожиданіи счастья явиться передъ вами, государь, я не былъ еще ни у кого, кромѣ графа Аракчеева, и жилъ только съ дочерью и съ друзьями.

— Но впередъ съ кѣмъ располагаешь видѣться?

— Исполню то, что ваше величество мнѣ прикажете.

— Если такъ, то совѣтую тебѣ сблизиться какъ можно болѣе съ графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ. Однако мнѣ пора за дѣло; прощай, до скораго свиданія. Повторяю, что очень былъ радъ съ тобою увидѣться.

Пожатіе руки, и все кончено.

Александръ вышелъ изъ этого испытанія вѣрнымъ своему характеру. Но сколько нужно было на то силы притворства, или самообладанія, или равнодушнаго презрѣнія къ чувствамъ человѣческимъ.....

Разсказъ князя А. Н. Голицына одинаково удалялся и отъ Булгаринскаго паѳоса [1]) и отъ леденѣющей картины Вронченка. По его словамъ, все обошлось очень просто, безъ всякихъ сценъ ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ; но Александръ прибавилъ, что какъ теперь будутъ частыя между ними свиданія, то онъ предоставляетъ себѣ побесѣдовать о прошедшемъ—при бо́льшемъ досугѣ.

Разсмотрѣніе новыхъ предположеній Сперанскаго для будущаго устройства Сибири было возложено на особый комитетъ изъ графовъ Кочубея, Гурьева и Аракчеева, князя Голицына, барона Кампенгаузена и самого Сперанскаго.

Лучшимъ доказательствомъ весьма поверхностнаго разсмотрѣнія проектовъ Сперанскаго по новому образованію Сибири можетъ служить то, что, при окончательномъ ихъ утвержденіи, даже число ста-

---

[1]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 263, примѣчаніе.

тей не измѣнилось; ихъ было 3.020, и эта огромная масса заняла въ Сибирскомъ Комитетѣ только двадцать засѣданій, такъ что на каждое приходилось, круглымъ числомъ, болѣе 150 статей. Важнѣйшее разномысліе относилось къ двумъ предметамъ: 1) Сперанскій требовалъ, чтобы 80.000 душъ приписныхъ къ алтайскимъ заводамъ крестьянъ были совершенно освобождены отъ заводовъ, гдѣ они только давали хлѣбъ чиновникамъ, а Гурьевъ, противясь такому освобожденію, настаивалъ на томъ, будто эти крестьяне составляютъ частное достояніе государя. Дѣло это кончилось не ранѣе 1828 года тѣмъ, что по суду и полиціи Сперанскій успѣлъ ввести крестьянъ въ общее губернское управленіе; но по хозяйственной части они остались въ горномъ, какъ прежде, вѣдомствѣ. 2) Гурьеву хотѣлось устроить въ Томскомъ краѣ отдѣльную горную область, а Сперанскому такое двоеначаліе, особенно въ этой части Сибири, казалось немыслимымъ.

Мнѣній, столь противоположныхъ, нельзя было согласить безъ нѣкоторой обоюдной уступки; въ видѣ такой, положили сперва—впрочемъ условно—перенести губернскій городъ въ Чаусскій острогъ. Сперанскій, однако, не считалъ себя окончательно побѣжденнымъ. 1-го августа 1822 г. онъ писалъ преемнику своему въ управленіи Западною Сибирью Капцевичу: «Когда время, опытъ и самыя обстоятельства охладятъ жаръ спора, тогда, мнѣ кажется, всѣ предпочтутъ оставить губернское управленіе въ Томскѣ, въ городѣ старинномъ, соединяющемъ въ мѣстномъ его положеніи множество выгодъ, нежели учредить новый городъ, чего, впрочемъ, и сдѣлать невозможно, не истративъ сотни тысячъ, коихъ у насъ немного и, конечно, нѣтъ излишнихъ».— Извѣстно, что такъ впослѣдствіи и сдѣлалось.

Когда, въ іюлѣ 1821 года, Сперанскій былъ назначенъ, по случаю отъѣзда князя П. В. Лопухина въ свои имѣнія, къ временному управленію Коммиссіею законовъ [1]), баронъ Г. А. Розенкампфъ не могъ не явиться къ нему въ качествѣ старшаго надъ коммиссіею. На свое счастье, онъ не засталъ его дома и думалъ, что тѣмъ все благополучно и кончилось. Вдругъ, на слѣдующій день, докладываютъ, что пріѣхалъ Михайло Михайловичъ. Этотъ визитъ привелъ Розенкампфа въ величайшее смущеніе, но не принять гостя не было никакой возможности, такъ какъ люди уже сказали, что хозяинъ у себя. Вѣроятно, впрочемъ, что въ это свиданіе было столько же мало рѣчи о прошедшемъ, какъ и въ первую аудіенцію Сперанскаго у Александра. Но всѣ эти визиты предста-

---

[1]) Разсказъ родного племянника Розенкампфа, Максима Карловича Цеймерна, который, въ то время, самъ служилъ при немъ въ Коммиссіи законовъ († въ 1882 г. сенаторомъ).

вляли, разумѣется, одно лишь внѣшнее изъявленіе, одну маску. Истинное примиреніе или перемѣна въ чувствахъ, послѣ всего случившагося, стояли внѣ предѣловъ возможнаго. Между тѣмъ положеніе Розенкампфа, поставленнаго снова въ зависимость отъ того человѣка, противъ котораго онъ нѣкогда такъ гласно враждовалъ и который зналъ, болѣе или менѣе, всѣ его интриги, было нестерпимо. Къ этому присоединилось еще одно особое обстоятельство, подробно разсказанное и въ Запискахъ Розенкампфа. Когда, въ 1815 году, Государственный Совѣтъ поручилъ Коммиссіи составить и напечатать Сводъ существующихъ законовъ, скупой Лопухинъ до крайности испугался требовавшихся на это значительныхъ издержекъ и, послѣ всевозможныхъ попытокъ устроить дѣло дешевле, переговоровъ съ содержателями типографій, книгопродавцами и проч., остановясь, наконецъ, на томъ, что всего безубыточнѣе было бы печатаніе Свода сдать кому-нибудь въ видѣ частнаго предпріятія, сталъ убѣждать къ принятію на себя этого дѣла—самого Розенкампфа. Побуждаемый не столько спекулятивными разсчетами, сколько желаніемъ доказать, посредствомъ напечатанія своего Свода, въ какой степени его кодификаціонная система превосходитъ труды падшаго Сперанскаго, тщеславный Розенкампфъ не поколебался принять предложеніе Лопухина, на томъ только условіи, чтобы каждаго тома Свода было, по мѣрѣ его отпечатанія, покупаемо въ казну 683 экземпляра для уѣздныхъ и около 200 для губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Лопухинъ—все обѣщалъ и, однако, исполненіе своего обѣщанія оттянулъ на нѣсколько лѣтъ, а когда Розенкампфомъ уже было напечатано, на собственный счетъ и страхъ, множество толстыхъ квартантовъ, стоившихъ ему до 200 тысячъ рублей (ассигнаціями), то вдругъ объявилъ ему, что государь соизволяетъ взять въ казну только 498 экземпляровъ, для однихъ присутственныхъ мѣстъ первой степени въ великороссійскихъ губерніяхъ. Вопль Розенкампфа, приведеннаго, черезъ такое нарушеніе условія, не только въ разстройство, но и въ совершенное разореніе, ничего не пособилъ, а жалобы государю, перейдя въ руки того же Лопухина, также остались безъ дѣйствія. Напослѣдокъ друзья обиженнаго попытались походатайствовать за него и у возвратившагося между тѣмъ въ Петербургъ Сперанскаго. Послѣдній показалъ видъ готовности вступиться въ дѣло [1]), и на извиненія посредниковъ въ томъ, какъ они совѣстятся предстательствовать у него за человѣка, столь предъ нимъ виноватаго, отвѣчалъ: «Прошедшее давно забыто; знать ничего не хочу о поступкахъ Розенкампфа и другихъ, за которые они, вѣрно, уже наказаны въ своей совѣсти». При всемъ томъ, Сперанскій едва-ли принялъ дѣятельное участіе въ положеніи своего врага, и напечатанныя

[1]) Разсказъ М. А. Балугьянскаго.

въ «Жизни графа Сперанскаго» донесенія его государю заставляютъ рѣшительно предполагать противное. Тогда Розенкампфъ отважился на послѣдній шагъ. Все еще продолжая считать себя необходимымъ, онъ явился къ Лопухину съ просьбою объ отставкѣ, въ увѣренности, что сдѣлано будетъ все возможное для удержанія его. Лопухинъ отвѣчалъ равнодушно, что въ 50 милліонахъ нѣтъ никого незамѣнимаго, и 13-го апрѣля 1822 г. былъ подписанъ указъ объ увольненіи Розенкампфа изъ Коммиссіи законовъ, не только безъ какого-нибудь знака милости, но даже и безъ пенсіи, кромѣ той (въ 2.000 руб.), которая производилась ему еще съ 1802 г. До кончины Александра онъ продолжалъ быть членомъ Коммиссіи финляндскихъ дѣлъ, съ значительнымъ содержаніемъ; но, со вступленіемъ на престолъ императора Николая, эта коммиссія была замѣнена статсъ-секретаріатомъ, и съ тѣхъ поръ Розенкампфъ, оставшись совсѣмъ безъ службы, влачилъ самую печальную жизнь, въ крайней нуждѣ и осажденный кредиторами, такъ что въ 1831 году, когда онъ умеръ, его пришлось хоронить складчиною отъ друзей и бывшихъ подчиненныхъ.

3-го ноября 1821 года состоялся указъ Государственному Совѣту о томъ, чтобы для разсмотрѣнія трудовъ Коммиссіи законовъ назначить особый день въ недѣлю и чтобы всѣ по этому дѣлу изъясненія представлялъ Сперанскій.

Въ проектѣ этого указа, представленномъ отъ Сперанскаго, было слѣдующее введеніе: «Коммиссія законовъ совершила часть трудовъ, ей порученныхъ. Я приказалъ внести ихъ на уваженіе Государственнаго Совѣта. Въ числѣ первыхъ государственныхъ нуждъ я всегда полагалъ доброе законодательство. Средства къ сему измѣнялись, но главная моя мысль всегда была и будетъ непремѣнна. Изъ сего Государственный Совѣтъ усмотритъ степень вниманія, коего я отъ него ожидаю».

Но въ Александрѣ уже прошла охота къ фразамъ 1810 года. Онъ оставилъ проектъ у себя до возвращенія Аракчеева, находившагося въ то время въ Грузинѣ, и въ передѣланномъ, по его пріѣздѣ, указѣ подчеркнутые выше періоды были замѣнены однимъ слѣдующимъ: «Полагая доброе законодательство въ числѣ первыхъ государственныхъ нуждъ, я ожидаю, что Государственный Совѣтъ обратитъ на сію часть особенное его вниманіе и всемѣрно будетъ способствовать къ ея усовершенію».

17-го іюля 1821 года Сперанскій былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, но никогда болѣе не возвышался на прежнюю сту-

пень при императорѣ Александрѣ, личныя сношенія котораго съ Сперанскимъ не принимали былого характера.

Нѣкоторые характеры труднѣе прощаютъ собственную свою вину тому, кто сдѣлался ея жертвою, нежели его вину противъ нихъ, а Александру, сверхъ того, необходимо было навсегда оставить Сперанскаго будто въ тѣни уже и для того, чтобы оправдать передъ общимъ мнѣніемъ свой жестокій съ нимъ поступокъ, котораго не могла покрыть и изгладить никакая давность. Разъ, при разговорѣ, передъ возвращеніемъ сибирскаго генералъ-губернатора въ Петербургъ, съ тогдашнимъ командиромъ гвардейскаго корпуса И. В. Васильчиковымъ (при Николаѣ князь и предсѣдатель Государственнаго Совѣта), государь сказалъ ему [1]):

— Vous savez que je fais revenir Spéransky?

— Je l'ai entendu, sire, et je vous en félicite, car l'opinion publique le proclame comme un homme de capacités éminentes [2]).

— Je suis le premier à rendre pleine justice à ses talents; je pense même qu'il a plus de bonnes qualités, que de mauvaises; mais les circonstances et le mécontentement général m'ont forcé dans le temps à en faire le sacrifice. Jamais je n'ai cru à quelque trahison de sa part, mais c'est un homme dissimulé: il a manqué de confiance envers moi [3]).

Съ другой стороны на стражѣ сердца Александрова стоялъ тогда желѣзный Аракчеевъ. При огромной, какъ бы волшебной силѣ надъ своимъ монархомъ, онъ не умѣлъ и не имѣлъ надобности таиться въ своихъ къ кому-либо чувствахъ; но весь интересъ его—именно для охраненія этой силы—сосредоточивался въ томъ, чтобы удержать ее за собою одному и безъ раздѣла. И въ глаза, и заочно онъ всегда оказывалъ большое уваженіе уму, свѣдѣніямъ и прочимъ достоинствамъ Сперанскаго; но Александру позволялъ употреблять его единственно въ качествѣ лучшаго другихъ орудія, въ качествѣ работника по заказу, а отнюдь не ментора или вожатаго. Уже не существовало, наконецъ, и симпатіи между новыми идеями монарха и

---

[1]) Разсказъ князя И. В. Васильчикова.

[2]) Самъ Васильчиковъ до тѣхъ поръ совсѣмъ не зналъ Сперанскаго и родомъ своей службы былъ вполнѣ отъ него отдѣленъ.

[3]) Знаете вы, что я возвращаю Сперанскаго?

— Я слышалъ объ этомъ, государь, и могу васъ съ этимъ поздравить, такъ какъ, судя по общему мнѣнію, это человѣкъ выдающихся способностей.

— Я первый отдаю справедливость его талантамъ; я увѣренъ даже, что у него болѣе хорошихъ качествъ, чѣмъ дурныхъ; но обстоятельства и общее неудовольствіе вынудили меня въ свое время пожертвовать имъ. Я никогда не вѣрилъ въ какую-либо измѣну съ его стороны; но это человѣкъ скрытный; онъ не имѣлъ ко мнѣ довѣрія.

тѣми, которыя онъ, отъ прежнихъ временъ, все еще предполагалъ въ бывшемъ своемъ любимцѣ. Вслѣдствіе Семеновской исторіи, которую Александръ относилъ то къ внутреннимъ ковамъ [1]), то къ внушеніямъ и вліянію итальянскихъ карбонаріевъ, онъ, въ это время, брося всякій либерализмъ, весь предался австрійской консервативной системѣ, а Сперанскаго продолжалъ—не довольно, при всей своей тонкости, изучивъ его характеръ—считать либераломъ по убѣжденію [2]). Вскорѣ по возвращеніи Сперанскаго перлюстровали на почтѣ письма изъ внутреннихъ губерній съ изъявленіемъ надеждъ, что, по вступленіи его снова въ дѣла, правительство наше обратится къ болѣе свободному образу мыслей и дѣйствій. Показавъ самъ эти письма тому, о комъ въ нихъ шла рѣчь, государь прибавилъ, что Сперанскій не узнаетъ прежней покорной Россіи, до такой степени умы возбуждены и требованія увеличились. Быть можетъ, что, вмѣстѣ съ прочимъ, и самыя эти надежды публики на Сперанскаго пробудили еще болѣе осто-

---

[1]) 3-го января 1821 года онъ писалъ Кочубею изъ Лайбаха: „Engagez, je vous prie, le général Miloradovitch à donner l'attention la plus sérieuse à l'affaire de Рощинъ et à ses papiers. L'affaire, bien conduite, pourra, peut être, nous découvrir la source d'où est parti le libelle (?) et peut être même toute l'histoire du régiment de Sémenovsky, sur laquelle je garderai toujours ma conviction qu'elle a été produite par des hommes hors du militaire, du genre de Karasine et compagnie". (Архивъ князя Кочубея). Переводъ: Предложите генералу Милорадовичу обратить самое серьезное вниманіе на дѣло Рощина и на его бумаги. Если это дѣло будетъ поведено толково, то, быть можетъ, оно укажетъ источникъ происхожденія пасквиля и даже прольетъ свѣтъ и на всю исторію въ Семеновскомъ полку; я навсегда останусь при убѣжденіи, что событіе это произведено лицами, не принадлежащими къ военному сословію, а лицами въ родѣ Каразина и К°".

[2]) Что знатокъ людей, Александръ, не довольно извѣдалъ характеръ Сперанскаго, это, конечно, удивительно; но еще гораздо удивительнѣе то, что не болѣе понималъ его характеръ и двадцатилѣтній повѣренный тайныхъ его думъ и чувствъ, именно Цейеръ. Когда, еще въ пензенскую эпоху, разнесся слухъ о назначеніи Сперанскаго министромъ юстиціи, чему онъ и самъ было повѣрилъ, Цейеръ писалъ ему: „Съ обращеніемъ къ правиламъ и видамъ, кои на время были отложены, естественно должно обратиться и къ людямъ, кои могутъ быть употреблены въ исполненіи оныхъ на дѣлѣ. Безъ сомнѣнія, вамъ извѣстна рѣчь его величества, на варшавскомъ сеймѣ произнесенная, въ коей не только правила сіи, но и намѣреніе, принятое въ приспособленіи оныхъ къ нашему отечеству, ясно, опредѣлительно и торжественно изложены. Послѣ сего не можетъ уже остаться никакого сомнѣнія относительно направленія, которое примутъ у насъ дѣла на будущее время". Итакъ и простодушный Цейеръ, соображая и помня только прежнее, тоже продолжалъ считать Сперанскаго за либерала по убѣжденію. Онъ не предугадывалъ еще, что этотъ либералъ найдетъ въ себѣ духъ написать похвальное слово военнымъ поселеніямъ.

*

рожности и недовѣрія въ подозрительномъ Александрѣ. Какъ бы то ни было, повторяемъ, судьбы Сперанскаго на остатокъ этого царствованія были уже рѣшены невозвратно: его, по внѣшности, держали въ уровень со всѣми прочими; но, въ сущности, думали о немъ едва-ли еще не хуже, чѣмъ объ этихъ прочихъ, какъ то доказывается слѣдующими двумя анекдотами.

Первый изъ нихъ былъ слышанъ барономъ Корфомъ отъ человѣка, очень близкаго къ Карамзину и пользовавшагося особенною его дружбою, именно отъ графа Д. Н. Блудова; второй—отъ самого дѣйствующаго лица въ разсказѣ, графа А. А. Закревскаго, извѣстнаго своею правдивостью.

Во время стараній Карамзина къ поддержанію Сперанскаго передъ императоромъ Александромъ [1]), первый однажды спросилъ, отчего бывшій государственный секретарь не дѣятельнѣе употребляется къ дѣламъ.

— Какъ—отвѣчалъ государь,—развѣ я не довольно употребляю его? Я поручилъ ему составленіе кодекса. Чего же болѣе? Не моя вина, что онъ тутъ ничего не дѣлаетъ. Но, между нами, ты знаешь Сперанскаго. Онъ—трусъ и, въ моихъ глазахъ, даже—подлецъ. Не умѣю иначе назвать человѣка, который, послѣ всего случившагося съ нимъ, имѣлъ еще духъ остаться на службѣ...» [2]).

Лѣтомъ 1821 года, когда Сперанскій переѣхалъ въ Царское Село, тамъ же жили, очень на короткой между собою ногѣ, Ермоловъ, Каподистрія и Закревскій (въ то время дежурный генералъ Главнаго штаба). Они всякій день вмѣстѣ гуляли, и помаленьку къ ихъ прогулкамъ примкнулъ и Сперанскій, съ которымъ, впрочемъ, всѣ трое познакомились только съ возвращеніемъ его изъ Сибири. Разъ, при такой же общей прогулкѣ имъ попался навстрѣчу государь, катавшійся по саду въ дрожкахъ. Подъѣзжая, онъ казался веселымъ, но, поровнявшись съ ними и велѣвъ кучеру остановиться, вдругъ насупилъ брови. Послѣ короткаго спроса, о чемъ они между собою толкуютъ, и отвѣта ихъ, что Михайло Михай-

---

[1]) „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 299.

[2]) „Въ 1823 г.—говоритъ въ своихъ запискахъ К. Г. Рѣпинскій—Карамзинъ однажды пріѣхалъ къ Михаилу Михайловичу и бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ,—о чемъ, не знаю—часа два или три. Михаилъ Михайловичъ, проводивъ его до передней, что дѣлалъ только съ очень немногими, и возвратясь въ свой кабинетъ, сказалъ мнѣ: „Ну, ужъ говорунъ, удивительный говорунъ“. — Что касается анекдота, приведеннаго выше — замѣчаетъ баронъ Корфъ,—то онъ, конечно, чрезвычайно примѣчателенъ, но въ томъ только случаѣ, если отзывъ императора Александра былъ точно таковъ, какимъ его намъ сообщили. Важность здѣсь состоитъ именно въ словахъ и даже въ каждомъ словѣ; а тѣми ли самыми словами переданъ онъ былъ Карамзинымъ Д. Н. Блудову, а Блудовымъ мнѣ?

(Къ этому не лишне прибавить, что Блудовъ былъ очень не расположенъ къ Сперанскому). Ред.

ловичъ разсказываетъ разныя подробности о Сибири, государь проѣхалъ далѣе. Вечеромъ въ тотъ же день Каподистрія пилъ у Закревскаго чай. Вдругъ къ хозяйкѣ, сидѣвшей въ другой комнатѣ, пришла приближенная фрейлина императрицы Елизаветы Алексѣевны, Софья Александровна Саблукова (впослѣдствіи княгиня Мадатова) и, пробывъ всего нѣсколько минутъ, опять ушла. Проводивъ ее, Закревская вбѣжала, вся встревоженная, къ мужу и объявила, что визитъ Саблуковой былъ по порученію императрицы. Государь, послѣ встрѣчи съ нашими друзьями, зашелъ къ послѣдней и, разсказавъ, кого онъ встрѣтилъ на прогулкѣ bras dessus bras dessous [1]), изъявилъ свое неудовольствіе, что эти господа показываются съ Сперанскимъ въ публикѣ и вообще *такъ съ нимъ сближаются*, а императрица, съ обыкновеннымъ своимъ добродушіемъ, тотчасъ прислала предварить о томъ жену Закревскаго. «По характеру Александра Павловича—прибавлялъ Закревскій, передавая Корфу этотъ анекдотъ,—онъ навѣрное никогда не сказалъ бы о томъ *прямо намъ*, но втайнѣ продолжалъ бы на насъ сердиться, особенно если бы такой случай снова повторился въ его глазахъ. Разумѣется, однако, что намъ довольно было и этого косвеннаго намека. Мы, подъ разными предлогами, перестали гулять съ Сперанскимъ, а онъ, замѣтивъ наше уклоненіе, скоро самъ догадался, что оно не безъ причины *свыше*».

Въ Запискахъ Д. В. Давыдова, напечатанныхъ княземъ П. В. Долгоруковымъ въ Лондонѣ, въ 1863 году, приводится слѣдующій разсказъ Ермолова о разговорѣ съ нимъ императора Александра въ 1821 году, при возвращеніи Сперанскаго изъ Сибири. «На вопросъ его величества: «Знаешь ли ты Сперанскаго?», онъ (т. е. Ермоловъ) отвѣчалъ: «Я былъ слишкомъ ничтожнымъ, чтобы обратить на себя вниманіе столь значительнаго лица, но, узнавъ его теперь короче, я имѣлъ случай оцѣнить его достоинства». Государь сказалъ на это: «Онъ, дѣйствительно, усердный, способный и полезный человѣкъ; еслибъ война не началась такъ внезапно, многаго бы не случилось. Хотя я во многомъ передъ нимъ виноватъ, но я не пропускалъ ни одного случая, чтобы не посылать ему поклоновъ въ ссылку». Когда Ермоловъ передалъ впослѣдствіи эти слова Сперанскому, тотъ отвѣчалъ ему: «Государь никогда не почиталъ себя виноватымъ относительно меня, а я получалъ его поклоны лишь весьма рѣдко; если бы я уступилъ и поддался внушеніямъ нѣкоторыхъ лицъ (которыхъ онъ не хотѣлъ назвать), многое бы измѣнилось».

Сперанскій не сразу созналъ невозможность возвратить себѣ прежнее вліяніе и значеніе. Слѣды такого самозаблужденія нерѣдко проявляются

---

[1]) Т. е. подъ руку.

въ его дневникѣ. Такъ, по поводу одного свиданія Сперанскаго съ Александромъ, именно 22-го октября 1821 года, въ дневникѣ Сперанскаго записано: «Началось тѣмъ, что государь считаетъ меня с в о и м ъ ч е л о в ѣ к о м ъ. Я полагалъ одно условіе: увѣдомлять меня о всѣхъ замѣчаніяхъ, кои могутъ подать поводъ къ какому-либо сомнѣнію въ моихъ началахъ: ибо, бывъ поставленъ въ сношенія съ разными людьми, я долженъ принимать разные виды и не всегда молчать или говорить со всѣми одинакимъ языкомъ. Сіе могло бы прекратить всякую откровенность. Обѣщано, и при томъ примѣчено, что, при единомысліи, всѣ козни разсыплются, но что само собою разумѣется, что всѣ ловить меня будутъ, чтобъ увлечь въ свои мысли».

Сперанскому казалось даже нѣкоторое время, будто бы возрастающимъ его вліяніемъ пробуждается негодованіе Аракчеева, даже будто бы, видя необходимость уступить поле сопернику, болѣе счастливому, Аракчеевъ намѣревается все бросить. А между тѣмъ, въ дѣйствительности, Александръ все важнѣйшее изъ работъ Сперанскаго утверждалъ, всѣ подносимые имъ указы подписывалъ не иначе, какъ по предварительному совѣщанію съ Аракчеевымъ.

Приводимъ здѣсь одно весьма примѣчательное письмо Александра къ Аракчееву, отъ того же февраля 1822 года, когда Сперанскій изъявлялъ Ермолову опасеніе, что, по хилому здоровью, скоро принужденъ будетъ отказаться отъ всякихъ занятій [1]):

«Сдѣлай одолженіе, лучше выслушай Сперанскаго,—писалъ Александръ.—Онъ будетъ говорить, стало быть, ты будешь только слушать, что для тебя не вредно; долгихъ переговоровъ съ твоей стороны я бы не возложилъ на тебя въ теперешнемъ твоемъ состояніи [2]), но считаю нужнымъ замѣтить на слова, сказанныя уже Сперанскимъ тебѣ, что тутъ личной довѣренности никакой быть не можетъ допущено. Сперанскій докладывалъ по должности и читалъ журналъ совѣтскій съ приложенными при оном разными мнѣніями. Между прочимъ и сіе тутъ было. Слѣдовательно, никакого слѣда мнѣ не было разницы дѣлать между симъ мнѣніемъ и прочими. Оно же было прочтено передъ всѣми членами въ засѣданіи. И при томъ Сперанскій никакого особаго замѣчанія или оговорки по оному мнѣ не сдѣлалъ; даже когда я довольно колко сказалъ на счетъ сей бумаги мое сужденіе».

«Мы не могли доискаться—замѣчаетъ Корфъ—ни къ какому дѣлу относились слова государя, ни о какомъ тутъ говорилось мнѣніи; но все содержаніе письма ясно доказываетъ, какъ мало Александръ колебался между Аракчеевымъ и Сперанскимъ, и какое въ мысляхъ своихъ и въ степени довѣренности полагалъ огромное между ними разстояніе».

[1]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 285.

[2]) Онъ тогда, вѣроятно, былъ нездоровъ.

Сперанскому пришлось, наконецъ, смириться и признать, что всемогущество Аракчеева не можетъ быть поколеблено, и онъ старался заискивать во всесильномъ временщикѣ.

По вступленіи на престолъ императора Николая, избалованный милостями двухъ его предшественниковъ, Аракчеевъ считалъ себя въ правѣ ожидать продолженія ихъ и отъ новаго государя. Когда же надежды его были обмануты, то, изыскивая искусственныя причины холодности Николая, онъ приписалъ ее внушеніямъ Сперанскаго, съ которымъ и сталъ обходиться, вслѣдствіе того, совсѣмъ иначе противъ прежняго. Тогда и Сперанскій, который въ душѣ никогда не чувствовалъ къ нему особенной пріязни, а дѣйствовалъ только по разсчету, отшатнулся отъ павшаго любимца, и они уже болѣе не сходились ни лично, ни письменно.

По возвращеніи изъ Сибири въ Петербургъ, Сперанскій много выѣзжалъ въ свѣтъ, бывалъ нерѣдкимъ гостемъ во всѣхъ домахъ тогдашняго высшаго общества, изъ прежняго отшельника превратился въ свѣтскаго, искательнаго человѣка.

«Spéransky—писалъ Л. И. Голенищевъ-Кутузовъ въ своемъ дневникѣ за 1821 годъ—est devenu courtisan, jusqu'à rechercher les bonnes grâces même des personnes qui ne peuvent lui être d'aucune utilité et qui s'en étonnent elles mêmes. A peine arrivé à Pavlowsk, il s'est avisé d'aller chez mademoiselle Nélidoff [1]), qui n'est que la bonne amie de l'impératrice-mère sans se mêler des affaires et sans le pouvoir. Lorsqu'on lui a annoncé Spéransky, elle a été tout étonnée et lui a même demandé s'il ne s'était pas trompé de porte. Il a dit que non, et depuis il vient assidûment chez elle, de même que chez Albédil [2]) et chez tous ceux qu'il croit être bien en cour. Il serre la main à tout le monde très affectueusement. Voilà ce que c'est que d'avoir eu l'expérience de l'éxil: elle procure des notions sur différentes choses et, entre autres, sur l'art de se soutenir en place et en cour» [3]).

---

[1]) Екатерины Ивановны.

[2]) Гофмаршалъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

[3]) Переводъ: Сперанскій сталъ совершеннымъ царедворцемъ и даже заискиваетъ у лицъ, которыя ему совсѣмъ не могутъ быть полезны и сами удивляются его искательству. По пріѣздѣ въ Павловскъ, онъ тотчасъ отправился съ визитомъ къ г-жѣ Нелидовой, хотя она лишь другъ императрицы-матери, ни въ какія дѣла не вмѣшивается и не пользуется никакимъ вліяніемъ. Когда ей доложили о Сперанскомъ, она была весьма удивлена и даже спросила его, не по ошибкѣ ли онъ къ ней зашелъ. Сперанскій отвѣтилъ, что вовсе не по ошибкѣ, и съ тѣхъ поръ постоянно ее навѣщаетъ, такъ же, какъ и Альбедиля, а равно всѣхъ лицъ, которыя, по его мнѣнію, пользуются вѣсомъ при дворѣ. Ко всѣмъ имъ онъ относится съ большимъ

Но когда политическія надежды Сперанскаго на возвращеніе къ нему прежней милости испарились, онъ сталъ тяготиться такимъ, новымъ для него, родомъ жизни и сталъ думать о томъ, какъ бы незамѣтно перемѣнить его на старый.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

почтеніемъ. Вотъ опытъ, вынесенный имъ изъ ссылки: она научила его многому, между прочимъ, и тому, какъ удержаться на занимаемомъ мѣстѣ и сохранить милость двора".

Общественное собрание

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

Ужасные дни [1]).

I.

Расположеніе отряда князя Имеретинскаго на Плевно-Ловченскомъ шоссе послѣ взятія Ловчи.—Отношеніе князя къ М. Д. Скобелеву.—Пріѣздъ К. Левицкаго на лѣвый флангъ позиціи.—Объявленіе о предстоящемъ штурмѣ Плевны.—Корреспонденція В. Россоловскаго.

День 28-го августа 1877 года на Плевно-Ловенскомъ шоссе прошелъ относительно спокойно, по крайней мѣрѣ не было такого кровопролитія, какъ наканунѣ, 27-го августа, когда общая потеря авангарда генерала Скобелева составила 900 человѣкъ убитыми и ранеными, изъ коихъ на одинъ Калужскій полкъ пришлось: 11 штабъ и оберъ-офицеровъ и 678 нижнихъ чиновъ [2]).

Ночью съ 27-го на 28-е августа княземъ Имеретинскимъ

---

[1]) Въ концѣ 1-й части моей книги (Изъ Прошлаго. Часть I-я На войнѣ) сказано, что дни 30-го и 31-го августа 1877 года принадлежатъ къ разряду событій, откровенное описаніе которыхъ въ печати, съ изложеніемъ бытовой, закулисной стороны, является затруднительнымъ. Вѣрный этому взгляду, я и теперь, 25 лѣтъ послѣ событія, помѣщаю на страницахъ „Русской Старины“ только отрывки, описаніе нѣкоторыхъ эпизодовъ этихъ славныхъ для русскаго войска, но и ужасныхъ дней. П. П.

[2]) Участвовали: Калужскій полкъ, три роты Эстляндскаго полка и около $3^1/_2$ сотенъ.

получено было увѣдомленіе генерала Зотова, что штурмъ Плевны, предположенный на 28-е число, откладывается на нѣсколько дней, въ виду чего генералъ Скобелевъ призналъ, что достигнутое нами, боемъ Калужскаго полка, занятіе втораго гребня Зеленыхъ горъ являлось сближеніемъ преждевременнымъ и даже опаснымъ, такъ какъ близкое сосѣдство съ непріятелемъ могло привести къ неожиданному столкновенію и къ нежелательному, по преждевременности, бою. Исходя изъ этого, передовыя наши войска были ночью на 28-е августа отведены со втораго гребня на первый и на Рыжую гору. Всего въ первой линіи отряда князя Имеретинскаго было 8 батальоновъ, 26 орудій и $7^1/_2$ сотенъ подъ командою генерала Скобелева; 8 батальоновъ, 60 орудій и 4 сотни, подъ командой генерала Добровольскаго, составили резервъ передовыхъ войскъ и были расположены южнѣе Рыжей горы (сѣвернѣе Боготскаго лога).

Ночь прошла спокойно, но въ 5 часовъ утра значительныя силы турокъ, выйдя изъ Плевны, произвели энергическое наступленіе. Встрѣченные сильнымъ огнемъ ротъ Эстляндскаго полка и артиллеріи, турки пріостановились и затѣмъ отошли за второй гребень. Попытка турокъ возобновилась въ 8 часовъ утра, но тоже безуспѣшно [1]). Наши потери были весьма не велики, и мы остались на первомъ гребнѣ, занимая пѣхотой дер. Брестовацъ къ западу, а къ востоку спустившись двумя ротами въ Тученицкій оврагъ, по которому турки могли обойти нашъ правый флангъ.

28-го августа въ бою я не участвовалъ. Будучи начальникомъ штаба князя Имеретинскаго, я былъ при князѣ, и мы объѣзжали съ нимъ въ этотъ день наши позиціи съ праваго фланга, переѣхавъ на восточную сторону Тученицкаго оврага. Ѣздили долго, и я очень усталъ, особенно потому, что ѣздили все время шагомъ. Князь не признавалъ другаго аллюра, какъ шагъ, и я часто на это сердился, что̀ князю было извѣстно, и онъ иногда обращался ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ты опять не въ духѣ?

Когда же я нехотя отвѣчалъ:—Нѣтъ, ничего, то князь уже досадливымъ тономъ говорилъ:

— Такъ чего же ты ѣдешь сзади и надулся?

Я рѣшился однажды высказать угнетавшее меня чувство:

— Да меня всего разломило; поѣдемъ хоть галопчикомъ.

На это послышалось совсѣмъ уже сердитое: отстань!

Ѣздили мы, ѣздили, и князь наконецъ тоже усталъ. Слѣзли съ лошадей и сѣли на большой обрубокъ дерева, посреди голаго, выжженнаго солнцемъ поля. Никого и ничего кругомъ не видно. Вдругъ, откуда ни

---

[1]) Около 7-ми часовъ вечера вновь появилась колонна турокъ противъ праваго нашего фланга, пострѣляла и ушла назадъ.

возьмись, спереди и слѣва: дзикъ—звякнула пуля. Вслѣдъ затѣмъ другая, справа.

— Это что такое?—спросилъ князь.

Онъ отлично понималъ, что это были пули, и вопросъ его не былъ вопросомъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, а скорѣе восклицаніемъ, какое часто вырывается отъ неожиданности. Я машинально и также конечно весьма удивленно отвѣтилъ: пули. Князь велѣлъ подать лошадь, а на мою просьбу поѣхать посмотрѣть, откуда это, отвѣтилъ:

— Покорно благодарю; я вовсе не желаю, чуть ли не наканунѣ штурма Плевны, попасть подъ шальную пулю.

Относительно Скобелева князь держалъ себя въ высшей степени осторожно и деликатно; я долженъ отдать ему справедливость, что сохраненіе хорошихъ отношеній между такими, совершенно противоположными натурами, какъ кипучій Скобелевъ съ одной стороны и методичный князь Имеретинскій съ другой, было результатомъ выдержки и такта Имеретинскаго. Меня, по моей, тоже не флегматической натурѣ, тянуло къ Скобелеву; князь это замѣчалъ, я видѣлъ, что онъ этимъ недоволенъ, но я ни разу не слышалъ отъ него упрека. 27-го августа, вечеромъ, я, опять-таки вслѣдствіе моей тогдашней стремительности, убѣждалъ князя поѣхать къ калужцамъ, только-что выдержавшимъ съ честью и славой жестокій бой, поблагодарить ихъ.

— Весь отрядъ твой,—говорилъ я князю,—а калужцы-то уже и совсѣмъ твои; они твоей дивизіи.

— А кто ими сегодня командуетъ? Кто ихъ водилъ въ огонь?—нервно спросилъ меня князь.

— Скобелевъ.

— Ну и будетъ съ тебя,—закончилъ князь и прекратилъ разговоръ на эту тему.

Впослѣдствіи, обдумывая на свободѣ и покоѣ разные эпизоды совмѣстной дѣятельности князя Имеретинскаго и Скобелева, я не могъ не отдать должнаго сдержанности князя. Я понялъ, что Скобелевъ былъ бы не особенно доволенъ, если бы князь, уступая моимъ просьбамъ, 27-го вечеромъ объѣхалъ бы Калужскій полкъ съ возгласомъ: спасибо, молодцы-калужцы. Скобелевъ имѣлъ какую-то особенную способность, особый даръ связывать съ собой неразрывно тѣхъ, которые, попавъ подъ его начало, приходились ему по сердцу. Они дѣлались его, скобелевскими. Онъ на нихъ смотрѣлъ такъ, что это—«мои»—и, конечно, соблюдая внѣшнюю субординацію, въ душѣ былъ бы не очень радъ, что еще кто-то, кромѣ его, выступаетъ на первое мѣсто. Но все это я оцѣнилъ уже потомъ, а въ то время—кипѣлъ....

Князь Имеретинскій не имѣлъ кухни, и мы столовались у Скобелева, который какъ-то всегда умудрялся и солдатъ накормить, да и

себя со штабомъ насытить. Почти всегда бывали гости. Виноградъ уже созрѣвалъ, но были еще зеленыя ягоды; денщикъ Скобелева подбавлялъ ихъ въ борщъ за неимѣніемъ капусты, и борщъ выходилъ отличный; по крайней мѣрѣ наши, всегда голодные желудки никогда не удовлетворялись одной тарелкой борща. Бараны и куры всегда находились; на этотъ счетъ можно было быть спокойнымъ благодаря нахожденію въ отрядѣ Кавказской казачьей бригады: изъ земли выроютъ, а достанутъ.

Понаѣздившись вдоволь, пріѣхали мы къ Скобелеву, расположившемуся за южнымъ скатомъ Рыжей горы, въ Боготскомъ, логу и удовлетворили свои аппетиты, а затѣмъ, пригрѣтый солнышкомъ, я пошелъ поспать. На скатѣ Рыжей, недалеко отъ палатки Скобелева, было одно, какъ-то уцѣлѣвшее—раскидистое дерево, подъ которымъ я и улегся. Услужливые кубанцы, расположеніемъ коихъ я всегда пользовался, подостлали мнѣ двѣ бурки, и я чудесно на нихъ устроился. На бѣду эти бурки, на которыя я любовно взиралъ, какъ на чудное ложе, оказались предательскими: онѣ были населены. Понятно, что нѣкоторая часть этого непріятнаго населенія поспѣшила перекочевать на меня, а такъ какъ при нашей тогдашней жизни, не то что вымыться всему, а и лицо-то и руки не всегда поспѣешь помыть какъ сдѣдуетъ [1]), то я долго еще вспоминалъ эти бурки, столь понравившіяся мнѣ вначалѣ.

Долго ли, много ли я спалъ, не знаю; кажется, не много; по крайней мѣрѣ въ то время мнѣ всегда казалось, что по той или другой причинѣ, а все же мнѣ не удалось выспаться. Просыпаюсь, слыша надъ собой голоса; открывъ глаза, я увидѣлъ Казиміра Васильевича Левицкаго верхомъ, а за нимъ ординарца великаго князя главнокомандующаго, гродненскаго гусара Цурикова.

— Что вы здѣсь дѣлаете, отдыхаете?—спросилъ Левицкій.

Мнѣ почему-то ужасно не понравилось это «отдыхаете». Потому ли, что я вообще былъ неохотникъ до Левицкаго, потому ли, что мнѣ помѣшали спать, но въ этомъ «отдыхаете» мнѣ послышалось «ничего не дѣлаете, сибаритничаете». Я вѣроятно недовольнымъ и брюзгливымъ тономъ отвѣчалъ: «да, сегодня отдыхаемъ».

— А гдѣ князь и Скобелевъ?—спросилъ Левицкій.

Я все еще нехотя отвѣчалъ:

— А вонъ тамъ въ палаткѣ... тоже отдыхаютъ.

— Ведите меня къ нимъ.

Нечего дѣлать, повелъ: они верхомъ, а я пѣшкомъ.

Въ палатку Скобелева, который сидѣлъ съ княземъ, вошли Левиц-

---

[1]) Только Скобелевъ умудрялся всегда не только фундаментально вымыться, но и надушиться.

кій и я; Цуриковъ остался за палаткой и вѣроятно зашелъ въ другую стоявшую рядомъ и въ которой находились: подполковникъ Желтухинъ, капитанъ Куропаткинъ [1]) и корреспондентъ «Новаго Времени» Россоловскій, милѣйшій, пріятнѣйшій, скромный человѣкъ, знакомый всему отряду и всѣми нами любимый.

Съ свойственной ему манерой говорить отчеканивая слова и отдѣлять фразы паузами, Левицкій началъ:

— Я пріѣхалъ сообщить вамъ, что штурмъ назначенъ на послѣ завтра, 30-го августа.

Мы уже знали вообще, что штурмъ рѣшенъ; онъ былъ назначенъ на 28-е, потомъ отложенъ, но не отмѣненъ и потому извѣстіе, сообщенное Левицкимъ, не было для насъ неожиданностію.

Сдѣлавъ паузу, Левицкій продолжалъ:

— Да-съ, штурмъ будетъ 30-го, а затѣмъ вы, ваша свѣтлость, немедленно послѣ штурма, съ вашей дивизіей, должны идти къ Рущуку, въ отрядъ его высочества наслѣдника цесаревича.

Вотъ тутъ мы были совсѣмъ поражены, и я невольно подумалъ: что же это? Господи Боже, какія дѣла!!! Слово «немедленно» было сказано съ такимъ удареніемъ, что у меня вдругъ нарисовалась картина: штурмъ, потомъ немедленно налѣво—кругомъ маршъ, съ запада на востокъ, черезъ всю почти Болгарію, къ Рущуку. Эффектъ былъ полный, такъ что нѣсколько секундъ ни князь, ни Скобелевъ звука не издали. Наконецъ, заговорилъ князь.

— Какъ же это такъ немедленно. Да вы подумайте только, Казиміръ Васильевичъ, во что̀ обратится мой отрядъ, послѣ штурма? Предполагая даже, что штурмъ будетъ удачемъ, чему я лично не вѣрю, если даже штурмъ будетъ удаченъ, то надо вѣдь дать вздохнуть войскамъ, надо ихъ привести въ порядокъ, надо пополнить снаряды, патроны; надо и о продовольствіи подумать. Да, наконецъ, просто ряды сосчитать, уравнять роты, а этого не сдѣлаешь сразу. Гдѣ же тутъ немедленно! Ну, а если штурмъ будетъ неудаченъ,— тогда что? Подумайте только, въ какомъ мы будемъ положеніи!

На это послѣднее Левицкій брякнулъ: а почемъ вы знаете, князь, можетъ быть, наслѣдникъ цесаревичъ находится еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ вы?

Левицкій не продолжалъ и намъ осталось неизвѣстнымъ, въ какомъ положеніи находится Рущукскій отрядъ. Очевидно, опять «секретъ» [2]), и русскія войска подъ Плевной не должны знать, что̀ творится въ русскихъ же войскахъ, но подъ Рущукомъ!

---

[1]) Нынѣ военный министръ.

[2]) Изъ прошлаго. Часть 1-я. На войнѣ стр. 37, 279 и др.

На этомъ разговоръ, по части «немедленности» движенія нашего къ Рущуку, прекратился; начали обсуждать вообще вопросъ о штурмѣ. Князь Имеретинскій очень горячо, обстоятельно и логично доказывалъ всю рискованность штурма Плевны и что онъ, безусловно, не вѣрилъ въ его успѣхъ. Скобелевъ поддерживалъ князя, но съ тѣмъ варіантомъ, что штурмъ, подобный штурму 18-го іюля, въ которомъ главный ударъ былъ направленъ съ востока на Гривицу и отъ Радишева,—конечно, не удастся, а что надо главный ударъ наносить съ юга, съ Зеленыхъ горъ, понятно, значительно усиливъ отрядъ князя.

Оба генерала, князь и Скобелевъ, говорили весьма убѣдительно и толково; послѣдній опирался еще на свое отличное знаніе мѣстности и обстановки, пріобрѣтенное кровавымъ опытомъ въ бояхъ 18-го іюля, 27-го, 28-го августа и въ многочисленныхъ рекогносцировкахъ; но все было напрасно. Левицкій стоялъ на своемъ, говорилъ, что все уже обдумано, рѣшено и передѣлать нельзя. Имеретинскій постепенно умолкалъ, а Скобелевъ все болѣе и болѣе кипятился, наконецъ, не выдержалъ, сорвался съ мѣста и, схвативъ меня за рукавъ, вытащилъ изъ палатки.

— Я не могу больше,—сказалъ онъ;—я чувствую, что еще не много, и я наговорю дерзостей; онъ не видѣлъ нашихъ позицій, ничего не знаетъ и ничего не понимаетъ. Пойди и скажи ему, что я прошу его съѣздить со мной на первый гребень; тогда, можетъ быть, онъ убѣдится, что вся суть здѣсь;—поѣдетъ и доложитъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ крикнулъ: Лошадь! а я, какъ въ чаду отъ всего слышаннаго, пошелъ уговаривать Левицкаго.

Однако уговаривать мнѣ не пришлось, потому что когда я входилъ въ палатку, Левицкій уже прощался съ княземъ, и всѣ мы вышли. Лошади были уже поданы, значекъ Скобелева развѣвался, а Нурбайка былъ уже верхомъ [1]). Стоя возлѣ лошадей, Скобелевъ началъ доказывать Левицкому необходимость взглянуть на Зеленыя горы; Михаилъ Дмитріевичъ, какъ всегда, говорилъ энергично и краснорѣчиво. Левицкій долго отнѣкивался, говоря, что ему надо назадъ, въ главную квартиру, но подъ конецъ какъ будто бы сдался на увѣщанія Скобелева, прося только сдѣлать все поскорѣе, и сѣлъ на лошадь; но вдругъ вынулъ часы, посмотрѣлъ и, какъ бы спохватившись, или удивившись, что такъ поздно, обратился ко всѣмъ намъ и сказалъ:

— Нѣтъ, ей-Богу не могу: меня ждетъ великій князь главнокомандующій, и съ этими словами повернулъ лошадь и ускакалъ, а мы остались.

Шумъ, произведенный Скобелевымъ, когда онъ, гнѣвный, выскочилъ

---

[1]) Скобелевскій джигитъ, вывезенный имъ изъ Туркестана. Убитъ 30-го августа (Изъ прошлаго. На войнѣ, стр. 372).

изъ палатки, таща меня за рукавъ, крикъ его: Лошадь!—все это было услышано въ сосѣдней палаткѣ, и бывшія тамъ лица вышли изъ нея; вышелъ и Россоловскій, видѣвшій всю сцену отъѣзда Левицкаго, но, по отдаленности, разговора не слышавшій. Вернувшись въ Россію и прочитывая газеты за прошлое время, я въ «Новомъ Времени» прочиталъ корреспонденцію Россоловскаго о поѣздкѣ къ намъ Левицкаго. Она такъ картинно написана, такъ жизненна, что я позволяю себѣ привести здѣсь выдержку изъ нея [1]).

«Совѣщаніе въ генеральской палаткѣ продолжалось еще минутъ 15. Вижу, наконецъ, выходятъ оттуда князь Имеретинскій, М. Д. Скобелевъ генералъ-маіоръ Левицкій и полковникъ Паренсовъ; издали я дѣлаюсь свидѣтелемъ сцены, для меня, конечно, мимической: генералъ Скобелевъ, повидимому, приглашаетъ генерала Левицкаго куда-то ѣхать: лучше, молъ, на мѣстѣ убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ, чѣмъ толковать въ палаткѣ; тотъ отказывается—это, молъ, не нужно, я на васъ вполнѣ полагаюсь, я вѣрю вашей рекогносцировкѣ. Генералъ Скобелевъ настаиваетъ, приказываетъ казаку подать лошадей; подъѣзжаетъ его значекъ. Генералъ Левицкій садится на лошадь, смотритъ на часы; изъ жестовъ его можно понять, что онъ и радъ бы ѣхать съ Скобелевымъ, но ему пора въ другую сторону... Скобелевъ, князь Имеретинскій и Паренсовъ провожаютъ глазами уѣзжающаго генерала Левицкаго».

И такъ—мудрыя слова осторожнаго князя Имеретинскаго не были услышаны; мы все еще были ослѣплены другими блестящими, но гибельными для насъ словами: «впередъ, впередъ и впередъ», сказанными въ Систовѣ [2]).

Не имѣли желаннаго воздѣйствія и дѣльные совѣты Михаила Дмитріевича, богатаго военными знаніями и боевымъ обытомъ, изучившаго Плевну не въ теоріи и по плану, а на мѣстѣ и въ бояхъ, видѣвшаго южную сторону Плевны 18-го іюля слабою, незащищенною и увидѣвшаго ее же, въ концѣ августа, переродившеюся, во всеоружіи фортовъ и траншей, сильною и грозною. Почему-то продолжало господствовать убѣжденіе о необходимости вести главную атаку на Плевну съ востока; точно хотѣли непремѣнно взять быка за рога и, какъ будто въ затменіи, не вдумались въ то простое соображеніе, что, направляя главный ударъ въ самое чувствительное мѣсто турокъ—на южную сторону, мы этимъ самымъ, при успѣхѣ, достигали бы паденія и Гривицы, и всего восточнаго фронта. А успѣхъ былъ возможенъ; онъ былъ бы несомнѣнно страшно кровавый, но все же возможный, только, конечно, не съ тѣми

---

[1]) „Новое Время“ 1877 г., № 557.

[2]) Изъ прошлаго. Часть 1-я. На войнѣ, стр. 284.

слабыми силами, которыя были въ распоряженіи князя Имеретинскаго и Скобелева. Скобелева подкрѣпили въ теченіе 30-го и 31-го августа, но какъ? Утромъ, 29-го августа 1-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи (полки Владимірскій и Суздальскій) пришла изъ центра нашего общаго расположенія и только. 31-го августа, между двумя и тремя часами дня, былъ присланъ, пострадавшій наканунѣ въ бою нашего центра, Шуйскій полкъ въ числѣ 1.300 человѣкъ и, наконецъ, къ вечеру 31-го числа, когда не было уже слышно выстрѣловъ, а только стоны раненыхъ, былъ высланъ на подмогу Серпуховской полкъ, за ненадобностью возвращенный обратно.

Опять оправдалось изреченіе Гоша: les petits paquets ne valent rien: une bonne masse écrase tout.

Какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ нами; но скоро пришло время, когда, съ пріѣздомъ Тотлебена, слово «штурмъ» было предано забвенію; его замѣнило «обложеніе», единственный путь къ овладѣнію Плевной, но прибавимъ: единственный—послѣ 30-го, 31-го августа.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина [1]).

VII.

Положеніе дѣлъ въ краѣ.—Настроеніе общества.—Первая вооруженная шайка.—Воззваніе, присланное изъ Варшавы въ Вильну.—Демонстрація въ Друскеникахъ.—Организаціонный комитетъ въ Вильнѣ.—Его воззваніе.—Графъ Старжинскій и его письма въ Петербургъ.

Прежде чѣмъ поведу дальнѣйшій разсказъ о виленскихъ политическихъ происшествіяхъ 1862 года, считаю необходимымъ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе для того, чтобы ознакомить читателя съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ по управленію краемъ. Такъ какъ гродненскій губернаторъ И. А. Шпееръ, и при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, былъ совершенно не на своемъ мѣстѣ, то, само собой разумѣется, въ то бурное время, когда каждый день приносилъ за собою какое-нибудь новое затрудненіе правительству, оставить его въ Гроднѣ не было никакой возможности, а потому на его мѣсто назначенъ былъ свиты его величества генералъ-маіоръ А. М. Дренякинъ, человѣкъ энергичный, но крайне болѣзненный и желчный. Отношенія его къ генералъ-губернатору стали въ скоромъ времени довольно натянутыя, и онъ не захотѣлъ оставаться на своемъ посту. Во второй половинѣ февраля мѣсяца В. И. Назимовъ поѣхалъ въ Петербургъ. И вотъ въ одно прекрасное утро получена была отъ него телеграмма на имя управлявшаго канцеляріею полковника И. В. Галлера, въ которой онъ поздравлялъ его съ

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1902 г.

монаршею милостію. Высочайшимъ приказомъ 6-го марта, на основаніи всемилостивѣйшаго манифеста 18-го февраля 1862 года, полковникъ фонъ-Галлеръ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ исправляющимъ должность военнаго губернатора г. Гродны и гродненскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Назначеніе это было для него совершенною неожиданностію; по крайней мѣрѣ онъ такъ самъ объявилъ это поздравлявшимъ его. Такъ какъ за этимъ назначеніемъ открывалась вакансія правителя генералъ-губернаторской канцеляріи, то по городу пошли разные толки и догадки о томъ, кто будетъ назначенъ. Охотниковъ было пропасть. Обѣдая запросто у генералъ-адъютанта И. С. Фролова, который былъ помощникомъ В. И. Назимова по званію командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, у меня зашелъ съ нимъ за столомъ разговоръ по этому вопросу.

— Послушайте, Иванъ Акимовичъ,—обратился ко мнѣ гостепріимный хозяинъ,—вы должны непремѣнно быть правителемъ генералъ-губернаторской канцеляріи.

Слово д о л ж н ы было произнесено имъ съ особенною выразительностію.

— Если бы назначеніе на это мѣсто зависѣло отъ васъ, Илья Степановичъ,—отвѣтилъ я ему или, не скрою отъ васъ, отъ моего собственнаго желанія, то я могъ бы получить его и тѣмъ осуществить столь лестное для меня ваше предположеніе, но такъ какъ оно зависитъ прямо отъ Владиміра Ивановича, то я не хочу даже и думать объ этомъ; получить отказъ—весьма непріятно.

— Я вамъ повторяю, вы должны быть и можете быть правителемъ канцеляріи, если только захотите.

— Если вы подъ словами д о л ж н ы и м о ж е т е подразумѣваете мои способности и права занять эту должность, то вы не ошибаетесь въ томъ, Илья Степановичъ. Мое званіе кандидата Московскаго университета по юридическому факультету и шестнадцатилѣтняя служба при губернаторахъ и генералъ-губернаторахъ здѣшняго края служатъ достаточною порукою, что я съумѣю оправдать выборъ, но...

— Пожалуйста безъ этихъ «но»,—продолжалъ мой собесѣдникъ,—не забудьте того, что послѣ отъѣзда генералъ-губернатора въ Петербургъ здѣсь, въ Вильнѣ, осталось девять-десятыхъ возможности занять вамъ эту вакансію.

Замѣтивъ желаніе мое возразить ему, Илья Степановичъ поторопился остановить меня.

— Не возражайте, а лучше послушайтесь-ка меня и выслушайте одну быль... Я былъ еще ребенкомъ, когда однажды отецъ повелъ меня въ звѣринецъ показать слона... огромное упрямое животное. Приставленный къ нему вожакъ былъ небольшой человѣчекъ, а что онъ

съ нимъ выдѣлывалъ — просто ума помраченіе... И вдругъ ни съ того ни съ сего слонъ, эта громадина, заупрямился и пересталъ слушать команду. Видя, что ласки не помогаютъ, вожакъ взялъ стальной молотокъ и скомандовалъ слону посадить себя къ нему на спину; слонъ послушался... Тогда вожакъ загналъ ему молотомъ костыль въ затылокъ и сталъ учить послушанію, поворачивая руками костыль. Слонъ, эта махинища, испустилъ жалобный вой и сталъ съ покорностію исполнять всѣ приказанія своего маленькаго вожака... Такъ вотъ какіе казусы бываютъ на свѣтѣ, а вы хорошенько подумайте, да поскорѣе начните дѣйствовать... Повторяю вамъ, здѣсь вся сила.

Намекъ былъ на супругу генералъ-губернатора.

Между тѣмъ наступило лѣто 1862 г. Общественная жизнь въ Вильнѣ замерла еще болѣе, по случаю разныхъ распоряженій центральнаго комитета. По польскимъ домамъ прекратилась даже музыка и пѣніе; загородныя гулянья опустѣли; надвигалась буря съ запада, а мы смотрѣли на все какъ бы спустя рукава... Все почти городское населеніе погружено было въ глубокій политическій трауръ по замученной и истерзанной отчизнѣ. Не носившія чернаго цвѣта одежду женщины, болѣе прежняго, безъ различія состоянія, стали подвергаться на улицахъ разныхъ непріятностямъ, не смотря на военное положеніе, которое, кстати сказать, было таково, что никто его не чувствовалъ; обливаніе купоросомъ, чернилами и разными нечистотами повторялось чуть не ежедневно; поневолѣ надѣнешь черный цвѣтъ, когда тебѣ испортятъ платье. Бывали случаи, что на улицѣ съ головы дамъ срывалась черная шляпка за то, что на ней были цвѣтныя ленты или приколотъ букетикъ цвѣтовъ; такой участи подверглась среди бѣлаго дня жена жандармскаго офицера Баканова. Въ одинъ изъ праздниковъ, дочери полковника Кандаурова шли по Большой улицѣ къ обѣднѣ въ Николаевскій соборъ; на нихъ были свѣтлыя лѣтнія платья. Утромъ въ этотъ день прошелъ дождь и освѣжилъ обычно-тяжелую городскую атмосферу, неотъемлемую принадлежность городовъ, населенныхъ жидовствомъ. По улицамъ кое-гдѣ стояли еще лужи, но погода была великолѣпная; Вильна, по причинѣ низменнаго своего положенія и окружающихъ городъ высотъ, очень быстро просыхаетъ, даже послѣ большихъ ливней. Когда дѣвицы поравнялись съ улицею Савичъ, оттуда выбѣжалъ поджидавшій ихъ за угломъ мальчишка въ то самое время, когда онѣ осторожно переходили по мостовой на тротуаръ. Пробѣгая мимо нихъ, сорванецъ, взбалтывая лужу ногами, окатилъ ихъ грязью чуть не съ головы до ногъ. Но эта дерзость не прошла ему даромъ. Такъ какъ онъ былъ извѣстенъ цѣлому городу своимъ попрошайничаніемъ, то на другой день его арестовали и наказали розгами при полиціи. Эта мѣра поуняла на нѣкоторое время уличныя выходки безобразниковъ. Въ началѣ іюля жандармы задержали

въ Вильнѣ нѣсколько мѣшковъ съ походными сапогами, заготовленными, по полученнымъ свѣдѣніямъ, по распоряженію центральнаго комитета; люди съ забранными вещами были доставлены въ полицію. Полицей-мейстеръ, полковникъ Васильевъ, вмѣсто того, чтобы приняться дѣятельно за розыски, вломился въ амбицію: какъ могли сдѣлать подобную поимку жандармы, когда по его суточнымъ рапортамъ все обстояло въ городѣ благополучно?! Дѣло, при подобной постановкѣ, само-собой разумѣется, кончилось ничѣмъ; нашлись торговцы, которымъ будто бы принадлежала заказанная въ значительномъ числѣ однообразная обувь, а мы даже и не заподозрили, что этой обуви въ весьма недалекомъ будущемъ предстояло красоваться на ногахъ мятежниковъ, шайки которыхъ, какъ было обнаружено впослѣдствіи, формировались около Вильны, въ полуверстѣ ниже Звѣринца, лѣтняго мѣстожительства генералъ-губернатора. По причинѣ тогдашнихъ смутъ тамъ стоялъ казачій пикетъ, а на ночь ставились часовые.

Сколько пріятныхъ воспоминаній пробуждается во мнѣ при имени этой живописной мѣстности, гдѣ догорѣла моя молодость и гдѣ радушная семья Назимовыхъ въ теченіе лѣтняго сезона, нѣсколько лѣтъ сряду, сосредоточивала все лучшее общество не только Вильны, но и цѣлаго края... Къ пятнадцатому іюля, то-есть, ко дню именинъ Владиміра Ивановича, съѣзжались обыкновенно къ нему изъ своихъ деревень помѣщики чуть не цѣлаго края, для принесенія поздравленій своему любимцу, и веселились на славу. Въ это столь еще недавно прошлое время намъ казалось, что русскіе и поляки составили, наконецъ, одну нераздѣльную родную семью... Горькая иллюзія... Поддаваясь польскимъ льстивымъ рѣчамъ и лживымъ увѣреніямъ ихъ въ дружбѣ, мы, по своей открытой славянской натурѣ, полюбили ихъ искренно, стали учиться по-польски и вскорѣ польскимъ языкомъ замѣнили нашу родную рѣчь... и вдругъ передъ нашими изумленными глазами произошла такая внезапная перемѣна... Пріязнь исчезла... лицемѣрная маска сброшена, и старинная польская ненависть съ бѣшеною злобою возстала передъ нами; съ какимъ злорадствомъ ринулась она по цѣлому краю и разсѣвала тамъ неурядицу. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, при малѣйшей къ тому возможности, она истребила бы всѣ слѣды присущей тамъ русской, столь ненавистной ей народности. Невольно приходитъ здѣсь мысль о томъ, сколько незаслуженныхъ нареканій пало на священную память въ бозѣ почившаго императора Николая Павловича, который, какъ оказалось на дѣлѣ, зналъ поляковъ и цѣнилъ ихъ достоинства, а чѣмъ отблагодарили поляки незабвеннаго Царя-Освободителя!

Въ началѣ іюля пошли по городу Вильнѣ толки о томъ, какъ готовятся поляки праздновать приснопамятный имъ день 31-го іюля, на-

дѣлавшій намъ столько хлопотъ уже и въ прошломъ году. И вотъ въ то самое время, когда по цѣлому краю шли эти приготовленія, въ Трокскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи, неподалеку отъ мѣстечка Бирштаны, извѣстнаго своими минеральными водами, появилась 21-го числа первая вооруженная шайка изъ пятнадцати всадниковъ, производившая разныя эволюціи. Весьма интересно объясненіе по этому поводу помѣщика Антонія Залѣсскаго, который, какъ творецъ этого отряда, по распоряженію генералъ-губернатора, былъ доставленъ подъ арестомъ въ Виленскую политическую тюрьму. На запросъ политической коммиссіи,—по какому поводу онъ рѣшился сформировать вооруженный конный отрядъ, не смотря на военное положеніе края,—онъ прехладнокровно объявилъ коммиссіи, что такъ какъ, по случаю политическихъ событій и военнаго положенія, дамы польскаго общества ведутъ очень однообразную и скучную жизнь, то, для доставленія имъ развлеченія, онъ задумалъ устроить у себя въ деревнѣ нѣчто въ родѣ средне-вѣковыхъ турниpовъ и съ этою цѣлію сформировалъ на свой счетъ конный отрядъ изъ пятнадцати наѣздниковъ; забранныя же при обыскѣ пики составляли необходимое оружіе для сниманія на всемъ скаку развѣшенныхъ на столбахъ вѣнковъ, которыми дамы могли бы увѣнчать чело выказавшей свое искусство молодежи. Подобное объясненіе сопровождалось ироническою улыбкою ясновельможнаго пана. Но не прошло затѣмъ и полгода съ перваго появленія этой подготовленной конной банды, какъ по цѣлому краю пошли разгуливать, какъ бы выросшіе изъ земли, эти представители средне-вѣковыхъ турниpовъ, и намъ пришлось очень дорого заплатить за нашу безпечность и преступное довѣріе къ панамъ, которые глумились надъ нами, зная, что конечнымъ результатомъ ихъ дѣятельности будетъ временная ссылка во внутреннія губерніи, гдѣ имъ жилось отлично и гдѣ они могли еще вдобавокъ безнаказанно пропагандировать и служить дѣлу ойчизны.

Такъ какъ о приготовленіяхъ поляковъ праздновать годовщину Люблинской уніи было заранѣе извѣстно начальству, которое и приняло мѣры къ недопущенію манифестацій, то день 31-го іюля ограничился въ Вильнѣ снятіемъ траура и облеченіемъ польскаго городскаго населенія въ разноцвѣтныя одежды. По всѣмъ костеламъ отправлено было торжественное богослуженіе, которое ограничилось пѣніемъ обыкновенныхъ молитвъ... Въ городѣ появилось слѣдующее воззваніе:

«Братья! Что Богъ соединилъ, того не разлучитъ ни человѣкъ, ни злой духъ. Двѣсти девяносто три года тому назадъ Польша соединилась съ Литвою и Русью, литовцами же освобожденною отъ татарскаго ига, какъ мужъ съ женой. Сія святая свадьба совершилась въ Люблинѣ и называется уніей. Годовщина этого праздника приходится 31-го іюля (12-го августа). Торжественно праздновали мы ее въ прошломъ году.

Не было ни одного прихода въ цѣлой землѣ польской, какъ ни широка она и ни длинна, въ которомъ бы не праздновали сего великаго дня. Приближается снова нашъ великій народный праздникъ; враги наши дрожатъ, вспоминая его. Злѣйшіе египетскихъ фараоновъ, они готовятъ повозки, лошадей, пики и ружья, чтобы этотъ день обагрить кровію невинныхъ. Несчастные! Имъ кажется, что они угрозами и страхомъ принудятъ насъ отречься отъ вѣры, надежды и упованія на Бога!

«Братья! Богъ видитъ сердца наши, Богъ видитъ сердца народа своего; Богъ возвратитъ намъ отечество. Нынѣ Онъ видимо наказываетъ враговъ нашихъ. Прошлаго года въ годовщину нашего праздника почувствовали они, что владычество ихъ у насъ кончается. Проникнутые злобою, они нападали на ксендзовъ, на женщинъ, на дѣтей, несущихъ хоругви и св. иконы. Нынѣ же убиваютъ и терзаютъ они самихъ себя на собственной землѣ, какъ бѣшеныя собаки. Намъ было худо; мы пѣли въ церквахъ и молились Богу. Имъ худо, они поджигаютъ другъ-другу дома, и братъ у нихъ убиваетъ брата. 31-го іюля соберемся мы въ костелахъ и часовняхъ; бросимъ только на этотъ единственный день трауръ. Всякія работы въ полѣ и мастерскихъ будутъ прекращены; землевладѣльцы подарятъ крестьянамъ рабочую повинность, причитающуюся имъ за этотъ день; хозяева отпустятъ батраковъ, мастера—подмастерьевъ.

«Братья! Помолившись въ костелахъ, каждый воротится въ домъ свой въ свою хижину и будетъ праздновать этотъ великій народный нашъ праздникъ такъ, какъ Рождество и Свѣтлое Христово Воскресеніе, благословитъ дѣтей, примирится съ тѣми, которые имѣютъ справедливыя причины считаться обиженными нами или оскорбленными; подѣлится съ нуждающимися, навѣститъ больныхъ, накормитъ голодныхъ.

«Братья! 31-го іюля есть годовщина великой и святой свадьбы Литвы съ Польшею. Что Богъ соединилъ, то человѣкъ не разлучитъ! Хорошо было Литвѣ и Польшѣ, пока ихъ чужіе люди не раздѣлили и сами у насъ не стали постоемъ. Каждый мужъ, любящій жену, каждая жена, любящая мужа, всѣ тѣ, которые вступили, вступаютъ или хотятъ вступить въ брачный союзъ, да помнятъ, что 31-е іюля есть годовщина великаго брачнаго союза Литвы съ Польшею.

«Братья! Будемъ торжественно праздновать этотъ день и оставимъ пѣніе гимновъ и все то, что̀ могло бы подать поводъ къ преслѣдованію насъ. Попросимъ Бога словомъ и дѣломъ, дабы Онъ далъ намъ свободу и избавленіе. Варшава 1862 г.».

Подобное воззваніе, разосланное по цѣлому краю, не осталось, конечно, безъ исполненія; по примѣру Вильны день 31-го іюля праздновался во многихъ мѣстахъ. Но такъ какъ я описываю только то, что̀ самъ видѣлъ, то и перехожу къ Друскеникской демонстраціи. Мѣстечко Друскеники славится своими цѣлебными водами и расположено на бе-

регу рѣки Нѣмана, который отдѣляетъ его отъ Царства Польскаго; оно находится въ сорока верстахъ отъ Гродны.

Въ первой половинѣ августа мѣсяца получилъ я командировку въ Гродненскую губернію для разслѣдованія бывшей 31-го іюля политической манифестаціи въ м. Друскеникахъ. Отпуская меня въ Гродну, В. И. Назимовъ приказалъ заѣхать тамъ къ губернатору и получить отъ него ближайшія свѣдѣнія по этому предмету, прибавивъ при томъ, что, для содѣйствія по исполненію возложеннаго на меня порученія, онъ командируетъ военнаго штабъ-офицера при казакахъ. Въ Виленской политической тюрьмѣ содержался по этому дѣлу бывшій студентъ Московскаго университета Махнауръ, человѣкъ довольно состоятельный, который былъ высланъ оттуда подъ арестъ за участіе въ демонстраціи. Дѣло, повидимому, серьезное, подумалъ я, отправляясь въ канцелярію за полученіемъ прогоновъ, когда нужна военная сила. А потому, получивши приказаніе не медлить съ отъѣздомъ, я поручилъ канцелярскому сторожу поскорѣе привести мнѣ на квартиру почтовыхъ лошадей, куда и самъ минутъ черезъ десять поѣхалъ на извозчикѣ, чтобы успѣть собраться въ дорогу. Въ исходѣ восьмаго часа вечера звонкій колокольчикъ лихо заливался по Лидскому почтовому тракту, и перекладная, на которой я ѣхалъ, то и дѣло подносила мнѣ толчки, подпрыгивая по камнямъ. Да, думалось мнѣ невольно, чиновниковъ особыхъ порученій у насъ много, а мнѣ только одному выпадаетъ на долю постоянно кататься на перекладныхъ... А такъ какъ я разъѣзжалъ часто по краю, хорошо давалъ на водку ямщикамъ, то они знали меня всюду и возили отлично къ ужасу почтосодержателей-евреевъ. Первую станцію отъ Вильны въ двадцать четыре версты сдѣлалъ я въ полтора часа, лошади были мигомъ перепряжены, и я поѣхалъ далѣе; затѣмъ почти на полпути, заснувши въ уѣздномъ городѣ Лидѣ часа три и освѣживши тѣмъ свои усталые члены, въ началѣ пятаго часа по полудни, на другой день, я былъ уже у гродненскаго губернатора В. И. Галлера, который принялъ меня весьма радушно, какъ прежняго сослуживца, и угостилъ отличнымъ обѣдомъ. Такъ какъ мѣшкать, для отдыха, не приходилось, тѣмъ болѣе, что со дня бывшей демонстраціи прошло уже пятнадцать дней и купальный сезонъ въ Друскеникахъ подходилъ къ концу, то, заручившись всѣми необходимыми по данному мнѣ порученію свѣдѣніями и напившись у губернатора чаю, въ девятомъ часу вечера отправился я въ Друскеники, до которыхъ считалось за сорокъ верстъ, вмѣстѣ съ маіоромъ Казанли, назначеннымъ туда военнымъ начальникомъ. Тридцать человѣкъ казаковъ выступили въ Друскеники, часъ спустя послѣ моего пріѣзда въ Гродну, получивъ приказъ обождать насъ версты за двѣ до мѣстечка къ лѣсу. Путешествіе наше мы совершили благополучно. Въ началѣ втораго часа по полуночи экипажъ нашъ, запря-

женный четверкою лошадей, тихо катился по пескамъ покоившагося глубокимъ сномъ мѣстечка. Мой спутникъ тотчасъ же отдалъ приказаніе казакамъ оцѣпить Друскеники и никого оттуда не выпускать безъ его разрѣшенія. Мѣру эту необходимо было принять для того, чтобы предупредить разъѣздъ лицъ, принимавшихъ участіе въ манифестаціи, такъ какъ, по полученнымъ нами дорогою свѣдѣніямъ, о моей командировкѣ было тамъ уже извѣстно, и многіе стали разъѣзжаться по домамъ, избѣгая допросовъ. Распоряженіе маіора Казанли принесло пользу. Остановились мы съ нимъ въ казенномъ домѣ, гдѣ тогда жилъ съ семействомъ попечитель Виленскаго учебнаго округа князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ, человѣкъ вполнѣ русскій и истинный христіанинъ. Часовъ въ шесть утра казаки, исполняя полученное приказаніе, привели къ военному начальнику экипажъ съ гродненскимъ помѣщикомъ, который хотѣлъ тайкомъ уѣхать изъ Друскеникъ. Какъ оказалось, онъ былъ однимъ изъ распорядителей устроеннаго пиршества. Въ десять часовъ утра, когда я проснулся, мнѣ доложили, что часовъ около восьми приходилъ ко мнѣ съ визитомъ главный докторъ минеральныхъ водъ Пилецкій, съ которымъ я былъ знакомъ, какъ говорится, по шапочному разбору. Человѣкъ этотъ имѣлъ независимое состояніе и пользовался громаднымъ авторитетомъ въ этой мѣстности; его называли королемъ водъ. Это былъ высокаго роста брюнетъ, съ курчавыми волосами, красивый собою и стройный мужчина; веселый характеръ его и хлѣбосольство поддерживали его огромную практику и давали ему большой вѣсъ въ совѣтѣ мужчинъ, любившихъ выпить и поиграть въ карты, и въ особенности у дамъ, которыхъ онъ былъ первый поклонникъ и домашній докторъ. Въ виду столь ранняго его визита, я тотчасъ же смекнулъ, что онъ имѣетъ ко мнѣ какое-нибудь дѣло по данному мнѣ порученію, и надѣялся въ простотѣ души поразузнать отъ него подробности о бывшей манифестаціи, забывши пословицу, что воронъ ворону глазъ не выклюетъ. Составивши съ маіоромъ Казанли планъ нашихъ дѣйствій, я отправился за справками къ доктору. Хитрый полякъ принялъ меня съ распростертыми объятіями, какъ самаго близкаго стариннаго своего знакомаго, и задержалъ у себя болѣе часу, предложивъ закуску, которая какъ нельзя болѣе пришлась кстати, такъ какъ я, кромѣ чаю, со вчерашняго обѣда ничего не ѣлъ. Бесѣда у насъ, хотя и вдвоемъ, была оживленно-веселая. Радушный хозяинъ, на спросъ мой, разсказалъ мнѣ до малѣйшей подробности все происходившее 31-го іюля въ Друскеникахъ; благотворительная цѣль составляла всю суть дѣла, которое, по объясненію гостепріимнаго хозяина, только интриганы хотѣли озаглавить громкимъ именемъ политической манифестаціи. Въ подкрѣпленіе своего разсказа онъ привелъ тотъ фактъ, что гродненскій вице-губернаторъ, князь Оболенскій, удостоилъ благотворитель-

ный вечеръ своимъ присутствіемъ. Разныя демонстративныя выходки, о которыхъ я имѣлъ свѣдѣніе, докторъ старался представить въ самомъ смѣшномъ видѣ. Между прочимъ и ночное бѣгство пойманнаго казаками пана объяснялъ онъ страхомъ его попасть подъ арестъ, такъ какъ онъ въ шутку увѣрилъ его, что казаки были присланы за нимъ.

При чемъ, какъ бы вскользь, докторъ высказалъ мнѣ увѣренность, что я тотчасъ же разрѣшу ему отъѣздъ. Сознаюсь откровенно, что всѣ эти разсказы я принялъ было за чистую монету, полагая, что докторъ не станетъ болтать пустяки. Какимъ несчастнымъ бараномъ панургова стада долженъ былъ казаться я этимъ господамъ, когда припомнится все то, что они со мною выдѣлывали!.. Распростившись съ любезнымъ хозяиномъ, я вышелъ отъ него съ полнымъ убѣжденіемъ, что изъ мухи хотѣли сдѣлать слона, и тотчасъ же приступилъ къ производству разслѣдованія, во время котораго исписано было множество листовъ разныхъ показаній, въ родѣ докторскаго разсказа. Времени было довольно, и всѣ поляки спѣлись хорошо, такъ что собранныя отъ нихъ данныя сводились къ слѣдующему:

Въ виду пріѣзда изъ Варшавы пѣвицы Цыбульской, съ цѣлію дать концертъ, общество пожелало воспользоваться ея талантомъ, чтобы получить возможность помочь бѣднымъ паціентамъ минеральныхъ водъ. А чтобы соединить полезное съ пріятнымъ, положено было въ день концерта, т. е. 31-го іюля, угостить бѣдныхъ обѣдомъ, а вечеромъ послѣ концерта потанцовать. Во время обѣда бывшій студентъ Московскаго университета Махнауръ, чтобы занять присутствующихъ, прочелъ къ народу одну статью изъ современнаго варшавскаго изданія; вечеромъ, сюрпризомъ для публики, былъ сожженъ фейерверкъ, по окончаніи котораго на другомъ берегу Нѣмана, въ царствѣ Польскомъ, зажжена была иллюминація съ эмблематическимъ транспарантомъ, который, вѣроятно, и подалъ поводъ правительству предположить манифестацію; но объ этой иллюминаціи, до ея появленія, никто въ Друскеникахъ ничего не зналъ. Въ подкрѣпленіе своихъ показаній о томъ, что никакой политической демонстраціи въ этотъ день не было, поляки привели тотъ фактъ, что вице-губернаторъ князь Оболенскій почтилъ вечеръ своимъ присутствіемъ. Надо сказать правду, что подобная выходка была крайне безтактна съ его стороны, такъ какъ дальнѣйшее разслѣдованіе, по показаніямъ русскихъ, обнаружило, что цѣлый праздникъ устроенъ былъ по заранѣе обдуманному плану и съ цѣлію политической манифестаціи, въ память соединенія Литвы съ Польшею. Чтобы замаскировать эту цѣль, вызвана была изъ Варшавы на 31-е іюля заурядная пѣвица Цыбульская; коноводомъ демонстраціи былъ отставной офицеръ Станишевскій, который съ революціонными цѣлями постоянно разъѣзжалъ по цѣлому краю. Утромъ въ назначенный день

вся польская публика минеральныхъ водъ, разряженная въ цвѣтныя платья, собралась въ костелъ, гдѣ послѣ богослуженія, совершеннаго настоятелемъ ксендзомъ Костего, исполненъ былъ всѣми присутствовавшими революціонный гимнъ; потомъ вся толпа отправилась оттуда въ курзалъ, подлѣ котораго, въ тѣни деревьевъ, накрытъ былъ столъ для простонародья и нищихъ; изъ зажиточныхъ, опасаясь дурныхъ послѣдствій, на обѣдъ никто не пошелъ. За обѣдомъ прислуживали паны; нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ общей складки, приняли на себя особые расходы. Такъ волынскій помѣщикъ Старчевскій заплатилъ за музыку, а Лидскаго уѣзда, Виленской губерніи, помѣщикъ Табенскій угощалъ собравшихся медомъ и пивомъ. Подъ вліяніемъ всеобщаго воодушевленія, дворянинъ Махнауръ, собственникъ большаго двухъ-этажнаго дома въ Вильнѣ, взобравшись послѣ обѣда на импровизированную каѳедру, произнесъ къ народу рѣчь, въ которой повторялись слова: равенство и братство хлоповъ съ панами, и доказывалъ необходимость тѣснаго между ними сближенія... Вслѣдъ за рѣчью открылась попойка и танцы подъ открытымъ небомъ. Вечеромъ данъ былъ концертъ, послѣ котораго сожженъ фейерверкъ, и за-Нѣманская мѣстность освѣтилась иллюминаціею: на паромъ поставленъ былъ большой транспарантъ съ эмблематическимъ изображеніемъ единенія Литвы съ Польшею. Праздникъ окончился попойкою и танцами, продолжавшимися до самаго утра.

По окончаніи слѣдствія, маіоръ Казанли остался въ Друскеникахъ, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій генералъ-губернатора, а я тотчасъ же поѣхалъ въ Вильну, черезъ царство Польское, коммуникаціоннымъ трактомъ, по которому считалось съ небольшимъ сто двадцать верстъ, тогда какъ почтовымъ трактомъ на Гродну пришлось бы сдѣлать болѣе двухъ сотъ сорока верстъ. Такъ какъ Махнауръ не призналъ ничего противозаконнаго въ произнесенной имъ къ народу рѣчи и подтвердилъ показаніемъ, что цѣль праздника въ Друскеникахъ была чисто политическая, то онъ одинъ и послужилъ козломъ отпущенія за грѣхи своихъ родаковъ; по распоряженію генералъ-губернатора, онъ былъ высланъ изъ края. Впослѣдствіи времени принадлежавшій ему каменный домъ былъ отчужденъ, на законномъ основаніи, подъ площадь, на которой, по распоряженію графа М. Н. Муравьева, возобновлена была изъ развалинъ Пятницкая церковь, во имя св. Параскевіи, одна изъ древнѣйшихъ православныхъ церквей города Вильны.

Друскеникская политическая манифестація, въ которой проглядывала какъ бы робость, была, такъ сказать, послѣдней лебединой пѣсней въ этомъ родѣ; послѣ нея уличныя демонстраціи въ краѣ въ большихъ размѣрахъ совершенно прекратились, но, какъ бы въ замѣнъ, съ этого времени въ Вильнѣ стали появляться все чаще и чаще разныя подполь-

ныя распоряженія центральнаго комитета, и въ прежней силѣ оставались разныя выходки противу русскихъ лицъ, не носившихъ траура по отчизнѣ. Благодаря только счастливой случайности, я самъ едва избѣжалъ непріятности быть облитымъ чернилами; изъ окна дома на меня была спущена губка, которая упала на тротуаръ, едва не задѣвши меня. Въ августѣ мѣсяцѣ появилось въ Вильнѣ приглашеніе къ панихидамъ по казненнымъ въ Варшавѣ преступникамъ, которое гласило такъ:

«Жители Вильны!

«Вотъ въ это время цѣлое населеніе города Варшавы возноситъ свои молитвы предъ тронъ Предвѣчнаго Бога за души новыхъ мучениковъ: Ярошинскаго, Рилля и Рженца, которые пожертвовали своею жизнію въ неравномъ бою съ разбойниками и наѣздниками на нашу польскую землю.

«Братья! не слѣдуетъ ли и намъ въ глубокомъ смиреніи духа вознести умилительный голосъ за нихъ Тому, Который, непостижимый въ своихъ опредѣленіяхъ, ведетъ польскій народъ по дорогѣ крови и мученій до Свѣтлѣйшаго Воскресенія, пока наступитъ въ этой и будущей жизни пораженіе нашихъ враговъ и грабителей. Соберемся же массой въ святыняхъ нашей Вильны въ будущую пятницу (т. е. 24-го августа), такъ какъ эти дни посвящены печальному молебствію по умершихъ.

«Станемъ молиться, о братья! Станемъ молиться со всей силой нашего духа! Кто въ состояніи, пусть дастъ милостыню бѣднымъ, пусть и они помолятся о мученикахъ за отечество. Мѣсяцъ августъ 1862 года».

Воззваніе это отобрано было у католическаго регистратора Феликса Колышко, который увѣрялъ, что оно очутилось у него въ карманѣ совершенно непонятнымъ образомъ, когда онъ шелъ по Каѳедральной площади!.. Вообще панихиды по политическимъ преступникамъ хотя и служились въ Вильнѣ довольно часто, но это дѣлалось секретно или подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ. Коноводы мятежа, подготовляя вооруженное возстаніе, хотѣли усыпить и безъ того малую бдительность нашего начальства, и надобно сознаться, что они вполнѣ въ томъ успѣли. Впрочемъ, нужно замѣтить, что подобныя дѣйствія были весьма непріятны крайнимъ революціонерамъ. Такъ дьяконъ Бернардинскаго костела Новицкій, въ проповѣди своей въ костелѣ, высказалъ свое неудовольствіе публично: «нынѣ народъ упалъ духомъ, и если останется въ такомъ положеніи на дальнѣйшее время, то всѣ пропадете, еще есть время пробудиться, дѣйствовать смѣло и сообща, а Богъ намъ поможетъ!» Эти слова наглядным образомъ очерчиваютъ настроеніе города Вильны, а съ нею и цѣлаго края, въ концѣ 1862 года. Сознаюсь чистосердечно, что мы всѣ, русскіе, были чрезвычайно рады видимо наступавшему затишью и ни мало не подозрѣвали тѣхъ

сюрпризовъ, которые готовили намъ поляки въ наступавшемъ 1863 году. Но прежде, чѣмъ поведу разсказъ о нихъ, считаю нужнымъ упомянуть еще объ одномъ весьма интересномъ фактѣ, который очертитъ наглядно тогдашнее положеніе дѣлъ.

При штабѣ Виленскаго военнаго округа состоялъ капитанъ генеральнаго штаба Жвиржизовскій, очень способный молодой офицеръ, который успѣлъ обратить на себя вниманіе В. И. Назимова, какъ истый полякъ; своимъ лицемѣріемъ и заискиваніями онъ успѣлъ вкрасться въ довѣріе у Назимовыхъ, жилъ у нихъ даже въ лѣтнемъ помѣщеніи въ Звѣринцѣ и готовилъ тамъ сына ихъ, офицера лейбъ-гвардіи Уланскаго полка, пріѣхавшаго въ отпускъ, къ поступленію въ академію. Каково же было удивленіе генералъ-губернатора, когда онъ получилъ изъ Варшавы секретное увѣдомленіе о томъ, что Жвиржизовскій принадлежитъ къ мятежной организаціи. Поднялась цѣлая буря. Какъ могли такъ легковѣрно отзываться о человѣкѣ, извѣстномъ начальству по своей благонамѣренности! Не знаю почему, но нѣсколько времени спустя Жвиржизовскій былъ переведенъ въ Москву въ гренадерскую дивизію. Въ день его отъѣзда изъ Вильны я получилъ отъ А. А. Назимовой порученіе передать Жвиржизовскому письмо съ деньгами къ сыну, уѣхавшему уже въ Петербургъ, и напомнить отъѣзжавшему обѣщаніе, проѣздомъ черезъ столицу, пожертвовать пару деньковъ для молодаго человѣка, которому предстоялъ въ академіи экзаменъ. Небольшой одноэтажный домъ Жвиржизовскаго находился неподалеку отъ дворца, на улицѣ, параллельно идущей къ рѣкѣ Виліи. Пришедши туда, я засталъ хозяина сильно озабоченнымъ хлопотами по отъѣзду; въ квартирѣ его было совершенно пусто, онъ дѣлалъ окончательныя распоряженія. Передавши Жвиржизовскому порученіе вмѣстѣ съ письмомъ и заручившись обѣщаніемъ о непремѣнномъ исполненіи желанія m-me Назимовой, пожелалъ я ему счастливаго пути и полныхъ успѣховъ по службѣ; пожавши затѣмъ другъ другу руки, мы разстались. Выходя отъ него, я и не подозрѣвалъ, что этотъ господинъ изъ самыхъ красныхъ подготовителей мятежа и состоялъ въ числѣ пяти членовъ виленскаго революціоннаго комитета, къ которому, кромѣ его, принадлежали: кандидатъ С.-Петербургскаго университета Константинъ Калиновскій, служащіе при желѣзной дорогѣ поручикъ Малаховскій, Эдмундъ Вериго и прежній кавказскій офицеръ, а потомъ лѣкарь, Длусскій. Впослѣдствіи Жвиржизовскій, подъ названіемъ Топоръ, напалъ съ шайкою на Горы-горки, былъ разбитъ и бѣжалъ въ царство Польское; затѣмъ пойманъ и, по приговору военнаго суда, повѣшенъ.

Къ подобнымъ загадочнымъ личностямъ можно еще отнести помѣщика Александра Оскерко, который былъ главнымъ дѣятелемъ въ проведеніи и составленіи тѣхъ проектовъ, по которымъ сѣверо-западная

Россія должна была войти пересозданною въ составъ Польши; онъ былъ призванъ работать по крестьянской реформѣ и велъ дѣло такъ искусно, что паны составленными во имя правительства, уставными грамотами, системою обезземеленія, переселенія и назначенія надѣловъ, могли поставить въ кабальную отъ себя зависимость бѣдняка-крестьянина. Затѣмъ надо упомянуть о весьма богатомъ помѣщикѣ Антонѣ Еленскомъ и многихъ другихъ. По вечерамъ нерѣдко они собирались у генералъ-губернатора и вели по цѣлымъ часамъ бесѣду о томъ, какъ бы помочь бѣдѣ, а на самомъ дѣлѣ заботы ихъ клонились къ тому, какъ бы парализовать распоряженія правительства. Никогда не забуду я тотъ воодушевленный разговоръ, который вели подобные господа, убѣждая В. И. Назимова разрѣшить устройство библіотекъ для чтенія по уѣздамъ. Однажды проѣздомъ черезъ Вильну присутствовалъ въ засѣданіи капитанъ генеральнаго штаба Сѣраковскій, который, когда зашелъ вопросъ о тогдашнемъ положеніи дѣлъ, заявилъ во всеуслышаніе, что для окончательнаго рѣшенія польскаго вопроса нужно вырвать съ корнемъ польскій элементъ изъ Сѣверо-Западнаго края. Кто бы могъ послѣ этого заподозрить его въ неблагонадежности, а между тѣмъ и эта личность окончила дни свои на висѣлицѣ. Окруженный подобными дѣятелями великаго будованія Польши, благородный, добрѣйшій, но въ высшей степени слабый и нерѣшительный, В. И. Назимовъ окончательно растерялся, да и было отъ чего. Съ польской стороны манифестаціонныя безобразія представлялись дѣтскими шалостями молодежи. Генералъ-губернаторъ, принимая все это за чистую монету, чистосердечно стремился убѣдить ополяченное мѣстное дворянство въ искреннихъ, великодушныхъ намѣреніяхъ государя. При вспыхнувшихъ серьезныхъ безпорядкахъ, онъ пытался было дѣйствовать рѣшительно, но встрѣтилъ препятствія, въ 1-хъ, въ своей доброй душѣ и, во 2-хъ, въ петербургскихъ властяхъ. Былъ ли онъ виноватъ вполнѣ въ бездѣйствіи, когда Старжинскій представлялъ совершавшіяся событія въ краѣ, въ своихъ письмахъ въ Петербургъ, съ 1861 по 1863 годы, въ совершенно извращенномъ видѣ и находилъ тамъ полное сочувствіе и поддержку? Представляю на судъ благосклоннаго читателя выдержки изъ этихъ писемъ, прямо относящіяся къ дѣлу. По словамъ графа Старжинскаго, «время объявленія указа 19-го февраля, совпадая съ варшавскими событіями и манифестаціями, привело (?!) крестьянъ въ броженіе... и во многихъ мѣстахъ они взбунтовались (?!)... Мѣстныя власти сами стали возбуждать населеніе къ революціи, придираясь къ пѣнію гимновъ, въ которыхъ, чисто съ богомольнымъ настроеніемъ, населеніе молило у Всевышняго объ отечествѣ и свободѣ. Жители пѣли гимны, сперва въ храмахъ, потомъ въ духовныхъ процессіяхъ, съ хоругвями и крестами изъ одного костела переходя въ другой. Но въ этихъ крестныхъ хо-

дахъ ничего не было новаго... Это древній обычай, водворившійся у насъ вмѣстѣ съ христіанствомъ. Мѣстныя власти оставляли ихъ, пока, съ прибытіемъ генералъ-адъютанта Сухозанета въ Варшаву и съ возвращеніемъ генералъ-губернатора Назимова изъ Петербурга, не принялись внезапно за строгости... Тогда мѣстныя власти стали внушать крестьянамъ, что безпорядки происходятъ отъ помѣщиковъ, и земская полиція, вмѣшиваясь въ дѣла помѣщиковъ съ крестьянами, зачастую не исполняла приказаній мировыхъ посредниковъ и старалась притянуть къ себѣ крестьянское сословіе... Объѣздъ губерній генералъ-губернаторомъ графъ Старжинскій отнесъ къ событіямъ «достойнымъ сожалѣнія»... къ явному возбужденію крестьянъ къ волненіямъ и возстанію... Генералъ-адъютантъ Назимовъ вездѣ говорилъ крестьянамъ, что императоръ» васъ освободилъ, хотя много вашихъ помѣщиковъ того не желали; государь не встаетъ и не ложится, чтобы о васъ не подумать... потерпите еще 17 мѣсяцевъ (до 19-го февраля 1863 года) до совершеннаго избавленія отъ владѣльцевъ, до избавленія васъ отъ польскаго ига, подъ которымъ вы четыре вѣка страдали». Намеки на помѣщиковъ были такъ сильны, что крестьяне мѣстами, съ слѣдующаго же дня, перестали ходить на барщину... Въ циркулярахъ мѣстныя власти сами относятъ броженіе къ нѣсколькимъ индивидуумамъ, а репрессивныя мѣры принимаютъ противъ всѣхъ... Что же ожидаетъ землевладѣльцевъ черезъ 17 мѣсяцевъ... когда исключительно противъ нихъ обращаютъ угрозы за пѣніе гимновъ... Они видятъ, что ихъ гибель опредѣлена (que leur perte était assurée), а потому, повинуясь своимъ симпатіямъ, предаются уже шансамъ движенія, не смотря на болѣе, чѣмъ загадочные, шансы неуспѣха?..

Сваливъ проявленія усиленныхъ приготовленій къ мятежу на опасныя увлеченія хлопоманіи мѣстныхъ властей, графъ Старжинскій объясняетъ и манифестаціи, какъ невинныя и случайныя проявленія современныхъ обстоятельствъ: «онъ не знаетъ, какъ генералъ-адъютантъ Назимовъ изобразилъ въ Петербургѣ положеніе мѣстныхъ дѣлъ, но по возвращеніи имъ были приняты самыя крутыя мѣры... Въ Вильнѣ, по ложному слуху о прибытіи изъ Трокъ духовной процессіи, умирающей съ голода, спѣшившее къ нимъ съ ѣдою населеніе было атаковано пѣхотою и казаками... и спрашивается: за что? Никакой процессіи не было, и женщины несли пищу, а не камни голодавшимъ»... Подобныя же жалобы были и противъ войскъ, начальники которыхъ, по сообщеніямъ графа Старжинскаго, говорили: «Пускай полякъ попляшетъ»... а солдаты наущали крестьянъ, что они освобождены отъ барщины и передушатъ помѣщиковъ, которые поютъ гимны по костеламъ. Если подобные порядки будутъ продолжаться, то кровавая рѣзня неизбѣжна. Если

гимны имѣютъ революціонный оттѣнокъ, то почему было дозволено всюду проникнуть нашимъ стремленіямъ, изливающимся въ молитвѣ Всевышнему?.. Сообщаю истину и ничего болѣе, какъ сущую истину, прибавлялъ графъ Старжинскій и указывалъ на русскія сельскія школы, заводимыя новымъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ, также какъ на средства къ возбужденію народа противъ помѣщиковъ»...

Князь Шихматовъ распорядился о закрытіи сельскихъ школъ, которыя помѣщики по данному лозунгу внезапно стали открывать по своимъ помѣстьямъ и въ которыхъ преподавался польскій языкъ; а по мнѣнію графа Старжинскаго, «такъ какъ на обязанности ксендзовъ лежитъ преподаваніе катехизиса и нравственности крестьянамъ, а они могутъ преподавать только на польскомъ, или на латинскомъ языкѣ, то помѣщики заботятся обучить польскому языку по возможности наибольшее число народа».—По его мнѣнію, предстояло одно средство для успокоенія края, — чтобы правительство ввѣрило всю администрацію туземному дворянству! De facto впрочемъ это уже и было, не доставало только утвержденія de jure. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1862 года графъ Старжинскій писалъ въ Петербургъ: «При грозномъ настроеніи, которое сталъ принимать крестьянскій вопросъ, прошу войти въ наше положеніе... Мы вынуждены вѣрить, что цѣль администраціи и правительства произвести у насъ катастрофу... Умоляю положить конецъ подобному положенію дѣлъ... Какое довѣріе къ правительству могутъ сохранить люди, которые ясно видятъ, что администрація противъ нихъ конспирируетъ!»... Принадлежа душою и тѣломъ мятежу, графъ Старжинскій прикрывалъ болѣе опасныя свои дѣйствія минскимъ помѣщикомъ Александромъ Оскеркою и увѣрялъ правительство, что онъ «ясно видитъ положеніе дѣлъ, потому что не принадлежитъ ни къ какому кружку».

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Два охранительныхъ билета, выданныхъ во время польскаго возстанія въ 1864 году.

1.

Билетъ.

Дозволяется надворному совѣтнику Небольсину, вслѣдствіе возложенныхъ на него служебныхъ обязанностей, ходить по г. Гродно во всякое время ночи безпрепятственно; почему часовые, патрули и ночные обходы должны дѣлать ему свободный пропускъ. Января 30-го дня 1864 года.

Подписалъ: гродненскій военный начальникъ [1]).

2.

Билетъ.

1864 года, іюня десятаго дня, гродненскій полицеймейстеръ, на основаніи мѣстныхъ завѣреній, свидѣтельствуетъ, что къ выѣзду изъ города Гродно надворному совѣтнику Павлу Ивановичу Небольсину на загородныя прогулки—препятствія не имѣется.

Подписалъ: гродненскій полицеймейстеръ [1]).

[1]) Фамиліи не разобраны.

Французскій парламентъ въ Петрозаводскѣ въ 1821 году.

Въ маѣ 1826 года находящійся не у дѣлъ канцелярист Василій Симоновъ прислалъ министру внутреннихъ дѣлъ С. Ланскому прошеніе, въ которомъ писалъ:

«Высочайшимъ его императорскаго величества рескриптомъ, даннымъ на имя вашего высокопревосходительства, въ 21-й день апрѣля сего года, велѣно отобрать обязательства отъ всѣхъ вообще чиновниковъ и не служащихъ дворянъ о непринадлежности впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, и если кто и прежде сего въ оныхъ находился, то долженъ объявить со всею подробностью, подъ какимъ бы то ни было названіемъ оно существовало, какая была цѣль сего общества, и что сокрытіе сего подвергнетъ строжайшему наказанію какъ государственныхъ преступниковъ.

«Я, желая исполнить долгъ присяги, данной его императорскому величеству на вѣрность, и не быть соучастникомъ въ такомъ преступленіи, которое сдѣлано мною не съ умыслу, и дабы сокрытіе сего мало значущаго обстоятельства не подвергло справедливому наказанію, я осмѣливаюсь изложить вашему высокопревосходительству слѣдующее:

«Въ началѣ 1821 года продолжая служеніе мое въ Олонецкомъ губернскомъ правленіи столоначальникомъ, я не могу припомнить совершенно о томъ, какимъ случаемъ вовлеченъ былъ въ тайное общество, составленное изъ благородныхъ людей надъ названіемъ Французскій Парламентъ, но твердо полагаю, что оное заведено было коллежскимъ регистраторомъ Василіемъ Яковлевымъ Марьяновичемъ, бывшимъ тогда въ губернскомъ правленіи протоколистомъ, которое состояло подъ видомъ распространенія нравственности или просвѣщенія и нахо-

дилось первоначально не болѣе какъ въ десяти человѣкахъ, а съ истеченіемъ половины 1821 года увеличилось до 40 человѣкъ и болѣе...»

При тогдашнемъ тревожномъ настроеніи, заявленіе Симонова произвело свое дѣйствіе. Олонецкому гражданскому губернатору Фанъ-деръ-Флиту предписано было произвести дознаніе. По разслѣдованію оказалось, что общество «Французскій Парламентъ» было дѣйствительно составлено Марьяновичемъ, который назвалъ себя генераломъ Матвѣемъ Ѳаддеевичемъ Донъ-Кихотомъ Ламанческимъ. Собранія членовъ происходили обыкновенно послѣ обѣда въ канцелярскихъ комнатахъ губернскаго правленія, а иногда въ камерѣ губернскаго прокурора. Собравшіеся читали разныя бумаги и книги, въ числѣ которыхъ была азбука корельскаго языка, которую Марьяновичъ называлъ грамотою, данною Парламенту отъ короля. Королемъ же называлъ онъ дворянскаго засѣдателя гражданской палаты надворнаго совѣтника Киселева, старика около восьмидесяти лѣтъ, а потомъ мальчика лѣтъ 7-ми Аполлона Хоруженку, сына умершаго титулярнаго совѣтника, перваго потому, что ходилъ въ старинномъ платьѣ, а другаго по молодости лѣтъ, но они оба о своемъ наименованіи ничего не знали.

Въ Парламентѣ была письменная шуточная переписка, вродѣ слѣдующей: канцелярист Александръ Орѣховскій подалъ прошеніе о распутномъ поведеніи жены его, каковою называлъ онъ канцеляриста Василья Нѣелова. По рѣшенію собранія за недоказательствомъ жалобы положено Орѣховскому выбрить усы, а Нѣелову раздуть уши. Коллежскій регистраторъ Иванъ Судаковъ о происхожденіи своемъ представилъ отъ стараго сапога подметку; титулярный совѣтникъ Иванъ Казанцовъ, канцелярист Василій Поповъ и землемѣръ Адли подавали прошенія о принятіи ихъ въ общество, коимъ отказано, первому по неимѣнію отъ болѣзни носа, Попову за рыжими на головѣ волосами, а Адлію, потому что онъ много употреблялъ горячихъ напитковъ, а въ Парламентѣ нѣтъ денегъ; дѣлались постановленія, если кто изъ собравшихся разсмѣется, тому на другой день приказывали звать къ себѣ въ гости и проч. Послѣдній проступокъ случился съ самимъ Симоновымъ, и онъ 12-го января 1821 года писалъ Парламенту:

«Уже описаны Французскимъ Парламентомъ дѣла мои, извѣстно объ оныхъ и вашему высокопревосходительству, сколь я проступился. Конечно, должно мнѣ признаться, ибо я въ томъ весьма изобличенъ. Я не могу здѣсь никакъ выражать оправданій; но осмѣливаюсь изъяснить всеподданническую мою просьбу; вонмите оной, ваше высокопревосходительство!

«По молодости лѣтъ моихъ я обязуюсь исправиться въ самое короткое время, если благоугодно будетъ меня опредѣлить къ должности (о коей въ своемъ мѣстѣ я упомяну).

«Улыбку я имѣю при нужныхъ случахъ, но какую, т. е. язвительную или насмѣшливую я не могу видѣть ее, впрочемъ не угодно ли вашему высокопревосходительству благоразсудить, что сіе я получилъ при рожденіи моемъ на свѣтъ и конечно не въ моей есть волѣ данное отъ природы перемѣнить.

«Изъяснивъ такимъ образомъ все мною содѣланное и на мнѣ отъ природы имѣемое, я умоляю ваше высокопревосходительство принять сіи обстоятельства въ высокомощное ваше разсмотрѣніе. И если есть на сердцѣ вашемъ пружина жалости—не убойтесь дотронуться до ней и заставить тѣмъ по все время учрежденія Парламента благодарить отъ внутренности моей душевно и тѣлесно. И буде все сіе совершится въ мою пользу,—то хотя изъ жалости ко мнѣ, а болѣе къ семейству моему (каковаго я имѣю до 9 штукъ) слезно прошу опредѣлить въ чиновники Парламента на порожнее мѣсто, на что̀ уже согласны и члены того Парламента».

Симоновъ былъ опредѣленъ секретаремъ.

Занятія Парламента, по словамъ Симонова [1]), — «продолжались болѣе на бумагахъ, число членовъ умножалось, по подаваемымъ прошеніямъ, а послѣ уже по баллотировкѣ» и къ сему приглашеніе дѣлалось черезъ предварительные письменные билеты. Нѣкоторыхъ избранныхъ приводили къ присягѣ, состоявшей изъ произношенія молитвы «Отче нашъ», переведенной на корельскій языкъ. Во время собраній Марьяновичъ, для увеселенія публики, надѣвалъ старинное театральное платье, старые солдатскіе мундиры, парикъ, сдѣланный изъ кудели, очки, привѣшивалъ къ ногѣ на подвязкѣ крышку табакерки съ изображеніемъ женщины; изображая старика, говорилъ испорченнымъ языкомъ и проч. Сими и другими шалостями забавлялъ прочихъ, такъ что изъ собранія всегда выходили со смѣхомъ. Въ обществѣ было 32 человѣка, и всѣмъ имъ коллежскимъ регистраторомъ Марьяновичемъ даны были особенныя званія и фамилія. Самъ онъ именовалъ себя маршаломъ княземъ Матвѣемъ Ѳаддеевичемъ Донъ-Кихотомъ Ламанческимъ; титулярныхъ совѣтниковъ Нуромскаго и Новикова назвалъ: перваго герцогомъ Ангулемскимъ, а втораго принцемъ Конде; губернскаго секретаря Клементьева—генералъ-прокуроромъ Клементозою-де-Бутелло; коллежскаго регистратора Ачалова—графомъ донъ-Чалвенкою; коллежскаго секретаря Борисова—Борисомъ Годуновымъ; губернскихъ секретарей: Куликова—Куликовскимъ, Степана Петрова—Дудою Упиваловымъ; коллежскихъ регистраторовъ: Егорова—графомъ Олсуфьевымъ, Судакова—генераломъ Жанъ-дю-Бамлю; Ивана Новикова—Дюкъ де-Решилье; Петра Новикова—членомъ Изабеллою; Григорья Новикова—

[1]) Въ письмѣ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 25-го мая 1826 г.

Жоржемъ; Василія Борисова—Базиліусомъ-Сириціусомъ; Василія Ларіонова—Ларсомъ; Романова—адъютантомъ де-Летромъ и Богданова—пасторомъ; канцеляристовъ: Симонова—чиновникомъ разныхъ порученій Фрюгантомъ; Кипріянова—Мадритъ Османъ-дей; Аврова—журналистомъ Авра; Орѣховскаго—Дарибо; Морозова—Морозенко; Попова—Поппа, и проч.

Общество не преслѣдовало никакой цѣли, въ засѣданіяхъ не говорили ни о правительствѣ, ни о религіи и политикѣ, но всегда занимались разнаго рода шутками [1]).

Тѣмъ не менѣе Симоновъ видѣлъ въ немъ большую опасность для себя потому, какъ писалъ онъ, «что съ каждымъ почти днемъ оно болѣе и болѣе возрастало, а не уменьшалось, а къ тому же члены его начали принимать на себя непозволительныя совсѣмъ фамиліи и титла, т. е. иной назывался принцемъ, другой (вмѣсто генералъ) женераль-прокуроромъ и т. д.».

Смотря на все это какъ на преступленіе, Симоновъ опасался, какъ бы не дожить до бѣды, и потому рѣшился объявить Парламенту, «что если общество сіе не оставитъ принятаго имъ неизвѣстно для чего намѣренія, то, говорилъ онъ, я по крайнему положенію своему долженъ буду объявить правительству и симъ пресѣку способъ къ дальнѣйшему дѣйствію того Парламента.

«Предложеніе сіе было съ неудовольствіемъ выслушано членами общества, и къ прекращенію сихъ законопротивныхъ распоряженій назначенъ былъ день того 1821 года августа 9-го числа, день самый для меня почти послѣдній въ жизни, какъ послѣдствіе открыло.

«Въ вечеру помянутаго 9-го числа положено было, чтобъ всѣ, у кого были какія бы ни было бумаги, принадлежащія обществу Французскаго Парламента, принесены были въ квартиру губернскихъ секретарей Ивана Судакова, Ивана Клементьева и канцеляриста Василія Судакова и въ ономъ всѣ ночью сожечь, что и подлинно было учинено. Члены сего общества, въ томъ числѣ и я, собравъ имѣвшіяся у каждаго бумаги, собрались въ вышеупоминаемую Судакова квартиру. Составивъ изъ себя число не болѣе 20-ти человѣкъ, приступили къ уничтоженію ихъ, а за симъ послѣдовало угощеніе, какъ бы радуясь всѣ объ уничтожаемомъ тогда обществѣ или Парламентѣ; но главное зло таилось до того только, пока не подѣйствовали пары напитковъ въ головѣ каждаго, потому что тогда изобрѣтатель Парламента Марьяновичъ (зная, можетъ быть, цѣль свою и видя ее неудачною) требовалъ отъ меня формально еще бумагъ, до сего Парламента принадлежащихъ; но, видя, что настояніе его,

---

[1]) Отношеніе олонецкаго губернатора министру внутреннихъ дѣлъ 1-го іюня 1826 г. № 2640.

за отпирательствомъ моимъ, не имѣютъ большаго успѣха, рѣшился привесть безстыдное свое намѣреніе въ дѣйствіе, и, подговоря тутъ же товарищей своихъ, силою начали бить меня розгами, безъ всякой пощады, а потомъ, не насытясь сею злобою, принуждали пить необыкновенными стаканами цѣльный ромъ и паки приступали къ битью сему, посыпая по просѣченному тѣлу солью, и брызгали ее ромомъ, дабы болѣе придать мученій. Наконецъ, видя, что я или отъ необыкновеннаго битья ихъ, или отъ многаго употребленія рому долженъ буду непремѣнно лишиться жизни, вынесли меня безъ чувствъ на улицу и на оной оставили. Послѣ сего по утру, придя въ чувство, увидалъ тогда себя изувѣченнаго до крайняго положенія и подалъ петрозаводскому г. городничему, маіору Паулли, 10-го или 11-го числа, объявленіе, не прописывая однако же объ обществѣ Парламента, но только упомянулъ о битьѣ. Но когда городничій приступилъ къ свидѣтельству меня вмѣстѣ съ штабъ-лѣкаремъ и уѣзднымъ стряпчимъ, тогда увидѣлъ, въ какомъ я нахожусь положеніи, а наконецъ, бывшій гражданскій губернаторъ Мертенсъ убѣдилъ меня оставить причиненное мнѣ тѣми чиновниками битье, и я, уваживъ начальника губерніи, простилъ имъ оное, да и впредь отыскивать не желаю. Такимъ образомъ кончились дѣйствія Французскаго Парламента».

Впослѣдствіи Марьяновичъ перешелъ на службу въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора, которому и былъ сдѣланъ запросъ объ его поведеніи.

«Помянутое общество,—писалъ князь Голицынъ [1]),—не обращаетъ на себя ни малѣйшаго подозрѣнія и даже не заслуживаетъ вниманія, потому что оное ни къ какому обществу не можетъ быть причислено. Находящійся въ моей канцеляріи губернскій секретарь Марьяновичъ служитъ въ оной съ усердіемъ, ведетъ образъ жизни похвальный и отличнаго поведенія. Кромѣ означеннаго общества, онъ ни къ какимъ другимъ обществамъ не принадлежалъ и не принадлежитъ (въ чемъ дана имъ подписка) и ни въ какихъ худыхъ поступкахъ со времени служенія его въ моей канцеляріи не замѣченъ».

Н. Д.

[1]) Начальнику главнаго штаба И. И. Дибичу 7-го іюля 1826 г. № 114.

Письмо Ив. Ив. Дмитріева—Павлу Петровичу Свиньину.

20-го мая 1834 г. Москва.

Искренно благодарю васъ за ваше письмо и привѣтствую васъ съ возвращеніемъ къ мирнымъ своимъ пенатамъ или, прямѣе сказать, къ полной независимости въ собственномъ своемъ пріютѣ. Я увѣренъ, что вы удвоите въ немъ жизнь свою и проведете ее гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ шумной и заботливой столицѣ. По крайней мѣрѣ воспользуетесь большимъ досугомъ для кабинетскихъ вашихъ занятій и большею свободою ума и духа, удалясь отъ геніальнаго сословія новѣйшихъ нашихъ литераторовъ, отъ коихъ, правду сказать, скорѣе собьешься съ толку, чѣмъ научишься и ободришься.

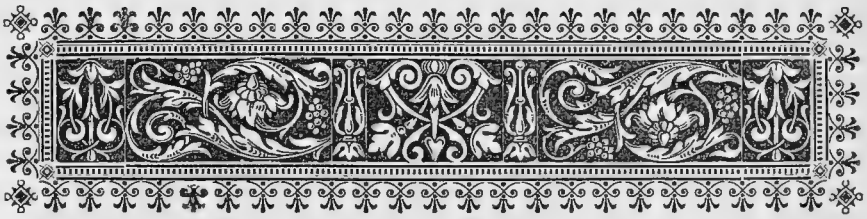
Я съ удовольствіемъ читалъ статью вашу объ Ломоносовѣ. Она была бы хорошею поживкою для новой біографіи, равно какъ и доношеніе Л(омоносова) въ Сенатъ, доставленное вами въ Горный журналъ. Брамбеусъ, кажется, продолжаетъ еще быть представителемъ или козыремъ петербургской словесности; но здѣсь уже возникаютъ антагонисты: меньшой Строевъ выдалъ брошюрку на счетъ Скандинавской саги, а профессоръ Надеждинъ возражаетъ ему въ своемъ «Телескопѣ», вступаясь за романтическую школу. Можно обоимъ подивиться: первый самъ подражаетъ, хотя и не удачно, Жюль-Жаненю и говоритъ пакостнымъ языкомъ, площаднымъ русскимъ, смѣшаннымъ съ полонизмомъ, а возсталъ противъ новой школы; а другой дебютировалъ латинскою диссертаціей противъ ее же для полученія кандидатскаго, а потомъ профессорскаго достоинства; получа же оное, г. профессоръ явно сталъ защищать романтизмъ и издѣваться надъ классицизмомъ. Какой соблазнъ для слушающихъ его лекціи!

Скажите мнѣ, видѣли ли вы въ Петербургѣ Полеваго, и что причиною остановки его журнала. Кажется (виноватъ, что не по новому: к а ж и с ь), доселѣ журналъ его пользовался отличнымъ покровительствомъ противъ прочихъ. Хотѣлъ бы такъ же знать и объ участи вашего «Музеума». Судя по «Сѣверной Пчелѣ», начинаю подозрѣвать, что у васъ опять разстраивается съ ея издателями.

Если я вамъ наскучилъ и мѣшаю заниматься дѣломъ, такъ простите меня, и отнесите мою докуку къ тому только, что мнѣ всегда пріятно съ вами бесѣдовать и лично, и на бумагѣ.

Съ искреннимъ почтеніемъ къ вамъ и Надеждѣ Аполлоновнѣ имѣю честь быть и проч.

Еще вопросъ: когда положено быть открытію монумента Александру Благословенному?



И. М. Муравьевъ-Апостолъ,

авторъ «Писемъ изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ».

(Посвящается А. Д. К.).

Какъ-то разъ въ одной изъ своихъ частыхъ бесѣдъ съ Н. И. Гнѣдичемъ И. М. Муравьевъ-Апостолъ между прочимъ выразился о себѣ такъ: «Chez nos neveux on me rendra justice» [1]). Но пророчество это—можно сказать—не сбылось. Прошло уже почти сто лѣтъ, какъ были сказаны эти слова, и протекло уже полстолѣтіе со дня смерти этого замѣчательнаго въ исторіи русской культуры человѣка, какъ мы не только не имѣемъ еще надлежащей оцѣнки его дѣятельности, но даже какъ бы забыли самое имя Ивана Матвѣевича: большинство знаетъ о немъ лишь то, что онъ былъ отцомъ извѣстныхъ декабристовъ. Наши историки литературы лишь мелькомъ (да и то не всѣ) останавливаются на его литературной дѣятельности [2]), историки иной разъ цитируютъ одно-другое его письмо [3]), составители хрестоматій, правда, отводятъ охотно нѣсколько страницъ своихъ изданій выдержкамъ изъ его сочиненій [4]), а такой историческій журналъ,

---

[1]) Т. е. наши потомки отдадутъ мнѣ справедливость. „Сочиненія“ Г. Р. Державина, т. VI. Спб. 1876, стр. 233.

[2]) См. у А. Д. Галахова: „Исторія русской словесности“, т. II, (изд. 3-е), М. 1894, стр. 275—282; у А. Н. Пыпина: „Исторія русской литературы“, т. IV, Спб. 1899; у А. Н. Веселовскаго: „Западн. вліяніе въ новой русск. литературѣ“. М. 1896 (2-е изд.), стр. 160.

[3]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I“, Спб. 1898, т. II, стр. 36—37; А. Н. Пыпинъ: „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“. Спб. 1885.

[4]) А. Д. Галаховъ, Филоновъ и др.

какъ «Русскій Архивъ», даже счелъ нелишнимъ перепечатать нѣсколько его «Писемъ» [1]), послужившихъ намъ темой предлагаемой статьи. Но все же повторяемъ, можно смѣло сказать, что личность И. М. Муравьева-Апостола принадлежитъ къ числу именъ, прочно забытыхъ и произведенія его—остались наслѣдіемъ библіографовъ и спеціалистовъ.—Нельзя не пожалѣть искренно о такомъ несправедливомъ отношеніи къ столь выдающемуся человѣку, въ которомъ всѣ наши современники—и крупные писатели и дѣятели общественные—признавали отмѣнныя способности, богатыя познанія и недюжинный умъ. Правда, не всѣ современники дали намъ лестный отзывъ о немъ, какъ о «человѣкѣ», не всѣ конечно раздѣляли и убѣжденія его, но общій голосъ утверждалъ, что это былъ человѣкъ замѣчательный, а по мнѣнію иныхъ даже—«явленіе исключительное». Лучшимъ матеріаломъ для характеристики его убѣжденій, взглядовъ, вкусовъ, общественныхъ воззрѣній и пр. служатъ его знаменитыя «Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ», обзоромъ которыхъ мы и займемся. Впрочемъ, обзоръ этотъ считаемъ нелишнимъ предварить краткимъ сообщеніемъ главныхъ пунктовъ изъ жизни интересующаго насъ писателя и характерныхъ чертъ души этого человѣка.

Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи присоединившій къ своей фамиліи дѣдовскую (по матери) фамилію Апостолъ [2]), родился въ 1768 году. Съ дѣтства записанный, по обычаю того времени, солдатомъ въ Измайловскій полкъ, онъ юношескіе годы свои, по окончаніи какого-то нѣмецкаго пансіона [3]), провелъ въ скромной обстановкѣ и началъ свое служебное поприще въ Петербургѣ, сначала въ штатѣ генерала графа Брюсса, а затѣмъ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ; потомъ недолгое время онъ завѣдывалъ каналомъ въ Шлиссельбургѣ. Но въ 1792 году въ его жизни и служебномъ положеніи произошли рѣзкія перемѣны: онъ былъ призванъ ко Двору въ качествѣ «кавалера» при великихъ князьяхъ. Здѣсь-то его прекрасное широкое образованіе, дополненное трудолюбивымъ самообразованіемъ, отличное знаніе иностранныхъ языковъ и литературъ, наконецъ, манеры свѣтскаго воспитаннаго человѣка и благосклонное вниманіе императрицы къ ли-

---

[1]) „Русск. Архивъ“ 1876 г., № 10. Еще ранѣе одно изъ „писемъ“ (6-е) было перепечатано въ „Собраніи образцовыхъ русск. сочин. и переводовъ въ прозѣ“. Спб. ч. VI, 1824 г. Кромѣ того нѣсколько „писемъ“, касающихся воспитанія, перепечатаны въ книгѣ Н. М. Каткова: „Наша учебная реформа“. Москва 1890.

[2]) Полн. собр. законовъ, т. XXXIV, стр. 81; „Русская Стар.“ 1873 г., т. VII, стр. 654, т. VIII, стр. 107.

[3]) „Русск. Стар.“ 1873 г., т. VII, стр. 654.

тературнымъ опытамъ Ивана Матвѣевича [1]) открыли ему путь къ блестящей карьерѣ на дипломатическомъ поприщѣ.

Въ декабрѣ 1796 года въ званіи камергера онъ отправляется въ качествѣ министра въ Эйтенъ къ герцогу Ольденбургскому и епископу Любскому; затѣмъ мы видимъ его чрезвычайнымъ посланникомъ при Нижне-Саксонскомъ округѣ, потомъ въ Копенгагенѣ; наконецъ съ 1802 по 1805 г. онъ—полномочный министръ въ Испаніи [2]). Не останавливаясь на подробностяхъ дипломатической дѣятельности Муравьева, скажемъ только, что главнымъ пунктомъ ея—помимо текущихъ дѣлъ—было наблюденіе за дѣйствіями и движеніями Наполеона и сообщеніе о нихъ русскому правительству. Его дипломатическая переписка съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ [3])—богатый матеріалъ для историка — даетъ, между прочимъ, въ руки біографа Муравьева и ключъ къ болѣе правильному разумѣнію отношеній его къ Наполеону и въ болѣе позднее время. Муравьевъ не любилъ Наполеона, осуждалъ его дѣйствія и распоряженія съ самыхъ первыхъ шаговъ своего дипломатическаго знакомства съ нимъ; немного позже, въ его «Письмахъ» мы услышимъ самые ожесточенные и до крайности рѣзкіе приговоры и даже проклятія Наполеону, которые слѣдуетъ объяснить не однимъ лишь общимъ взрывомъ негодованія русскаго общества на великаго полководца послѣ его вторженія въ Россію: въ этихъ крайностяхъ мы имѣемъ дѣло съ личнымъ убѣжденіемъ автора «Писемъ». По возвращеніи въ Петербургъ, Муравьевъ, по неизвѣстной намъ въ точности причинѣ, былъ холодно принятъ императоромъ и скоро понялъ, что онъ лишился и довѣрія и вниманія, коими ранѣе онъ такъ часто и щедро былъ ласкаемъ. «Я многимъ показался любимцемъ счастья»,—писалъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя Г. Р. Державину—«и гнусная клевета отравила полдень моей жизни» [4]). Онъ оставилъ дѣйствительную службу и не возвращался къ ней въ теченіе почти двадцати лѣтъ. Покинувъ Петербургъ, Муравьевъ въ тишинѣ своей деревни предался научнымъ и литературнымъ занятіямъ, по временамъ лишь и изрѣдка оставляя свой мирный пріютъ въ Хомутцѣ (Полтавской губ.), чтобы на нѣсколько мѣсяцевъ окунуться въ сутолочной столичной жизни. Онъ усердно началъ занятія надъ излюбленными имъ классическими авторами, переводилъ Горація, Цицерона, Аристофана и др., дѣ-

---

[1]) Переводъ комедіи Шеридана: „Школа Злословія“ (1793 г.), оригинальная комедія: „Ошибки или утро вечера мудренѣе“ (1794).

[2]) Подробности, нуждающіяся, впрочемъ, въ провѣркѣ, см. въ „Русской Стар.“ 1873 г., т. VIII, стр. 107.

[3]) Хранится въ Московскомъ и въ С.-Петербургскомъ Государственномъ и Главномъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

[4]) „Сочиненія“ Г. Р. Державина, т. VI, Спб. 1876 г., стр. 333.

лалъ филологическія разысканія и, готовясь къ путешествію по Таврическому полуострову, основательно изучалъ древнихъ и новыхъ авторовъ, писавшихъ объ этомъ уголкѣ нашего отечества. Въ то же время бывая въ столицахъ, онъ сходился съ большинствомъ нашихъ крупныхъ литературныхъ дѣятелей, участвовалъ въ ихъ изданіяхъ, обществахъ и кружкахъ и скоро пріобрѣлъ себѣ славное имя, какъ «автора». Онъ частый гость въ салонѣ Оленина, Карамзина, графа Строганова, онъ членъ Россійской Академіи, Бесѣды, Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, Арзамаса, онъ близкій знакомый или пріятель почти всѣхъ нашихъ крупныхъ писателей, онъ первый другъ и совѣтчикъ Батюшкова, Гнѣдича и др. молодыхъ литературныхъ силъ... Уваженіе къ его обширнымъ познаніямъ, несомнѣнному литературному таланту и артистичной натурѣ быстро возрастаетъ; ему уже пишутъ и посвящаютъ стихи и подъ его сильное обаяніе подпадаетъ такой поэтъ, какъ Батюшковъ. Вмѣстѣ съ популярностью его имени росло и число недоброжелателей его, не упускавшихъ случая такъ или иначе задѣть его сатирой, эпиграммой и т. п.—Военныя дѣйствія 1812 года, заставшія Муравьева въ Москвѣ, принудили его вмѣстѣ съ другими оставить Первопрестольную и бѣжать въ Нижній-Новгородъ, который въ тотъ знаменитый годъ сдѣлался настоящимъ уголкомъ древней столицы [1]).

Возвратившись въ полуразрушенную Москву, онъ не долго пробылъ въ ней и скоро началъ блужданія безъ всякой опредѣленной цѣли по разнымъ городамъ нашего отечества, по временамъ останавливаясь подолгу въ своей деревнѣ. За время 1813—1815 гг. онъ напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» и свои знаменитыя «Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ», представляющія отголосокъ тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ пережилъ въ Москвѣ вслѣдъ за непріятельскимъ погромомъ.

Наконецъ въ 1820 году, послѣ долгой серьезной подготовки, онъ предпринялъ путешествіе по Крыму; памятникомъ его посѣщенія Таврическаго полуострова осталось, можно сказать, его классическое сочиненіе «Путешествіе по Тавридѣ», даже донынѣ не потерявшее своей цѣнности.

Въ 1824 году Муравьевъ вновь въ Петербургѣ. По Высочайшему повелѣнію онъ присутствуетъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, состоя въ то же время членомъ Главнаго правленія училищъ. Но и на этотъ разъ онъ прослужилъ не долго: годъ съ небольшимъ. Впрочемъ, и за этотъ короткій промежутокъ времени Муравьевъ съумѣлъ блестяще выказать свой умъ и рвеніе дѣловитаго сановника. Нѣкоторые факты изъ его дѣятельности какъ сенатора стали общеизвѣстными

[1]) См. подробности у Л. Н. Майкова въ составленной имъ біографіи К. Н. Батюшкова („Сочиненія“ К. Н. Батюшкова, т. I, Спб. 1887, стр. 156—157).

въ исторіи нашего просвѣщенія: мы имѣемъ въ виду его заступничество за Попова въ процессѣ по поводу перевода на русскій языкъ Госнеровыхъ «Толкованій Новаго Завѣта» [1]); затѣмъ его «особое мнѣніе» въ вопросѣ о лишеніи профессоровъ права выписывать запрещенныя книги помимо всякой цензуры. Муравьевъ въ своемъ «особомъ мнѣніи» [2]) пришелъ къ заключенію, что «запрещеніе професорамъ выписывать книги есть мѣра для нихъ безъ нужды оскорбительная, какъ средство—безполезная, а для общей цѣли, для просвѣщенія—вредная». Не сомнѣваемся, что дальнѣйшая служба Муравьева составила бы замѣтную страницу въ нашей исторіи, но, къ сожалѣнію, Муравьевъ скоро оставилъ службу въ виду тяжелыхъ постигшихъ его несчастій. Декабрьскія событія 1826 года отняли у него одного за другимъ трехъ сыновей: одинъ, какъ противуправительственный мятежникъ, желая избѣгнуть кары, застрѣлился, другой былъ казненъ, третій сосланъ въ Сибирь, да и самъ несчастный отецъ находился подъ косыми взглядами своихъ сильныхъ недоброжелателей и едва-ли избѣжалъ бы тяжкихъ подозрѣній. Подавленный горемъ отецъ политическихъ преступниковъ, такъ гордившійся всегда своими сыновьями, Муравьевъ оставилъ службу, оставилъ и Петербургъ и даже уѣхалъ изъ Россіи. Внѣ отечества онъ провелъ бо́льшую часть длиннаго остатка своей жизни. Лишь по нуждѣ возвращался онъ иногда не надолго въ Россію; онъ не хотѣлъ ни жить въ ней, ни служить. Онъ изнемогъ на родинѣ подъ цѣпью тяжкихъ испытаній и огорченій и «подъ плѣнительнымъ небомъ Италіи» хотѣлъ забыться отъ перенесенныхъ бѣдъ въ суровой отчизнѣ.

«Il m'a toujours paru que l'idée dominante du tragique grec»—писалъ онъ однажды графу М. А. Огинскому по поводу Эсхилова «Прометея»—«a été d'offrir à ses concitoyens l'image du combat du despotisme avec la puissance d'une âme vigoureuse éclairée par une raison sûre et un esprit calme. Il presente pour cela le tableau de contraste frappant entre les différents personnages du drame, et le héros martyr pour le bien moral de l'humanité. Le premier de ce contraste est dans la scène de l'exposition entre Prométhée et les vils ministres de la Tyrannie. Le moins vil d'entre eux Vulcain n'approuve pas ce que lui est ordonné de faire et soupire même et cependant il obéit parcequ'il est bas, lâche, servile, en un mot esclave, c. à. d. tout ce qu'il y a de plus abject dans le monde.

---

[1]) См. подробности въ „Запискахъ" А. С. Шишкова (Берлинъ 1870, т. II), въ „Запискахъ" Н. И. Греча („Русск. Архивъ" 1868 г., № 9, ст. 1403—1413); „Чтенія въ общ. исторіи и древностей россійскихъ" 1859 г., т. IV.

[2]) Напечатано впервые М. И. Сухомлиновымъ въ его „Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I-го". Спб. 1866, стр. 80—82.

Avez-vous remarqué, mon cher comte, une chose qui m'a paru sublime dans ce début de Prométhée,—c'est le héros qui ne daigne pas honorer d'une seule parole les ministres du Tyran, ni celui qui le plaint, ni ceux encore qui insultent à son malheur. Il se laisse enchaîner sans dire mot, il ne commence à parler que lorsqu'il se voit seul. Cela ne vous rappelle-t-il pas ce mépris tout aussi sublime de Virgile, qui conduisant le Dante aux Enfers lui montre seulement les Indifferents et se borne à dire:

«Ma garde est passée» [1]).

Кто знаетъ Муравьева, тотъ не можетъ не почувствовать въ этомъ прекрасномъ объясненіи Эсхилова героя нотокъ собственной души комментатора, его автобіографическаго намека...

Смерть застала Муравьева на 83 году его жизни [2]) въ Петербургѣ въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Могила его (на Охтенскомъ кладбищѣ) затерялась.

Послѣднія 25 лѣтъ существованія Муравьева были дѣйствительно тяжкими годами его жизни. И не даромъ одинъ изъ историковъ того времени Шницлеръ, коснувшись въ своей книгѣ Муравьева, воскликнулъ: «Il vit encore, hélas!» [3]). Тамъ, за рубежомъ нашего отече-

---

[1]) Т. е. „Мнѣ всегда казалось, что главной идеей греческаго трагика было показать согражданамъ изображеніе борьбы деспотизма съ мощью сильной души, просвѣтленной разсудкомъ здравымъ, умомъ спокойнымъ. Для этого Эсхилъ представилъ картину поразительнаго контраста между различными дѣйствующими лицами драмы и героемъ-мученикомъ за нравственное благо гуманности. Первая противуположность является намъ въ сценѣ объясненія Прометея съ подлыми прислужниками Тиранніи. Менѣе подлый изъ нихъ—Вулканъ не одобряетъ того, что ему приказано сдѣлать, и даже вздыхаетъ; однако, повинуется потому, что онъ низокъ, трусливъ, раболѣпенъ, однимъ словомъ—рабъ, т. е. все то, что есть болѣе презрѣнное на свѣтѣ.—Обратили ли вы вниманіе, дорогой графъ, на то, что мнѣ показалось самымъ величественнымъ въ этомъ выходѣ Прометея: это—герой, который не желаетъ удостоить ни однимъ словомъ этихъ слугъ Тирана, ни того, кто его жалѣетъ, ни тѣхъ даже, кто злорадствуетъ надъ его несчастіемъ. Онъ старается сдержать себя, не произнося единаго слова, и размыкаетъ уста лишь тогда, когда видитъ себя однимъ. Не напоминаетъ ли вамъ это столь же сильнаго презрѣнія Виргилія, когда поэтъ, ведя Данте по аду и, показывая ему равнодушныхъ, ограничивается лишь замѣчаніемъ: „моя стража прошла“.—Письмо еще неиздано. (Хранится въ Главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ).

[2]) Онъ скончался 12-го марта 1851 г. Кажется, лишь одна газета („Сѣв. Пчела“) обмолвилась краткимъ извѣщеніемъ о его смерти, да въ Академіи Наукъ на обычномъ годовомъ актѣ П. Н. Плетневъ сказалъ краткое слово о немъ какъ о скончавшемся членѣ Россійской Академіи (См. Отчетъ Императорской академіи наукъ по отд. русск. яз. и слов. за 1-е десятилѣтіе. Спб. 1852, стр. 345—346).

[3]) I. H. Schnitzler „Histoire intime de la Russie etc.“. Paris. 1847, t. II, p. 17.

ства, на родинѣ его любимыхъ Горація и Аріоста, тамъ, за границей, гдѣ блестящимъ метеоромъ мелькнуло для него счастье, когда онъ былъ полонъ силъ, когда по его собственнымъ словамъ «его слѣды были усыпаны розами», тамъ теперь искалъ Муравьевъ убѣжища, успокоенія отъ перенесенныхъ бурь, тревогъ и тяжкихъ испытаній. Его общественное положеніе пало, онъ лишился власти и даже покровительства, и бывшій «кавалеръ» при великихъ князьяхъ, русскій вліятельный посланникъ и близкій пріятель Лагарпа, теперь за границей терпѣлъ рядъ униженій, оскорблявшихъ порой его званіе русскаго сенатора [1]). Его семейное счастье было разбито: онъ потерялъ первую жену, потерялъ любимую дочь, трагически лишился трехъ сыновей, вторая жена была серьезно больна. Матеріальное положеніе Муравьева, привыкшаго къ роскоши великосвѣтской жизни, было слишкомъ плохо и заставляло его прибѣгать къ частымъ займамъ и одолженіямъ. Но классикъ-язычникъ въ душѣ, другъ Горація и эпикурейской школы, онъ зналъ цѣну жизни и любилъ жить, не отказывая себѣ ни въ чемъ, чего требовала его художественная натура и привычки избалованнаго аристократа. И Батюшковъ былъ во многомъ правъ, сравнивая его съ Алкивіадомъ:—«Я не удивляюсь И. М. Муравьеву»—писалъ онъ Н. И. Гнѣдичу—«онъ совершенный Алкивіадъ и готовъ въ Аѳинахъ, въ Спартѣ и у Даковъ жить весело» [2]). Цѣня жизнь «со всѣми удобствами», цѣня земныя блага, онъ наслажденіе жизнью во всемъ ея объемѣ ставилъ, кажется, во главу своего счастья и благоденствія и по требованію своего le savoir vivre не прочь былъ порой и отказаться отъ служенія для своего отечества на поприщѣ общественномъ, разъ это поприще доставляло ему много огорченій и непріятностей. Онъ дорожилъ своимъ спокойствіемъ и бросалъ службу, хотя бы и самъ сознавалъ всю полезность своей работы на благо родины. «Moi vivant, il faut que je jouisse» — говорилъ онъ Н. И. Гнѣдичу [3]), и вѣрный своему девизу онъ бѣжалъ отъ «неволи душныхъ городовъ», чтобы предаться latis otio fundis: уѣзжалъ наслаждаться прелестями спокойной деревенской жизни, въ честь которой написалъ хвалебный дифирамбъ въ своемъ послѣднемъ «Письмѣ изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ». Въ деревню приглашалъ онъ всѣхъ, кто страдалъ какими бы то ни было болѣзнями, «нажитыми» въ городѣ, и въ особенности кого

---

[1]) На основаніи неизд. письма И. М. Муравьева къ графу К. В. Нессельроде изъ Лозанны отъ 1-го сентября 1826 г. (Хранится въ Главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ).

[2]) „Сочиненія“ К. Н. Батюшкова, т. III, Спб. 1887 г., стр. 107.

[3]) Пока я живъ, хочу наслаждаться. См. „Сочиненія“ Г. Р. Державина, т. VI, Спб. 1876 г., стр. 233.

мучило честолюбіе, отъ котораго и самъ не мало страдалъ, по собственному его признанію... [1]).

Итакъ обратимся теперь къ «Письмамъ» Муравьева и постараемся отмѣтить все цѣнное и примѣчательное въ нихъ, равно какъ выяснить, на сколько ярко и полно отражался въ нихъ образъ ихъ автора. «Письма» Муравьева-Апостола явленіе безпримѣрное въ исторіи нашей литературы начала прошлаго столѣтія, не имѣвшее себѣ предшественниковъ. Мы не хотимъ сказать, что «Письма», какъ форма, была чужда нашимъ писателямъ до Муравьева: достаточно развернуть любой журналъ хотя бы конца XVIII вѣка, какъ читатель сейчасъ же натолкнется на какое-нибудь «Письмо» къ другу, иной разъ не только живому отъ живаго, а порой и умершему и даже «изъ царства тѣней» и т. п. Нѣтъ, «Письма», какъ литературная форма (и перешедшая къ намъ, конечно, съ Запада), были въ высшей степени популярны въ нашей литературѣ. Да и темы, которыя развивалъ въ своихъ «Письмахъ» Муравьевъ, трактовались у насъ неоднократно и до 1813 года [2]) во всевозможныхъ литературныхъ формахъ. Въ самомъ дѣлѣ, галломанія, испорченность нравовъ, недостатки современнаго автору воспитанія, страсть къ мотовству, картамъ и т. д., развѣ это не обычныя, не надоѣвшія темы писателей хотя бы XVIII вѣка? Но все же «Письма» Муравьева остаются безпримѣрными какъ по способу разрѣшенія старыхъ вопросовъ и по результатамъ этого разрѣшенія, такъ и по той новизнѣ, которую представляли нѣкоторые изъ затронутыхъ имъ вопросовъ нашей общественной жизни. Это ключемъ бьющее негодованіе заживо-задѣтаго патріота, эти яркія блестки ума и познаній и смѣлый призывающій къ дѣлу голосъ умнаго и свѣдущаго публициста, эти «Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ» не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на современниковъ, если нѣкоторыя мысли Муравьева, высказанныя имъ въ 1813—1815 г., не потеряли своей силы—какъ увидимъ—и для нашихъ дней и даже высказываются въ наше время! Правда, и въ нихъ есть многое, что̀ по справедливости могло многимъ не нравиться, и въ нихъ есть крайности, съ нашей современной точки зрѣнія не «приличествующія» уму сильному, но, чтобы вполнѣ уразумѣть смыслъ и тонъ этихъ «Писемъ», нужно перенестись въ эпоху, слѣдовавшую тотчасъ за Отечественной войной, войти въ ея настроеніе, а также знать нѣкоторыя особенности въ характерѣ автора «Писемъ». Не безъ основанія епископъ Евгеній называлъ ихъ «прекрасными» [3]), признавалъ за ними

---

[1]) См. ниже (его письмо къ Державину).

[2]) Т. е. до появленія „Писемъ“ Муравьева на страницахъ „Сына Отечества“.

[3]) Сборникъ 2-го отд. Императ. Академіи Наукъ, т. V, Спб. 1868 г., вып. I, стр. 154.

силу нелюбившій Муравьева князь П. А. Вяземскій [1]), а старикъ Державинъ однимъ изъ «Писемъ» былъ вызванъ къ слѣдующимъ строкамъ, адресованнымъ къ Муравьеву: «Не могъ утерпѣть, не сказавъ моихъ вамъ мыслей о послѣднемъ письмѣ вашемъ къ нижегородскому жителю касательно великихъ происшествій, къ славѣ нашего государя и отечества случившихся. Оно меня съ одной стороны восхитило: нѣсколько разъ его перечитывалъ съ новымъ удовольствіемъ; съ другой крайне огорчило. Восхитило потому, что столько нашелъ я въ немъ благородныхъ чувствъ, учености, познаній, способностей, вкусу и, коротко сказать, совершеннаго мастерства и легкости изливать перомъ душу, дабы трогать сердца. Огорчило потому, что оно укоризной будетъ сильной въ потомствѣ вѣку нашему, что таковые люди не заняты дѣлами общественными; а между тѣмъ говорятъ, что людей ищутъ. Какого надобно еще одобренія при благонравіи въ общежитіи и при безпорочности службы? Я, право, не знаю. Вотъ что хотѣлъ я сказать» [2]).

Муравьевъ отвѣчалъ маститому пѣвцу Фелицы слѣдующимъ письмомъ, которое мы, въ виду его громадной біографической цѣнности, позволимъ себѣ привести полностью:

«Если бы въ теченіе бурной политической жизни моей, несправедливости, самыя чувствительныя для сердца, не излѣчили меня навсегда отъ замашекъ излишняго самолюбія, то письмо вашего высокопревосходительства могло бы мнѣ вскружить голову: но я наученъ въ великомъ училищѣ злополучія, и плодъ сего испытанія состоитъ, смѣю сказать, въ томъ, что могу устоять даже противу похвалъ Державина.

«Я родился съ пламенной любовію къ отечеству; воспитаніе еще возвысило во мнѣ сіе благородное чувство, единое достойное быть страстію души сильной; и 44 года не уменьшило его ни на одну искру: какъ въ 20 лѣтъ я былъ, такъ точно и теперь, готовъ, какъ Курцій, броситься въ пропасть, какъ Фабій обречь себя на смерть: но отечество не призываетъ меня; итакъ безвѣстность, скромныя семейственныя добродѣтели—вотъ удѣлъ мой. Я и въ немъ не вовсе буду безполезнымъ отечеству: вырощу дѣтей достойныхъ быть русскими, достойныхъ умереть за Россію.—Благодарю Всевышняго! Какъ золото въ горнилѣ, такъ душа моя очистилась злощастіемъ: прежде могло ослѣплять меня честолюбіе, теперь же любовь моя къ отечеству чѣмъ безкорыстнѣе, тѣмъ чище; пылаетъ—не ожидая ни наградъ, ни даже признательности.

«Честолюбіе!—ненавистный празракъ! Онъ помрачилъ свѣтъ дней моихъ.— Первые слѣды мои на его поприщѣ усыпаны были цвѣтами,

---

[1]) „Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ“, т. I, Спб. 1899 г., стр. 72.
[2]) „Сочиненія“ Г. Р. Державина, т. VI, Спб. 1876 г., стр. 331—332.

послѣдніе — терніемъ. Я многимъ показался любимцемъ щастія, и гнусная клевета отравила полдень жизни моей. Съ тѣхъ поръ протекло восемь лѣтъ; недавно еще раны сердца моего совсѣмъ закрылись; я отдохнулъ; и теперь честолюбіе представляется мнѣ какъ нѣкакій тяжкій сонъ, отъ котораго просыпаясь, душею веселюсь, что снова ощущаю жизнь и сладость бытія.

«Вотъ, почтеннѣйшій Гавріилъ Романовичъ, отвѣтъ мой на столь лестное для меня ваше недоразумѣніе. Людей ищутъ—говорите вы—меня искать не будутъ; я это знаю. Рука, которую и несправедливую противу меня я лобызаю, отвела меня навсегда отъ пути служенія: повинуюсь и не ропщу. Несносно мнѣ одно только—ложное, несправедливое обо мнѣ заключеніе; еслибы не оно, я почелъ бы себя щастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Однакоже и это хорошо. Вы знаете, что древніе добровольно лишались чего-нибудь для себя драгоцѣннаго, когда думали о себѣ, что они щастливѣе, нежели обыкновенно суждено быть смертному: я находился бы точно въ семъ положеніи, еслибы несправедливость иногда не возмущала во мнѣ спокойствіе духа—и вотъ жертва моя богинѣ Немезисѣ.

«Письмо ваше я сохраню какъ драгоцѣннѣйшій для себя памятникъ. Когда меня не будетъ на землѣ, когда память о мнѣ едва останется въ родѣ моемъ, тогда письмо ваше, попавшись въ руки которому-нибудь изъ моихъ внучатъ, заставитъ его, съ душевной гордостью, сказать: предокъ мой достоинъ былъ служить отечеству: такъ думалъ о немъ Державинъ» [1]).

Въ этомъ нѣсколько витіеватомъ посланіи опытнаго дипломата чувствуется не мало искреннихъ нотъ и много правды. Но авторъ письма плохо замаскировалъ свое довольство «безвѣстностью и скромными семейственными добродѣтелями» [2]). Въ дѣйствительности Муравьевъ хотѣлъ послужить отечеству и, повидимому, томился своимъ положеніемъ «не у дѣлъ» со времени паденія графа Панина; онъ долго не могъ примириться съ отстраненіемъ его отъ службы, и между строкъ мы можемъ найти намекъ на это обстоятельство въ его «Письмахъ» [2]). Впрочемъ, онъ, кажется, дѣйствительно не ропталъ на «руку, которая отвела его отъ пути служенія»: по крайней мѣрѣ, онъ всегда въ восторженныхъ выраженіяхъ отзывался объ императорѣ, коего вступленіе на престолъ онъ такъ горячо привѣтствовалъ [3]) и смерть котораго оплакалъ въ звучной элегіи (на греческомъ языкѣ) [4]). И Дер-

[1]) Ibidem, стр. 333, 334.

[2]) Письмо 9-е.

[3]) См. его письмо къ гр. С. Р. Воронцову отъ 6-го апр. 1801 г. („Русс. Архивъ“ 1876 г., кн. I, стр. 126.

[4]) См. „Библіографическіе листы“ Кеппена, 1825 г., № 35, стр. 507—508.

жавинъ, призывая Муравьева къ общественной дѣятельности, вѣрилъ и имѣлъ основаніе вѣрить въ искренность «благородныхъ чувствъ» автора «Писемъ», въ его «ученость, познанія, способности, вкусъ» и т. д. Помимо природныхъ свойствъ Муравьева, за нимъ была большая опытность. Пребываніе въ придворной сферѣ вблизи царственныхъ особъ дало ему возможность близко изучить будущихъ вѣнценосцевъ и представителей власти, дипломатическая служба на отвѣтственныхъ постахъ въ ту чреватую событіями эпоху, тонкое знаніе политической, общественной и литературной жизни Запада [1]), наконецъ, богатыя филологическія познанія давали ему право говорить свободно на затрогиваемыя имъ въ своихъ «Письмахъ» темы.

Итакъ, что же послужило предметомъ «Писемъ» Муравьева, печатавшихся анонимно въ «Сынѣ Отечества» въ теченіе 3 лѣтъ? [2]). Свое первое письмо авторъ начинаетъ такъ: «Разставаясь со мной на берегахъ Волги [3]), гдѣ мы вмѣстѣ ощутили столько разнообразныхъ чувствованій, сначала уничиженія, трепета, потомъ надежды и наконецъ полнаго торжества, ты поручилъ мнѣ, другъ мой, описать тебѣ состояніе, въ которомъ я найду Москву, и сообщить заключенія о будущемъ ея въ разсужденіи населенія, отстройки и вообще состава общества». Но авторъ тутъ же отказывается выполнить эту программу. «Пріѣзжай сюда самъ, и увидишь, что русскому съ русскимъ сердцемъ и душею въ обращенной въ пепелъ Москвѣ не такъ легко говорить о ней, какъ то намъ казалось издали», а потому онъ проситъ друга довольствоваться на первый разъ «не описаніемъ Москвы, а описаніемъ безъ всякаго систематическаго порядка впечатлѣній», которыя произвело въ немъ «зрѣлище» Первопрестольной. Въ другомъ мѣстѣ онъ отзывается о своихъ «Письмахъ» такъ: «Мои письма къ тебѣ, другъ мой, часто похожи на картинки, называемыя quodlibet, гдѣ представляются разбросанныя на столѣ газеты, визитные билеты, оды на побѣды, карты и проч.» [4]). Дѣйствительно, содержаніе «Писемъ» Му-

[1]) И. М. Муравьевъ-Апостолъ писалъ и говорилъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ и былъ лично знакомъ со многими крупнѣйшими представителями европейской литературы и науки.

[2]) См. „Сынъ Отечества“ 1813 г., ч. VIII, № 35, стр. 29—97; № 36, стр. 129—139; ч. IX, № 44, стр. 211 — 234; № 45, стр. 259—270; ч. X, № 46, стр. 24 — 33; № 48, стр. 97 — 105; № 49, стр. 137 — 155; 1814 г., ч. XI, № 2, стр. 62 — 73; № 3, стр. 97 — 109; ч. XII, № 7, стр. 19 — 30; ч. XVI, № 34, стр. 39—54; ч. XVII, № 39, стр. 3 —17; № 40, стр. 49—60; 1815 г., ч. XIX, № 6, стр. 217—228; ч. XXIII, № 29, стр. 85—99; ч. XXIV, № 36, стр. 119—141. — Для удобства, при цитатахъ мы будемъ ссылаться не на № журнала, а на № письма.

[3]) Т. е. въ Нижнемъ-Новгородѣ.

[4]) Письмо 9-е.

равьева весьма разнообразно и пестро, но его можно свести къ нѣсколькимъ немногимъ пунктамъ, что̀ мы—для удобства изложенія—и сдѣлаемъ. Всѣхъ писемъ 15; изъ нихъ едва-ли не половина посвящена разсужденіямъ о Наполеонѣ и французахъ и ихъ опустошительномъ набѣгѣ на Москву, о Франціи, и губительномъ вліяніи галломаніи на наши нравы; затѣмъ нѣсколько писемъ занято изображеніемъ недостатковъ нашего воспитанія и объясненіемъ причинъ этихъ недостатковъ, тутъ же авторъ предлагаетъ и мѣры къ пресѣченію вкоренившагося зла; много мѣста отведено авторомъ въ своихъ письмахъ разсужденіямъ о литературѣ, писателяхъ, критикѣ и переводахъ, о состояніи нашей науки и просвѣщенія; не мало говорится въ «Письмахъ» о предразсудкахъ въ современной автору нашей общественной и частной жизни; наконецъ мы можемъ найти въ нихъ и автобіографическія припоминанія автора, его философскіе и житейскіе взгляды, вкусы и пр. Тонъ «Писемъ» вообще нѣсколько приподнятый, мѣстами возвышающійся до паѳоса, заставляющаго впадать автора въ крайности или риторику. Въ нѣсколькихъ словахъ «Письма» Муравьева можно характеризовать такъ: это яркія картинки нашего общества, перенесшаго Отечественную войну, картинки, набросанныя искусной рукой горячаго патріота, въ объяснительномъ текстѣ которыхъ читатель услышалъ еще неслыханныя до того времени вещи: авторъ старался доказать, что вся ложь и зло въ нашемъ обществѣ происходятъ отъ отсутствія у насъ общественнаго и національнаго самосознанія, а послѣднее отъ рабской привязанности къ вѣковымъ предразсудкамъ и требованіямъ минутной моды.

Муравьевъ вѣритъ въ мощь, въ богато-одаренную натуру русскаго народа; Отечественная война еще болѣе убѣдила его въ этомъ. «Какой народъ! Какія въ немъ силы тѣлесныя и душевныя!» восклицаетъ онъ въ первомъ своемъ письмѣ, приглашая русскій народъ взглянуть на самого себя, п о з н а т ь свои силы. «Москва, по моему мнѣнію—говоритъ авторъ—въ видѣ опустошенія, въ которомъ она является теперь, должна быть еще драгоцѣннѣе русскому сердцу, нежели какъ она была во время самаго цвѣтущаго ея положенія. Въ ней мы должны видѣть величественную жертву спасенія нашего и смѣю сказать—жертву очистительную. Закланная на олтарѣ отечества, она истлѣла вся; остались одни кости, и кости сіи громко гласятъ: «Народъ россійскій, народъ доблестный, не унывай!... Познай самъ себя и свергни съ своей могучей выи своей яремъ, поработившій тебя, тирана, подражаніе пигмеямъ, коихъ всѣ душевныя силы истощились вѣками разврата. Познай себя! а я, подобно фениксу, воспарю изъ пепла своего и, веселясь о тебѣ, облекусь въ блескъ и красоту, сродные матери городовъ россійскихъ и снова вознесу главу мою до облаковъ». А мы не только не сознали себя, забыли свой языкъ и говоримъ на «варварскомъ нарѣчіи». «Враги наши

и рода человѣческаго»—говоритъ Муравьевъ въ 10-мъ письмѣ—пришли къ намъ, ограбили олтари, убили нашихъ братій, смѣшали кровь ихъ съ пепломъ нашихъ сожженныхъ жилищъ, а мы,—мы на этомъ самомъ пеплѣ, еще не остыломъ, платимъ имъ дань уваженія—говоримъ ихъ языкомъ». Конечно, это сила привычки, но и привычка, «какъ ни сильна власть ея надъ людьми (особливо когда воспитаніе ее вкоренило), все же не должна устоять противу дѣйствія двухъ причинъ: самолюбія надъ каждымъ и національной гордости надъ всѣми вообще».

Усвоя иностранный языкъ, иностранныя моды, и мало-по-малу навыкая прилагать ко всему иностранный, преимущественно французскій масштабъ [1]), мы тѣмъ самымъ погрязаемъ въ одномъ изъ самыхъ пагубныхъ предразсудковъ: подражаніе иностранному возводимъ въ принципъ. Къ этому предразсудку, навѣянному извнѣ, присоединяются еще другіе предразсудки «доморощенные» [2]), по опредѣленію Муравьева, и наше общество, теряя подъ ногами почву, вступаетъ на путь невѣжества и мрака [3]).

Зная Муравьева за человѣка такихъ убѣжденій, мы въ правѣ ожидать отъ него призыва къ дѣлу, къ патріотизму, къ борьбѣ съ вторженіемъ въ наше общество и нравы пагубныхъ иноземныхъ вліяній. Муравьевъ такъ и дѣлалъ.

Надѣленный отъ природы немалой страстностью, онъ горячо отстаивалъ свои убѣжденія, старался внушить ихъ своимъ согражданамъ, употребляя всю силу своего краснорѣчія и не смущаясь тѣмъ, что въ пылу своего негодованія впадалъ порою въ крайности. Его какъ патріота въ особенности возмущали замыслы «врага всего человѣчества» (т. е. Наполеона) о порабощеніи Россіи и бѣдствія его опустошительнаго набѣга на наше отечество. Муравьевъ зналъ Наполеона еще, когда этотъ «корсиканецъ заносилъ ногу свою на тронъ Генриха IV» [4]), онъ ненавидѣлъ его съ первыхъ—какъ мы уже замѣтили — дней своего дипломатическаго знакомства съ нимъ (да и тотъ его «не жаловалъ») [5]), никогда «на щетъ его мыслей своихъ не перемѣнялъ» [6]) и никогда не считалъ Наполеона великимъ человѣкомъ. «Сколько голосовъ было противъ меня!»—замѣчаетъ Муравьевъ. «Отъ того, что большая часть людей смѣшиваетъ вмѣстѣ два понятія, различныя между собою: чрезвычайнаго и великаго, не разсуждая, что человѣкъ можетъ сдѣлаться чрезвычайнымъ единственно отъ обстоя-

[1]) Письмо 4-е.
[2]) Письмо 8-е.
[3]) Письмо 10-е.
[4]) Письмо 3-е.
[5]) Письмо 11-е.
[6]) Письмо 11-е.

тельствъ, но чтобы истинно быть великимъ, надобно родиться таковымъ... Никогда обстоятельства столько не благопріятствовали человѣку, и никогда не бывало безумца, который бы такъ мало умѣлъ ими воспользоваться, какъ Бонапарте. Отъ него зависѣло съ 1801 года сдѣлаться истиннымъ героемъ, великимъ человѣкомъ, а онъ предпочелъ быть бичемъ рода человѣческаго. Мудрено кажется, будучи въ полномъ умѣ, сдѣлать такой странный выборъ; и остается рѣшить вопросъ: умѣлъ ли Наполеонъ быть великимъ, да не хотѣлъ, или хотѣлъ, да не умѣлъ?

«Я склоняюсь на послѣднее и заключаю, что неумѣніе его происходило отъ двухъ причинъ: 1-я: недостатокъ истинныхъ дарованій; 2-я: вскруженіе головы его, отъ обстоятельствъ, слишкомъ ему благопріятныхъ, въ которыхъ, какъ говорится, онъ не умѣлъ найти себя. Однимъ словомъ онъ... (простятъ ли мнѣ такую дерзость бывшіе его обожатели?) онъ совершенно съ ума сошелъ; точно такъ помѣшался на всеобщей Монархіи, какъ Донъ-Кихотъ на возстановленіи странствующаго рыцарства; съ тою однако разницею, что герой Ламанхскій былъ истинно добрый человѣкъ, а онъ злодѣй;—что цѣль того была хотя мечтательная, но полезная, а этого и мечтательная и пагубная; что кастильянецъ былъ храбръ, чистосердеченъ и великодушенъ, а корсиканецъ дерзокъ, лукавъ и подлъ;—что первый принималъ куколъ за людей, а послѣдній людей за куколъ,—и особливо съ тою большою разницею, что, читая Донъ-Кихота, нельзя не полюбить его, а вспоминая о Наполеонѣ, нельзя не содрогнуться и его не возненавидѣть. Я ищу въ Бонапартѣ хотя одной черты истиннаго величія и не нахожу ея. Все то, что въ теченіе послѣднихъ 13 лѣтъ служило къ пораженію умовъ, принадлежитъ не ему, а обстоятельствамъ; или лучше сказать—этой политической горячкѣ, которой отъ времени до времени бываютъ подвержены народы: все же то, что собственное его, носитъ на себѣ печать или безумной дерзости, или звѣрскаго свирѣпства, или самой низкой подлости» [1]).

Наполеонъ въ глазахъ Муравьева—тиранъ, злодѣй [2]), разбойникъ, выведшій изъ Франціи на Россію полмилліона рабовъ [3]); онъ—зажигатель, онъ — Пугачевъ, онъ — фабрикантъ мертвыхъ тѣлъ [4]) и т. д.

Отъ ненависти къ «злодѣю - Наполеону» былъ одинъ шагъ перейти къ ненависти «изверговъ-французовъ» вообще. И дѣйствительно, И. М. Муравьевъ въ пылу своего патріотическаго негодованія утверждаетъ, что «нынѣшній французъ есть синонимъ чудовищу, варвару, извергу

---

[1]) Письмо 11-е.
[2]) Письма 1-е, 2-е и 3-е.
[3]) Письмо 1-е.
[4]) Письма 2-е и 3-е.

и т. п.!» [1]). Впрочемъ, онъ и самъ однажды сознался, что впалъ въ крайность, но тутъ же поспѣшилъ оправдаться. «Укоряя меня въ недостаткѣ умѣренности» — говоритъ онъ воображаемому другу-корреспонденту—ты забылъ бездѣлицу: забылъ, что я живу въ Москвѣ, окруженъ памятниками злобы французовъ противъ насъ, гдѣ быть умѣреннымъ въ чувствахъ къ неистовѣйшимъ врагамъ нашимъ значитъ, по моему заключенію, то же, что быть колодою, а не человѣкомъ. Боже упаси меня отъ такой умѣренности, хотя бы она и добродѣтелью называлась! Но я скорѣе соглашусь съ Дантомъ, который въ адѣ своемъ выдумалъ особливой лимбъ, для этихъ холодныхъ философовъ, добрыхъ, умѣренныхъ людей, которые могутъ не ненавидѣть виновниковъ гибели отечества своего».—«Ахъ, другъ мой—пишетъ Муравьевъ нѣсколько ниже—и ты хочешь, чтобы я не сердился, т. е. чтобы я былъ равнодушнымъ! Нѣтъ, ты не можешь этого хотѣть: кто не ненавидитъ порока, тотъ близокъ къ тому, чтобы не любить и добродѣтели!» [2]). Муравьевъ не могъ говорить спокойно о французахъ: онъ былъ печальнымъ свидѣтелемъ весьма тяжкихъ бѣдствій отъ нашествія двунадесяти языковъ. «Я видѣлъ»....—говоритъ онъ—«нѣтъ! я никогда не могу вспомнить безъ ужаса: в и д ѣ л ъ зарево пылающей столицы!—Видѣлъ всю дорогу отъ Москвы до Владимира, усѣянную гражданами, ищущими спасенія въ бѣгствѣ; видѣлъ—съ грудными младенцами блѣдныхъ матерей, въ отчаяніи подъемлющихъ къ небу слезами наполненные глаза; видѣлъ на одной повозкѣ цѣлыя семейства, вчера—богачей, сегодня—нищихъ, въ рубищахъ и безъ пропитанія; видѣлъ телѣги, наполненныя израненными, умирающими плѣнными, которые на трехъ или четырехъ разныхъ языкамъ проклинали коронованнаго ихъ разбойничьяго атамана; повсюду видѣлъ уныніе поселянъ, трепетъ женъ и дѣтей ихъ; повсюду слышалъ стонъ, рыданіе и вопль, однимъ словомъ: н р а в с т в е н н о е з л о представилося мнѣ въ самыхъ ужасныхъ, отвратительныхъ чертахъ его!»... [3]).

Отсюда понятна его неукротимая ненависть къ французамъ, какъ жестокимъ внѣшнимъ врагамъ нашего отечества. Мы поймемъ озлобленіе Муравьева еще болѣе, если обратимъ вниманіе на то, что онъ не любилъ и ненавидѣлъ французовъ еще ранѣе того времени, когда они начали оттачивать свое оружіе для войны съ Россіей. «Французы таковы (т. е. изверги) по тому ли только, что они подъ начальствомъ Наполеона?»—спрашиваетъ Муравьевъ и тутъ же отвѣчаетъ: «Конечно, нѣтъ. Наполеонъ въ Италіи былъ бы начальникомъ банди-

---

[1]) Письмо 1-е.
[2]) Письмо 3-е.
[3]) Письмо 2-е.

товъ; въ Испаніи предводительствовалъ бы бандолерами; сдѣлался бы въ Германіи разбойничьимъ атаманомъ; въ Россіи—Пугачевымъ, Гейвеманомъ въ Англіи; въ одной Франціи онъ могъ царствовать и царствуетъ: раздраженное небо произвело его для французовъ, французовъ для него... Наполеонъ злодѣй, въ этомъ сомнѣнія нѣтъ, а рабы его, хотя меньшаго калибра, но также злодѣи. Кремль взорванъ по повелѣнію Бонапарта, за то сволочь его отличалась сожженіемъ Москвы, осквернеиіемъ святыхъ храмовъ ея; одно и то же повтореніе тѣхъ же неистовствъ во всѣхъ предѣлахъ, куда только удалось разбойникамъ французамъ ворваться съ мечемъ въ рукахъ. Не съ ними ли былъ Наполеонъ, когда, овладѣвъ Таррагоною, они забавлялись, толкая съ городскихъ стѣнъ въ пропасть беззащитныхъ, просящихъ пощады жителей? Не они ли, оставляя Бургосъ, подорвали укрѣпленія, не предостерегши о томъ гражданъ, изъ коихъ нѣсколько сотенъ подавлены развалинами замка?— Послѣдній ихъ подвигъ въ Гветаріи еще превосходнѣе всѣхъ вышеупомянутыхъ: выходя изъ города, они оставляютъ зажженный фитиль, проведенный къ пороховому погребу, около котораго разставляютъ, для приманки народа, нѣсколько бочекъ съ виномъ... Вотъ утонченіе варварства и злости!» [1])....

Муравьевъ презиралъ современныхъ ему французовъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ «чувствовать себя». «Не помню—говоритъ онъ—какой-то умный человѣкъ сказалъ: «возьми француза на удачу, перегони его въ кубѣ, выйдетъ парикмахеръ». Я всегда соглашался съ этой мыслью.... Съ тѣхъ поръ, какъ помню себя, французы представляются моимъ взорамъ то мятежными гражданами, то подлыми и низкими рабами. Сперва, въ буйномъ изступленіи самовольства, поражающими другъ друга, потомъ, сдѣлавшись орудіемъ тирана, ведущими неистовѣйшія войны противу всѣхъ народовъ, съ тѣмъ, чтобы и ихъ подвергнуть тому же рабству, въ которомъ они сами пресмыкаются. И всѣ эти перемѣны произошли въ теченіе 20 лѣтъ... Но что я говорю, 20 лѣтъ?—нѣсколько мѣсяцевъ! Я самъ былъ свидѣтелемъ перехода ихъ отъ республики къ тираніи, самъ былъ въ Парижѣ въ то время, какъ корсиканецъ началъ заносить ногу свою на тронъ Генриха IV, видѣлъ глазами моими на публичныхъ зданіяхъ нестертыя еще надписи: Liberté ou la mort!— тогда, какъ горделивѣйшіе изъ республиканцевъ начинали уже лизать Наполеону руку, когда Мартышка—Сегюръ за щастье поставлялъ распоряжать этикетомъ новаго львинаго двора, когда знатнѣйшія породою барыни добивались чести служить Баррасовой наложницѣ, когда люди— и это выговариваю съ прискорбіемъ—люди, которыхъ отличала Екатерина Великая, забывъ прежнее достоинство свое, ползали у ногъ раз-

[1]) Письмо 3-е.

водной жены Леграна, бывшей тогда еще не женою, а наложницею Талейрана.... Нѣсколько вѣковъ разврата потребны были на то, чтобы пріучить потомство Гракховъ ползать у ногъ Тиверія; во Франціи это дѣлается скорѣе: сегодня издается законъ, которымъ осужденъ на смерть всякъ, кто только осмѣлится предложить возстановленіе монархіи, а на другой день все стадо французское уже лежитъ у ногъ пришельца и присягаетъ ему въ вѣчномъ рабствѣ.—Каковъ народъ?—Natio comoeda est!» [1]).

Муравьевъ не разъ подчеркиваетъ въ своихъ «Письмахъ» легкомысліе французовъ, ихъ studium rerum novarum, и «способность увлекаться мечтами изъ крайности въ другую». «Французы острые, скорые французы въ 20 лѣтъ пробѣжали вверхъ и внизъ лѣстницу [2]), по которой римляне тащились 700 лѣтъ». На сравненіе французовъ съ римлянами у него напрашивается перо не разъ. «Nero a pessimo quoque semper desiderabitur», т. е. по Неронѣ всегда будутъ французы тосковать»—такъ переводитъ эту Тацитову фразу Муравьевъ, сопровождая ее ядовитымъ примѣчаніемъ: «сколько я ни рылся въ лексиконахъ, а для выраженія слова pessimo ничего лучше не пріискалъ, какъ французы». И затѣмъ поясняетъ эту мысль такъ: «Гальба или Оттонъ, Массена или Ней—для нихъ все равно, а чего еще лучше какъ и Неронъ живъ?—Имъ лишь бы не царствовалъ добрый король ихъ, желавшій щастія народу своему и хотѣвшій дать ему правленіе представительное, однимъ словомъ: на законахъ основанную свободу. Но въ этомъ грубо ошибся Людовикъ: народъ, дошедшій до такой степени разврата, на каковой стоятъ теперь французы, повинуется не законамъ, а однимъ только штыкамъ да палкамъ. Стихія его есть—безначаліе, и въ ней пребудетъ онъ до тѣхъ поръ,—не сказать ли словами Бонапарта?—пока имя Франціи не сотрется съ Европейской карты» [3]).

Нѣсколькими строками ниже онъ сравниваетъ французовъ съ римлянами III вѣка, которымъ «все равно было кому ни служить рабами: иллирійскому мужику или потомку флавіанскаго дома». Впрочемъ, слѣдуетъ сдѣлать оговорку. Муравьевъ, съ одной стороны, признавался, что «какъ въ семьѣ не безъ урода, такъ и между французами есть честные люди (sic!), и я сердечно сожалѣю о нихъ, что они французы», съ другой—онъ строго раздѣлялъ французовъ «нынѣшнихъ» отъ французовъ прежнихъ, напр. временъ Людовика XIV. Ему нравились не «нынѣшніе» французы, воители, завоеватели, рабы Наполеона, но французы-подданные Людовика XIV, мирные сѣятели европейской культуры, двига-

---

[1]) Письмо 3-е.
[2]) Т. е. способы правленія.
[3]) Письмо 14-е.

тели наукъ, просвѣщенія и литературы. «Никогда,—говоритъ онъ въ своемъ 6-мъ письмѣ—Франція такъ не процвѣтала, какъ подъ державою Людовика XIV, или—лучше сказать—подъ министерствомъ Кольберта» [1]), но мало-по-малу «пламенникъ генія» Франціи угасалъ и меркнулъ «свѣтъ истиннаго просвѣщенія» [2]). Вѣкъ Людовика прошелъ, и закрылась блестящая страница въ исторіи Франціи. Она потеряла свою силу какъ культурнаго центра, потеряла мощь и какъ политическое тѣло. Сила современной Франціи—по увѣренію Муравьева—лишь судороги: пройдетъ еще какихъ-нибудь сто лѣтъ и... «французская нація исчезнетъ». Муравьевъ любилъ иногда облекаться въ мантію оракула и давалъ пророчества иногда болѣе или менѣе удачныя. Но на сей разъ, въ разсужденіи о французахъ, онъ слишкомъ увлекся ролью предсказателя, и пророчество его не сбылось: «Политическое чудовищное бытіе Франціи, несовмѣстное съ цѣлостію общества человѣческаго—говорилъ Муравьевъ—уже 20 лѣтъ какъ обрекло ее уничтоженію и довело всѣ племена, всѣ роды, до такого противу нея раздраженія, что погибель ея содѣлалась почти необходимою для общаго спокойствія. Приговоръ: delenda Francia—во всѣхъ сердцахъ, если еще не у всѣхъ на устахъ; онъ исполнится, и тогда развратнѣйшій изо всѣхъ народовъ представитъ собою ужасное позорище на театрѣ міра»... Франціи, какъ государства, не будетъ, и французамъ одно останется: «быть особливымъ родомъ цыганъ: старые мѣняютъ лошадей, ворожатъ, пляшутъ; новые будутъ дѣлать помаду, чепчики и учить танцовать, но не языку своему, которому честь пройдетъ черезъ сто лѣтъ даже у насъ [3]). Впрочемъ, при всей своей ненависти къ французамъ, Муравьевъ однажды все же счелъ нужнымъ пожелать «имъ всякаго блага, но не по христіанской добродѣтели, повелѣвающей за зло платить добромъ, но потому, что, занимая средоточіе Европы, французы болѣе другихъ народовъ могутъ имѣть непосредственное вліяніе на щастіе и нещастіе образованной части рода человѣческаго» [4]).

Ив. Кубасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Письмо 6-е.
[2]) Ibidem.
[3]) Письмо 1-е.
[4]) Письмо 11-е.

Посѣщеніе гимназій Харьковскаго учебнаго округа наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ (впослѣдствіи императоромъ Александромъ II) въ 1837 году.

Въ 1837 г. наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, послѣ общаго экзамена, завершившаго кругъ его образованія, предпринялъ путешествіе по Россіи и Сибири въ сопровожденіи своихъ наставниковъ и воспитателей Кавелина, Жуковскаго, Арсеньева и друг. Путешествіе продолжалось свыше семи мѣсяцевъ. Въ этотъ сравнительно краткій срокъ великій князь объѣздилъ тридцать губерній и первый изъ членовъ царственнаго дома посѣтилъ отдаленную Сибирь. Путешественники ѣхали быстро, съ короткими остановками въ главныхъ городахъ. На пути великому князю было подано 16.000 прошеній, большей частью о пособіи. Однѣ просьбы отсылались на заключеніе губернаторамъ, получившимъ по 8.000 руб. на раздачу наиболѣе нуждающимся; болѣе важныя просьбы отсылались министрамъ и въ коммиссію прошеній; наконецъ, самыя важныя наслѣдникъ прямо посылалъ отъ себя государю. По высочайшему повелѣнію, всѣ вѣдомства безотлагательно должны были заниматься разсмотрѣніемъ прошеній, поданныхъ на имя великаго князя.

Сначала были осмотрѣны: Новгородъ, Тверь, Ярославль, Кострома, Ростовъ, Суздаль, Шуя, Вятка, Екатеринбургъ, Сибирь до Тобольска, Оренбургъ, Симбирскъ, Саратовъ, Пенза, Тамбовъ, Воронежъ, затѣмъ послѣдовали южнорусскіе города—Кіевъ, Полтава, Харьковъ, Таганрогъ, Новочеркасскъ, Крымъ [1]).

Въ Харьковѣ и сосѣднихъ съ нимъ городахъ великій князь былъ короткое время, день или два. Въ обширной біографіи императора

[1]) См. Татищева, въ I т. „Русск. біографич. Словаря“, 422—431.

Александра II, составленной г. Татищевымъ, путешествіе 1837 года разсмотрѣно кратко, и о пребываніи великаго князя въ Харьковѣ отмѣчено только, что въ Харьковѣ былъ балъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія даны о посѣщеніи наслѣдникомъ Полтавы и мѣста Полтавской битвы, съ указаніемъ, что на исправленіе той церкви, въ которой Петръ Великій молился послѣ Полтавскаго боя, великій князь пожертвовалъ 2.000 р. [1]).

Мы коснемся, насколько располагаемъ новымъ, неизданнымъ еще въ печати матеріаломъ, лишь посѣщенія великимъ княземъ гимназій въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа того времени. Матеріалъ этотъ въ видѣ оффиціальной переписки хранится въ Архивѣ канцеляріи попечителя Харьковскаго учебнаго округа.

Не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ формы и пріемы осмотра среднеучебныхъ заведеній, которые выясняются по харьковскимъ даннымъ, были общими формами и пріемами, и, можно съ увѣренностью сказать, что великій князь и въ другихъ учебныхъ округахъ былъ такъ же внимателенъ къ гимназіямъ, какъ онъ былъ внимателенъ къ нимъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ, и что во всѣхъ случаяхъ практиковались сходные порядки представленій и осмотры.

По территоріи и по числу средне-учебныхъ заведеній Харьковскій учебный округъ въ 1837 г. представлялъ большія особенности, сравнительно съ настоящимъ временемъ. Тогда въ него входили Орловская гимназія (нынѣ Московскаго учебнаго округа), Полтавская (нынѣ Кіевскаго); но самое число гимназій было весьма незначительное, и въ самомъ Харьковѣ была всего одна мужеская гимназія, вмѣсто четырехъ нынѣ существующихъ.

Великій князь ѣхалъ въ образованной и хорошей компаніи. Съ нимъ вездѣ бывалъ В. А. Жуковскій, оставившій множество рисунковъ, писемъ, замѣтокъ объ этомъ путешествіи, свидѣтельствующихъ о внимательномъ отношеніи къ окружавшей его новой обстановкѣ и новымъ, людямъ. Другой спутникъ великаго князя С. А. Юрьевичъ также оставилъ интересныя письма [2]), изъ которыхъ видно, что гдѣ только открывалась возможность выйти изъ рамокъ оффиціальной торжественности, тамъ быстро исчезало различіе положеній и возрастовъ, и высокопоставленные путешественники обращались въ дружную и веселую компанію обыкновенныхъ туристовъ.

Среди разныхъ бумагъ оффиціальной переписки выдается одно предписаніе министерства внутреннихъ дѣлъ харьковскому губернатору объ охранѣ здоровья высокаго путешественника (отъ 4-го апрѣля 1837 г.):

---

[1]) Татищевъ, 430.

[2]) „Русс. Архивъ“, 1887 г. IV.

предписывалось отводить подъ квартиру великаго князя, гдѣ только возможно, «казенные домы, вообще такіе, въ коихъ нѣтъ больныхъ съ прилипчивыми болѣзнями». Съ той же цѣлью охраны, предписано было командировать «благонадежнаго уѣзднаго врача или члена врачебной управы за день или за два до проѣзда великаго князя», чтобы онъ «освидѣтельствовалъ состояніе здоровья во всѣхъ мѣстахъ», гдѣ намѣченъ былъ его проѣздъ или остановка, чтобы онъ «удостовѣрился тщательнымъ осмотромъ и разспросомъ, нѣтъ ли больныхъ корью, скарлатиной и вообще прилипчивыми заразительными болѣзнями не только въ домахъ, назначенныхъ для пребыванія великаго князя, но и близъ оныхъ, а въ небольшихъ городахъ и селеніяхъ и вообще въ томъ селеніи или городѣ». На каждой станціи врачъ долженъ былъ оставлять записки, что въ районѣ проѣзда все обстоитъ благополучно.

Положеніе «благонадежнаго врача» и посылавшаго его губернскаго начальства было затруднительное. Въ одни, двое сутокъ нужно было собрать санитарныя свѣдѣнія по городамъ и селеніямъ, съ личнымъ ручательствомъ за ихъ достовѣрность.

3-го іюля въ часъ по полудни великій князь осматривалъ Тамбовскую гимназію, присутствовалъ на урокахъ во 2-мъ классѣ по нѣмецкому языку, въ 3-мъ—по географіи, въ 6-мъ и 7-мъ—по русской словесности, обозрѣвалъ кабинеты, прописи и рисунки учениковъ. Въ память этого посѣщенія директоръ гимназіи просилъ разрѣшенія поставить въ актовомъ залѣ мраморную доску съ соотвѣтствующей золотой надписью.

12-го іюля состоялось посѣщеніе Воронежской гимназіи въ томъ же порядкѣ, въ 1-мъ часу дня, при чемъ также были осмотрѣны ученическія работы по черченію и рисованію и ученическія сочиненія, а въ 7-мъ часу вечера гимназію осматривали Жуковскій и Арсеньевъ.

Гораздо полнѣе и интереснѣе было посѣщеніе Орловской гимназіи 19-го августа, подробно описанное директоромъ Федоровымъ. Великій князь обратилъ вниманіе на доску, гдѣ были записаны имена лучшихъ учениковъ, вызывалъ ихъ и хвалилъ. Великій князь «помолился въ гимназической церкви и затѣмъ подробно осмотрѣлъ пансіонъ, дортуары, классныя комнаты, больницу, учебныя пособія, постельное бѣлье и столовую, гдѣ отвѣдалъ хлѣбъ и квасъ и былъ въ кухнѣ, въ которой пробовалъ кушанье». Оставляя гимназію, его высочество обратилъ вниманіе, что мѣстные дворяне мало жертвуютъ на пансіонъ, и предложилъ присутствовавшему губернатору привлечь ихъ усердіе. Предусмотрительный директоръ очевидно предусмотрѣлъ и этотъ выгодный ходъ для гимназіи.

Осмотръ Курской гимназіи состоялся 21-го августа, въ обычномъ порядкѣ. Ученикъ 1-го класса Сафонъ Красноперовъ нарисовалъ каран-

дашомъ портретъ великаго князя и поднесъ, при посѣщеніи гимназіи, за что̀ получилъ золотые часы.

Въ дальнѣйшемъ осмотрѣ гимназій послѣдовалъ перерывъ, въ виду того, что великій князь поспѣшилъ въ Вознесенскъ, гдѣ были назначены большіе маневры и куда съѣзжались многіе члены царской фамиліи. По пути въ Вознесенскъ его высочество имѣлъ въ Харьковѣ и въ Полтавѣ лишь ночлеги; но при этомъ было объявлено, что на обратномъ пути онъ остановится въ этихъ городахъ на болѣе продолжительное время.

Осмотръ Полтавской гимназіи состоялся 10-го октября въ 12 часовъ дня. «За полчаса до прибытія въ гимназію его высочества, рапортовалъ своему начальству ея директоръ князь Цертелевъ, посѣтилъ сіе заведеніе знаменитый поэтъ нашъ В. А. Жуковскій; обласкавъ учащихъ и учащихся, онъ обратилъ вниманіе свое на классическія (т. е. классныя) занятія учениковъ, разсматривалъ образцы чистописанія, географическія карты, составленныя учениками, опыты ихъ въ рисованіи и черченіи и въ особенности упражненія въ русской словесности, которыя были представлены его превосходительству въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ повременно поступали они къ директору, т. е. съ поправками и замѣчаніями, сдѣланными директоромъ и учителемъ». Директоръ гимназіи просилъ поэта обратить особенное вниманіе на сочиненія Лукашевича, поступившаго въ томъ году въ Харьковскій университетъ. Жуковскій замѣтилъ въ нихъ «признаки піитическаго таланта» и обѣщалъ повидаться съ нимъ въ Харьковѣ. Добрый В. А. былъ отзывчивъ и скоръ на помощь.

Въ 12 ч. прибылъ великій князь въ сопровожденіи своей свиты и полтавскаго губернатора, осмотрѣлъ помѣщеніе, работы учениковъ и взялъ себѣ на память изъ ихъ рисунковъ видъ Шведской могилы, видъ той церкви, гдѣ служилъ молебствіе Петръ Великій послѣ побѣды надъ шведами, и планы сраженій при Лѣсномъ, Полтавѣ и Прутѣ.

Обозрѣвая гимназическую библіотеку, его высочество обратилъ вниманіе на книги, пожертвованныя извѣстнымъ писателемъ Н. И. Гнѣдичемъ, и разспрашивалъ, чѣмъ вызвано это пожертвованіе.

Далѣе великій князь, проходя по спальнямъ, заинтересовался положеніемъ проживавшихъ въ гимназіи воспитанниковъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія.

По отъѣздѣ высокаго гостя, директоръ гимназіи препроводилъ Жуковскому лучшія сочиненія учениковъ и стихотвореніе учителя русской словесности Буткова, посвященное наслѣднику цесаревичу.

Въ тотъ же день директоръ былъ приглашенъ къ столу великаго князя, а на другой день Бутковъ получилъ въ награду золотые часы.

Вотъ стихотвореніе Буткова:

Его императорскому высочеству государю цесаревичу наслѣднику всероссійскаго престола.

Привѣтствую Тебя, орелъ нашъ быстрокрылый!
Въ своемъ полетѣ Ты полміра обозрѣлъ,
Наслѣдіе Отцовъ узналъ, любови силой
Всѣхъ Россіанъ сердца къ себѣ привлечь умѣлъ!

Съ береговъ Невы—за Днѣпръ, за Волгу, за Уралъ
Ты пролетѣлъ, нашъ юный утѣшитель;
Съ наслѣдней кротостью во все, во все вникалъ...
И хладныя Сибири дальный житель,
И доблестной Москвы усердный гражданинъ,
Степей Украины счастливый селянинъ,
Питомецъ Музъ, вдовицы, дѣти—
Всѣ благостью Твоей согрѣты,
Всѣ въ родъ и родъ передадутъ ее,
Отраду, честь и счастіе свое.

Съ какимъ участіемъ мы слѣдили
Твой дивній, дальній путь! Слова Твои ловили
И мыслили: чѣмъ можемъ мы воздать
Тому, кто такъ въ лицѣ Твоемъ объ насъ печется,
Чей Тронъ алтарь, съ чьихъ устъ премудрость льется,
Надъ Кѣмъ небесная почіетъ благодать?
И кто же не пойметъ въ Твоемъ лету
Грядущаго великое значенье?
Узнать Россію всю въ ея быту,
Дать къ совершенству направленье,
Богатство странъ, народовъ нравы знать,
Заранѣе къ себѣ любовью привязать!

Наслѣдникъ мудрости и славы!
Да убѣдитъ Тебя слѣдящая любовь,
Что русскій за Царя, за свѣтлый Домъ его,
За честь такъ твердо Имъ хранимыя Державы,
Все въ жертву принести готовъ!
Вы жизни нашей жизнь, земное Провидѣнье,
Вы все для насъ! Мы съ имепемъ царей
Отрадное сливать привыкли увѣренье:
Цари—посланники небесъ для счастія людей.
Теки—желанный гость—и Трона будь красою!
Теки и доблестью потомство удивляй!
Да будетъ слава, миръ, любовь и честь съ Тобою,
Цвѣти—и благостію, и правдою сіяй.

Бутковъ, очевидно, поэтъ неважный, но въ его стихотвореніи все-таки пробиваются воззрѣнія среднихъ людей того времени на цѣли и значеніе путешествія великаго князя, и обнаруживается предчувствіе, что въ лицѣ царственнаго юноши на сцену всемірной исторіи выдвигается свѣтлое начало «благости» и «правды».

12-го октября наслѣдникъ цесаревичъ осматривалъ Императорскій Харьковскій университетъ и гимназію. Въ печатномъ университетскомъ отчетѣ 1837—38 года глухо замѣчено, что результатомъ посѣщенія университета великимъ княземъ были льготы по полученію докторской степени и поддержка нѣкоторыхъ студентовъ по окончаніи ими учебныхъ курсовъ.

При посѣщеніи гимназіи не было ни попечителя, графа Головкина, обязанности котораго, по случаю его отъѣзда въ Москву, исполнялъ его помощникъ графъ Панинъ, ни директора, вмѣсто котораго рапортъ о положеніи учебнаго заведенія и учителей представлялъ инспекторъ Тюринъ. Великій князь былъ встрѣченъ торжественно священникомъ Лебедевымъ со крестомъ; ученики пропѣли многолѣтіе. По представленіи учителей, которыхъ цесаревичъ спрашивалъ о мѣстѣ полученія образованія, послѣдовалъ осмотръ больницы, физическаго кабинета, библіотеки и обходъ классовъ. Въ V кл. учитель русскаго языка Вербицкій спрашивалъ, по указанію великаго князя, нѣкоторыхъ учениковъ изъ логики и риторики, въ III классѣ учитель географіи Ковалько спрашивалъ по своему предмету. Великому князю поднесена была карта его путешествія 1837 г. работы двухъ учениковъ—IV класса Крупкова и VII класса Колчина, получившихъ потомъ въ награду золотые часы. Уѣзжая изъ гимназіи, великій князь росписался въ книгѣ, поднесенной почетнымъ попечителемъ гимназіи графомъ Гендриковымъ.

Такъ закончился торжественный циклъ осмотра наслѣдникомъ цесаревичемъ гимназій Харьковскаго учебнаго округа. Изъ-за сухихъ оффиціальныхъ рамокъ кое-гдѣ пробиваются живыя черты: мѣстами просвѣчиваетъ «благостный» образъ юнаго царственнаго путешественника. Наслѣдникъ цесаревичъ хвалитъ лучшихъ учениковъ, осматриваетъ работы, пробуетъ пищу, хлопочетъ объ усиленіи пожертвованій. Мѣстами выдвигается симпатичный образъ В. А. Жуковскаго, сердечно относившагося къ успѣхамъ молодежи, посредника въ наградахъ и поощреніяхъ, при малѣйшихъ литературныхъ поводахъ.

И самыя гимназіи, при всей сухости оффиціальныхъ отчетовъ, оказываются живыми организмами. Онѣ рѣшались экспонировать свои кабинеты; онѣ выставляли работы учениковъ по черченію и рисованію.

Любопытно и поучительно, что въ одномъ городѣ наслѣдникъ цесаревичъ получилъ изъ рукъ гимназистовъ карту своего путешествія по Россіи, въ другомъ—свой портретъ работы ученика, въ третьемъ—ученическіе рисунки мѣстныхъ историческихъ памятниковъ.

Слова Буткова: «съ какимъ участіемъ мы слѣдили Твой дивный, дальній путь!» не были пустой фигурой восхваленія. Дѣйствительность ихъ оправдывала. Въ то время какъ Бутковъ въ Полтавѣ подготовлялъ свои

нехитрые стихи, два ученика Харьковской гимназіи составляли карту путешествія великаго князя.

Бо̀льшаго еще вниманія заслуживаютъ ученическіе рисунки Шведской могилы и старинной мѣстной церкви—рисунки, показывающіе, что ни учащіе, ни учащіеся не чуждались мѣстныхъ интересовъ и работали на мѣстныя темы.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.

Письмо Н. И. Гнѣдича цесаревичу Константину Павловичу и отвѣтный рескриптъ цесаревича.

1. Письмо Н. И. Гнѣдича цесаревичу, съ поднесеніемъ его императорскому высочеству перевода.

23-го февраля 1830 г. С.-Петербургъ.

Ваше императорское высочество! Августѣйшая сестра ваша, блаженной памяти королева Виртембергская, незабвенная Россіи добродѣтелями своими, Екатерина Павловна удостоила милостивымъ вниманіемъ поощрить меня къ переводу на русскій языкъ Иліады Гомеровой.

Извѣстная вашего императорскаго высочества любовь къ пѣвцу героевъ, а еще болѣе благоговѣніе каждаго россіянина къ добродѣтелямъ возвышенной души вашей обязываютъ меня священнымъ долгомъ изданный трудъ мой, осчастливленный всемилостивѣйшимъ покровительствомъ вселюбезнѣйшаго государя нашего, препроводить для поднесенія вашему императорскому высочеству.

Пѣвецъ доблестей, украшающихъ высокую душу вашу, пѣвецъ, знакомый слуху вашему на прекрасномъ языкѣ его, можетъ быть, и въ слабомъ отголоскѣ языка отечественнаго, преклонитъ милостивое вниманіе вашего высочества къ труду моему и тѣмъ исполнитъ лестную мою надежду.

Вашего императорскаго высочества всенижайшій слуга Николай Гнѣдичъ.

2. Отвѣтъ цесаревича Константина Павловича.

7-го марта 1830 г. Варшава.

Николай Ивановичъ! Я имѣлъ удовольствіе получить при письмѣ вашемъ отъ 23-го протекшаго февраля переводъ Гомеровой Иліады на россійскій языкъ трудовъ вашихъ и поставляю себѣ пріятнымъ долгомъ благодарить васъ какъ за присланный мнѣ экземпляръ сего перевода, такъ и за выраженія письма вашего.

При семъ случаѣ прошу принять увѣреніе моего къ вамъ расположенія.

Константинъ.

Сообщилъ **П. В. Петровъ**.

Полувѣковой юбилей Лицея.

(Посвящается всѣмъ лицеистамъ XXV курсовъ).

День великій, день нашъ ясный,
Лучшій день изъ нашихъ дней!..
Собрался нашъ кругъ согласный
Встрѣтить братски юбилей.
Свѣтлый праздникъ, нами чтимый,
Встрѣченъ дружною семьей,
Въ честь тебя, Лицей любимый,
Въ честь тебя, Лицей родной.

Честно прожилъ ты полвѣка;
Въ эти долгіе года
Гражданина-человѣка
Ты воспитывалъ всегда.
И служенье правды чистой,
Неподкупный идеалъ,
Каждый имя лицеиста
Съединяя, воплощалъ.

Братья старшіе межъ нами—
Жизнь ихъ почестью полна;
Намъ родными именами
Наша родина славна.
Всѣхъ ихъ знаетъ не по слухамъ
Весь нашъ доблестный народъ,
Но, какъ первый, тѣмъ же духомъ
И послѣдній курсъ живетъ.

Мы тотъ духъ, какъ Весты пламя,
Неусыпно берегли.
Мы нашъ лозунгъ, наше знамя
По отчизнѣ разнесли.
И въ года бѣды, напасти
Этотъ духъ, намъ всѣмъ родной,
Былъ опорой правой власти,
Беззаконія грозой.

Въ этой жизни все проходитъ,
Все дряхлѣетъ каждый годъ,
Каждый день старѣе всходитъ
Солнца ликъ на небосводъ.
Изумляются нежданно
Мысли, чувства каждый часъ,

Но тверда и постоянна
Вселюбовь къ Лицею въ насъ.

И куда бы рокъ суровый
Въ жизни насъ ни разметалъ,
Пусть обязанностью новой
Насъ какъ гражданъ онъ связалъ,
Но въ день счастья свѣтлый, чистый,
Въ дни страданій и потерь—
Будемъ тѣ же лицеисты
Мы всегда, какъ и теперь.

Схоронили невозвратно
Царскосельскіе сады
Нашей жизни благодатной
Незабвенные слѣды.
Но все тотъ же, въ новомъ зданьи,
Съ старымъ чувствомъ нашъ Лицей—
Помня праздникъ основанья,
Собралъ всѣхъ своихъ дѣтей.

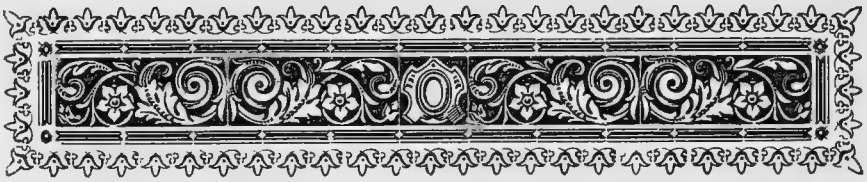
Тѣсенъ кругъ нашъ неподкупный,
Съ каждымъ днемъ онъ все тѣснѣй.
Многихъ нѣтъ... имъ недоступны
Клики громкіе друзей.
Вырвалъ рокъ ихъ изъ объятій
Тѣхъ, кто дорогъ былъ для нихъ,
Но мы помнимъ мертвыхъ братій,
Въ нашей памяти живыхъ.

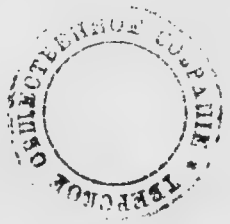
Вѣримъ мы: они межь нами,
Гробовую кинувъ сѣнь...
И съ родными мы тѣнями
Вмѣстѣ празднуемъ нашъ день.
Впереди пѣвецъ любимый,
Тотъ, кого прославилъ свѣтъ,
Первый русскій, нашъ родимый
И лицейскій нашъ поэтъ.

И теперь, рука съ рукою,
Всѣ, при звукахъ братскихъ чашъ,
Повторимъ семьей родною
Мы обѣтъ лицейскій нашъ:
Вѣкъ въ союзѣ дружбы чистой,
Въ братствѣ, жить до позднихъ дней,
Помня имя лицеиста
И любя родной Лицей!..

Владиміръ Зотовъ. Лицеистъ XI-го курса.

19-го октября 1861 года. Сообщилъ **П. Д. Стремоуховъ.**





Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною 1853—1856 гг.

VII [1]).

Положеніе Австріи относительно Россіи.—Обсужденіе вопроса въ Вѣнѣ, какъ уладить дѣло.—Проектъ Наполеона III.—Непринятіе турками вѣнской ноты.—Переписка Тувенеля съ Кастельбажакомъ.—Характеристика императора Николая.—Отказъ его согласиться на условія, предложенныя турками.—Свиданіе въ Ольмюцѣ.—Поѣздка императора Николая въ Берлинъ.

Австрія довольно долго оставалась безучастною зрительницею дипломатическаго столкновенія, происшедшаго между Россіей и Турціей, хотя исходъ этого столкновенія интересовалъ ее не менѣе, нежели прочія державы. Въ Европѣ полагали, что императоръ Францъ-Іосифъ не могъ забыть великодушной помощи, оказанной ему нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ русскимъ императоромъ, когда его монархіи угрожала опасность отъ мятежныхъ венгровъ и поэтому считали вполнѣ естественнымъ, что онъ будетъ на сторонѣ своего могущественнаго сосѣда, тѣмъ болѣе, что къ Франціи въ Вѣнѣ относились довольно недовѣрчиво, а симпатіи, выказанныя англичанами Кошуту, вызвали нѣкоторое охлажденіе между Вѣнскимъ и Сентъ-Джемскимъ кабинетами.

Иначе смотрѣли на дѣло всѣ тѣ, кои не придавали особаго значенія личнымъ симпатіямъ или временному неудовольствію, а руководствовались только интересами австрійской монархіи. Владѣя Дунаемъ, Австрія

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1902 г.

не могла допустить, чтобы устье этой рѣки было во власти Россіи, и поэтому всякій шагъ Россіи къ Константинополю былъ для нея угрозою. Будучи сосѣдкою Австріи на Востокѣ, Россія сдѣлалась бы ею, въ такомъ случаѣ, и съ юга, могла бы тѣснить ее съ этой стороны, могла привлечь ея славянскихъ подданныхъ и отнять одну за другою ея провинціи, поколебавъ этимъ могущество Габсбургской монархіи. Такъ думало большинство австрійскихъ дипломатовъ, не придавая особаго значенія долгу признательности и личнымъ симпатіямъ монарха.

«На Востокѣ не зрѣетъ такого плода, который наша имперія могла бы сорвать», писалъ князь Меттернихъ. Онъ опредѣлилъ образъ дѣйствій Вѣнскаго кабинета въ будущемъ слѣдующими словами:

— Мы не должны быть нейтральны, но мы должны занять выжидательное положеніе, которое будетъ избрано нами вполнѣ добровольно [1]).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1853 г. это «добровольно избранное выжидательное положеніе» могло быть выражено однимъ словомъ «посредничество», которое было у всѣхъ на устахъ.

Находясь въ центрѣ Европы, Вѣна являлась естественной посредницей между Россіей и западными державами. При томъ, русскій посланникъ въ Вѣнѣ, баронъ Мейендорфъ, былъ зятемъ главы австрійскаго кабинета, Буоля, и ихъ личныя дружественныя отношенія могли придти на помощь дипломатіи.

Такимъ образомъ все способствовало если не оффиціальному посредничеству, въ которомъ пока не было надобности, такъ какъ война еще не была объявлена, то по крайней мѣрѣ переговорамъ, центромъ которыхъ сдѣлалась Вѣна.

Уже съ конца іюня представители великихъ державъ стали собираться подъ предсѣдательствомъ Буоля, для совѣщаній по Восточному вопросу, и такимъ образомъ было положено начало извѣстной Вѣнской конференціи, которая продолжалась долго, но сдѣлала, въ сущности, весьма немного. Дипломаты пустили въ ходъ всю свою изобрѣтательность: Буоль предлагалъ взять въ основу ноту князя Меншикова и видоизмѣнить ее настолько, чтобы султанъ могъ принять ее. Другіе высказывали желаніе, чтобы Порта приняла ноту кн. Меншикова безъ измѣненія, но чтобы, взамѣнъ этого, русскій императоръ призналъ торжественнымъ образомъ полную независимость Оттоманской имперіи. Это предложеніе, которое приписывали французскому посланнику въ Вѣнѣ, де-Буркенэ, но отъ котораго онъ вскорѣ отказался, очень понравилось русскимъ.

---

[1]) Меттернихъ, Mémoires et papiers, т. VIII, стр. 348 и 363.

— Оно будетъ принято съ распростертыми объятіями,—говорилъ Нессельроде.

Въ Лондонѣ, лордъ Кларендонъ мечталъ о конвенціи, коей Порта подтвердила бы статьи всѣхъ бывшихъ договоровъ. Въ Петербургѣ у сэра Гамильтона Сеймура былъ также свой планъ: онъ хотѣлъ, чтобы султанъ обнародовалъ гатти-шерифъ, коимъ были бы подтверждены привилегіи христіанъ и который былъ бы доведенъ до свѣдѣнія императора Николая и представителей великихъ державъ.

— Вы говорите это отъ своего имени или отъ имени вашего правительства?—спросилъ посланника Нессельроде.

— Отъ своего собственнаго.

Каждый дипломатъ предлагалъ свою собственную мѣру, но въ Петербургѣ надѣялись на Пруссію и Австрію, и когда однажды зашла рѣчь о томъ, что споръ, возникшій между Россіей и Турціей, долженъ быть рѣшенъ при содѣйствіи великихъ державъ, то императоръ Николай сказалъ Кастельбажаку:

— Вы хотите вчетверомъ предписывать мнѣ законы; но этого никогда не будетъ, я могу разсчитывать на Вѣну и Берлинъ.

Послѣ переговоровъ съ императоромъ Николаемъ Кастельбажакъ сообщилъ своему правительству высказанное ему желаніе государя покончить съ вопросомъ о Святыхъ мѣстахъ, лишь бы при этомъ не было затронуто чувство его собственнаго достоинства; тогда Наполеонъ III набросалъ проектъ соглашенія, коимъ желанія Россіи согласовались съ верховными правами Порты, не затрогивая чьего бы то ни было самолюбія; этотъ проектъ, облеченный въ форму ноты, былъ сообщенъ въ Вѣну, принятъ 27-го іюля представителями державъ и препровожденъ одновременно въ Петербургъ и Константинополь и извѣстенъ въ дипломатіи подъ названіемъ «вѣнской ноты».

«И такъ,—писалъ Тувенель генералу Кастельбажаку 1-го августа 1853 г.,—Россія должна высказаться, и не подлежитъ сомнѣнію, что мы пройдемъ Дарданеллы, а быть можетъ и Босфоръ, если все не будетъ окончено въ исходѣ этого мѣсяца. Нашей эскадрѣ было бы слишкомъ плохо въ Безикской бухтѣ съ наступленіемъ осени, а она не можетъ возвратиться въ Тулонъ, не рискуя, что ее забросаютъ вареной картошкой! Во Франціи всѣ желаютъ мира, но въ то же время хотятъ, чтобы наша политика была достойная и сильная».

«Мнѣ иногда приходитъ на умъ,—писалъ Кастельбажакъ въ свою очередь Тувенелю 2-го августа 1853 г.,—что императоръ Николай хочетъ розыграть въ Константинополѣ, передъ глазами изумленной Европы, актъ изъ рыцарской и сантиментальной мелодрамы; зная его возвышенный и оригинальный характеръ, я этому не удивлюсь. Онъ хочетъ властвовать (dominer) надъ Турецкой имперіей, но не хочетъ ея гибели.

Онъ немного ошибся, ему неловко, и онъ недоволенъ. Въ особенности онъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, что довѣріе Европы къ его умѣренности и къ его слову сильно пошатнулось. Не желая ни уступить, ни сознаться въ своей ошибкѣ, онъ хотѣлъ бы исправить ее какимъ-нибудь геройскимъ поступкомъ. Если бы Турція была ослаблена и близка къ паденію вслѣдствіе внутреннихъ смутъ съ одной стороны и возстанія христіанъ съ другой, то онъ пришелъ бы на помощь погибшему султану и помогъ бы ему упрочиться на престолѣ, не потребовавъ отъ него за это ни пяди земли, довольствуясь только сознаніемъ своего нравственнаго превосходства».

Великія державы видѣли въ условіяхъ Вѣнской ноты единственное средство согласовать независимость Турціи съ протекторатомъ, который русскій императоръ хотѣлъ имѣть надъ православнымъ населеніемъ Турціи.

3-го августа 1853 г. Россія заявила о своемъ согласіи принять эту ноту подъ условіемъ, что она будетъ принята Портою безъ всякаго измѣненія. Графъ Буоль торжествовалъ, считая дѣло улаженнымъ, приписывалъ себѣ всю честь успѣха и даже нѣсколько посмѣивался надъ опасеніями Франціи и Англіи.

Оставалось узнать, будетъ ли нота принята Турціей? Большинство въ этомъ не сомнѣвалось, но болѣе дальновидные дипломаты, между прочимъ, прусскій министръ Мантейфель имѣли на этотъ счетъ нѣкоторыя опасенія, такъ какъ по извѣстіямъ, доходившимъ изъ Константинополя, воинственная, фанатическая партія тамъ значительно усилилась, и турки поговаривали о возможности завоевать обратно Крымъ, и считали моментъ для этого вполнѣ подходящимъ, не смотря на то, что финансы Турціи были совершенно истощены [1]).

Дальнѣйшія событія показали, что эти опасенія были основательны: Турція отказалась принять вѣнскую ноту.

Когда она была получена въ Константинополѣ, и лордъ Каннингъ, обычный руководитель турокъ, совѣтовалъ Решидъ-пашѣ какъ можно скорѣе принять ее, то турецкій сановникъ вѣжливо выслушалъ его и съ невозмутимымъ спокойствіемъ, свойственнымъ восточнымъ людямъ, отвѣчалъ, что нота вызоветъ со стороны Порты нѣкоторыя возраженія, а когда великобританскій посланникъ сталъ настаивать, то онъ обѣщалъ немедленно созвать совѣтъ.

Турецкіе сановники, вполнѣ увѣренные въ томъ, что, не смотря на ихъ отказъ, Франція и Англія окажутъ имъ свое содѣйствіе, выказали совершенно необычную отвагу и упорство. Они прямо заявили, что нота не можетъ быть принята Портою, даже въ измѣненномъ видѣ.

---

[1]) Гацфельдтъ—Мантейфелю 10-го августа 1853 г.

Послѣ долгихъ совѣщаній, было наконецъ рѣшено, что такъ-называемая вѣнская нота можетъ быть принята не иначе, какъ съ измѣненіями трехъ пунктовъ, которые имѣли цѣлью опредѣлить вполнѣ точно, «что всѣ привилегіи христіанъ православнаго исповѣданія были дарованы имъ султаномъ добровольно, а не въ силу какого-либо договора, заключеннаго съ иноземнымъ монархомъ».

Сообщая Каннингу о рѣшеніи турецкихъ синовниковъ, Решидъ-паша присовокупилъ: «иначе насъ обвинили бы въ слабости и въ преступной уступчивости».

Въ Петербургѣ ожидали съ нетерпѣніемъ отвѣта изъ Константинополя, и Нессельроде, уѣзжая съ императоромъ на нѣсколько дней въ Ропшу передъ большими маневрами, говорилъ французскому посланнику, который поднялъ вопросъ объ очищеніи княжествъ:

— Не выказывайте ни малѣйшаго недовѣрія императору, котораго это можетъ чрезвычайно оскорбить, а онъ находится въ прекраснѣйшемъ настроеніи. Подождемъ извѣстія о принятіи вѣнской ноты Портою, и все уладится какъ нельзя проще.

Наконецъ, отвѣтъ былъ полученъ, но, увы! онъ оказался отрицательнымъ.

«Мы старались съ генераломъ Роховымъ убѣдить императора и графа Нессельроде согласиться на тѣ измѣненія въ вѣнской нотѣ, коихъ требуетъ Решидъ-паша,—писалъ Кастельбажакъ Тувенелю 10-го сентября,—но все было напрасно.

«Императоръ Николай думаетъ, что тутъ затронута его честь и въ особенности его политическая и религіозная популярность въ Россіи, и ничто не заставитъ его измѣнить своего рѣшенія. Поэтому, надобно постараться, чтобы Турція пошла на уступки».

«Въ императорѣ Николаѣ есть черты, напоминающія Петра Великаго, Павла I и средневѣковаго рыцаря. Какъ человѣкъ и какъ монархъ, онъ очень своеобразенъ, и въ немъ такъ много противорѣчій, что познать его весьма трудно. Онъ надежный другъ и способенъ проявить деликатность чувствъ, свойственныхъ самой молоденькой, романической женщинѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ бываетъ неумолимъ въ случаѣ малѣйшей вины».

Узнавъ о томъ, что вѣнская нота не была принята турками,—Тувенель писалъ Кастельбажаку, 18-го сентября:

«Несомнѣнно, что на лорда Стратфорда Каннинга падаетъ значительная доля отвѣтственности за неудачу, постигшую его коллегъ, которые сдѣлали все возможное, чтобы достигнуть успѣха. Въ настоящее время турки взвинчены. Ихъ армія, по утвержденію видѣвшихъ ее иностранныхъ офицеровъ, за послѣдніе два мѣсяца, значительно улучшилась. Она можетъ выдержать первый натискъ, и эта увѣренность во-

одушевляетъ ихъ. Если ей не придется употребить свое оружіе противъ русскихъ, то она способна обратить его противъ султана, и это не можетъ поощрить его величество послѣдовать нашимъ совѣтамъ. Что касается меня, генералъ, то я упорствую въ своемъ мнѣніи и считаю, что Восточный вопросъ поднятъ и при томъ поднятъ умышленно русской партіей. Наша роль нелегка. Поддерживая зданіе, готовое рушиться, подвергаешь себя опасности, что оно можетъ намъ же свалиться на голову! Допустить, чтобы его свалилъ сѣверный вѣтеръ, значитъ брать на себя въ будущемъ большую отвѣтственность. Религіозный оттѣнокъ, который Россія придаетъ своимъ дѣйствіямъ, еще болѣе стѣсняетъ насъ; въ Римѣ, будьте увѣрены, скорѣе примутъ сторону мусульманъ, нежели еретиковъ. Упроченіе въ Константинополѣ власти православной державы было бы угрозою для папскаго престола. Это точка зрѣнія, которой не слѣдуетъ пренебрегать».

Когда отвѣтъ Турціи на вѣнскую ноту сталъ извѣстенъ европейскимъ дворамъ, то дипломаты вознегодовали противъ того, что они называли упрямствомъ Порты. Они только-что пережили тревожныя минуты изъ-за высокомѣрія Россіи, и заносчивость турокъ вызывала въ нихъ презрительное сожалѣніе. Всѣ симпатіи были снова на сторонѣ русскаго императора. Друэнъ-де-Люисъ и лордъ Кларендонъ выразили петербургскому кабинету свое неудовольствіе, свое сожалѣніе, чуть ли не свои извиненія, присовокупивъ надежду, что требованія, предъявленныя Турціей, не будутъ помѣхою къ поддержанію мира. Австрійскій министръ, Буоль, взывалъ къ великодушію Николая, чтобы склонить его къ снисходительности.

— Турки,—говорилъ онъ,—безъ сомнѣнія, ослѣплены до безумія; но императоръ стоитъ такъ высоко, что его не могутъ коснуться мелочныя придирки ничтожныхъ противниковъ. Его достоинство не можетъ пострадать отъ этого.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, державы убѣждали султана подписать ноту немедленно, хотя бы изъ уваженія къ его августѣйшимъ союзникамъ. Всегдашніе друзья Россіи, какъ напр. лордъ Эбердинъ, шли еще дальше; они предлагали принудить Порту подписать ноту.

Казалось, всѣ оставили Турцію на произволъ судьбы. Ее спасла Россія. Императоръ Николай отказался исполнить требованія турокъ. Принявъ вѣнскую ноту безо всякихъ оговорокъ и поправокъ, онъ требовалъ того же отъ султана. Всѣ ожидали этого рѣшенія; оно никого не удивило. Но за то всѣ были глубоко удивлены объясненіемъ, какимъ сопровождался отвѣтъ русскаго правительства.

Канцлеръ графъ Нессельроде сообщилъ европейскимъ кабинетамъ, что, подписавъ вѣнскую ноту, императоръ Николай не отказался ни отъ одного изъ своихъ требованій. Россія не соглашалась на измѣненія, ко-

ихъ требовала Турція, не потому, что они были слишкомъ ничтожны, какъ полагали западныя державы, а потому, что они лишали русское правительство права вмѣшательства въ дѣла христіанскихъ подданныхъ султана, отъ котораго оно ни за что не хотѣло отказаться, и на которомъ оно вновь настаивало.

Документъ, обнародованный русскимъ канцлеромъ, не только крайне смутилъ дипломатовъ, совѣщавшихся въ Вѣнѣ, но привелъ ихъ положительно въ негодованіе. Они видѣли, что нота, составленная ими съ такимъ тщаніемъ, была, по мнѣнію русскаго императора, не что иное, какъ нѣсколько видоизмѣненная копія ультиматума князя Меншикова. Всеобщія симпатіи, только-что бывшія на сторонѣ Петербурга, обратились снова къ Константинополю.

«Русское толкованіе придаетъ вѣнской нотѣ совершенно новый смыслъ»,—писалъ нѣсколько дней спустя де-Лакуръ, французскій посланникъ въ Константинополѣ, и французское министерство иностранныхъ дѣлъ сознавалось въ своемъ безсиліи уладить дѣло. Въ Лондонѣ дипломаты также чувствовали себя утомленными безплодными стараніями. Австрійскій посланникъ Коллоредо настаивалъ у лорда Кларендона, чтобы великобританское правительство повліяло снова на султана:

— Мы уже не въ силахъ сдѣлать это,—возразилъ лордъ Кларендонъ,—русскій отвѣтъ показалъ, насколько виды петербургскаго кабинета далеки отъ нашихъ.

— Въ такомъ случаѣ, конференція будетъ прекращена?

— Разумѣется, хотя я весьма сожалѣю объ этомъ» [1]).

Въ томъ же смыслѣ высказался лордъ Эбердинъ, давнишній поклонникъ императора Николая. Государственные люди Пруссіи находили, съ своей стороны, что если петербургскій кабинетъ желалъ мира, то, обнародовавъ свое толкованіе къ вѣнской нотѣ, онъ «сдѣлалъ крупную дипломатическую ошибку», такъ какъ нота была написана въ такомъ духѣ, что можно было бы придать ей со временемъ любое толкованіе [2]).

Высказывая это, прусскій посланникъ въ Парижѣ, гр. Гацфельдъ писалъ, что хотя Людовикъ-Наполеонъ жаждалъ мира и не особенно заботился о томъ, какъ дѣло окончится для Турціи, лишь бы Франція могла выйти изъ него съ честью, но онъ пойдетъ рука объ руку съ Англіей, если эта держава вступится за Турцію.

Однако дипломаты еще не считали дѣло окончательно проиграннымъ. Русскій и австрійскій императоры должны были съѣхаться на

---

[1]) Лордъ Кларендонъ—лорду Вестморланду (Westmoreland) 21-го сентября 1853 г.

[2]) Графъ Гацфельдъ—Мантейфелю 27-го сентября 1853 г.

осенніе маневры въ Ольмюцъ, и всѣ тѣ, кои желали мира, возлагали на это свиданіе большія надежды.

Монархи прибыли въ Ольмюцъ 25-го сентября. Дипломаты, неутомимые въ своей изобрѣтательности, придумали новую комбинацію, которая была не лучше и не хуже предъидущихъ. Было рѣшено, что Турціи будетъ предложено подписать безъ измѣненія вѣнскую ноту, а Россія, со своей стороны, обнародуетъ торжественную декларацію, которая вполнѣ успокоитъ султана на счетъ его верховныхъ правъ; послѣ чего въ Петербургъ отправится оттоманскій посланникъ, который подпишетъ актъ примиренія. Буоль былъ въ восторгѣ отъ этой выдумки и снова готовился торжествовать. Наполеонъ, извѣщенный по телеграфу, былъ также доволенъ; въ Лондонѣ извѣстіе это встрѣтили нѣсколько сдержаннѣе.

Уѣзжая изъ Ольмюца, русскій императоръ пригласилъ какъ императора австрійскаго, такъ и короля прусскаго на большой военный смотръ въ Варшаву.

Уклонившись отъ свиданія въ Ольмюцѣ, король прусскій колебался и теперь.

Наконецъ, 2-го октября, когда въ Берлинъ прибылъ графъ Мюнстеръ съ собственноручнымъ письмомъ русскаго императора и со словеснымъ приглашеніемъ отъ е. в., который звалъ Фридриха-Вильгельма, «какъ родственника», то король не счелъ возможнымъ отказаться и въ тотъ же вечеръ выѣхалъ въ Варшаву, чтобы прибыть туда одновременно съ императоромъ австрійскимъ, который, по словамъ графа Мюнстера, предполагалъ пробыть въ Варшавѣ всего два дня [1]).

«Нессельроде ничего не писалъ Сенявину о результатахъ Ольмюцкаго и Варшавскаго свиданій,—писалъ генералъ Кастельбажакъ Тувенелю 7-го октября,—но одно лицо, стоящее близко къ императрицѣ, передавало мнѣ, что императоръ въ это время сдѣлалъ австрійскому посланнику въ Вѣнѣ лорду Вестморланду очень миролюбивое заявленіе, которое онъ считаетъ весьма успокоительнымъ. Русскій кабинетъ, по моему мнѣнію, болѣе чѣмъ когда-либо хотѣлъ только напугать турокъ, а не воевать съ ними. Эта восточная хитрость не увѣнчалась ожидаемымъ успѣхомъ. Но если Россія не готова къ войнѣ въ настоящее время, то она будетъ скоро готова и заставитъ турокъ раскаяться въ ихъ безуміи, если они объявятъ ей войну. Поставивъ вопросъ на почву религіи, императоръ Николай получитъ столько людей и столько денегъ, сколько онъ захочетъ.

«Вотъ самыя новѣйшія извѣстія, дошедшія до меня: согласно телеграммѣ, полученной императрицею вчера вечеромъ, императоръ уѣхалъ въ тотъ же день, 6-го октября, въ Берлинъ. Эта поѣздка тѣмъ болѣе непо-

---

[1]) Герлахъ—Мантейфелю 2-го октября 1853 г.

нятна, что король прусскій въ тотъ день только уѣхалъ изъ Варшавы».

Поѣздка въ Берлинъ, предпринятая Николаемъ столь неожиданно и поспѣшно и которой, также какъ свиданію въ Варшавѣ, былъ приданъ характеръ исключительно родственнаго посѣщенія, сильно заинтриговала дипломатовъ.

Цѣль ея, какъ видно изъ ихъ различныхъ донесеній, была привлечь на свою сторону, угрозами или лестью, прусскаго министра Мантейфеля и вовлечь его въ такую политику, которая, если бы министръ поддался уговорамъ императора, могла бы пошатнуть положеніе Пруссіи въ Европѣ и серьезно повредить ей въ будущемъ [1]).

Какъ бы то ни было, эта поѣздка показала, что возможность войны съ Турціей тревожила императора.

Въ виду ухудшавшихся съ каждымъ днемъ отношеній съ Турціей и очевидности англо-французскаго союза, ему было весьма важно заручиться нейтралитетомъ своего ближайшаго сосѣда, — Пруссіи или по крайней мѣрѣ составить себѣ опредѣленный взглядъ на ея дальнѣйшія намѣренія [2]), но Мантейфель, при всемъ своемъ уваженіи къ императору Николаю и при всемъ довѣріи къ его словамъ, не поддался его обаянію, онъ твердо помнилъ во время ихъ переговоровъ, что Николай былъ императоръ Всероссійскій, а онъ—слуга короля прусскаго, и съумѣлъ удержаться отъ всякихъ обѣщаній, которыя могли связать короля въ будущемъ.

«Императоръ уѣхалъ вчера вечеромъ,—писалъ Мантейфель въ Парижъ гр. Гацфельду 10-го октября,—съ нимъ не заключено никакого договора и вообще не написано ни строки. Я имѣлъ съ монархомъ двѣ продолжительныя бесѣды, которыя нельзя причислить къ пріятнѣйшимъ минутамъ моей жизни. Нервы мои до сихъ поръ еще не пришли въ порядокъ. Императоръ былъ сильно возбужденъ противъ англійскаго министерства, которое онъ обвиняетъ въ большомъ коварствѣ, такъ какъ онъ задолго до посылки князя Меншикова сообщилъ ему откровенно все, что онъ былъ намѣренъ сдѣлать, и даже какъ онъ считалъ нужнымъ поступить въ случаѣ колебанія со стороны Порты; но оно отвѣчало на всѣ его заявленія двухсмысленными выраженіями признательности, а въ концѣ концовъ, когда осуществилось все то, что онъ (императоръ) предвидѣлъ, то оно не только покинуло его, но еще назвало его нарушителемъ европейскаго мира. Императоръ Наполеонъ увлекается (сказалъ Николай) англійскимъ радикализмомъ, царствующимъ въ Велико-

[1]) Бунзенъ—Мантейфелю 15-го октября 1853 г.

[2]) Прибывъ въ Петербургъ,—писалъ Роховъ Мантейфелю,—я убѣдился съ перваго же разговора съ императоромъ и съ канцлеромъ, что отъ насъ ничего не требуютъ, какъ „полнаго доброжелательнаго нейтралитета“. Роховъ—Мантейфелю 26-го октября 1853 г.

британіи, съ цѣлью добиться союза, но онъ (Николай) его не боится и съ помощью Божьей выйдетъ побѣдителемъ изъ войны. Онъ заявилъ, что, въ случаѣ нападенія на Пруссію, онъ предоставитъ въ ея распоряженіе своихъ солдатъ до послѣдняго человѣка и всѣ свои средства до послѣдняго гроша, но онъ хочетъ знать, чего онъ можетъ со своей стороны ожидать отъ Пруссіи; онъ долженъ это знать, хотя бы для того, чтобы сообщить это своимъ подданнымъ, которые въ противномъ случаѣ не поймутъ, ради чего они будутъ сражаться за Пруссію.

«Послѣ долгихъ переговоровъ и весьма окровенныхъ заявленій со стороны его величества, мы разстались, какъ кажется, друзьями, по крайней мѣрѣ императоръ обнялъ меня.—Я, кажется, не ошибусь, сказавъ, что это дѣло его очень интересуетъ. Впрочемъ, онъ увѣрялъ меня, что болѣе не скажетъ ни слова по этому поводу, но предоставитъ событіямъ говорить самимъ за себя. Если турки нападутъ на него, то онъ надѣется, съ Божьей помощью, постоять за себя, но никто, даже самые турки, напавъ на него, не заставятъ его перейти Дунай. Императоръ разстался съ нами въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, но мы ничѣмъ не связали другъ друга».

Того же 10-го октября генералъ Герлахъ писалъ Мантейфелю: «Русскій императоръ показалъ, быть можетъ, даже слишкомъ ясно, насколько онъ дорожитъ нашимъ союзомъ: онъ былъ любезенъ не только съ его величествомъ и съ тѣми, отъ кого онъ что-нибудь ожидаетъ, но даже съ тѣми, съ коими онъ обошелся холодно во время своего послѣдняго пребыванія здѣсь».

Какъ бы то ни было, не смотря на нравственный авторитетъ, коимъ пользовался императоръ Николай, не смотря на услуги, оказанныя имъ Австріи въ Венгріи, и не смотря на дружескія и родственныя связи, существовавшія между русскимъ и прусскимъ царствующими домами, личное вліяніе императора Николая не было въ состояніи побудить императора Фридриха-Вильгельма IV точно такъ же, какъ и Франца-Іосифа, присоединиться къ Россіи. Свиданія монарховъ не имѣли ожидаемаго результата. Вѣнскій и Берлинскій кабинеты не вышли изъ своего нейтральнаго положенія и даже дѣлали въ это самое время Парижу и Лондону самыя успокоительныя заявленія.

VIII.

Призывъ Портою англо-французскаго флота въ Босфоръ. — Патріотическое настроеніе турокъ.—Конференція въ Вѣнѣ.—Ея посредничество между воюющими державами.—Синопское сраженіе и его послѣдствія.—Письмо Тувенеля къ Кастельбажаку.—Рѣшеніе, принятое Франціею и Англіею.—Предположеніе о созваніи европейской конференціи.—Неудачное посредничество Пруссіи.

Императоръ Николай пріѣхалъ въ Берлинъ 8-го октября, а 10-го октября испуганный султанъ обратился къ Франціи и къ Англіи съ просьбою послать ихъ флотъ изъ Дарданеллъ (Безикской бухты) въ Босфоръ. Что же произошло въ это время въ Константинополѣ и что заставило слабыхъ и всегда медлительныхъ турокъ принять столь поспѣшное рѣшеніе?

Наскучивъ безконечными и безплодными переговорами, турки почувствовали необычайный приливъ одушевлявшаго ихъ нѣкогда воинственнаго духа. Какъ мусульмане, горячо преданные своей религіи, они радовались при мысли развернуть знамя пророка; даже наиболѣе просвѣщенные изъ нихъ свыклись съ мыслію о предстоящей войнѣ; и хотя они знали, что финансы Турціи не позволяли имъ дѣлать большихъ затратъ, но полагали, что побѣда, одержанная хотя бы дорогою цѣною, лучше всего подыметъ нравственное значеніе ихъ страны. Заявивъ о томъ, что Порта приметъ вѣнскую ноту не иначе, какъ съ поправками, Диванъ вступилъ на новый путь, совершенно отличный отъ прежняго.

Пламенныя религіозныя проповѣди возбуждали въ умахъ сильнѣйшій фанатизмъ. Въ началѣ сентября на стѣнахъ мечетей стали появляться воззванія, призывавшія правовѣрныхъ къ оружію. Улемы вручили министрамъ прошеніе, съ просьбою объявить священную войну. Волненіе росло, боялись возстанія старой турецкой партіи, опасались даже избіенія христіанъ и низложенія султана. Появленіе этихъ, хотя очевидно преувеличенныхъ, слуховъ свидѣтельствовало о новомъ направленіи общественнаго мнѣнія, которое привело наконецъ къ объявленію войны.

— Турція объявила намъ войну,—говорилъ Нессельроде сэру Гамильтону Сеймуру 14-го октября,—но мы не намѣрены атаковать ее; мы будемъ только наготовѣ, чтобы защищаться въ случаѣ непріятныхъ дѣйствій въ княжествахъ или въ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ, гдѣ намъ усилены войска. Мы простоимъ такъ всю зиму и будемъ готовы принять тѣ миролюбивыя предложенія, которыя будутъ сдѣланы намъ Турціей [1]).

[1]) Сеймуръ—Кларендону 14-го октября 1853 г.

Обѣ арміи, дѣйствительно, стояли нѣкоторое время одна въ виду другой: русскіе въ Журжево, а турки на противоположномъ берегу Дуная, гдѣ виднѣлись пестрые мундиры ихъ иррегулярныхъ войскъ и ихъ палатки зеленаго цвѣта въ честь пророка. Это странное положеніе, которое уже не было миромъ, но не было и войною, разумѣется, не могло продолжаться долго; но обычная медлительность турокъ дала дипломатіи возможность снова выступить на сцену, и вѣнская конференція, которую считали закрытой, воскресла вновь.

30-го октября, посланники французскій, англійскій и прусскій собрались снова у Буоля. Англичане предлагали обратиться къ воюющимъ державамъ съ новою нотою. Австрійскій министръ полагалъ это средство недостаточнымъ.

— Война объявлена,—говорилъ онъ,—непріязненныя дѣйствія уже начались. Можетъ ли простая нота пріостановить движеніе двухъ армій и возстановить нарушенный миръ? Онъ можетъ быть возстановленъ только договоромъ, къ заключенію котораго и слѣдуетъ стремиться.

Между тѣмъ, австрійскій и прусскій посланники въ Константинополѣ дѣлали, по приказанію великихъ державъ, совѣщавшихся въ Вѣнѣ, отчаянныя усилія къ тому, чтобы заставить турокъ принять вѣнскую ноту, но всѣ ихъ настоянія разбивались о воинственныя намѣренія отто манскаго кабинета.

2-го и 3-го ноября 1853 г. турецкая армія перешла въ наступленіе и встрѣтилась съ русскими войсками при Ольтеницѣ. При подобныхъ условіяхъ миролюбивые переговоры едва-ли могли имѣть успѣхъ въ Константинополѣ, но дипломаты все еще не теряли надежды, и въ тотъ самый день, когда произошло сраженіе, Тувенель писалъ генералу Кастельбажаку:

«Если на Дунаѣ не произойдетъ ничего особеннаго, то я надѣюсь, что конференція, засѣдающая въ Вѣнѣ, будетъ имѣть успѣхъ и миръ будетъ обезпеченъ. Безуміе турокъ послужитъ на пользу Россіи; они навѣрно будутъ побиты, честь русскаго войска будетъ спасена, а турки припишутъ свое пораженіе судьбѣ!

«Мы убѣждены въ томъ, что дѣло можетъ быть улажено только при помощи конференціи, которая превратится въ конгрессъ. Остается рѣшить, удастся ли намъ до тѣхъ поръ, пока не улеглось первое возбужденіе, склонить русскихъ и турокъ принять участіе въ совѣщаніяхъ конференціи. Я боюсь, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дипломатія уже не будетъ въ состояніи руководить событіями. Мы, по-прежнему, довольны настроеніемъ Вѣны и Берлина. Де-Буркенэ (французскій посланникъ въ Вѣнѣ) ручается за доброжелательный нейтралитетъ Австріи.

«Мы можемъ быть вынуждены начать войну только въ двухъ случаяхъ, будто бы, сказалъ молодой императоръ (Францъ-Іосифъ). Во-

первыхъ, если на насъ нападутъ въ Италіи, а во-вторыхъ, если русскимъ вздумается остаться въ Придунайскихъ княжествахъ. Послѣднія слова многознаменательны.

«Въ настоящее время года, военныя дѣйствія въ Черномъ морѣ были бы весьма затруднительны, и я надѣюсь, что если русская эскадра останется въ Севастополѣ, то и наши суда останутся зимовать въ Босфорѣ. Мы не хотимъ войны, какъ я уже говорилъ вамъ, но коль скоро русскіе перейдутъ Дунай, то мы будемъ вынуждены дѣйствовать такъ же точно, какъ и въ томъ случаѣ, если они возьмутъ Батумъ или Трапезундъ: ибо это также откроетъ имъ путь въ Константинополь».

Англія, долго колебавшаяся прежде, нежели принять энергическія мѣры, рѣшилась, наконецъ, дѣйствовать, и сэръ Гамильтонъ Сеймуръ получилъ самыя опредѣленныя инструкціи.

«Англійскій посланникъ протестовалъ противъ «присоединенія» придунайскихъ княжествъ,—писалъ Тувенель,—я нахожу этотъ протестъ несвоевременнымъ. Либо онъ запоздалъ, либо онъ сдѣланъ преждевременно, ибо Россія заявляетъ такъ же точно, какъ и въ самомъ началѣ, что княжества заняты временно. Этотъ протестъ подалъ поводъ къ весьма язвительнымъ замѣчаніямъ съ той и съ другой стороны, что, въ свою очередь, конечно не можетъ способствовать улаженію дѣла».

— Это предвзятая мысль,—сказалъ канцлеръ Нессельроде Сеймуру,— все то, что дѣлаетъ Россія, находятъ дурнымъ, а все, что дѣлаетъ Порта— хорошимъ. И онъ присовокупилъ нѣсколько спокойнѣе: Повѣрьте мнѣ, любезный сэръ Гамильтонъ, что мы желаемъ мира такъ же искренно, какъ всякая другая держава, и если вы, со своей стороны, также хотите его, то надобно болѣе энергично вліять на Порту и менѣе на Россію.

Конецъ ноября мѣсяца 1853 г. ознаменовался двумя въ высокой степени важными событіями, изъ коихъ одно было шагомъ къ миру, а другое къ войнѣ.

Первымъ изъ этихъ событій былъ протоколъ, подписанный въ Вѣнѣ Австріей, Франціей, Англіей и Пруссіей, съ цѣлью сдѣлать совмѣстно представленіе блистательной Портѣ, изложить въ немъ желаніе державъ содѣйствовать дружескимъ вмѣшательствомъ возстановленію мира и дать Турціи возможность «заявить, на какихъ условіяхъ она будетъ согласна начать переговоры о мирѣ». На основаніи этого протокола, представителямъ четырехъ державъ въ Константинополѣ было предложено настаивать у Порты на томъ, чтобы было подписано перемиріе и чтобы былъ избранъ нейтральный городъ, гдѣ русскіе и турецкіе уполномоченные могли бы съѣхаться на совѣщаніе съ посланниками четырехъ великихъ державъ.

Протоколъ, подписанный въ Вѣнѣ, былъ первымъ оффиціальнымъ

актомъ, коимъ дипломаты, принимавшіе участіе въ вѣнской конференціи, заявили о своемъ намѣреніи взять на себя посредничество между воюющими сторонами. Нота, съ которой они обратились къ Портѣ, была вручена лорду Стратфорду Каннингу, какъ старѣйшему изъ посланниковъ, аккредитованныхъ въ Константинополѣ. Друэнъ-де-Люисъ не только просилъ французскаго посланника, генерала Барагэ-д'Илье (Baraguey d'Hilliers), смѣнившаго де-Лакура, поддержать новый планъ дипломатовъ, но чуть ли не продиктовалъ ему отвѣтъ, который они хотѣли получить отъ Порты [1]).

Сдѣлавъ этотъ рѣшительный шагъ, дипломаты ожидали результата со страхомъ и надеждою.

Второе событіе, несравненно болѣе важное, было сожженіе въ Синопѣ турецкой эскадры вице-адмираломъ Нахимовымъ.

Въ Парижѣ и Лондонѣ извѣстіе о Синопскомъ боѣ произвело потрясающее впечатлѣніе, хотя, въ виду состоявшагося объявленія войны, это событіе не было чѣмъ-либо безпримѣрнымъ и изъ ряду выходящимъ, и въ военной исторіи всѣхъ странъ можно было найти не мало подобныхъ примѣровъ; но Синопское сраженіе навело паническій страхъ на турокъ. Общественное мнѣніе возроптало отъ жалости къ туркамъ, и эти чувства сообщились дипломатическимъ канцеляріямъ. Узнавъ о Синопскомъ погромѣ, Друэнъ-де-Люисъ выразился, что «смѣлый и удачный ударъ, нанесенный Россіей, коснулся не одной Турціи».

— Нашъ долгъ,—говорилъ онъ англійскому посланнику въ Парижѣ лорду Коулэю,—защитить турецкую территорію; съ этой цѣлью онъ предлагалъ великобританскому кабинету ввести союзный флотъ въ Черное море.

— Мы предупредимъ этимъ повтореніе Синопской бойни,—говорилъ онъ.—Если мы не можемъ прекратить военныя дѣйствія на Дунаѣ, то можемъ достигнуть этого по крайней мѣрѣ на морѣ. Россія сбросила маску, докажемъ ей, что мы ея не боимся».

15-го декабря Тувенель писалъ въ Петербургъ Кастельбажаку: «Намъ пришлось написать въ Лондонъ очень серьезныя вещи. Синопское событіе произвело на императора (Наполеона III) сильнѣйшее впечатлѣніе, и я со страхомъ думаю, что мы вступили на такую покатость, которая приведетъ насъ къ войнѣ. Получивъ извѣстіе объ этомъ бѣдствіи, наши посланники вызвали въ Черное море четыре фрегата, два въ Синопъ и два въ Бургасъ. По возвращеніи этихъ судовъ, они намѣрены двинуть туда обѣ эскадры и употребить ихъ для охраны Анатолійскаго берега. Этотъ проектъ одобренъ въ Лондонѣ и

---

[1]) Депеша Друэнъ-де-Люиса—къ генералу Барагэ-д'Илье отъ 28-го ноября 1853 г.

Парижѣ, и я задаю себѣ вопросъ, не будетъ ли выполненіе его принято за объявленіе войны. Къ чему послужитъ въ такомъ случаѣ вѣнская конференція? Это никто не могъ бы сказать, но я очень желалъ бы, чтобы Порта приняла наши предложенія. Инаго средства спасти миръ, по-моему, въ настоящее время нѣтъ».

Ударъ, нанесенный туркамъ въ Синопѣ, не только возбудилъ въ Лондонѣ сочувствіе къ пострадавшимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко задѣлъ гордость англичанъ. Уничтоженіе оттоманскаго флота въ Синопской бухтѣ, въ то самое время, когда въ Босфорѣ развѣвался военный флагъ покровительствующей имъ державы, было принято за личное оскорбленіе. Въ Англіи, также какъ и во Франціи, заговорили о войнѣ, и общество относилось враждебно ко всѣмъ тѣмъ, кого можно было заподозрить въ симпатіяхъ къ Россіи.

До Синопскаго боя, миролюбивыя и воинственныя стремленія боролись въ англійскомъ кабинетѣ съ одинаковымъ успѣхомъ. При извѣстіи же о пораженіи турокъ одержала верхъ партія, требовавшая войны, поэтому предложенія Друэнъ-де-Люиса были приняты съ радостью. Великобританскій кабинетъ вполнѣ присоединился къ проекту, предложенному Франціей,; было рѣшено, что союзный флотъ вступитъ въ Черное море и всякому русскому судну, которое оно встрѣтитъ въ морѣ, будетъ предложено немедленно возвратиться въ Севастополь или въ какую-либо ближайшую гавань, а всякое враждебное дѣйствіе противъ турецкаго флота обяжетъ союзный флотъ защищать его. Также было рѣшено, что турецкій флотъ не долженъ дѣлать никакого движенія безъ одобренія французскихъ и англійскаго адмираловъ.

29-го декабря Друэнъ-де-Люисъ возвѣстилъ европейскимъ кабинетамъ о такомъ рѣшеніи циркулярной депешею.

«Наши депеши настолько обстоятельны,—писалъ въ тотъ же день Тувенель генералу Кастельбажаку, — что я врядъ ли могу сказать вамъ что-либо новое въ частномъ письмѣ; мы приближаемся къ развязкѣ, о которой я скорблю, но которую я предвидѣлъ съ того самаго дня, какъ возникъ этотъ прискорбный вопросъ. Если у императора Николая есть свое достоинство, то и мы его имѣемъ, и оно задѣто Синопскимъ событіемъ. Все еще можетъ уладиться, если въ Петербургѣ согласятся на конференцію, въ которой будутъ участвовать ш е с т ь державъ. Въ противномъ случаѣ, весною у насъ будетъ война.

«Коль скоро всѣ признаютъ, что Турція должна существовать, то она должна пользоваться въ Европѣ одинакими правами съ прочими державами. Взамѣнъ вступленія въ большую европейскую семью, мы можемъ потребовать у нея гарантіи для христіанъ; если же мы будемъ относиться къ туркамъ какъ къ варварамъ, если мы признаемъ ихъ недостойными совѣщаться вмѣстѣ съ нами, то по какому праву можемъ

мы требовать отъ нихъ, чтобы они щадили своихъ подданныхъ христіанъ? Послѣдствіемъ ихъ исключенія изъ европейскихъ конференцій будетъ исключеніе ихъ изъ цивилизованнаго міра. Одно тѣсно связано съ другимъ. Постарайтесь истолковать это императору Николаю. Дай Богъ, чтобы онъ внимательно выслушалъ васъ».

Созвать конференцію для рѣшенія спора между Россіей и Турціей и склонить императора Николая подчиниться ея рѣшенію—такова была послѣдняя надежда дипломатіи, на осуществленіе которой было, однако, весьма мало надежды. Всѣ знали, что императоръ былъ противъ конференціи, на которой обсуждались бы условія мира одновременно съ переговорами между нимъ и султаномъ. Нессельроде, который былъ отголоскомъ мнѣній своего монарха, сказалъ однажды въ разговорѣ съ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ:

— Россія никогда не предстанетъ передъ судилищемъ Европы [1]).

Но англійскіе дипломаты не смутились этимъ и рѣшили, что мысль о конференціи могла бы быть проведена лучше всего Пруссіей, единственной изъ великихъ державъ, наименѣе заинтересованныхъ въ данномъ вопросѣ.

«Если король согласится на это,—писалъ Мантейфелю прусскій посланникъ въ Лондонѣ,—то онъ введетъ въ народное право Европы и въ обычай христіанскихъ державъ одну изъ самыхъ великихъ и благороднѣйшихъ идей и положитъ начало новой эпохѣ въ исторіи политическаго развитія европейскаго мира [2]). Какое было бы счастье, если бы грозящее бѣдствіе могло быть предотвращено добрымъ и разумнымъ словомъ».

Король прусскій согласился взять на себя это посредничество, и Мантейфель препроводилъ 24-го декабря 1853 г. прусскому посланнику въ Петербургѣ Рохову, для прочтенія его графу Нессельроде меморандумъ, въ которомъ говорилось, что «изъ многократныхъ донесеній ген. Рохова видно, что императоръ Николай отвергаетъ всякое оффиціальное и непосредственное вмѣшательство четырехъ державъ въ предстоящіе между Россіей и Турціей переговоры о мирѣ; слѣдовательно, всѣ труды вѣнской конференціи окажутся безцѣльны; но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ не прочь начать съ Портою переговоры, если условія мира будутъ достаточно почетны для него и могутъ имъ быть приняты, то прусскій король согласенъ, если императоръ того пожелаетъ, принять на себя посредничество для выработки условій мира совмѣстно съ англійскимъ кабинетомъ. Турція не можетъ начать никакихъ переговоровъ съ Россіей безъ согласія и одобренія дер-

---

[1]) Бунзенъ—Мантейфелю 17-го декабря 1853 г.

[2]) Тоже 22-го и 23-го декабря.

жавъ. Если же императоръ тѣмъ не менѣе будетъ настаивать на своемъ желаніи вести переговоры только съ Портою, то для удовлетворенія желаній его и западныхъ державъ можетъ быть найденъ исходъ, состоящій въ томъ, что условія мира будутъ выработаны предварительно въ Лондонѣ, при участіи или безъ участія Порты, и эти условія будутъ положены въ основу при заключеніи мира между Россіей и Портою».

Этотъ меморандумъ сопровождался частнымъ письмомъ Мантейфеля къ графу Нессельроде, въ которомъ прусскій министръ, ссылаясь на «узы родства и дружбы», связывающія короля съ императоромъ Николаемъ, и на искреннее желаніе «придти е. в. на помощь при тогдашнихъ крайне затруднительныхъ обстоятельствахъ», предлагалъ отъ имени своего монарха посредничество Пруссіи и сообщалъ русскому канцлеру, что генералу Рохову поручено вступить съ нимъ по этому поводу въ секретные переговоры.

Предложеніе короля прусскаго не было принято императоромъ Николаемъ и хотя послѣ побѣдъ, одержанныхъ подъ Синопомъ и Ахалцихомъ, государь былъ готовъ начать переговоры непосредственно съ Турціей, но совершившееся между тѣмъ вступленіе союзнаго флота въ Черное море привело его въ такое негодованіе, что о мирѣ пока нечего было и думать.

Такимъ образомъ, чрезвычайныя усилія, сдѣланныя въ 1853 г. европейской дипломатіей съ цѣлью предотвратить вооруженное столкновеніе, вызванное первоначально споромъ о Святыхъ мѣстахъ, который превратился съ теченіемъ времени въ Восточный вопросъ, не увѣнчались успѣхомъ.

IX.

Вступленіе союзнаго флота въ Черное море.—Отвѣтъ Турціи на протоколъ 5-го декабря.—Взаимныя отношенія державъ передъ войною 1854 г.—Новыя требованія, предъявленныя Россіей.—Посылка графа Орлова въ Вѣну.—Неудача ея.—Письмо короля прусскаго.—Протоколъ 13-го января.—Письмо Наполеона III къ императору Николаю.—Объявленіе войны.

Между тѣмъ секретарь французскаго посольства Рейсетъ, посланный въ Россію съ извѣщеніемъ о рѣшеніи союзныхъ державъ двинуть свой флотъ въ Черное море, былъ задержанъ по пути снѣгами и прибылъ въ Петербургъ только 10-го января.

12-го января генералъ Кастельбажакъ сообщилъ Нессельроде рѣшеніе, принятое его дворомъ. То же сдѣлалъ на слѣдующій день отъ имени своего правительства сэръ Гамильтонъ Сеймуръ.

*

Нессельроде тотчасъ энергично протестовалъ, заявивъ, что «такъ какъ, по утвержденію западныхъ державъ, суда вступили въ Черное море только въ видахъ предупрежденія дальнѣйшихъ столкновеній, то турецкая эскадра такъ же точно, какъ и русская эскадра, должна воздерживаться впредь отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій и что туркамъ должно быть воспрещено всякое сообщеніе между ихъ портами и къ судамъ обѣихъ державъ должны быть примѣнены въ Черномъ морѣ одинакія требованія: только при соблюденіи этихъ условій перемиріе на морѣ будетъ дѣйствительнымъ и можетъ предупредить кровопролитіе» [1]).

Бруннову въ Лондонѣ и Киселеву въ Парижѣ было приказано разъяснить, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, мысль русскаго императора. Киселевъ пошелъ дальше. Заявляя Друэнъ-де-Люису о намѣреніяхъ своего двора, онъ присовокупилъ конфиденціально:

— Не скрою отъ васъ, что если я не добьюсь желаемаго, то, согласно полученнымъ мною инструкціямъ, я долженъ буду потребовать свой паспортъ.

Тѣмъ временемъ, нѣсколько дней спустя послѣ Синопскаго погрома, въ Константинополѣ былъ полученъ протоколъ, подписанный представителями четырехъ великихъ державъ 5-го декабря 1853 г., и турецкое правительство, опомнившись отъ ошеломляющаго впечатлѣнія, которое произвело на него это извѣстіе, рѣшило выказать свою покорность волѣ державъ и заявило условія, на которыхъ оно было бы согласно заключить миръ. Порта требовала, чтобы Россія отозвала свои войска изъ княжествъ, и со своей стороны обѣщала торжественно подтвердить привилегіи христіанъ, улучшить ихъ участь реформами и исполнить всѣ постановленія касательно Святыхъ мѣстъ, обусловленныя договоромъ 1841 года.

Условія, предложенныя Решидъ-пашею, были препровождены въ Вѣну, одобрены конференціей, и представители Австріи, Франціи, Англіи и Пруссіи, — графъ Буоль, баронъ де-Буркенэ, лордъ Вестморландъ и графъ Арнимъ, не смотря на безплодность всѣхъ ихъ предъидущихъ попытокъ, подписали 13-го января протоколъ, въ силу котораго Австрія была уполномочена довести до свѣдѣнія Россіи, что четыре великія державы признали предложенія Турціи дающими возможность возобновить переговоры съ надеждою на успѣхъ.

На другой день послѣ этого шага, имѣвшаго большое значеніе, такъ какъ онъ свидѣтельствовалъ объ единодушіи четырехъ великихъ державъ, Тувенель писалъ Кастельбажаку:

---

[1]) Сеймуръ—Кларендону 19-го января 1854 г. Депеша Нессельроде—Киселеву въ Парижъ и Бруннову въ Лондонъ 16-го января 1854 г.

«Обстоятельства говорятъ сами за себя. Мы горячо желаемъ, чтобы Россія приняла предложенія, сдѣланныя Европою, и избавила бы насъ отъ призрака войны, тяготѣющаго надъ всѣми нами. Императоръ Николай можетъ, однимъ словомъ, заставить благословлять себя всѣхъ тѣхъ, которые обвиняютъ его. Развѣ онъ не добился того, чего онъ желалъ, т. е. гарантіи того, что участь христіанскихъ подданныхъ султана будетъ улучшена; онъ можетъ гордиться тѣмъ, что этотъ важный результатъ есть, главнымъ образомъ, дѣло его рукъ.

«Воспользуйтесь же, генералъ, благоволеніемъ, которое оказываетъ вамъ его величество, чтобы убѣдить его. Вы окажете этимъ императору Николаю и намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, большую услугу.

«Нѣтъ надобности говорить вамъ, съ какимъ нетерпѣніемъ мы будемъ ожидать отъ васъ депеши. Англичане рвутъ и мечутъ; они выработали грозный планъ кампаніи въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, который можетъ быть приведенъ въ исполненіе весною. Неужели Россія вынудитъ насъ причинить ей зло, къ вящшей славѣ англичанъ».

«Я увѣренъ,—писалъ Тувенель, по поводу условій, французскому посланнику при Сардинскомъ дворѣ [1]),—что благоразумное рѣшеніе, принятое Турціей, дастъ намъ по крайней мѣрѣ возможность поддержать нѣкоторое время доброе согласіе между державами, хотя Россія не расположена уступить. Остается рѣшить, присоединятся ли къ намъ Пруссія и Австрія, чтобы побѣдить ея упорство.

«На нейтралитетъ Пруссіи можно разсчитывать. На нейтралитетъ Австріи—нѣтъ.

«Въ Вѣнѣ громко осуждаютъ честолюбіе и неосторожность императора Николая и осмѣливаются даже говорить, что если (русскія войска) перейдутъ Дунай, то они не перейдутъ его обратно. Но, помимо политики кабинетовъ, существуетъ политика дворовъ, и императоръ Николай имѣетъ въ своемъ распоряженіи не мало средствъ, чтобы повліять на рѣшенія (монарховъ). Между тѣмъ онъ ясно высказываетъ свое недовѣріе къ Берлину и Вѣнѣ».

— Со стороны короля прусскаго меня ничто не удивитъ,—сказалъ будто бы императоръ,—но неблагодарность императора австрійскаго глубоко огорчаетъ меня.

Что касается взаимныхъ отношеній германскихъ державъ наканунѣ войны 1854 г., то французскій посланникъ въ Берлинѣ писалъ объ этомъ въ январѣ мѣсяцѣ слѣдующее:

«Здѣсь (въ Берлинѣ) совершенно не довѣряютъ намѣреніямъ Австріи, и мнѣ твердятъ на всѣ лады, что Буоль только забавляетъ насъ сладкими рѣчами; надобно сознаться, что тонъ газетъ южно-герман-

[1]) Тувенель—герцогу де-Грамонъ 11-го января 1854 г.

скихъ государствъ, заявленія саксонскаго и виртембергскаго министровъ, дѣятельное участіе, принимаемое въ судьбѣ Россіи прусской королевою, которая ведетъ правильную переписку со своей сестрою, эрцгерцогиней Софіей, находятся въ нѣкоторомъ разногласіи съ депешами, получаемыми изъ Вѣны.

«Не смотря на измѣнчивость короля прусскаго и на всѣ старанія русскаго посольства, королевы прусской и съ полдюжины разныхъ лицъ, сочувствующихъ Россіи, положеніе Франціи здѣсь (въ Берлинѣ) упрочивается и улучшается.

«Не подлежитъ сомнѣнію, что Мантейфель всячески старается освободить Пруссію отъ русскаго вліянія и сблизить ее съ нами,—это и есть сущность его политики.

«Можемъ ли мы, однако, разсчитывать на что-либо бо́льшее, нежели на искренній и доброжелательный къ намъ нейтралитетъ со стороны Пруссіи? Да, если съ этимъ будетъ связанъ личный ея интересъ. Если бы Австрія, напримѣръ, стала дѣйствовать совмѣстно съ Россіей, то я убѣжденъ, что Мантейфель посовѣтовалъ бы королю заключить съ Франціей и Англіей тройственный союзъ. Онъ прельстилъ бы его надеждою играть снова первенствующую роль въ Германіи и освободиться отъ русскаго и австрійскаго вліянія.

«Если Австрія примкнетъ къ намъ, то Пруссія должна будетъ отказаться отъ этихъ надеждъ. Въ такомъ случаѣ, ей лучше было бы поберечь свои войска и деньги и сохранить нейтралитетъ. Но будетъ ли она въ состояніи сдѣлать это и захочетъ ли она допустить, чтобы Австрія одержала надъ нею верхъ? Это вопросъ».

Выводя изъ своихъ берлинскихъ наблюденій извѣстныя заключенія, маркизъ Мустье писалъ Тувенелю, что Франціи, въ ея сношеніяхъ съ Пруссіей, было необходимо постоянно имѣть въ виду соперничество послѣдней съ Австріей и ея желаніе играть роль великой державы, которую Вѣнскій кабинетъ, поддерживаемый Россіей и южно-германскими государствами, постоянно оспаривалъ у нея.

Такимъ образомъ, къ началу крымской войны положеніе великихъ державъ окончательно обрисовалось: Франція и Англія были намѣрены дѣйствовать совмѣстно, Австрія была готова присоединиться къ нимъ, а Пруссія выжидала, не высказываясь окончательно; сѣверныя державы, Швеція и Данія, рѣшили сохранить нейтралитетъ.

«Отъ шведскаго и датскаго дворовъ здѣсь (въ Петербургѣ),—писалъ генералъ Кастельбажакъ [1]), — получены заявленія объ ихъ нейтралитетѣ; то же подтвердили мнѣ шведскій и датскій посланники. Мнѣ думается, что эти двѣ страны слишкомъ поспѣшили забить тревогу, или,

---

[1]) Кастельбажакъ—Тувенелю 9-го января 1854 г.

быть можетъ, это отвѣтъ на запросъ, сдѣланный Россіей. Канцлеръ Нессельроде принялъ заявленіе о нейтралитетѣ Швеціи очень холодно и сказалъ:

— Къ счастью, его не придется примѣнить на дѣлѣ.

«Что касается Даніи, то тамъ происходили по этому поводу совѣщанія уже съ 10-го декабря. Одинъ министръ, родственникъ г. Плессена, и въ душѣ такъ же, какъ и онъ, болѣе русскій, нежели датчанинъ, подалъ первый голосъ за союзъ съ Россіей. Другой министръ поддержалъ его, но остальные шесть подали голосъ за нейтралитетъ, ясно выказавъ при этомъ свои симпатіи къ Франціи. Здѣшній датскій посланникъ—горячій сторонникъ Россіи, но г. Мольтке, секретарь посольства, чистокровный датчанинъ, относится весьма сочувственно къ Франціи.

«Надежда и при томъ слабая на возстановленіе мира, которую имѣли дипломаты, препровождая въ Петербургъ условія, предложенныя Турціей, должна была вскорѣ исчезнуть. Эти условія были признаны императоромъ Николаемъ слишкомъ неопредѣленными, требованіе турокъ вывести немедленно войска изъ княжествъ показалось ему оскорбительнымъ; онъ заявилъ, что эта мѣра не должна предшествовать переговорамъ, а могла быть только ихъ послѣдствіемъ. Россія со своей стороны предъявила новыя требованія, которыя показались вѣнской конференціи неудобоисполнимыми: она требовала, чтобы турецкій сановникъ, уполномоченный вести переговоры, явился въ главную квартиру русскихъ войскъ, отказываясь вести переговоры съ лицомъ, указаннымъ иностранными посланниками, и требовала, чтобы султанъ подписалъ отдѣльный протоколъ, подтверждающій привилегіи греческой церкви на Востокѣ».

Предъявивъ эти новыя условія, императоръ Николай отправилъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ Вѣну для личныхъ переговоровъ съ Францемъ-Іосифомъ свое довѣренное лицо, своего любимца, генералъ-адъютанта графа Орлова. Неожиданная миссія, возложенная на него, возбудила въ Берлинѣ самые оживленные толки.

«Роховъ пишетъ, что графъ Орловъ выѣхалъ, 19-го числа, какъ онъ полагаетъ, въ Вѣну»,—писалъ изъ Берлина французскій посланникъ Тувенелю [2]);—«полагаютъ, что на обратномъ пути онъ заѣдетъ въ Берлинъ. Мантейфель думаетъ, что цѣль этой миссіи миролюбивая. По крайней мѣрѣ о ней говорили сегодня въ этомъ смыслѣ чины русскаго посольства.

«Поэтому въ Берлинѣ всѣ ликуютъ! Но нѣкоторые посланники маленькихъ дворовъ, повидимому, встревожены этой поѣздкой довѣреннаго

---

[1]) Мустье—Тувенелю 24-го января 1854 г.

лица императора Николая. Мнѣ показалось, что они убѣждены въ душѣ, что графъ Орловъ, сдѣлавъ въ Вѣнѣ миролюбивыя предложенія, можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, постараться разстроить вѣнскую конференцію, на которую они смотрятъ какъ на якорь спасенія.

«Роховъ пишетъ также, что императоръ Николай, выражая желаніе быть умѣреннымъ, не находитъ возможнымъ принять предложенія, сдѣланныя конференціей, и считаетъ ихъ несовмѣстимыми съ своимъ твердымъ рѣшеніемъ вести переговоры съ Турціей одинъ и на одинъ».

30-го января посланникъ императора Николая былъ принятъ Францомъ-Іосифомъ и предложилъ ему, отъ имени своего монарха, вопросъ: намѣренъ ли онъ соблюдать въ предстоящей войнѣ строжайшій нейтралитетъ?

— Готовъ ли императоръ, со своей стороны,—возразилъ Францъ-Іосифъ, — дать обѣщаніе, что онъ не перейдетъ Дунай, что онъ очиститъ по окончаніи войны княжества и что онъ будетъ уважать неприкосновенность Оттоманской имперіи?

Графъ Орловъ отказался поручиться въ этомъ.

— Въ такомъ случаѣ,—возразилъ молодой императоръ,—я также не могу, со своей стороны, подписать предложеній Россіи. Исходъ борьбы слишкомъ невѣренъ; Восточный вопросъ слишкомъ близко затрогиваетъ Австрію, чтобы я могъ связать себя заранѣе нейтралитетомъ. Я твердо буду слѣдовать принципамъ, заявленнымъ конференціей, а въ остальномъ буду руководствоваться только своей честью и интересами моей имперіи [1]).

Въ портфелѣ графа Орлова былъ не только проектъ нейтральнаго договора, но и контръ-проектъ, написанный въ отвѣтъ на послѣднія предложенія Турціи. Ему были даны двоякаго рода инструкціи: однѣ на случай войны, въ которыхъ ему предписывалось во что бы то ни стало отвлечь Австрію отъ западныхъ державъ, и другія, въ которыхъ, въ случаѣ неудачи, ему повелѣвалось заговорить въ миролюбивомъ тонѣ.

Русскій императоръ былъ твердо увѣренъ, что если бы Россія вела переговоры непосредственно съ Портою, то миръ былъ бы обезпеченъ въ 48 часовъ.

— Въ это дѣло вмѣшалось слишкомъ много непрошенныхъ совѣтниковъ,—говорилъ онъ,—слишкомъ большое число поваровъ испортили кашу [2]).

Поэтому, первымъ и непремѣннымъ условіемъ контръ-проекта, который привезъ въ Вѣну графъ Орловъ, было, чтобы Россія и Турція вели переговоры непосредственно другъ съ другомъ; затѣмъ русское

---

[1]) Роховъ—Мантейфелю 13-го февраля 1854 г.

[2]) Лордъ Вестморландъ — лорду Кларендону 4-го февраля 1854 г.

правительство требовало подтвержденія договоровъ, заключенныхъ ранѣе между этими державами, и чтобы султанъ подтвердилъ, особымъ актомъ, свое намѣреніе сохранить привилегіи своихъ христіанскихъ подданныхъ. По исполненіи этихъ условій императоръ обязывался вывести свои войска изъ княжествъ.

Таковы были послѣднія условія, предложенныя петербургскимъ кабинетомъ.

Обсудивъ эти условія, уполномоченные, собравшіеся въ Вѣнѣ, признали ихъ неудобоисполнимыми и считали безполезнымъ препровождать ихъ въ Константинополь. Это рѣшеніе конференціи было изложено 2-го февраля въ особомъ протоколѣ.

Одновременно съ отказомъ, полученнымъ графомъ Орловымъ въ Вѣнѣ, подобнаго же рода неблагопріятный отвѣтъ пришлось выслушать въ Берлинѣ русскому посланнику, Будбергу, который сдѣлалъ 28-го января берлинскому кабинету предложеніе, клонившееся къ тому, чтобы Австрія, Пруссія и Россія подписали протоколъ о тѣсномъ союзѣ трехъ державъ, въ виду опасности, угрожавшей европейскому миру.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшительно отклонилъ это предложеніе, а на другой день (29-го января), онъ писалъ собственноручно русскому императору, благодарилъ его за письмо, присланное съ Будбергомъ, и заявлялъ, что онъ не можетъ связать себя никакимъ письменнымъ обязательствомъ, такъ какъ, узнавъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, что въ Лондонѣ и въ Парижѣ собирались сдѣлать тревожнаго свойства запросъ какъ ему, такъ императору Францу-Іосифу о томъ, чью сторону они примутъ въ случаѣ разрыва между морскими державами и Россіей, то онъ, сознавая необходимость избѣжать этого запроса, рѣшилъ взять на себя иниціативу и сообщилъ великобританскому кабинету, что онъ обѣщаетъ свой нейтралитетъ, если будетъ гарантирована неприкосновенность Германіи, и что этою цѣною онъ даетъ слово не связывать себя никакими обязательствами съ прочими державами.

«Но есть и другія причины, которыя не позволяютъ мнѣ исполнить ваши желанія, дорогой и возлюбленный Никсъ,—продолжалъ король.—Мнѣ извѣстно положительно, что договоръ, подписанный съ Россіей, былъ бы поводомъ къ разрыву съ Англіей,—и безъ сомнѣнія также и съ Франціей. Правда, я имѣю 400.000 чел. войска (и даже болѣе), которыя я могу противупоставить французамъ въ случаѣ ихъ вторженія; правда и то, что пройти изъ Парижа по тѣлу полумилліона пруссаковъ если не совершенно невозможно, то по меньшей мѣрѣ весьма опасно. Но, дражайшій другъ мой, вы знаете такъ же точно, какъ и я, что я не имѣю средствъ предотвратить убытки, которые англійскія суда могли бы причинить моимъ подданнымъ.

«Есть еще третья и самая главная причина, которая запрещаетъ мнѣ заключать нейтральный договоръ съ Россіей—державой воюющей. Это моя роль,—роль монарха, коего совѣсть обязываетъ сдѣлать самыя энергическія усилія, чтобы сохранить Европѣ неоцѣненныя блага мира. Если бы я имѣлъ счастье быть подлѣ васъ, то я не задумался бы броситься предъ вами на колѣни и сказать вамъ со слезами на глазахъ: «Во имя Бога міра, котораго мы признаемъ оба, не отвергайте предложеній вѣнской конференціи!»

«Вамъ извѣстно, любезный другъ, изъ моего письма къ императрицѣ, что я глубоко чувствую все то, что̀ повелѣваетъ вамъ честь русскаго имени и ваша корона. Обдумайте, Бога ради, то, что̀ я указалъ вамъ въ упомянутомъ письмѣ, о возможности согласовать ваше достоинство съ горячимъ желаніемъ сохранить миръ, коимъ одушевлено ваше благородное сердце!

«Повѣрьте преданному вамъ Фрицу: какъ только вы разрушите гнусные планы революціонной партіи, которая толкаетъ Англію въ войну, вы сдѣлаете войну невозможной (а вы можете сдѣлать это, принявъ предложенія, сообщенныя вамъ императоромъ австрійскимъ), и все войдетъ въ свою колею; чудовищный и противуестественный союзъ Франціи и Англіи разлетится въ прахъ. Это будетъ спасеніемъ Европы.

«Еще разъ прошу васъ, дорогой, добрый Никсъ, не отказывайтесь начать переговоры! Сдѣлавъ это, вы одержите самую достопамятную изъ побѣдъ. Признательность всего міра обезсмертитъ ваше имя. А что̀ еще лучше—Господь благословитъ васъ».

Въ то время какъ дипломатія для предотвращенія войны дѣлала послѣднія усилія, которыя такъ же, какъ и всѣ предыдущія, не увѣнчались успѣхомъ, Наполеонъ III рѣшилъ со своей стороны обратиться съ тою же цѣлью къ императору Николаю и написалъ ему 29-го января длинное собственноручное письмо, въ которомъ, сдѣлавъ бѣглый очеркъ всего хода Восточнаго вопроса, онъ хвалилъ благоразуміе турокъ, которые не приняли вступленіе русскихъ войскъ въ княжества какъ предлогъ для объявленія войны, упомянулъ о циркулярной нотѣ Нессельроде, которая уничтожила благотворное дѣйствіе вѣнской ноты, и объяснилъ, какими обстоятельствами было вызвано, въ октябрѣ мѣсяцѣ, рѣшеніе, принятое Портою.

«До сихъ поръ,—писалъ онъ,—наше положеніе по отношенію къ Турціи было покровительственное, но пассивное. Мы давали султану миролюбивые совѣты. Ваше величество, съ своей стороны, выказавъ твердость, проистекающую изъ сознанія своей силы, заявили, съ умѣренностью, достойною монарха великой Имперіи, что вы будете держаться оборонительнаго образа дѣйствій.. Мы были только зрителями

въ этомъ дѣлѣ, хотя зрителями заинтересованными. Синопское событіе заставило насъ принять болѣе рѣшительное положеніе»...

«Турецкія суда были уничтожены, не смотря на близость нашихъ эскадръ. Это было пораженіе, нанесенное уже не нашей политикѣ, а нашей военной чести... Вслѣдствіе этого, нашимъ эскадрамъ было отдано приказаніе вступить въ Черное море; этимъ же была вызвана коллективная нота, препровожденная нами петербургскому кабинету... Вотъ истинный ходъ событій. Ясно, что, дойдя до этой точки, они должны вскорѣ привести или къ окончательному соглашенію, или къ окончательному разрыву».

Желая нѣсколько смягчить эти рѣшительныя слова, Наполеонъ III поспѣшилъ указать, на какихъ условіяхъ можно было еще избѣжать войны:

«Если теперь же будетъ подписано перемиріе... то русскія войска выступятъ изъ княжествъ, а наши эскадры изъ Чернаго моря. Если ваше величество предпочитаете вести переговоры непосредственно съ Турціей, то вы назначите уполномоченнаго, который будетъ вести эти переговоры съ уполномоченнымъ султана; а затѣмъ договоръ, выработанный ими, будетъ представленъ на обсужденіе конференціи четырехъ державъ».

«Чрезвычайно интересно (хотя это большой секретъ),—писалъ Мантейфелю прусскій посланникъ въ Парижѣ [1]),—по поводу этого письма что императоръ Людовикъ-Наполеонъ высказалъ, что если его письмо не будетъ имѣть никакого результата, то онъ все-таки считалъ долгомъ написать его, такъ какъ онъ намѣренъ впослѣдствіи обнародовать его [2]), ибо если ему придется воевать, то для него крайне необходимо доказать французскому народу, какъ можно очевиднѣе, что онъ старался избѣжать войны. Гдѣ тутъ истина? Есть ли это письмо не что иное, какъ простая тактика, или же оно написано, дѣйствительно, въ надеждѣ на примиреніе».

7-го (19-го февраля) былъ полученъ отвѣтъ императора Николая на письмо Наполеона III. Императоръ отказывался вести переговоры на условіяхъ, предложенныхъ Франціей.

Съ этой минуты война была рѣшена безповоротно. Манифестомъ 9-го (21-го) февраля 1854 г. было объявлено о прекращеніи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціею и Англіею. Генералъ Кастельбажакъ и сэръ Гамильтонъ Сеймуръ уѣхали изъ Петербурга. Ки-

---

[1]) Графъ Гацфельдтъ—Мантейфелю 3-го февраля 1854 г.

[2]) Письмо дѣйствительно было обнародовано въ Moniteur'ѣ 14-го февраля, тотчасъ послѣ того, какъ были прерваны дипломатическія сношенія.

селевъ и баронъ Брунновъ нѣсколько дней передъ тѣмъ также потребовали свои паспорта.

Англія сосредоточивала свои войска въ Мальтѣ. Друэнъ-де-Люисъ писалъ генералу Барагэ д'Илье, чтобы Порта готовилась принять союзныя войска.

Въ Константинополь отправлялся генералъ Канроберъ.

Россія, съ своей стороны, усиленно вооружалась.

Оставалось только произнести роковое слово. 15-го (27-го) февраля былъ отправленъ изъ Парижа къ императору Николаю курьеръ съ окончательными требованіями парижскаго и лондонскаго кабинетовъ очистить придунайскія княжества къ 18-му (30-му) апрѣля. Отказъ или хотя бы молчаніе царя долженъ былъ повлечь за собою войну. 1-го (13-го) марта курьеръ прибылъ въ Петербургъ. На слѣдующій день, французскій и англійскій консулы, заступившіе мѣсто своихъ посланниковъ, вручили Нессельроде ультиматумъ своихъ монарховъ. Канцлеръ, принявъ депеши, заявилъ, что онъ доведетъ ихъ до свѣдѣнія своего монарха, а пять дней спустя, онъ извѣстилъ консуловъ о томъ, что императоръ разсудилъ за благо оставить требованія союзныхъ державъ безъ отвѣта.

Когда одинъ изъ консуловъ повторилъ эту фразу:

— Да,—отвѣчалъ Нессельроде,—такъ именно и передайте вашему правительству.

Война была оффиціально объявлена.

В. В. Тимощукъ.

Варшава, въ теченіе 3-го и въ ночь съ 3-го на 4-е октября 1861 года [1]).

Еще за нѣсколько дней до 3-го числа (годовщины смерти Костюшки), на улицахъ въ Варшавѣ раздавались, въ числѣ прочихъ, плакарды, приглашающіе жителей отпраздновать этотъ день панихидою во всѣхъ церквахъ и закрытіемъ магазиновъ и лавокъ. Получаемыя черезъ полицію извѣстія подтвердили, что подъ личиною религіозныхъ обрядовъ готовится въ этотъ день враждебная правительству, политическая манифестація.

Такъ какъ общее положеніе дѣлъ въ царствѣ Польскомъ и безъ того неминуемо требовало приведенія края на военное положеніе, то рѣшено было предупредить ожидаемую манифестацію объявленіемъ военнаго положенія ночью съ 1-го на 2-е октября.

Всенародно объявленными правилами военнаго положенія, между прочимъ, воспрещалось: пѣніе революціонныхъ гимновъ гдѣ бы то ни было, празднованіе не установленныхъ церковію праздниковъ и закрываніе по этому случаю лавокъ и магазиновъ; сверхъ того еще, именно на день 3-го октября, особымъ объявленіемъ, подверждалось запрещеніе всѣхъ подобнаго рода дѣйствій; при чемъ указывалось на отвѣтственность передъ закономъ, и назначенъ штрафъ въ 100 руб. сер. за каждый закрытый магазинъ или лавку.

Въ теченіе 2-го числа найдены въ разныхъ мѣстахъ города подброшенные плакарды, призывающіе народъ, не смотря на объявленіе военнаго положенія, отпраздновать годовщину смерти Костюшки.

Къ утру 3-го числа значительное число людей обоего пола

---

[1]) Донесеніе генеральнаго штаба капитана Войде, нынѣ генералъ-лейтенанта.

и всякаго возраста, званія и вѣроисповѣданія направились въ костелы; при чемъ болѣе прочихъ наполнились бернардинскій и каѳедральный св. Іоанна, какъ находящійся болѣе въ центрѣ города, возлѣ Замка. Въ костелѣ св. Іоанна, по случаю ежедневной службы за покойнаго архіепископа Фіалковскаго, стоялъ не разобранный еще парадный катафалкъ, который теперь и долженъ былъ придать болѣе торжественности панихидѣ за Костюшку. Народу въ обѣихъ церквахъ было около 4-хъ тысячъ.

Магазины и лавки на главныхъ улицахъ, за исключеніемъ лишь не многихъ полуотворенныхъ, оставались закрытыми.

На случай пѣнія въ костелахъ запрещенныхъ гимновъ предполагалось, согласно заранѣе данной начальникамъ частей города инструкціи, окружать костелы войсками и затѣмъ, не входя во внутрь и пропуская свободно выходящихъ женщинъ и дѣтей арестовать, однихъ лишь мужчинъ.

Около $10\,^1/_2$ часовъ утра дано было знать полиціею о начатіи въ разныхъ костелахъ пѣнія запрещенныхъ гимновъ; вслѣдствіе чего немедленно направлены туда войска, которыя однако же успѣли совершенно окружить только два костела: бернардинскій и каѳедральный св. Іоанна, потому, что въ другихъ народъ, замѣтивъ приближеніе войскъ, прервалъ пѣніе и поспѣшно удалился, а въ костелѣ Святаго Креста присутствующіе, окончивъ пѣніе, почти всѣ исчезли чрезъ задній неизвѣстный войскамъ выходъ.

Для занятія выходовъ изъ костеловъ бернардинскаго и св. Іоанна, отряжены были отъ войскъ Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка, расположенныхъ на Замковой площади, всего 3 роты пѣхоты. Послѣ прибытія войскъ на мѣста, пѣніе въ обоихъ костелахъ продолжалось; выходившія въ это время изъ костеловъ женщины и дѣти были пропускаемы безпрепятственно. По окончаніи пѣнія находившіеся въ костелахъ, видя себя окруженными, рѣшились не выходить, и даже женщины съ дѣтьми отказались отъ предложеннаго имъ свободнаго пропуска, которымъ вообще воспользовалось только нѣсколько лицъ. Тщетны были всѣ неоднократно повторяемыя убѣжденія и увѣщеванія: оставшіеся въ костелахъ упорствовали и сами изнутри заперли входы.

Одновременно усилены патрули и разъѣзды, которымъ вмѣнено въ особую обязанность не дозволять собираться толпамъ на улицахъ. Собиравшіяся возлѣ окруженныхъ костеловъ группы людей были разгоняемы прикладами и нагайками; то же самое повторялось на всѣхъ смежныхъ улицахъ и площадяхъ. Такимъ образомъ въ зародышѣ уничтожена всякая возможность собраться скопищамъ народа и предупреждены несчастія, которыя были бы неминуемы вслѣдствіе необходимости строго исполнить правила военнаго положенія и разгонять народъ оружіемъ.

Между тѣмъ день прошелъ, настала ночь, а положеніе дѣлъ въ обоихъ костелахъ не перемѣнилось. Стоявшія передъ костелами войска смѣнялись свѣжими.

Судя по оказанному дотолѣ упорству, можно было ожидать, что бывшіе въ костелахъ добровольно изъ нихъ не выйдутъ, заставить ихъ сдаться голодомъ, въ теченіе ночи, не предвидѣлось никакой возможности; съ другой стороны, было слишкомъ рискованно оставаться въ этомъ положеніи до слѣдующаго дня, такъ какъ положительно было извѣстно, что на утро готовится большая манифестація, а именно шествіе къ окруженнымъ костеламъ епископовъ съ духовенствомъ во главѣ народа.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это неминуемо повело бы къ напрасному кровопролитію и дало бы поводъ для новыхъ обвиненій правительства въ святотатствѣ.

Въ такомъ положеніи дѣлъ оставалось одно лишь средство: еще разъ истощивъ всѣ убѣжденія, силою вывесть изъ костеловъ непослушныхъ. Сколь ни прискорбно было прибѣгнуть къ этой крайности, но лучшаго исхода не предвидѣлось.

Начато было съ бернардинскаго костела.

Уже заполночь взошелъ въ костелъ со стороны монастыря состоящій при начальникѣ Замковой половины города посланный офицеръ генеральнаго штаба, капитанъ Тарасенковъ, входившій туда уже неоднократно увѣщевать народъ. И теперь онъ убѣждалъ находившихся тамъ выйти добровольно и объявилъ, что, въ случаѣ неповиновенія, въ костелъ будутъ введены войска, для арестованія мужчинъ. Все было тщетно: одни отказались выйдти изъ упорства, другія опасаясь за свою участь и боясь дурнаго обращенія со стороны солдатъ; нашлись даже ожесточенные до того, что рѣшились защищаться силою. На первый разъ подъ командою упомянутаго офицера введены были безъ оружія и фуражекъ 30 человѣкъ нижнихъ чиновъ, которые, входя въ костелъ, перекрестились. Толпившіеся около входа внутри встрѣтили солдатъ стульями, скамьями и т. п. Солдаты отступили. Въ эту критическую минуту капитанъ Тарасенковъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ остановилъ ихъ, а съ другой стороны убѣдилъ сопротивлявшихся въ костелѣ въ совершенной неумѣстности ихъ нападенія на безоружныхъ солдатъ. Затѣмъ дѣйствительное сопротивленіе прекратилось, но добровольно выходили все-таки немногіе, и почти всѣ были выводимы подъ руки; ихъ собирали въ партіи около 100 человѣкъ каждая и подъ конвоемъ отводили сначала въ Замокъ, а оттуда въ Александровскую цитадель.

Въ каѳедральномъ костелѣ, подобно тому, какъ въ бернардинскомъ, дѣлаемы были неоднократныя увѣщеванія, и наконецъ посланы туда шесть человѣкъ изъ взятыхъ у бернардиновъ и освобожденныхъ изъ

подъ ареста, съ тѣмъ чтобы они уговорили находившихся въ соборѣ отказаться отъ безполезнаго упорства. Но и эта мѣра не подѣйствовала. Тогда въ три часа по полуночи введено было въ соборъ при офицерѣ 20 человѣкъ нижнихъ чиновъ 7-ой роты Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка безъ фуражекъ съ ружьями. Солдатамъ строжайше было подтверждаемо, не смотря ни на какія обстоятельства, не употреблять оружія и только въ случаѣ крайности стращать прикладами. Затѣмъ начали выводить мужчинъ поодиночкѣ подъ руки. Уже было выведено изъ церкви значительное число людей, когда показался въ костелѣ одинъ священникъ въ полуоблаченіи съ крестомъ въ рукѣ и убѣждалъ оставшихся не выходить. Священникъ этотъ былъ взятъ подъ руки и безъ всякаго впрочемъ насилія отведенъ въ Замокъ. Остальные затѣмъ люди добровольно вышли изъ костела и всѣ отведены въ цитадель.

Всего приведенныхъ въ цитадель изъ обоихъ костеловъ оказалось 1.678 человѣкъ.

Что касается женщинъ и дѣтей, то онѣ или выходили сейчасъ, при чемъ, смотря по ихъ желанію, провожались до квартиръ полицеймейстерами, или же оставались въ костелахъ до утра.

Въ обоихъ костелахъ немедленно призваны были мѣстные священники, которые, освидѣтельствовавъ внутренность храмовъ, подтвердили, что войсками ничего въ нихъ не нарушено и не повреждено.

Для входа въ костелы не было употреблено никакого насилія, входъ въ бернардинскій со стороны монастыря былъ постоянно свободенъ, а главныя двери собора заняты часовыми въ то время, когда онѣ открыты были изнутри добровольно для пропуска людей, приносившихъ воду.

Отвѣтственность за кратковременную впрочемъ свалку, происшедшую въ бернардинскомъ костелѣ, должна пасть на тѣхъ, которые, находясь во храмѣ Божіемъ, сами первые напали на входившихъ туда безоружныхъ солдатъ. Послѣдствія этой свалки ограничились впрочемъ нѣсколькими незначительными ушибами, и, какъ положительно извѣстно, кровопролитія не было и быть не могло по неимѣнію у солдатъ оружія.

Сообщилъ **А. Н. Крыжановскій.**

ОБЩЕСТВЕННОЙ СОБРАНИЕ

Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ.

II [1]).

Образованіе особой коммиссіи о монастыряхъ.—Характеристика ея членовъ.—Подчиненіе князю Черкаскому отдѣленія духовныхъ дѣлъ.—Мѣсто и время засѣданій коммиссіи.—Картина Зимлера—смерть Іосафата Кунцевича.—Распредѣленіе занятій между членами.—Перечень занятій коммиссіи въ первыя 11 засѣданій.—Основанія, принятыя коммиссіей для закрытія монастырей.—Переводы монаховъ изъ одного монастыря въ другой.—Рановременное посвященіе въ монашество.—Монастыри штатные и заштатные.—Упраздненіе цѣлыхъ монашескихъ орденовъ.—Очищеніе отъ римско-католическихъ монастырей уніатскаго края и вообще праваго берега Вислы.—Возможное уменьшеніе числа монаховъ: разрѣшеніе выѣзда за границу, оставленіе монашеской жизни.—Устройство различныхъ духовныхъ при монастыряхъ учрежденій.—Содержаніе монастырей и монаховъ.—Сущность постановленій коммиссіи.—Закрываемые и упраздняемые монастыри признано необходимымъ очистить отъ братіи немедленно.—Признаніе необходимости закрытія греко-уніатскихъ (базиліанскихъ) монастырей.—Заключеніе графа Берга о работахъ коммиссіи и порядокъ осуществленія монастырской реформы.

Особую коммиссію для разбора монастырей и всѣхъ предстоявшихъ по случаю упраздненія или закрытія оныхъ распоряженій рѣшено было образовать подъ предсѣдательствомъ князя В. А. Черкаскаго, не вводя въ составъ ея генералъ-полицеймейстера. Генералу Трепову нельзя было не уступить предсѣдательскаго мѣста главному директору внутреннихъ дѣлъ, а простымъ членомъ быть не хотѣлось, да и не было надобности, такъ какъ его могъ замѣнить его помощникъ, который и назначался

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1902 г.

членомъ коммиссіи. Уже одно уклоненіе генерала Трепова отъ участія въ коммиссіи указываетъ, что онъ не желалъ затянуть ея дѣла, хотя съ другой стороны, не участвуя въ коммиссіи, онъ заранѣе освобождалъ себя отъ нареканій за неокончаніе ею въ срокъ заданныхъ ей работъ, а невозможность исполнить требованіе изъ Петербурга казалась ему совершенно ясною и не подлежавшею ни малѣйшему сомнѣнію. Итакъ вся отвѣтственность ложилась прямо на князя Черкаскаго и коммиссію [1]).

Изъ членовъ коммиссіи только трое—графъ Опперманъ, Честилинъ и Гацфельдъ принадлежали къ числу лицъ, давно служившихъ въ царствѣ Польскомъ. Графъ Опперманъ (умеръ) былъ сперва адъютантомъ князя Варшавскаго, а потомъ долгое время губернаторомъ въ Радомѣ, откуда, въ 1861 году, уволенъ маркизомъ Велiопольскимъ, одновременно съ прочими русскими губернаторами «для пользы службы», какъ было сказано въ приказѣ. Графъ Опперманъ былъ человѣкъ добрый и спокойный. Назначеніе его въ коммиссію оправдывалось званіемъ его члена аудиторіата,—этого высшаго въ Царствѣ военно-судебнаго учрежденія, разсматривавшаго дѣла военно-слѣдственныхъ и судныхъ коммиссій, учреждавшихся по дѣламъ лицъ, участвовавшихъ въ мятежѣ. Онъ былъ посредникомъ между коммиссіей и аудиторіатомъ, наводилъ тамъ различныя справки и собиралъ нужныя свѣдѣнія.

---

[1]) Членами коммиссіи, по распоряженію графа Берга, 28-го іюня 1864 г. были назначены: 1) Членъ аудиторіата генералъ-маіоръ графъ Опперманъ. 2) Директоръ собственной канцеляріи намѣстника дѣйствительный статскій совѣтникъ Г. И. Честилинъ. 3) Помощникъ генералъ-полицеймейстера въ Царствѣ, флигель-адъютантъ, генеральнаго штаба полковникъ М. Н. Анненковъ. 4) Состоящій при учредительномъ комитетѣ статскій совѣтникъ Драшусовъ. 5) Вице-директоръ управленія генералъ-полицеймейстера въ Царствѣ, генеральнаго штаба полковникъ Д. Г. Анучинъ. 6) Состоящій при генералъ-полицеймейстерѣ для особыхъ порученій полковникъ Гацфельдъ. 7) Бывшій вице-директоръ управленія генералъ-полицеймейстера, коллежскій совѣтникъ Селивановъ, и 8) генеральнаго штаба капитанъ, баронъ Н. Н. Медемъ.

Сверхъ того, въ дѣлахъ коммиссіи на правахъ члена, принималъ постоянное участіе, командированный изъ Петербурга, состоявшій при департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій министерства внутреннихъ дѣлъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорьевъ, какъ спеціалистъ, подробно знавшій все, что было сдѣлано въ Имперіи по упраздненію монастырей въ Западномъ краѣ.

Дѣлопроизводителемъ коммиссіи князь Черкаскій назначилъ состоявшаго при немъ, въ качествѣ секретаря, чиновника учредительнаго комитета Каширина.

Г. И. Честилинъ, нынѣ сенаторъ [1]), поступилъ на службу въ Царствѣ, немедленно послѣ штурма Варшавы, и все время состоялъ въ канцеляріи намѣстника, директоромъ которой назначенъ въ 1864 году. Умный, образованный и благовоспитанный, Гавріилъ Ивановичъ былъ весьма популяренъ въ Варшавѣ, гдѣ его любили и уважали не только въ русскомъ, но и въ польскомъ обществѣ. Онъ былъ очевидцемъ и очевидцемъ разумнымъ всего, что происходило въ Царствѣ съ 1831 г., и вполнѣ зналъ все, что за этотъ долгій промежутокъ времени было предпринимаемо нашимъ правительствомъ. По личнымъ своимъ наблюденіямъ, знанію края и мѣстнаго общества, онъ былъ особенно полезенъ коммиссіи, которой, въ качествѣ директора канцеляріи намѣстника, открывалъ свободный доступъ ко всѣмъ хранившимся тамъ оффиціальнымъ матеріаламъ и документамъ.

Полковникъ Гацфельдъ (умеръ) былъ честнымъ дѣятелемъ, посѣдѣвшимъ на государственной службѣ и состоявшимъ въ различное время членомъ многихъ военно-слѣдственныхъ коммиссій. Онъ могъ быть полезенъ, какъ членъ исполнитель разныхъ порученій.

Всѣ остальные члены, считая въ томъ числѣ и предсѣдателя, были люди новые, прибывшіе въ царство не ранѣе 1863 года. Взамѣнъ малаго знакомства съ краемъ, они приносили глубокое убѣжденіе въ необходимости проектированныхъ мѣръ, несокрушимую энергію и были одушевлены желаніемъ послужить дѣлу, долженствовавшему не мало повліять на успокоеніе общества, радикальнымъ устраненіемъ причинъ, постоянно возбуждавшихъ его религіозный фанатизмъ.

Собственно рабочую силу въ коммиссіи составляли: князь Черкаскій, котораго хватало вездѣ и на все, Анненковъ, я, Медемъ и Григорьевъ. Много потрудился и Каширинъ въ качествѣ дѣлопроизводителя. Работая быстро и отлично владѣя перомъ, а главное умѣя, налету, такъ сказать, понимать желанія и указанія князя Черкаскаго, онъ весьма серьезно помогалъ успѣшности дѣйствій коммиссіи; не упомянуть здѣсь объ этомъ было бы полною несправедливостью въ отношеніи этого прекраснаго и многообѣщавшаго молодаго человѣка [2]).

Еще за два дня до образованія особой коммиссіи распоряженіемъ намѣстника, управленіе духовныхъ дѣлъ въ Царствѣ, соединенное до того времени съ управленіемъ народнаго просвѣщенія—передано было въ завѣдываніе князя Черкаскаго, какъ главнаго директора правитель-

---

[1]) Писано въ іюнѣ 1886 г.

[2]) Впослѣдствіи Д. Ѳ. Каширинъ былъ коммиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ, начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ путей сообщенія и наконецъ опять коммиссаромъ. Въ семейной жизни ему не посчастливилось, и онъ умеръ отъ порока, сгубившаго много способныхъ русскихъ людей.

*

ственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ [1]). Теперь явилась полная возможность добывать изъ нея нужныя данныя, и князь Черкаскій дѣлалъ это мастерски. Повинуясь его волѣ и заискивая его могущественнаго расположенія и вниманія, дѣлопроизводитель отдѣленія духовныхъ дѣлъ нѣкто К***, лѣзъ, какъ говорится, изъ кожи, чтобы угодить князю. Потомъ этотъ самый господинъ забралъ силу при Мухановѣ и графѣ Кошкуль и былъ очень важнымъ паномъ при графѣ Коцебу.

Мѣстомъ засѣданій особой коммиссіи была выбрана квартира князя Черкаскаго, въ такъ называемомъ палацѣ Мостовскихъ, гдѣ помѣщалась коммиссія внутреннихъ дѣлъ. Собирались мы въ небольшой проходной комнатѣ, между пріемной и залой; въ ней было одно или много два окна на площадь и, когда члены коммиссіи садились за столъ, поставленный посреди комнаты вдоль ея, то за ними какъ разъ оставалось столько мѣста, сколько было нужно, чтобы обнести чай. Комната эта была совершенно случайно украшена картиною Зимлера—«Мученическая кончина Іосафата». Среди оживленной группы былъ представленъ смиренный и боговдохновенный Іосафатъ Кунцевичъ, падающій подъ ударами топора, наносимыми свирѣпымъ «кацапомъ». Картина эта была заказана для Бѣльскаго собора, въ которомъ лежали мощи Іосафата, присланныя изъ Рима. Взята ли была эта картина изъ церкви, или туда еще не попала, навѣрное не знаю; только она во всякомъ случаѣ была задержана, доставлена въ Варшаву и составила, совершенно неожиданно, украшеніе той комнаты, въ которой собиралась коммиссія, обсуждавшая способы уничтоженія нѣкоторыхъ латинскихъ и греко-уніатскихъ монастырей въ царствѣ Польскомъ.

Члены коммиссіи были все люди занятые, имѣвшіе по нѣскольку должностей, а потому рѣшено было собираться поздно вечеромъ, часовъ въ десять и даже позже; засиживались мы долго и расходились по домамъ, почти всегда много спустя послѣ полуночи, когда жители Варшавы были уже погружены въ глубокій сонъ.

Первое засѣданіе коммиссіи было 29-го іюня 1864 г. Ознакомясь съ сущностью основаній, утвержденныхъ для предстоявшей монастырской реформы, коммиссія въ первомъ же своемъ засѣданіи признала необходимымъ раздѣлить занятія свои на двѣ части:

а) на работы, занятіе которыми можетъ быть отложено на нѣкоторое время, въ ожиданіи доставленія необходимыхъ справокъ и свѣдѣній, именно: составленіе штата для монастырей, составленіе разныхъ правилъ о пріемѣ новыхъ иноковъ, о полицейскомъ надзорѣ за монасты-

---

[1]) Окончательное присоединеніе послѣдовало по высочайшему указу 27-го октября (8-го ноября) 1864 года, когда снова образована правительственная коммиссія внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ.

рями, о монастырскихъ семинаріяхъ и студіяхъ, объ упраздненіи вредныхъ монашескихъ орденовъ и конгрегацій и проч.

и б) на работы, не терпѣвшія отлагательства и къ которымъ, въ виду короткости мѣсячнаго срока, опредѣленнаго для окончанія работъ коммиссіи, слѣдовало приступить немедленно.

Для скорѣйшаго исполненія работъ спѣшныхъ, члены коммиссіи раздѣлили между собою занятія. На мою долю выпало составленіе списка монастырямъ съ указаніемъ противу каждаго степени его участія въ мятежныхъ дѣйствіяхъ. Этотъ списокъ послужилъ какъ для постановленій коммиссіи о закрытіи того или другаго монастыря за участіе въ мятежѣ, такъ и для составленія общаго обзора о дѣйствіяхъ римско-католическаго духовенства. Этотъ обзоръ взялся составить Селивановъ, но вскорѣ передалъ мнѣ со всѣми поступившими въ его распоряженіе матеріалами. Полковникъ Анненковъ взялъ на себя соображеніе полицейскихъ мѣропріятій по сосредоточенію монаховъ, послѣ упраздненія и закрытія монастырей, перевозку за границу тѣхъ изъ нихъ, которые пожелали бы оставить край и проч. Барону Медему досталось составленіе правилъ о монастырскихъ училищахъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорьевъ занялся составленіемъ правилъ о подчиненіи монастырей епархіальному начальству и объ учрежденіи должностей визитаторовъ.

Въ теченіе одиннадцати засѣданій коммиссія окончила всѣ свои главнѣйшія задачи и труды свои представила 5-го августа графу-намѣстнику, который въ тотъ же день, съ своимъ одобреніемъ, препроводилъ ихъ въ Петербургъ.

Коммиссіи въ самомъ началѣ ея дѣйствій предстояло рѣшить весьма важный вопросъ—за какія преступленія слѣдовало закрывать монастыри. Собранные о каждомъ монастырѣ факты были такого рода, что собственно сомнѣнія въ преступности дѣяній и въ участіи въ мятежѣ не было, но иногда дѣйствіе можно было вмѣнить всему монастырю, а иногда лишь нѣкоторому и даже какому-либо одному его члену. Послѣ многихъ разсужденій и принимая во вниманіе, что папа Пій V (1566—1572) закрылъ всѣ монастыри ордена смиренныхъ братій за участіе нѣкоторыхъ членовъ ордена въ заговорѣ противу жизни кардинала Карла Барромсо—рѣшено было закрывать тѣ монастыри, о которыхъ доказано:

а) что монастырская братія склоняла людей къ мятежу, или приводила ихъ къ присягѣ на мятежъ, или же разрѣшала напередъ убійства и тому подобныя злодѣянія, въ пользу мятежа совершавшіяся;

б) что хотя означенныя въ пунктѣ *а* преступленія совершены лишь отдѣльными членами братіи, однако настоятель и прочая братія не приняли надлежащихъ мѣръ для пресѣченія таковыхъ противузакон-

ныхъ дѣйствій и не довели о нихъ своевременно до свѣдѣнія начальства для поступленія по законамъ;

в) что монашествующіе вступили сами въ ряды вооруженныхъ шаекъ, но о самовольной отлучкѣ ихъ изъ монастыря ни настоятель, ни прочая братія также не объявили своевременно надлежащей власти;

г) что монастырь собиралъ деньги или разнаго рода подаянія на поддержаніе мятежа;

д) что монастырь вносилъ въ пользу такъ-называемаго революціоннаго правительства подати или подаянія на поддержаніе мятежа;

е) что въ монастырскомъ зданіи или на монастырской землѣ открыты спрятанныя, съ вѣдома монастырской братіи, оружіе, аммуниція или другаго рода военные снаряды, а равно типографскіе станки или печатныя воззванія къ мятежу;

ж) что въ монастырскомъ зданіи или имѣніи, съ вѣдома монастырской братіи, укрывались мятежники, и объ этомъ не было доведено до свѣдѣнія полицейской власти, ни военнаго начальства.

Но и принявъ въ принципѣ это правило [1]), приходилось вести продолжительные споры и дебаты при примѣненіи его къ дѣлу. Разскажу одинъ случай, о нѣкоемъ Рыбусѣ. Этотъ Рыбусъ, будучи клерикомъ Бернардинскаго монастыря въ Варшавѣ, перебывалъ во множествѣ шаекъ, наконецъ, попался въ плѣнъ. Разслѣдованіе показало, что, скомпрометтировавъ себя въ Варшавѣ, онъ перешелъ въ другой монастырь и тамъ продолжалъ свою преступную дѣятельность. Монастырь, куда укрылся Рыбусъ, зналъ о его винѣ и, принимая его къ себѣ, являлся сознательнымъ укрывателемъ лица завѣдомо преступнаго. Подлежалъ ли этотъ монастырь закрытію? Коммиссія рѣшила этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Но блудный, трусливый и быстроногій Рыбусъ перебѣгалъ изъ одного монастыря въ другой, изъ другаго въ третій, потомъ въ четвертый. Такъ онъ укрывался въ монастыряхъ того же ордена: въ Черняковѣ, Скемпе, Калишѣ и Гурѣ-Кальваріи. Во время пребыванія его въ Скемпе засѣдалъ тамъ капитулъ Бернардинскаго ордена, который призналъ Рыбуса достойнымъ посвященія въ монахи. Приходилось признать всѣ эти четыре монастыря подлежащими закрытію сверхъ Варшавскаго, въ коемъ—прежде всего числился Рыбусъ. Такое широкое толкованіе о преступности монастырей нѣкоторымъ членамъ коммиссіи показалось натяжкой. Когда очередь обсужденія о преступности дѣйствій доходила до новаго монастыря Бернардинскаго ордена, то со всѣхъ концовъ стола, за которымъ засѣдала коммиссія,—

---

[1]) Оно потомъ цѣликомъ составило § 6 „Дополнительныхъ правилъ къ указу о римско-католическихъ монастыряхъ".

раздавались вопросы: опять Рыбусъ? Да, опять Рыбусъ. Григорьевъ приходилъ просто въ отчаяніе, завязывались споры. Одна сторона твердо стояла на безусловномъ примѣненіи разъ принятаго принципа, другая—протестовала, находя проступки Рыбуса не слишкомъ важными, чтобы за нихъ закрыть не одинъ, а пять монастырей. Къ благопріятному разрѣшенію споровъ привело предъявленіе фактическихъ данныхъ о томъ, что изъ числа пяти монастырей, укрывавшихъ Рыбуса, три, а именно: Варшавскій, Калишскій и Гура-Кальварійскій обвинялись еще и въ другихъ весьма серьезныхъ дѣйствіяхъ на пользу мятежа, чего было вполнѣ достаточно для признанія ихъ подлежащими закрытію помимо дѣла Рыбуса. Собственно же за Рыбуса закрыты были два монастыря—въ Скемпе и Черняковѣ. Такимъ образомъ и споры были прекращены, и монастыри уничтожены, да и на душу Рыбуса пала меньшая тяжесть—изъ пяти монастырей, его укрывавшихъ, за него были закрыты только три.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было всѣ монастыри, имѣющіе менѣе 8-ми монаховъ упразднять на основаніи каноническихъ правилъ, признающихъ ихъ немогущими съ такимъ числомъ монашествующихъ обезпечить монашескую дисциплину. Къ подобнымъ монастырямъ не должны были примѣняться правила о закрытіи за преступныя дѣйствія, хотя въ подобныхъ дѣйствіяхъ уличены были многіе изъ монастырей, упраздненныхъ по некомплекту монаховъ.

Какъ ни секретно дѣлались приготовленія къ уменьшенію числа монастырей; но подчиненіе князю Черкаскому управленія духовныхъ дѣлъ, требованіе свѣдѣній о числѣ монаховъ по монастырямъ не только отъ этого управленія, но и отъ епархіальнаго начальства возбудили вниманіе заинтересованныхъ лицъ, которыя догадывались, что правительство не можетъ въ данномъ случаѣ не воспользоваться буллами папъ Климента XIV, Григорія XV и Урбана VIII. И вотъ началась перетасовка монаховъ между монастырями одного и того же ордена. Изъ многолюдныхъ монастырей стали переводить монаховъ въ тѣ, гдѣ число ихъ не достигало 8-ми; кромѣ того, стали посвящать въ монахи лицъ, не имѣвшихъ узаконеннаго для этого возраста. Слухи объ этомъ доходили до Варшавы, и коммиссія не могла оставить ихъ безъ вниманія, поэтому рѣшено было число монаховъ, имѣющихъ постоянное пребываніе въ какомъ-либо монастырѣ, считать по такъ-называемымъ р у б р и ц е л л а м ъ, т. е. спискамъ римско-католическаго духовенства, ежегодно издаваемымъ епархіальнымъ начальствомъ. Въ настоящемъ случаѣ должны были служить руководствомъ показанія рубрицелловъ, изданныхъ на 1864 годъ съ присоединеніемъ, впрочемъ, къ показаннымъ въ рубрицеллахъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя правильно посвящены въ

монашество въ промежутокъ времени съ 1-го января 1864 г. до времени изданія высочайшаго указа о монастыряхъ.

Для устраненія же неправильныхъ послѣдствій отъ слишкомъ раннихъ посвященій въ монашество, коммиссія постановила признавать при упраздненіи монастырей монахами лишь тѣхъ лицъ, которымъ къ тому времени исполнилось не менѣе тридцати лѣтъ.

За признаніемъ однихъ монастырей подлежащими закрытію за мятежныя дѣйствія противъ правительства, а другихъ—упраздненію по малому числу монашествующихъ лицъ всѣ остальные монастыри предположено было коммиссіей раздѣлить на двѣ группы: штатныхъ, долженствовавшихъ существовать и впредь при условіяхъ, которыя будутъ опредѣлены новымъ закономъ, и заштатныхъ, къ числу коихъ должны быть отнесены всѣ остальные монастыри, оставшіеся не закрытыми, не упраздненными и не причисленными къ штатнымъ. Эти заштатные монастыри должны были упраздняться немедленно послѣ того, какъ число пребывающихъ въ нихъ монашествующихъ лицъ—окажется меньше восьми человѣкъ.

Вопросъ объ упраздненіи цѣлыхъ монашествующихъ орденовъ былъ обойденъ коммиссіею по слѣдующимъ основаніямъ. Собраніе свѣдѣній о причинахъ такихъ упраздненій не могло послѣдовать скоро, а по женскимъ орденамъ затруднялось еще и тѣмъ, что ордена и конгрегаціи фелиціанокъ, сакраментокъ и визитокъ имѣли на своемъ попеченіи большое число женскихъ училищъ. Дѣло объ этихъ орденахъ и конгрегаціяхъ, очевидно, имѣло тѣсную связь съ общимъ вопросомъ о преобразованіи вообще всѣхъ женскихъ училищъ и женскаго воспитанія въ Царствѣ. На это требовалось еще болѣе времени. Впрочемъ, вопросъ объ упраздненіи нѣкоторыхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ орденовъ вполнѣ исчерпывался и удовлетворительно разрѣшался косвеннымъ путемъ, а именно распредѣленіемъ монастырей на закрываемые, упраздняемые, заштатные и штатные. При этомъ распредѣленіи, нѣкоторые ордена упразднялись сами-собою, потому, что всѣ ихъ монастыри подлежали или закрытію или упраздненію. Мѣра эта постигла нѣкоторые ордена немедленно, а другіе послѣ упраздненія монастырей, оставленныхъ въ числѣ нештатныхъ. Такъ что коммиссія, оставляя до другаго времени общія разсужденія объ упраздненіи, того или другаго ордена, въ сущности достигала этого практически другими средствами. Какіе именно ордена упразднились такимъ именно способомъ, сказано ниже.

Не менѣе серьезное вниманіе было обращено коммиссіей и на возможное сосредоточеніе сохраняемыхъ монастырей въ мѣстахъ наиболѣе густаго католическаго населенія. Весьма важно было очистить отъ нихъ всѣ мѣста, заселенныя уніатами, и вообще правый берегъ Вислы. И въ

этомъ отношеніи, какъ увидимъ ниже, результаты были достигнуты весьма удовлетворительно.

Коммиссія, между прочимъ, не могла не видѣть той пользы, которую можно бы было извлечь изъ возможнаго и немедленнаго сокращенія не только числа монастырей, но и самыхъ монашествующихъ. Въ этихъ видахъ предположено было: съ одной стороны, дать возможность однимъ выѣхать безвозвратно за границу, а другимъ оставить монастырь и обратиться къ жизни въ обществѣ частнымъ человѣкомъ. Уѣзжающимъ за границу положено было назначить ежегодную пенсію по 150 рублей въ годъ, «доколѣ лица, получающія таковыя пенсіи, не будутъ принимать никакого участія во враждебныхъ русскому правительству замыслахъ». Кромѣ назначенія пенсіи ихъ предположено было довезти на счетъ казны до границы и снабдить паспортомъ и денежнымъ пособіемъ въ 25 рублей. Само-собою, разумѣется, что право выѣзда не предоставлялось монашествующимъ лицамъ, скомпрометтированнымъ въ участіи въ мятежѣ—они подлежали уголовной отвѣтственности по законамъ. Коммиссія полагала, что правомъ выѣзда за границу воспользуются наиболѣе неспокойныя личности, не сочтущія возможнымъ подчиниться новому о монастыряхъ закону. Съ ихъ выѣздомъ за границу, устранялся изъ монастырей самый безпокойный элементъ, и можно было разсчитывать, что оставшіеся монахи не будутъ находиться подъ вліяніемъ фанатиковъ [1]).

Лицамъ же, пожелавшимъ, съ разрѣшенія подлежащихъ духовныхъ властей, удалиться въ частную жизнь, обезпечивалось ежегодное содержаніе въ 60 р., считая въ томъ числѣ 40 р. личнаго содержанія и 20 р. на наемъ квартиры.

Наконецъ, коммиссія выработала правила о содержаніи монастырей и монаховъ, обезпеченіи богослуженія въ церквахъ закрываемыхъ монастырей и прочномъ устройствѣ какъ состоящихъ при монастыряхъ богадѣленъ, госпиталей и училищъ, такъ и особенно семинарій, содержимыхъ конгрегаціей миссіонеровъ въ Варшавѣ, Плоцкѣ, Люблинѣ и Влоцлавскѣ. Каждому монаху положено отпускать по 40 рублей въ годъ, ежели онъ жилъ вмѣстѣ съ прочею братіей монастыря. Монахамъ, оставленнымъ для богослуженія при церквахъ закрытыхъ монастырей, назначено содержаніе въ 150 р., а органистамъ при нихъ—по 75 р. На содержаніе каждаго семинариста опредѣлено отпускать по 175 р. среднимъ числомъ.

Разобравшись съ матеріаломъ, который былъ переданъ въ коммиссію, она окончательно постановила:

---

[1]) Всѣхъ монаховъ выѣхало за границу 46 человѣкъ. Въ томъ числѣ: съ правомъ на пенсію 41, безъ права на пенсію два монаха и три новиція.

а) относительно мужскихъ монастырей: изъ числа 155 мужскихъ монастырей—71 упразднить по малому числу монашествующихъ; 39 закрыть за участіе въ мятежѣ; 25 оставить штатными и 20 заштатными.

Изъ числа 25 штатныхъ мужскихъ монастырей, на правомъ берегу Вислы оставлено только пять, въ мѣстахъ удобныхъ для строгаго за ними надзора.

Не штатныхъ мужскихъ монастырей осталось 20; всѣ они подлежали закрытію по мѣрѣ уменьшенія въ нихъ числа монашествующихъ лицъ [1]).

б) относительно женскихъ монастырей. Изъ числа 21 монастыря положено было упразднить по малому числу монашествующихъ 4 монастыря: маріавитокъ въ Ченстоховѣ, норбертанокъ въ Пинчевѣ, бригитокъ и кармелитокъ въ Люблинѣ. Изъ остававшихся затѣмъ 17-ти женскихъ римско-католическихъ монастырей опредѣлено было—10 назначить штатными, а 7 считать заштатными.

Такимъ образомъ монастырская реформа въ царствѣ Польскомъ, на основаніи составленныхъ коммиссіей соображеній, должна была повести къ уничтоженію, немедленному или постепенному всѣхъ монастырей за исключеніемъ 25, которые сдѣлались штатными и получили достаточное обезпеченіе на содержаніе, кромѣ полнаго права распоряжаться по своему усмотрѣнію платою за требы. Кромѣ того предположено было оставить за монастырями всѣ зданія, находящіяся въ неразрывной связи съ церковью или необходимыя для помѣщенія монашествующихъ или священно-и церковно-служителей. Во всѣхъ штатныхъ монастыряхъ положено было содержать 360 монаховъ, считая по 14 въ каждомъ, за исключеніемъ Ченстоховскаго, гдѣ ихъ опредѣлено имѣть 24. Въ 10 женскихъ штатныхъ монастыряхъ опредѣлено имѣть по 14 монахинь въ каждомъ или 140 во всѣхъ. Слѣдовательно, изъ общей массы 2.180 монашествующихъ штатными оставалось 500 человѣкъ; всѣ остальные временно размѣщались или въ штатныхъ монастыряхъ, или въ заштатныхъ. Монастыри же, признанные подлежащими закрытію или упраздненію, должно было немедленно очистить отъ братіи; въ нихъ могли остаться только тѣ монахи, которые, въ числѣ отъ 1 до 3, предназначались для совершенія богослуженія въ сохраняемыхъ монастырскихъ церквахъ. Мѣру немедленнаго очищенія закрываемыхъ и упраздняемыхъ монастырей коммиссія считала неотложною для безповоротности дѣла и возможности самаго строгаго исполненія предполагае-

[1]) Всѣ нештатные мужскіе монастыри, по мѣрѣ уменьшенія въ нихъ числа монашествующихъ, упразднены въ періодъ времени съ 1868 по 1873 г., и нынѣ (1886 г.) ни одного не штатнаго мужскаго монастыря въ Привислянскомъ краѣ нѣтъ.

маго закона. Практика прежняго времени показала, что въ 1864 году еще существовали нѣкоторыя обители, считавшіяся упраздненными папскими буллами 1818 г., а именно мужской монастырь францишкановъ въ Хенцинахъ и женскія обители норбертанокъ въ Пинчевѣ, бригитокъ и кармелитокъ въ Люблинѣ. То же могло бы повториться и нынѣ; кромѣ того было бы крайне неполитично оставлять на прежнихъ мѣстахъ братію тѣхъ монастырей, которые подлежали закрытію; монахи, признанные виновными въ мятежной дѣятельности, могли начать снова свою пропаганду и возбудить различныя недоразумѣнія и соблазны въ населеніи. Въ виду устраненія возможности такой пропаганды въ Варшавѣ, принято было за правило: большинство варшавскихъ монаховъ вывезти въ провинцію и никого въ тамошніе монастыри не направлять изъ прочихъ закрываемыхъ или упраздняемыхъ монастырей.

Не разсматривая отдѣльно вопроса объ упраздненіи того или другаго ордена, коммиссія на практикѣ разрѣшила этотъ вопросъ уничтоженіемъ семи мужскихъ и трехъ женскихъ монашескихъ орденовъ. А именно изъ числа 17 существовавшихъ мужскихъ монашескихъ орденовъ въ число штатныхъ монастырей включены монастыри только 10 орденовъ, а изъ остальныхъ семи орденовъ — въ четырехъ упразднены или закрыты всѣ монастыри и въ трехъ всѣ монастыри оставлены за штатомъ. По упраздненіи или закрытіи всѣхъ монастырей переставали существовать ордена: миссіонеровъ, тринитаріевъ, бенедиктиновъ и кармелитовъ босыхъ, а по оставленіи всѣхъ монастырей за штатомъ—упразднялись ордена: піаровъ, филипиновъ и бонифраторовъ. Изъ десяти женскихъ монашескихъ орденовъ, за оставленіемъ всѣхъ монастырей за штатомъ, упразднились ордена: маріавитокъ, бригитокъ и кармелитокъ.

Независимо отъ всего вышеизложеннаго, коммиссія предположила ходатайствовать объ упраздненіи, по малому числу монашествующихъ, и четырехъ монастырей греко-уніатскихъ (базиліанскихъ), тѣмъ болѣе, что монастыри эти отличались крайнею неблагонадежностью въ политическомъ отношеніи и весьма вредно вліяли на уніатское населеніе, побуждая его къ окатоличенію. Всѣхъ греко-уніатскихъ монастырей въ Царствѣ было пять—въ Замостьѣ, Бѣлѣ, Люблинѣ, Холмѣ и Варшавѣ. Коммиссія высказалась за оставленіе только одного монастыря Варшавскаго, гдѣ удобно можно было помѣстить и всю не многочисленную братію остальныхъ четырехъ монастырей. Упраздненіе греко-уніатскихъ монастырей представлялось тѣмъ удобнѣе, что булла папы Бенедикта XIV отъ 2-го мая 1744 г. именно и относилась къ монастырямъ Св. Василія въ польской провинціи.

Всѣ эти главнѣйшія соображенія были окончены коммиссію въ первыя одиннадцать засѣданій и 5-го августа уже представлены

графу-намѣстнику. Надо отдать полную справедливость членамъ коммиссіи—работали они усердно, и дѣло спорилось въ ихъ рукахъ; да иначе и быть не могло подъ руководствомъ такого предсѣдателя, какъ князь В. А. Черкаскій. Выслушать доклады каждаго отдѣльнаго члена, согласить его работу съ работою другихъ, доложить все это въ коммиссіи и самому же проредактировать въ окончательной формѣ всѣ ея постановленія, на все это хватало энергіи князя, заваленнаго кромѣ того массою другихъ работъ по коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, учредительному комитету и проч. До глубокой ночи сидѣли мы въ Мостовскомъ палацѣ, но до послѣдней минуты руководимые княземъ Черкасскимъ чувствовали себя свѣжими и бодрыми. Одно общее желаніе одушевляло насъ—мы хотѣли оправдать довѣріе государя и представить работу, не только быстро выполненную, но обдуманную и редактированную настолько хорошо, чтобы ее не стыдно было опубликовать на нѣсколькихъ языкахъ одновременно, какъ это предполагалось.

5-го августа 1864 г., т. е. сорокъ одинъ день послѣ начала работъ коммиссіи, князь Черкаскій представилъ графу Бергу:

а) составленный и окончательно пересмотрѣнный коммиссіею проектъ правилъ, долженствовавшихъ войти въ составъ высочайшаго указа по предмету упраздненія и закрытія римско-католическихъ и греко-уніатскихъ монастырей въ царствѣ Польскомъ.

б) три списка мужскимъ и женскимъ римско-католическимъ монастырямъ, подлежащимъ закрытію или упраздненію.

в) списокъ орденамъ, всѣ монастыри коихъ закрываются или упраздняются и

г) примѣрную смѣту доходовъ и расходовъ по содержанію монастырей.

Самый докладъ коммиссіи былъ представленъ нѣсколько позже, такъ какъ онъ одновременно съ перепиской переводился на польскій языкъ, что было легче сдѣлать въ Варшавѣ, нежели въ Петербургѣ.

Представляя 5-го августа намѣстнику главнѣйшую и самую существенную часть работъ коммиссіи, князь Черкаскій тогда же поднесъ къ подписанію графа Берга проектъ его отношенія къ министру статсъ-секретарю царства Польскаго, въ которомъ высказывалось одобреніе всѣхъ работъ, уже изготовленныхъ по монастырской реформѣ.

Графъ Бергъ, того же 5-го августа, подписалъ приготовленную княземъ Черкаскимъ бумагу, и работы коммиссіи пошли въ Петербургъ, не ожидая окончанія перевода доклада: «дабы, какъ говорилось въ отзывѣ графа Берга, согласно высочайшей волѣ, ускорить возможность представленія дѣла на высочайшее его императорскаго величества воззрѣніе».

Посылая въ Петербургъ докладъ коммиссіи съ переводомъ на поль-

скій языкъ, графъ Бергъ выразилъ желаніе, чтобы онъ былъ напечатанъ не только въ русскомъ текстѣ, но переведенъ также кромѣ польскаго и на языки французскій, нѣмецкій и англійскій для возможно бо̀льшаго и скорѣйшаго распространенія въ европейской публикѣ точныхъ свѣдѣній о тѣхъ важныхъ политическихъ обвиненіяхъ, которыя тяготѣютъ на римско-католическихъ монастыряхъ въ Царствѣ, и о причинахъ, вынудившихъ правительство къ принятію мѣръ для обузданія ихъ своеволія. Впослѣдствіи намѣстникъ еще разъ подтвердилъ это свое мнѣніе и просилъ издать докладъ на пяти языкахъ одновременно съ появленіемъ указа о монастыряхъ.

Подготовляя столь важную и существенно необходимую государственную мѣру, каково упраздненіе и закрытіе значительной части монастырей въ царствѣ Польскомъ, ни графъ Бергъ, ни коммиссія не могли не имѣть въ виду всѣхъ затрудненій, сопряженныхъ съ ея исполненіемъ. Неизбѣжность рѣшительныхъ со стороны русскаго правительства дѣйствій для укрощенія въ Царствѣ латинскаго монашества и предупрежденія въ будущемъ повторенія тѣхъ преступныхъ дѣйствій, которыми оно ознаменовало себя въ польскомъ мятежѣ, было столь очевидно, потребность въ этомъ столь ясно истекала изъ всего хода событій, что такого рода мѣра уже давно предчувствовалась и предсказывалась не только въ царствѣ Польскомъ, но и общественнымъ мнѣніемъ Европы. Предположенныя о монастыряхъ распоряженія должны были встрѣтить организованное противодѣйствіе со стороны мѣстнаго духовенства и тѣмъ сильнѣе возбудить вопли негодованія со стороны клерикальной партіи вообще.

Передача коммиссіи духовныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе князя Черкаскаго хотя и устранила важнѣйшее затрудненіе, какое могли бы причинить намъ мѣстные чиновники и духовенство, однако нельзя было не имѣть въ виду, что не только сами монахи, но въ особенности епархіальные начальники будутъ употреблять всевозможныя ухищренія для того, чтобы воспрепятствовать или, по крайней мѣрѣ, повредить успѣшному исполненію проектированныхъ мѣръ; можно было ожидать, что они будутъ стараться вызвать со стороны населенія какіе-либо протесты или даже открытыя демонстраціи. Чтобы предупредить по возможности такого рода противодѣйствіе, графъ Бергъ вполнѣ одобрилъ предположеніе особой коммиссіи произвести закрытіе монастырей внезапно и одновременно во всемъ Царствѣ немедленно по полученіи въ Варшавѣ высочайшаго о семъ указа, такъ чтобы самое обнародованіе сего послѣдняго было произведено въ то же время, какъ и исполненіе.

III.

Работы коммиссіи поступаютъ на разсмотрѣніе статсъ-секретаря Милютина. — Редакціонныя измѣненія. — Выдѣленіе вопроса о греко-уніатскихъ монастыряхъ.—Нѣкоторыя измѣненія въ проектахъ коммиссіи.—Мнѣнія комитета по дѣламъ царства Польскаго о необходимости: а) соблюденія полной тайны насчетъ монастырской реформы до ея осуществленія и б) преданія самой широкой гласности высочайшему о семъ указу и докладу Варшавской коммиссіи о дѣятельности монастырей во время мятежа.—Государь утверждаетъ журналъ комитета 27-го октября (8-го ноября) 1864 г.—Вступительная часть указа.—Доставленіе указа въ Варшаву.

Получивъ работы особой коммиссіи, Н. А. Милютинъ нашелъ ихъ, по существу, вполнѣ разрѣшающими дѣло, но не счелъ удобнымъ оставить въ той формѣ, въ какой онѣ были доставлены изъ Варшавы. Въ проектѣ коммиссіи изложены были въ совокупности какъ главныя постановленія по монастырскому дѣлу, такъ и подробныя правила, опредѣляющія способы исполненія основныхъ постановленій. Между тѣмъ Н. А. Милютинъ находилъ, что, по общему порядку и по существу дѣла, было бы удобнѣе главныя основанія мѣръ, соображенныя въ отношеніи римско-католическихъ монастырей, издать въ видѣ высочайшаго указа, а всѣ статьи, опредѣляющія лишь порядокъ исполненія и вообще всѣ подробности дѣла, изложить въ формѣ особыхъ дополнительныхъ къ указу правилъ. Кромѣ того, онъ полагалъ упраздненіе грекоуніатскихъ монастырей предоставить власти намѣстника на основаніяхъ, соображенныхъ коммиссіей.

На этомъ основаніи составлены были и по высочайшему повелѣнію внесены въ комитетъ по дѣламъ царства Польскаго: 1) проектъ высочайшаго указа относительно упраздненія и закрытія римско-католическихъ монастырей; 2) проектъ дополнительныхъ къ сему указу правилъ и 3) проектъ особаго постановленія о греко-уніатскихъ монастыряхъ.

Проекты эти были разсмотрѣны комитетомъ по дѣламъ царства Польскаго въ засѣданіяхъ 9-го и 20-го октября 1864 года, на которыя были приглашены товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ тайный совѣтникъ Мальцевъ и товарищъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода князь Урусовъ.

Разсматривая внесенные проекты узаконеній, комитетъ нашелъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія какъ въ редакціи, такъ и по существу. Измѣненія эти были совершенно незначительны, но на нихъ слѣдуетъ остановиться, чтобы показать, съ какимъ вниманіемъ изучалось дѣло въ комитетѣ и какъ велико было желаніе избѣжать, по возможности, всѣхъ недоразумѣній и нареканій.

Въ ст. 4 указа, монашествующимъ лицамъ закрываемыхъ и упразд-

няемыхъ монастырей предоставлялось право или остаться въ сохраняемыхъ монастыряхъ Царства, или избрать другой, по своему усмотрѣнію, родъ жизни съ полученіемъ денежнаго изъ казны пособія или же отправиться за границу для всегдашняго тамъ пребыванія. Комитетъ не счелъ удобнымъ вводить въ указъ постановленіе, дозволяющее слагать монашескіе обѣты для избранія монашествующими лицами другаго рода жизни, и опредѣлилъ выразить это въ дополнительныхъ правилахъ заявленіемъ (§ 15), что, въ случаѣ освобожденія кого-либо изъ монаховъ или монахинь отъ монастырской жизни, они не лишаются ежегоднаго содержанія въ 40 рублей и сверхъ того получаютъ на наемъ помѣщенія по 20 р. въ годъ. Сущность дѣла осталась та же, но форма была дѣйствительно гораздо мягче и не допускала возраженій.

Предположеніе Варшавской коммиссіи объ установленіи порядка пріема монастырскихъ имуществъ на основаніяхъ сходныхъ съ тѣми, какія были приняты въ 1818—1822 годахъ по соглашенію съ Римскимъ дворомъ, измѣнены исключеніемъ ссылки на Римскій дворъ, который не былъ приглашенъ вообще къ соглашенію по заготовлявшимся предположеніямъ относительно римско-католическихъ монастырей.

Наконецъ, отклонено проектированное учрежденіе при коммиссіи погашенія долговъ Царства особаго совѣта для наблюденія за расходомъ поступленій съ монастырскихъ имуществъ, а рѣшено усилить только коммиссію погашенія назначеніемъ, для сего рода дѣлъ, нѣсколькихъ членовъ отъ римско-католическаго духовенства.

Всѣ остальныя предположенія коммиссіи, включительно съ соображеніями о закрытіи греко-уніатскихъ монастырей,—были одобрены.

Переходя отъ существа къ порядку исполненія, комитетъ по дѣламъ царства Польскаго принялъ во вниманіе особое заявленіе статсъ-секретаря Милютина.

Николай Алексѣевичъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе на крайнее озлобленіе, съ которымъ, по всему вѣроятію, закрытіе польскихъ монастырей встрѣчено будетъ въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ Европы, и на необходимость ослабить, сколь можно, вредное для насъ политическое вліяніе, всегда сопряженное съ чрезмѣрнымъ раздраженіемъ общественнаго мнѣнія. Если законодательныя мѣры столь либеральныя по своему духу, какъ улучшеніе быта крестьянъ царства Польскаго, и реформа учебной части на основаніи равноправности всѣхъ элементовъ населенія, вызвали въ европейской печати самую безсовѣстную клевету, то нельзя было не ожидать еще болѣе неистовыхъ возгласовъ по поводу настоящей мѣры, которая, при всей ея безусловной справедливости и необходимости, дѣйствительно заключала въ себѣ принудительный характеръ и, измѣняя отчасти религіозный бытъ цѣлой страны вмѣшательствомъ иновѣрнаго правительства, могла возбу-

дить противъ себя не только всю клерикальную партію, но и многіе либеральные умы, незнакомые съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ царствѣ. При такихъ обстоятельствахъ, по мнѣнію Н. А. Милютина, необходимо было принять возможныя мѣры противодѣйствія, и для этого, прежде всего, полезно было бы ознакомить общественное мнѣніе съ тѣми преступными дѣйствіями латинскихъ монастырей въ Польшѣ, которыя не только оправдываютъ закрытіе ихъ, но сдѣлали подобную мѣру неизбѣжною. Свѣдѣнія объ этихъ дѣйствіяхъ были изложены, хотя по недостатку времени и не съ совершенной полнотой, въ особомъ докладѣ учрежденной въ Варшавѣ коммиссіи. Если этотъ докладъ и не раскроетъ глазъ людямъ, ослѣпленнымъ фанатическими страстями, то онъ долженъ былъ имѣть свое дѣйствіе на умы людей умѣренныхъ и не принадлежащихъ къ клерикальной партіи, и потому было необходимо придать означенному документу возможно обширную въ Европѣ гласность, независимо отъ прочихъ мѣръ, которыя надлежало принять для разъясненія истинныхъ обстоятельствъ настоящаго дѣла, характера дѣйствій нашего правительства и вообще видовъ онаго, клонившихся лишь къ упроченію спокойствія и общественной безопасности въ краѣ.

Комитетъ по дѣламъ царства Польскаго, имѣя въ виду заявленіе намѣстника о необходимости общаго и внезапнаго закрытія монастырей одновременно съ обнародованіемъ высочайшаго указа и считая съ своей стороны необходимымъ для успѣха дѣла сохраненіе полной тайны о всѣхъ мѣропріятіяхъ относительно римско-католическихъ монастырей въ Царствѣ, до момента закрытія ихъ и возможно большей гласности съ того времени о причинахъ, побудившихъ правительство къ такой мѣрѣ,—опредѣлилъ:

а) Переводъ доклада особой коммиссіи, доставленный графомъ Бергомъ, исправить въ канцеляріи комитета, съ тѣмъ чтобы переводъ окончательно былъ провѣренъ исполняющимъ обязанности министра статсъ-секретаря Царства, тайнымъ совѣтникомъ Старынкевичемъ, и затѣмъ всѣ проекты, съ польскимъ переводомъ оныхъ, переписать въ канцеляріи же комитета и при журналѣ представить на высочайшее благоусмотрѣніе. По удостоеніи же ихъ утвержденія, препроводить къ тайному совѣтнику Старынкевичу, для немедленнаго сообщенія намѣстнику съ тѣмъ, чтобы тайнымъ совѣтникомъ Старынкевичемъ приняты были всѣ зависящія отъ него мѣры для избѣжанія преждевременнаго разглашенія предположенныхъ распоряженій о монастыряхъ и для сохраненія въ совершенной тайнѣ самаго времени отсылки въ Варшаву, и

б) для большаго распространенія указа о монастыряхъ и доклада коммиссіи, предоставить статсъ-секретарю Милютину, при содѣйствіи министерства иностранныхъ дѣлъ, распорядиться какъ переводомъ указа

и доклада на языки французскій, нѣмецкій и англійскій, такъ и своевременнымъ напечатаніемъ самаго текста и переводовъ.

Журналъ свой комитетъ по дѣламъ царства Польскаго закончилъ слѣдующими словами: «по мнѣнію комитета, нельзя не ожидать, что предпринимаемыя мѣры въ отношеніи римско-католическихъ монастырей въ Царствѣ послужатъ предлогомъ враждебнымъ нашему правительству нареканіямъ; но нареканія сіи не будутъ имѣть никакого основанія. Монастыри въ царствѣ Польскомъ совершенно удалились отъ своего религіознаго призванія и обратились въ притоны политической агитаціи и въ разсадники политическихъ преступленій. Поэтому упраздненіе и закрытіе многихъ изъ нихъ, какъ мѣра, вызванная настоятельною необходимостью для огражденія общественнаго порядка и спокойствія, обезпеченіе коихъ составляетъ не только право, но и прямую обязанность каждаго правительства, не можетъ, безъ крайней недобросовѣстности, быть истолковано какъ дѣло насилія или религіознаго гоненія, и ни одно правительство въ Европѣ, не исключая и папскаго, не будетъ имѣть никакого справедливаго основанія придать ей такое значеніе. Подобныя мѣры принимались въ римско-католическихъ государствахъ Европы безъ предварительнаго соглашенія съ Римскимъ дворомъ, и русское правительство имѣетъ полное право положить предѣлъ преступнымъ дѣйствіямъ и необузданному своеволію латинскаго монашества въ Польшѣ, не прибѣгая для этого къ какимъ бы то ни было сношеніямъ съ римскимъ престоломъ.

«Комитетъ, считая полезнымъ распространить, по возможности, въ самыхъ католическихъ государствахъ Европы вѣрныя понятія о дѣйствительныхъ побужденіяхъ къ настоящимъ распоряженіямъ, полагалъ бы сообщить о вышеизложенномъ министру иностранныхъ дѣлъ, предоставивъ его усмотрѣнію принять тѣ мѣры, какія онъ признаетъ наиболѣе соотвѣтствующими указанной цѣли».

27-го октября (8-го ноября) 1864 г. въ Царскомъ Селѣ государь утвердилъ журналъ комитета, написавъ на немъ «исполнить».

Указъ состоялъ изъ вступленія, написаннаго Н. А. Милютинымъ, и 26 статей, а приложенныя къ нему «Дополнительныя правила объ упраздненіи и закрытіи римско-католическихъ монастырей»—изъ 59 параграфовъ, раздѣленныхъ на пять главъ.

Вступительная часть указа настолько хороша и такъ рельефно выставляетъ суть самаго дѣла, что я выписываю ее здѣсь цѣликомъ:

«Соблюдая завѣты августѣйшихъ нашихъ предшественниковъ и слѣдуя искреннѣйшимъ побужденіямъ нашего сердца, мы всегда охраняли законныя права и неприкосновенность религій, исповѣдуемыхъ нашими вѣрными подданными. Въ семъ случаѣ мы лишь руководились тѣми непреложными началами вѣротерпимости, которыя составляютъ

одно изъ главныхъ основаній отечественнаго законодательства и неразрывно связуются съ коренными историческими преданіями православной церкви и русскаго народа.

«И въ царствѣ Польскомъ, гдѣ большинство жителей принадлежатъ къ церкви римско-католической, мы имѣли особливое попеченіе о благосостояніи сей церкви, сохраняя всѣ ея учрежденія въ томъ видѣ, какъ они сложились самостоятельно въ прежнее время. Въ 1861 и 1862 годахъ, даруя жителямъ Царства разныя льготы и преимущества, мы распространили оныя и на римско-католическое духовенство, ввѣривъ, въ то же время, заботы объ его нуждахъ особому высшему управленію изъ лицъ, несомнѣнно преданныхъ римско-католической церкви.

«Съ тѣмъ большею скорбію усмотрѣли мы, что во время возникшихъ вслѣдъ затѣмъ въ Царствѣ волненій, нѣкоторая часть духовенства римско-католическаго не оказалась вѣрною ни долгу пастырей, ни долгу подданныхъ. Даже монахи, забывъ заповѣдь Св. Евангелія и презрѣвъ добровольно принесенные передъ алтаремъ обѣты иноческаго званія, возбуждали кровопролитіе, подстрекали къ убійствамъ, оскверняли стѣны обителей, принимая въ нихъ святотатственныя присяги на совершеніе злодѣяній, а нѣкоторые вступали сами въ ряды мятежниковъ и обагряли руки свои кровью невинныхъ жертвъ.

«Сколь ни прискорбны для сердца нашего сіи горестныя явленія, потрясающія самыя основы религіознаго и нравственнаго быта ввѣреннаго намъ Всевышнимъ промысломъ народа, они тѣмъ не менѣе не охлаждаютъ заботливости нашей о благоустроеніи римско-католической церкви и духовенства въ царствѣ Польскомъ. Въ сихъ видахъ мы повелѣли учредительному комитету составить и представить намъ проектъ штатовъ, которые обезпечили бы вполнѣ матеріальное положеніе приходскаго римско-католическаго духовенства, дабы не только уравнять, по возможности, выгоды, извлекаемыя членами онаго изъ бенефицій, но въ особенности улучшить бытъ тѣхъ изъ приходскихъ настоятелей, которые нынѣ, по крайней скудности или невѣрности дохода, наиболѣе стѣснены въ своихъ средствахъ.

«Но вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелый опытъ едва пройденныхъ дней вынуждаетъ насъ принять дѣйствительныя мѣры къ огражденію общества отъ повторенія явленій, подобныхъ тѣмъ, которыми монашествующее сословіе въ Царствѣ ознаменовало участіе свое въ послѣднемъ мятежѣ. Мы убѣдились въ невозможности оставить монастыри Царства въ томъ исключительномъ положеніи, которое предоставлялось имъ доселѣ по особенному снисхожденію правительства, тогда какъ въ большей части римско-католическихъ государствъ Европы давно уже приняты мѣры къ подчиненію иноковъ общему епархіальному начальству, къ упраздненію монастырей, не имѣющихъ опредѣленнаго каноническими прави-

лами числа монаховъ, или обнаруживавшихъ вредное направленіе и къ передачѣ въ казенное завѣдываніе монастырскихъ имѣній, управленіе коими отвлекаетъ духовенство отъ его прямаго призванія. Находя, что и въ царствѣ Польскомъ подобныя мѣры необходимы для возстановленія въ римско-католическихъ монастыряхъ нарушеннаго благочинія, мы повелѣли учредить въ Варшавѣ особую о монастыряхъ коммиссію изъ лицъ, частію нами самими, частью намѣстникомъ нашимъ назначенныхъ. Коммиссія эта тщательно разсмотрѣла вопросъ о томъ, которыя именно изъ обителей подлежатъ упраздненію по малому въ нихъ числу иноковъ, а равно изслѣдовала участіе отдѣльныхъ монастырей въ дѣйствіяхъ послѣдняго мятежа.

«Разсмотрѣвъ докладъ сей коммиссіи, представленный намъ чрезъ намѣстника нашего, и выслушавъ по оному заключеніе, мы постановили и постановляемъ» и проч.

Впослѣдствіи, 22-го ноября (4-го декабря) того же 1864 г., къ законодательнымъ актамъ 27-го октября присоединились еще высочайше утвержденныя правила о способахъ содержанія и порядкѣ управленія римско-католическихъ монастырей въ царствѣ Польскомъ.

Печатные экземпляры высочайшаго указа 27-го октября и доклада особой коммиссіи, изданные въ отдѣльныхъ брошюрахъ на языкахъ русскомъ съ польскимъ переводомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, были привезены въ Варшаву членомъ монастырской коммиссіи, генеральнаго штаба полковникомъ барономъ Медемомъ, нарочно для исполненія сего командированнымъ въ Петербургъ. Тайна всѣхъ предварительныхъ распоряженій была сохранена вполнѣ и безусловно.

Д. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*

Письмо графа Д. А. Гурьева [1])—М. М. Сперанскому по поводу открытія совѣта кредитныхъ установленій.

7-го марта 1818 г.

Хотя я не сомнѣваюсь, что петербургскія газеты доставляются исправно въ Пензу, но я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи препроводить особенно къ вашему превосходительству экземпляръ прибавленій «Сѣверной Почты», коимъ сообщается объ открытіи совѣта кредитныхъ установленій и о предметахъ, на разсмотрѣніе его въ первомъ засѣданіи представленныхъ, также и переводъ со всего того на французскомъ языкѣ, въ прибавленіи «Консерватора» заключающійся. Вы, конечно, примете участіе въ первоначальномъ и довольно успѣшномъ ходѣ нашей новой кредитной системы—удовлетворительно излагать правду, когда глубоко ее чувствуешь. Кромѣ Англіи, изъ всѣхъ государствъ въ Европѣ, Россія можетъ съ возвышенною главою въ истинѣ и неколебимости совѣсти своей спокойно глядѣть на кредиторовъ своихъ. Вамъ теченіе дѣлъ по сей части извѣстно: сдѣлайте мнѣ замѣчанія ваши, ежели я въ рѣчи своей что-либо пропустилъ, или излишнее сказалъ. Я васъ искренне о семъ прошу и также искренне увѣряю въ отличномъ моемъ къ вамъ почтеніи, Д. Гурьевъ.

[1]) Графъ Димитрій Александровичъ Гурьевъ (1751†1825) былъ въ то время министромъ финансовъ.

Крестьянскій вопросъ въ Екатерининской коммиссіи для составленія Уложенія.

(В. И. Сантову въ знакъ глубокой благодарности посвящаетъ авторъ).

Въ сочиненіяхъ по исторіи крѣпостнаго права обыкновенно старательно обходятъ вопросъ о томъ, что̀ такое было собственно крѣпостное право? Если бы мы перерыли всѣ наши законодательные памятники за время существованія у насъ крѣпостнаго права, мы нигдѣ не нашли бы его опредѣленія. Сохранились, правда, двѣ записки гр. М. М. Сперанскаго, гдѣ онъ пытается это сдѣлать, но онѣ не отличаются полнотою и относятся къ болѣе позднему времени, когда законодательство о крестьянахъ успѣло уже обогатиться новыми постановленіями. Поэтому придется намъ самимъ установить, что такое было крѣпостное право ко времени знаменитой Екатерининской коммиссіи для составленія Уложенія, собравъ въ одно всѣ черты его, разсѣянныя въ различныхъ законодательныхъ памятникахъ. Крестьянинъ разсматривался, несомнѣнно, какъ собственность помѣщика, который могъ пользоваться его трудомъ или взимать съ него оброкъ, могъ держать его на пашнѣ или перевести на свой дворъ, могъ наконецъ отчуждать его: продать, подарить, заложить... Однако крестьянинъ не переставалъ быть членомъ государства, такъ какъ несъ въ пользу послѣдняго извѣстныя повинности, при чемъ отвѣтственнымъ лицомъ за правильное исполненіе этихъ повинностей являлся помѣщикъ, который отвѣчалъ за своихъ крестьянъ также во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ (Улож., XIII, 7; XXV, 6) и доставлялъ провинившихся въ судъ (Полн. Собр. Зак. № 1806). Въ свою очередь государство не отказывало крѣпостному

вполнѣ въ защитѣ, такъ какъ, по закону, помѣщикъ не могъ не только убивать крестьянъ, но и разорять ихъ (въ противномъ случаѣ имѣніе должно было быть взято подъ опеку. Пол. Собр. Зак., изд. 1-ое № 3294), не могъ въ голодный годъ оставить ихъ безъ всякой помощи (тамъ же, №№ 6570, 6653 и 6682) и т. д. Конечно, были самыя вопіющія нарушенія этого, но по закону было такъ. Поэтому значеніе крѣпостного права можно формулировать такъ: оно было правомъ помѣщика на личность крестьянина, ограниченнымъ однако тѣмъ, что послѣдній не переставалъ быть членомъ государства, несъ извѣстныя повинности въ его пользу, и потому пользовался его защитой. При этомъ помѣщикъ являлся по отношенію къ крѣпостнымъ не только собственникомъ, но также финансовымъ и судебно-полицейскимъ агентомъ правительства (такъ, онъ долженъ былъ не допускать своихъ крестьянъ до нищенства. Полн. Собр. Зак. № 8407). Такое опредѣленіе крѣпостнаго права намъ кажется самымъ правильнымъ. Поэтому нельзя смѣшивать его съ рабствомъ: «servi sunt res»[1]), гласитъ извѣстное положеніе римскаго права. Значеніе крѣпостнаго права вполнѣ объясняется его происхожденіемъ: возникновеніе его находилось въ тѣсной связи съ развитіемъ помѣстной системы. Помѣстьями служилое сословіе владѣло не на простомъ гражданскомъ правѣ, а на государственномъ, подъ условіемъ государственной службы,—таково же было первоначальное значеніе и крѣпостнаго права. При этомъ крестьяне сначала были привязаны къ землѣ, чѣмъ они и отличались отъ старинныхъ русскихъ холоповъ, которые составляли почти неограниченную собственность своихъ владѣльцевъ. Петровскія переписи смѣшали эти два низшіе класса общества, оторвавъ крестьянъ отъ земли и перенеся на холоповъ черты крѣпостнаго права: теперь послѣдніе стали нести государственныя повинности, которыхъ не знали до сихъ поръ, и подходить подъ тѣ же узаконенія, какъ крестьяне. Такимъ образомъ получился одинъ типъ крѣпостнаго населенія. Взглядъ на послѣдній, какъ на средство обезпечить служилому человѣку возможность нести государственную службу, остался прежній, и онъ неоднократно высказывался правительствомъ. Однако послѣдовавшій при Петрѣ III Указъ о вольности дворянъ лишилъ крѣпостное право его оправданія, не говоря о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которымъ оно давало широкій просторъ во все время своего существованія. Этимъ указомъ оно было осуждено рано или поздно на уничтоженіе. Предметомъ нашей статьи и будетъ опредѣлить, на сколько содѣйствовала

---

[1]) „Рабы—имущество“

разрѣшенію въ этомъ смыслѣ вопросу о крѣпостномъ правѣ Екатерининская коммиссія для составленія Уложенія.

Изъ дѣлъ, которыя занимали Екатерину при восшествіи на престолъ, вопросу о положеніи крестьянъ принадлежало далеко не послѣднее мѣсто. Доказательствомъ этого являются замѣтки карандашомъ, которыя она дѣлала для себя, еще будучи принцессой: въ нихъ мы находимъ строчки, посвященныя положенію несвободнаго сельскаго населенія. Крестьянскія волненія, которыми ознаменовалось начало славнаго царствованія, должны были также привлечь вниманіе императрицы на этотъ предметъ. Въ 1767 году она нашла случай высказаться вполнѣ по занимавшему ее вопросу: въ этомъ году она созвала свою знаменитую Коммиссію для составленія Уложенія и въ своемъ Наказѣ ей посвятила не мало мѣста (около сорока статей) вопросу о крѣпостныхъ крестьянахъ. Однако стояла ли мудрая законодательница на высотѣ своего призванія? На это можно отвѣтить только отрицательно: для того, чтобы произвести реформу чего-либо, необходимо, конечно, ясно понимать значеніе этого явленія, необходимо обратиться къ предшествующему законодательству и на основаніи его опредѣлить, гдѣ кончается право и гдѣ начинаются злоупотребленія. Совсѣмъ не то дѣлала Екатерина: она искала опредѣленія нашего крѣпостнаго права не въ предшествующемъ русскомъ законодательствѣ, а у иностранныхъ юристовъ. «Два рода покорностей, — писала она въ Наказѣ: одна—существенная, другая личная, то есть крестьянство и холопство. Существенная привязываетъ, такъ сказать, крестьянъ къ участку земли, имъ данной. Такіе рабы были у германцевъ. Они не служили въ должностяхъ при домахъ господскихъ, а давали господину своему извѣстное количество хлѣба, скота, домашняго рукодѣлья и проч., и далѣе ихъ рабство не простиралося. Такая служба и теперь введена въ Венгріи, въ Чешской землѣ и во многихъ мѣстахъ Нижнія Германіи. Личная служба или холопство сопряжено съ услуженіемъ въ домѣ и принадлежитъ бо́льше къ лицу или къ особѣ. Великое злоупотребленіе есть, когда оно въ одно время и личное и существенное. Таковы были рабы у Лакедемонянъ, называемые Илоты: на нихъ налагалися всѣ работы внѣ дому господскаго и въ домѣ всякимъ нападкамъ они были подвержены» [1]). Все это заимствовано у Монтескье, благодаря которому законодательница путала рабство и наше крѣпостное право, два, какъ мы видѣли, совершенно различныхъ предмета. Только разъ, какъ бы мимоходомъ она ссылается на русское законодательство, а именно на повелѣніе Петра I брать подъ опеку помѣщиковъ, мучающихъ своихъ крестьянъ [2]).

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ десятый. С.-Петербургъ, 1872, стр. 153.

[2]) Тамъ же, стр. 155.

Такимъ образомъ дѣло императрицы затруднялось прежде всего тѣмъ, что она не имѣла правильнаго понятія о томъ, что̀ бралась реформировать. Что же касается собственно до категорически выраженныхъ требованій Екатерины, то они не многочисленны и не могутъ поразить насъ своимъ радикализмомъ, а именно сводятся къ слѣдующему: 1) оградить личность крестьянина отъ произвола помѣщика; 2) гарантировать ему закономъ пищу и одежду; 3) предписать помѣщикамъ, чтобы они брали съ крестьянъ умѣренный оброкъ; 4) гарантировать крестьянамъ собственность и дать имъ право выкупаться за извѣстную опредѣленную закономъ сумму; 5) запретить снова закрѣпощать освободившихся и 6)предоставить крѣпостному полное право жениться на комъ онъ хочетъ. Если бы Екатерина была болѣе знакома съ нашимъ законодательствомъ, то она увидѣла бы, что значительная часть того, чего она требовала, была уже имъ узаконена, а слѣдовательно, задача сводилась къ тому, чтобы провести это въ жизнь.

Все остальное, что мы находимъ въ Наказѣ по занимающему насъ вопросу, представляетъ собою простыя указанія на законы другихъ народовъ, по большей части, безъ всякихъ поясненій относительно того, какъ можно ихъ примѣнить въ Россіи, въ родѣ слѣдующихъ: «Одинъ изъ кесарей римскихъ узаконилъ рабамъ, оставленнымъ во время ихъ болѣзни отъ господъ своихъ, быть свободнымъ, когда выздоровѣютъ... Есть государства, гдѣ никто не можетъ быть осужденъ инако, какъ двѣнадцатью особами ему равными. Былъ у грековъ законъ, по которому рабы, жестокостью господъ своихъ убѣжденные (побужденные), могли требовать, чтобъ они другому были проданы. Въ послѣднія времена былъ подобный законъ и въ Римѣ. «Господинъ, раздраженный противу своего раба, и рабъ, огорченный (озлобленный) противъ господина своего, должны быть другъ отъ друга раздучены. Сей законъ служилъ къ безопасности хозяина и раба... Могутъ еще законы опредѣлить уреченное время службѣ: въ законѣ Моисеевомъ ограничена на шесть лѣтъ служба рабовъ»... [1]) и т. д. Однако, несмотря на всю умѣренность этихъ статей, не многимъ изъ нихъ пришлось быть напечатанными въ свое время: Екатерина, какъ извѣстно, подвергла свой Наказъ цензурѣ со стороны различныхъ лицъ и разрѣшила имъ вычеркнуть все, что они найдутъ неумѣстнымъ. Такимъ образомъ была вычеркнута значительная часть Наказа и въ томъ числѣ большая часть статей, касающихся положенія крестьянъ. Это было предвѣстіемъ того, какое настроеніе встрѣтятъ въ самой Коммисіи попытки ограничить крѣпостное право.

Составъ Екатерининской коммиссіи для составленія Уложенія былъ,

[1]) Тамъ же.

какъ извѣстно, самымъ пестрымъ: въ нее созывались депутаты ото всѣхъ сословій государства (за исключеніемъ впрочемъ духовенства и крѣпостныхъ крестьянъ), равно какъ отъ высшихъ государственныхъ учрежденій и другихъ присутственныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ Синодъ, Сенатъ, коллегіи и канцеляріи (кромѣ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ) должны были прислать по одному депутату; дворянство каждаго уѣзда, гдѣ губерніи раздѣлялись на уѣзды, а равно и тѣхъ мѣстъ, гдѣ уѣзды назывались полками, крейсами или имѣли иное названіе, обязано было прислать по одному депутату отъ каждаго такого округа. Жители каждаго города также по одному; однодворцы, пахатные солдаты и старыхъ службъ служилые люди, содержащіе ландмилицію, казенные крестьяне, такъ называемые черносошные, равно какъ каждое некочующее инородческое племя, какой бы вѣры они ни были, крещенное или некрещенное, по одному отъ каждой провинціи. Опредѣленіе числа депутатовъ отъ казачьихъ войскъ и отъ войска Запорожскаго было возложено на высшее ихъ начальство. Конечно, такой составъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ сословному дѣленію общества: такъ, напримѣръ, у насъ не существовало, какъ на западѣ, городскаго сословія, а въ городахъ жили люди различныхъ сословій, и поэтому депутаты отъ городовъ не могли считаться представителями какого-нибудь одного опредѣленнаго общественнаго слоя, но, принявъ во вниманіе, что въ составленіи наказовъ имъ участвовали, главнымъ образомъ, купцы, приказные люди, то-есть чиновники, не дослужившіеся до дворянства, и отчасти бѣлое духовенство, мы можемъ заключить, что всѣ свободные элементы общества имѣли возможность высказать свои желанія. Какъ же отнеслись они къ крѣпостному праву? Довольно взглянуть въ изданные матеріалы Коммиссіи для того, чтобы убѣдиться, что настроеніе всѣхъ классовъ общества было самое неблагопріятное для разрѣшенія этого вопроса въ либеральномъ смыслѣ. Въ наказахъ отъ дворянства, которое въ данное время одно владѣло по закону крѣпостными (если не брать въ разсчетъ фабрикъ, къ которымъ были приписаны крестьяне), мы безпрестанно встрѣчаемъ требованіе, чтобы всѣ права его были сохранены, при чемъ здѣсь, несомнѣнно, разумѣется и крѣпостное право. Въ наказахъ депутатамъ отъ городовъ требуется, чтобы то же право было распространено на приказныхъ людей, на купцовъ и духовенство. Повтореніе послѣдняго требованія въ наказѣ депутату отъ Святѣйшаго Синода, а также въ приложенныхъ къ нему пунктахъ отъ различныхъ епархій, ясно показываетъ, что не только бѣлое духовенство, но и черное было заражено крѣпостническими притязаніями. Даже, почти сравнявшіеся въ это время съ казенными крестьянами, однодворцы и пахатные солдаты высказывали такія же требованія... Не проявили ихъ одни только казенные, такъ называемые черносошные крестьяне. Правда,

и они въ своихъ наказахъ ходатайствовали о разрѣшеніи покупать вмѣсто себя рекрутовъ, но не имѣли ничего и противъ того, если бы имъ было разрѣшено вносить, вмѣсто этого, опредѣленную сумму въ казну, а слѣдовательно, по вѣрному замѣчанію извѣстнаго историка нашего крестьянства, В. И. Семевскаго,—здѣсь дѣло шло только о замѣнѣ натуральной воинской повинности денежной. У всѣхъ сословій, требовавшихъ себѣ права имѣть крѣпостныхъ, доводы въ пользу этого были одни и тѣ же: всѣ они выставляли на видъ тяжелыя повинности и службы, отрывающія ихъ безпрестанно отъ дома, которыя они несутъ на пользу государства, и ихъ необходимость вслѣдствіе этого имѣть у себя на дому надежныхъ служителей, тогда какъ нанимать крѣпостныхъ у другихъ владѣльцевъ слишкомъ дорого. Здѣсь сказался вполнѣ господствовавшій до того времени взглядъ на крѣпостное населеніе: на него смотрѣли, какъ на средство обезпечить служилому сословію возможность нести государственную службу,—во имя того же самаго требовали себѣ крѣпостныхъ и другія сословія, которыя всѣ такъ или иначе служили государству и вовсе не были склонны умалять свои заслуги. Однако, дворяне вовсе не были расположены дѣлиться съ другими слоями общества своими правами, и, когда въ самой коммиссіи депутаты отъ городовъ потребовали дарованія купцамъ и приказнымъ людямъ права владѣть крѣпостными, то цѣлый рядъ дворянскихъ депутатовъ энергично возсталъ противъ такихъ притязаній. Дворянскіе ораторы совершенно безсознательно выдвинули другую точку зрѣнія на крѣпостное право, точку зрѣнія, которой мы не замѣчаемъ до того времени. Какъ ни странно, они первые подняли вопросъ о томъ, какъ вліяетъ крѣпостное право на нравственный и умственный уровень общества... Невліяетъ ли оно одинаково гибельно какъ на душевладѣльца, пріучая его существовать чужимъ трудомъ, такъ и на крѣпостнаго, доводя его до самой низкой степени нравственнаго паденія? До сихъ поръ на крестьянъ смотрѣли исключительно какъ на капиталъ государства, который оно пускаетъ въ оборотъ, отдавая его за службу дворянству, и, если высказывали желаніе улучшить ихъ положеніе, то только во имя государственнаго интереса. Такъ даже, самъ вышедшій изъ мужиковъ, знаменитый публицистъ Петровскаго времени И. Посошковъ требовалъ милосердія къ своимъ собратьямъ только во имя того, что «крестьянское богатство царственное (богатство), а нищета крестьянская—оскуденіе царственное» [1]). Ту же точку зрѣнія мы видимъ и въ Наказѣ: императрица до-

[1]) Сочиненія Ивана Посошкова, издан. М. Погодинымъ. Часть I-я, Москва 1842, стр. 189.

казывала необходимость ограничить помѣщичій произволъ тѣмъ, что вслѣдствіе этого «распространилось бы больше земледѣліе и число бы народа въ государствѣ умножилось» (ст. 270), а «Россія», писала она нѣсколько выше: «не только не имѣетъ довольно жителей, но обладаетъ еще чрезмѣрнымъ пространствомъ земель, которыя не населены, ниже обработаны. Итакъ не можно сыскать довольно ободреній къ размноженію народа въ государствѣ» (ст. 265). Теперь впервые стали замѣчать въ крѣпостномъ человѣческую личность. Такую точку зрѣнія мы можемъ назвать нравственной въ противуположность прежней экономической. Она являлась безусловно гибельной для крѣпостнаго права и замѣчается впервые въ рѣчахъ дворянскихъ депутатовъ противъ крѣпостническихъ притязаній депутатовъ отъ городовъ, при чемъ высказывавшіе ее не понимали того, что это обоюдо-острое оружіе, которое съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ быть направлено противъ нихъ самихъ. «Покупка крѣпостныхъ людей»,—говорилъ дворянскій депутатъ отъ Кромскаго уѣзда Похвисневъ—«я полагаю, вредна для самого купечества, потому что капиталисты, владѣя ими, не будутъ уже имѣть нужды ни въ прикащикахъ, ни въ сидѣльцахъ, а въ должности эти будутъ употреблять крѣпостныхъ. Чрезъ это не только недостаточное купечество лишится способа придти со временемъ въ лучшее состояніе, но и достаточное не будетъ имѣть средствъ получить нужныя познанія въ торговлѣ. Въ нѣкоторыхъ европейскихъ державахъ никакого знатнаго купца сынъ не можетъ быть хозяиномъ, не бывши прежде сидѣльцемъ и прикащикомъ; и это приноситъ большую пользу тѣмъ, что при исполненіи этихъ обязанностей купеческіе сыновья пріобрѣтаютъ знанія, касающіяся до торговли, и что они не прежде могутъ вступить въ договоры съ иностранными, какъ уже имѣя потребныя къ тому познанія» [1]). Развѣ нельзя было сказать того же самаго и о душевладѣльцахъ-дворянахъ, которыхъ право пользоваться крѣпостнымъ трудомъ пріучало также къ праздности?

«Если разсмотримъ», говорилъ самый даровитый изъ дворянскихъ депутатовъ кн. М. М. Щербатовъ о крестьянахъ, приписанныхъ къ фабрикамъ: «самое употребленіе и жизнь этихъ работниковъ, то увидимъ, что кромѣ небольшаго числа мастеровъ, которые, для того, чтобы они не показывали своего мастерства постороннимъ, содержатся почти какъ невольники, кромѣ, говорю, этихъ мастеровъ, прочіе находятся въ весьма худомъ состояніи, какъ относительно ихъ содержанія, такъ и нравственности. Самый этотъ столичный городъ можетъ свидѣтельствовать о распутномъ состояніи сихъ людей, оставленныхъ безъ всякаго попеченія о нравственной ихъ сторонѣ. Въ нихъ, по большей части,

[1]) Сборн. Импер. Русск. Ист. Общ. Т. VIII. Спб. 1871, стр. 105–6.

пьянство и пороки такъ вкоренились, что они ни мало не думаютъ объ усовершенствованіи себя въ своемъ мастерствѣ. Отъ этого поврежденія ихъ нравовъ уменьшается многонародіе и нерѣдко происходятъ безпорядки въ деревняхъ» [1]). Развѣ нельзя было сказать того же самаго и о помѣщичьихъ крестьянахъ?

Изъ представителей другихъ сословій дворянскіе депутаты сначала нашли себѣ союзника только въ лицѣ одного депутата отъ казаковъ Хоперской крѣпости Андрея Алейникова, представителя рядоваго казачества, который объявилъ, что, если будетъ позволено имѣть крѣпостныхъ купцамъ и приказнымъ людямъ, то придется дать то же самое право и чиновнымъ казакамъ, равно какъ и малороссійскому шляхетству. Но дать это право купцамъ, по мнѣнію Алейникова, было бы вредно по слѣдующимъ причинамъ: «во 1-хъ, что богатые купцы накупятъ деревень и оставятъ торговлю; во 2-хъ, что прочіе купцы будутъ имѣть у себя нѣсколько крѣпостныхъ дворовыхъ, которыхъ, употребляя безъ пощады во всякія домашнія работы, приведутъ въ крайнее отчаяніе, и въ 3-хъ, что тѣ дворовые люди, отъ несноснаго отягощенія и бѣдственной жизни, будутъ дѣлать постоянные набѣги, собираться воровскими шайками, и народу всякаго званія будутъ причинять страшное грабительство и наносить безвинное истязаніе». (Здѣсь мы видимъ то же новую точку зрѣнія на крѣпостное право). Въ заключеніе ораторъ указалъ на то, какъ тяжело будетъ рядовымъ казакамъ, когда чиновные будутъ сажать на ихъ земли своихъ крѣпостныхъ людей, и предложилъ тѣхъ, которыхъ они уже посадили, описать на ея императорское величество [2]). Это вызвало настоящую бурю среди депутатовъ отъ различныхъ казачьихъ войскъ, представителей чиновнаго казачества, а также среди депутатовъ отъ малороссійскаго шляхетства: и здѣсь и тамъ высшій классъ успѣлъ уже обзавестись крѣпостными, хотя въ этихъ областяхъ и не было крѣпостнаго права. Ихъ представители возстали, какъ одинъ человѣкъ, противъ предложенія Алейникова, указывая на то, что военная служба безпрестанно отрываетъ ихъ отъ домашнихъ занятій и что для веденія хозяйства они безусловно нуждаются въ крѣпостныхъ. Противъ притязаній депутатовъ отъ городовъ еще выступилъ одинъ изъ представителей того сословія, которое одно не запятнало себя крѣпостническими тенденціями, а именно депутатъ отъ черносошныхъ крестьянъ Архангело-городской провинціи Чупровъ, который основывался главнымъ образомъ на статьяхъ Наказа [3]), но онъ не нашелъ никакой поддержки

[1]) Тамъ же, стр. 59.

[2]) Тамъ же, стр. 171.

[3]) На 1 ст., которая гласитъ: „Законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлати другъ другу добро, сколько возможно“. На 13-ой „Предлогъ само-

въ своемъ сословіи. Такимъ образомъ единственное сословіе, которое не запятнало себя крѣпостническими тенденціями, отнеслось совершенно пассивно къ стремленіямъ остальныхъ, и только вліянію дворянства должно приписать то, что въ сохранившихся въ матеріалахъ Коммиссіи проектахъ «законовъ о правахъ средняго рода государственныхъ жителей» и «законовъ о правахъ войскъ казачьихъ» этимъ сословіямъ не дано права имѣть крѣпостныхъ.

Теперь посмотримъ, какъ отнеслись дворяне къ попыткамъ подорвать ихъ власть надъ крестьянами, которыя явились логическимъ слѣдствіемъ той точки зрѣнія, на которую они сами встали.

Какъ мы уже видѣли, дворянство было настроено далеко не либерально въ крестьянскомъ вопросѣ, судя по его наказамъ депутатамъ.. Правда, мы находимъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ проблески либерализма, но очень слабые: такъ нѣкоторые (напр. Костромскаго уѣзда) [1]) соглашаются на то, что помѣщиковъ, уличенныхъ въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами, нужно брать подъ опеку, но предоставляютъ это дѣло проектируемому имъ дворянскому земскому суду, члены котораго, какъ дворяне, не могли быть вполнѣ безпристрастны. Дворяне Михайловскаго и Шлиссельбургскаго уѣздовъ предлагали для поощренія крестьянъ къ лучшей обработкѣ земли не продавать ихъ въ другіе уѣзды; да еще въ наказѣ дворянства Кинешемскаго уѣзда былъ затронутъ вопросъ о продажѣ людей въ рекруты. Здѣсь говорится о такихъ помѣщикахъ, «кои алчутъ о своихъ прибыткахъ», а поэтому не останавливаются и передъ торговлей рекрутами, «выбирая лучшихъ людей и чрезъ то крестьянъ своихъ доводятъ до крайняго разоренія и бѣдности», и предлагалось запретить продавать крестьянъ во время наборовъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ съ публикованія указовъ о нихъ... [3]) и только!.. За то въ наказахъ безпрестанно встрѣчаемъ требованія самыхъ безпощадныхъ мѣръ противъ бѣглыхъ крестьянъ, побѣги которыхъ приписывались исключительно ихъ дурной нравственности и своеволію, а также подговорамъ, напримѣръ, со стороны раскольниковъ [4]). Въ защиту крѣпостныхъ крестьянъ въ самой Коммиссіи пер-

---

державнаго правленія не тотъ, чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность; но чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самаго большаго отъ всѣхъ добра", и 253-я: „Надлежитъ избѣгати случаевъ, чтобъ не приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ". Тамъ же, стр. 188.

[1]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. IV, Спб. 1869 г., стр. 248.

[2]) Тамъ же, стр. 275—276.

[3]) Тамъ же, стр. 402.

[4]) Смотри особенно наказы дворянства пограничныхъ уѣздовъ съ Польшей, напечатанные въ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. XIV, Спб. 1875 г.

вый поднялъ голосъ депутатъ отъ любимскаго дворянства Толмачевъ, который требовалъ запрещенія продавать ихъ безъ земли, а, если это окажется невозможнымъ, то, по крайней мѣрѣ, постановленія о томъ, чтобы ихъ продавали не иначе, какъ цѣлыми семьями, со всѣми ихъ пожитками, а не порознь. Въ этомъ вопросѣ не отстаивалъ дворянскихъ интересовъ даже самый энергичный защитникъ ихъ въ Коммиссіи, князь М. М. Щербатовъ, который говорилъ объ этомъ со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, достойнымъ на этотъ разъ своего предмета. «Обратимъ взоры наши на человѣчество,—сказалъ онъ:—и устыдимся объ одномъ помышленіи дойти до такой суровости, чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и по одиночкѣ былъ продаваемъ... Мы люди, и подвластные намъ крестьяне суть подобные намъ... Я, конечно, не сомнѣваюсь, что почтенная Коммиссія узаконитъ запрещеніе продавать людей по одиночкѣ безъ земли» [1])... Тѣмъ не менѣе даже эта незначительная уступка была по сердцу не всѣмъ дворянскимъ депутатамъ; противъ нея возсталъ депутатъ отъ дворянъ Курмышскаго уѣзда Алфимовъ, который заявилъ, что если розничная продажа крестьянъ будетъ запрещена, то бѣднымъ дворянамъ будетъ негдѣ достать себѣ служителей [2]). Въ томъ же смыслѣ высказались позже другой дворянскій депутатъ Похвисневъ и нѣкоторые изъ депутатовъ отъ остзейскаго дворянства. Но настоящая буря поднялась въ Коммиссіи, когда по поводу читавшихся въ ней законовъ о бѣглыхъ крестьянахъ представилъ свое мнѣнія депутатъ отъ дворянства Козловскаго уѣзда Коробьинъ, который въ достойныхъ выраженіяхъ изобразилъ тлетворныя слѣдствія помѣщичьяго произвола. «Часто я размышлялъ, — пишетъ онъ въ своемъ мнѣніи, — о томъ, что бы понуждало крестьянина оставить свою землю, съ которой ступить почитаетъ онъ за дѣло невозможное, покинуть родственниковъ, жену и дѣтей, которыхъ видя при себѣ несказанно утѣшается, а разлучаясь съ ними, источникъ слезъ проливаетъ, странствовать по неизвѣстнымъ мѣстамъ и предаться толикимъ несчастіямъ, иногда же и самой смерти. Когда токмо войду въ такія мысли, то самъ себя увѣрить не могу, чтобы одни только крестьяне были причиною своего бѣгства. Чего ради долженъ бываю посмотрѣть на самихъ помѣщиковъ, какъ они поступаютъ съ ними. Думаю, изъ васъ знаютъ, почтеннѣйшіе господа депутаты, многіе, что есть довольно въ свѣтѣ такихъ владѣльцевъ, которые съ крестьянъ своихъ берутъ противъ обыкновенной подати; есть и такіе, кои, промотавъ свои пожитки и набравъ много долга, отдаютъ своихъ людей, отлучивъ ихъ отъ земледѣлія, зарабатывать одни хотя слѣдуемые ежегодно къ уплатѣ

[1]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. VIII, стр. 108.
[2]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. XIV, стр. 133.

проценты; есть и такіе, которые, видя, что получаемыхъ съ крестьянъ себѣ доходовъ на удовольствіе прихотей своихъ не станетъ, удаливъ отъ семейства, употребляютъ единственно для своей корысти; но что еще всего больше, то являются между ними и такіе, кои, увидѣвъ своего крестьянина, трудами рукъ своихъ стяжавшаго малый себѣ достатокъ, лишаютъ вдругъ всѣхъ плодовъ его старанія. Сожалѣнія, подлинно, достойно взирать на земледѣльца, потомъ лица своего отъ земли мало-по-малу собирающаго имѣніе, почитаемое имъ за безцѣнное сокровище, въ надеждѣ во время болѣзни своей или старости питать себя и семью свою, такожде платить оброкъ своему господину, но вдругъ неожидаемымъ помѣщичьимъ приказомъ, или подъ предлогомъ усмотрѣнной за нимъ будто какой вины, или безъ всего, лишающагося всѣхъ своихъ съ толикимъ трудомъ собранныхъ пожитковъ и погружающагося паки паче прежней въ горестнѣйшую бѣдность, что подлинно съ человѣколюбіемъ сходства никакого не имѣетъ». Указавъ на опасность, которая грозитъ отъ этого государству, и опираясь на статьи Наказа императрицы, Коробынъ выставилъ тѣ же самыя требованія, какъ и она, а именно: 1) гарантировать крестьянамъ право собственности и 2) предписать закономъ, чтобы крестьянинъ платилъ своему помѣщику ежегодно извѣстный умѣренный оброкъ. Въ заключеніе онъ старался всячески убѣдить своихъ слушателей въ томъ, что онъ ничего не имѣетъ въ принципѣ противъ помѣщичьей власти[1]). Насколько, тѣмъ не менѣе, живо были затронуты интересы дворянства, видно изъ того, что менѣе чѣмъ въ десять дней на мнѣніе Коробына было представлено до семи опроверженій, и нападки не прекращались, не смотря на полную достоинства отповѣдь Коробына. Мы не будемъ излагать подробно этихъ возраженій: оппоненты старались доказать, что не произволъ помѣщиковъ, а дурные нравы и пьянство являются причиной побѣговъ крестьянъ, указывали на то, что побѣги происходятъ не только изъ частныхъ, но и изъ казенныхъ земель, говорили, что самъ Коробынъ—человѣкъ молодой, въ деревняхъ не живалъ, а поэтому не компетентенъ въ затронутомъ имъ вопросѣ и т. д. и т. д.[2]). Отмѣтимъ только, что они ставили ему на видъ, что онъ дѣйствуетъ вовсе не согласно съ данными отъ избирателей полномочіями (слѣдовательно, его мнѣніе должно быть разсматриваемо какъ чисто личное), и подчеркнули дѣйствительно слабую сторону его мнѣнія, а именно невозможность обезпечить крестьянину собственность, оставивъ надъ нимъ самимъ власть помѣщика. Дѣйствительно, крѣпостное право, по

---

[1]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. XXXII, Спб. 1881 г., стр. 406.

[2]) Всю эту полемику читатель найдетъ въ XXXII томѣ Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.

самому своему существу, какъ право одного лица на личность другаго, давало поводъ къ такимъ злоупотребленіямъ, которыя не возможно было отвратить, не подорвавъ въ корень власти помѣщика. Вотъ гдѣ заключался секретъ неудачъ на практикѣ всѣхъ послѣдующихъ попытокъ правительства регламентировать крѣпостное право. Союзника себѣ Коробьинъ нашелъ первоначально только въ одномъ изъ депутатовъ отъ пахатныхъ крестьянъ Жеребцовѣ, который дополнилъ его требованіемъ старостъ по выбору, вмѣсто прикащиковъ [1]). Онъ подвергся за это ядовитымъ нападкамъ и даже прямо оскорбленіямъ со стороны уже упоминавшагося депутата Похвиснева [2]). Позже примкнули къ мнѣнію Коробьина уже извѣстный намъ депутатъ Чупровъ [3]) и депутатъ Днѣпровскаго пикинернаго полка отъ шляхетства Яковъ Козельскій [4]). Козельскій предлагалъ кромѣ того опредѣлить закономъ, чтобы крестьянинъ работалъ на помѣщика по два дня въ недѣлю или платилъ ему за каждый день по 10 копѣекъ. Еще раньше, чѣмъ высказалъ свое мнѣніе Коробьинъ, предложилъ въ своей запискѣ почти то же самое, что́ и Козельскій, депутатъ отъ однодворцевъ Казанской провинціи Василій Кипенскій, но эта записка, какъ видно изъ журналовъ Коммиссіи, не была прочтена въ собраніи цѣликомъ и не вызвала поэтому бури, какой должно было бы ожидать [5]). Ознакомившись со мнѣніемъ Кипенскаго, депутатъ отъ однодворцевъ Бѣлогородской провинціи Андрей Масловъ сослался на него и въ дополненіе къ нему предложилъ еще учредить особую коллегію, которая завѣдывала бы крестьянскими работами во всемъ государствѣ [6]). Эти мнѣнія остались «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ» для тѣхъ сословій, изъ среды которыхъ они раздались, или высказавшіе ихъ депутаты получили даже строгіе уроки отъ своихъ собратьевъ: такъ Козельскаго остановилъ депутатъ Переяславскаго полка отъ шляхетства полковникъ Захаръ Забѣла, поставившій на видъ великороссійскимъ дворянскимъ депутатамъ, чтобы они не думали, будто бы и другіе депутаты отъ шляхетства, «отринувъ всякую благопристойность, молчаніемъ своимъ согласны съ онымъ мнѣніемъ» [7]), а Маслова — другой депутатъ однодворцевъ Веденѣевъ, сильно упрекнувъ его за то, что онъ берется судить пороки другихъ сословій: на Страшнемъ-де судѣ всякій дастъ за себя

---

[1]) Тамъ же, стр. 77—78.
[2]) Тамъ же, стр. 79.
[3]) Тамъ же, стр. 89—90.
[4]) Тамъ же, стр. 87—89.
[5]) Тамъ же, стр. 53.
[6]) Тамъ же, 96—97.
[7]) Тамъ же, стр. 100.

отвѣтъ Богу [1]). Поэтому мнѣнія Чупрова, Козельскаго, Кипенскаго и Маслова нужно также разсматривать какъ чисто ихъ личныя. Такимъ образомъ подавляющее большинство дворянства не было расположено дѣлать никакихъ уступокъ въ пользу крѣпостныхъ, а другія свободныя сословія относились къ этому вопросу, какъ ихъ не касавшемуся, вполнѣ индифферентно...

Кромѣ общаго собранія Коммиссіи, по отдѣльнымъ вопросамъ законодательства были организованы еще частныя коммиссіи. Послѣднихъ было очень много, но всѣ онѣ были подчинены одной, называвшейся Дирекціонной, обязанность которой была руководить работами всѣхъ остальныхъ частныхъ коммиссій. Каждая частная коммиссія состояла изъ пяти членовъ, изъ которыхъ двое предлагались маршаломъ, то-есть предсѣдателемъ общаго собранія, и генералъ-прокуроромъ, а остальные избирались по предложенію Дирекціонной коммиссіи. Иногда императрица сама рекомендовала опредѣленное лицо въ составъ въ той или другой коммиссіи, такъ что правительство оказывало вообще на него значительное вліяніе. Въ одной изъ такихъ коммиссій, а именно «О разборѣ родовъ государственныхъ жителей» и были выработаны проекты законовъ «О правахъ средняго рода жителей» и «О правахъ войскъ казачьихъ», о которыхъ мы упоминали выше. Эта коммиссія значительно поработала по интересующему насъ вопросу, а поэтому нельзя не остановиться на ней. Она собрала значительный матеріалъ къ изученію законодательства о крестьянахъ, но, къ сожалѣнію, не русскаго, а иноземнаго. На основаніи этого матеріала одному изъ ея членовъ барону фонъ-Унгернъ-Штернбергу поручено было составить «Проектъ правъ третьяго рода государственныхъ жителей». Этотъ проектъ сохранился въ матеріалахъ коммиссіи съ замѣчаніями на него двухъ другихъ членовъ частной коммиссіи дворянскихъ депутатовъ Рыдванскаго и Титова. Унгернъ-Штернбергъ, какъ показываетъ самая его фамилія, принадлежалъ къ остзейскому дворянству, которое не болѣе природнаго русскаго было склонно къ уступкамъ въ крестьянскомъ вопросѣ, но онъ лично былъ настроенъ довольно либерально и въ своемъ проектѣ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ, правда, слабыхъ, къ расширенію правъ крѣпостнаго населенія. Такъ, по его проекту, крестьяне должны были судиться у своихъ выборныхъ, на рѣшеніе которыхъ могли аппеллировать въ судъ помѣщика, а на послѣдняго допускалась аппелляція въ земскій судъ. Рыдванскій находилъ, что такое устройство поведетъ только къ мятежамъ противъ помѣщиковъ и что отдѣлять земскій судъ отъ помѣщичьяго не для чего, «потому что дворяне правятъ деревнями по власти государевой, по той же власти и земскіе суды производятся».

[1]) Тамъ же, стр. 113.

Мало того, противъ положенія Унгернъ-Штернберга о томъ, что помѣщики не имѣютъ права такъ жестоко наказывать крестьянъ, «чтобы отъ того вредъ сдѣлаться могъ ихъ тѣлу, здоровью или жизни, но токмо наблюдать умѣренное и христіанское домашнее исправленіе», Рыдванскій счелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе... «въ наказаніи границъ положить не можно, потому что и судъ штрафуетъ, смотря по винѣ, больно или легко; слѣдственно, и помѣщику, когда позволено будетъ штрафовать,—приписывать не должно, а каждому дается господство по чести, и отвѣчастъ онъ въ излишнемъ наказаніи самому Богу»... Точно также Унгернъ-Штернбергъ опредѣлилъ въ проектѣ, что все движимое имѣніе крестьянина, по выполненіи имъ повинностей государству и помѣщику, принадлежитъ ему безъ ограниченія, но Рыдванскій въ своихъ замѣчаніяхъ настаивалъ на томъ, что это безполезно, такъ какъ, если крестьянинъ начнетъ мотать, то кому его и остановить какъ не помѣщику, а у добраго человѣка будто бы никогда движимое не отнимается, — «еще понуждаютъ (?), чтобъ онъ его имѣлъ». Рыдванскій нашелъ также неумѣстнымъ пунктъ проекта, по которому помѣщикъ, много платившій за крестьянина по винѣ послѣдняго, могъ вознаградить себя изъ его имѣнія, но только по оцѣнкѣ выборныхъ крестьянскихъ старостъ.

О повинностяхъ крестьянина помѣщику Унгернъ-Штернбергъ писалъ въ своемъ проектѣ такъ: «Сіе тягло и должности, какъ что до земледѣльческой работы, такъ и до оброка за данную крестьянину землю касается, назначиваетъ помѣщикъ по законамъ и справедливости; а по платежѣ оброка и исправленіи господской работы за назначенный годъ не властенъ помѣщикъ никакихъ поборовъ больше съ него требовать и ничѣмъ не отягощать. Въ завоеванныхъ провинціяхъ, яко то: въ Лифляндіи, на островѣ Эзелѣ, Эстляндіи и Финляндіи и проч., назначены и установлены какъ поборы казенные, такъ и помѣщичьи и исправляемая крестьянами работа—ревизіею на вѣчныя времена». Но Титовъ предлагалъ замѣнить эту редакцію слѣдующей: «Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ назначены съ крестьянъ помѣщичьи поборы и земледѣльческія работы и прочія должности, и потому они исправлять должны; въ которыхъ же провинціяхъ не назначено,—въ такомъ случаѣ каждый помѣщикъ по справедливости, смотря на состояніе того мѣста, земледѣльческую работу и прочія должности, также и въ положеніи денежнаго оброку опредѣляетъ безъ тягости, которое бы они могли исправить и затѣмъ для платежа казенныхъ поборовъ и своего удовольствія имѣли свободное время». По проекту Унгернъ-Штернберга, крестьяне могли жениться на комъ угодно, безъ платы выводныхъ денегъ, и только для избѣжанія безпорядка какъ женихъ, такъ и невѣста должны были имѣть отъ своего господина вѣнечныя памяти, въ выдачѣ которыхъ

помѣщикъ не могъ отказать имъ безъ законной причины. При этомъ авторъ проекта напоминалъ, что въ Прибалтійскомъ краѣ крестьянинъ имѣетъ право жаловаться на помѣщика въ консисторію, если тотъ безъ уважительной причины препятствуетъ браку. Рыдванскій въ своихъ замѣчаніяхъ стоялъ за сохраненіе въ этомъ дѣлѣ власти помѣщика, утверждая, что ограниченіе ея будетъ вредно для самихъ крестьянъ: «Бѣдный крестьянинъ никогда женатъ не будетъ, а особливо вдовой, оставшись со многими малолѣтными дѣтьми, и никто за него отдать не похочетъ. А помѣщики нынѣ покупаютъ, или изъ своихъ сиротъ за таковыхъ выдаютъ, и льготу даютъ въ работѣ, и тѣмъ не богатый возстановляетъ свой домъ. А особливо когда выдадутъ изъ достаточнаго дому вдову, или дѣвку, усматривая лѣты и состоянія». Онъ находилъ, что уничтожить плату за выводъ значитъ лишить помѣщика части его доходовъ и утверждалъ, будто бы крестьяне одного помѣщика всегда женятся безпрепятственно. Съ нимъ согласился и Титовъ. Они оба предлагали постановить, чтобы крестьяне одного помѣщика вступали въ бракъ съ его согласія, но безъ всякой платы, а при женитьбѣ на дѣвушкѣ другаго помѣщика требовалось увольнительное письмо отъ послѣдняго. Наконецъ, Унгернъ-Штернбергъ предоставилъ крестьянамъ право жаловаться на помѣщиковъ, которые ихъ притѣсняютъ, но Рыдванскій находилъ это право опаснымъ, а Титовъ, хотя и примирялся съ нимъ въ принципѣ, но хотѣлъ обставить его такими правилами, что оно все равно сводилось къ нулю. Замѣчанія оппонентовъ Унгернъ-Штернберга были, безъ сомнѣнія, приняты остальными членами частной коммиссіи, потому что въ окончательномъ «Проектѣ правъ третьяго рода государственныхъ жителей», который долженъ былъ поступить на обсужденіе въ общее собраніе, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ попытокъ Унгернъ-Штернберга къ ограниченію крѣпостнаго права [1]). Такимъ образомъ ихъ постигла такая же участь какъ и всѣ остальныя..

На-ряду съ этимъ теченіемъ, которое имѣло цѣлью регламентировать крѣпостное право законодательными мѣрами, въ коммиссіи замѣчается другое, которое стремится въ корень подорвать его, предоставляя однако инициативу въ этомъ самимъ помѣщикамъ и только поощряя ихъ къ этому. Такое направленіе выразилось въ составленномъ въ коммиссіи о государственныхъ родахъ «Проектѣ правамъ благородныхъ». Авторомъ его былъ кн. Ѳедоръ Козловскій, одинъ изъ немногихъ дворянъ, которые желали измѣненія положенія крестьянъ. Въ немъ мы находимъ такую статью: «Благородные могутъ, если пожелаютъ, право владѣнія крѣпостныхъ своихъ деревень перемѣнить на

---

[1]) См. Сборникъ Императорскаго Русскаго Общества. Т. XXXVI, Спб. 1882, стр. 244—286.

право деревень свободныхъ. Но свободныхъ деревень паки на право крѣпостныхъ перемѣнить уже не можно» (ст. 13-ая). Къ этой перемѣнѣ дворяне въ проектѣ поощрялись тѣмъ, что имъ дозволялось завѣщать свободныя деревни кому они хотятъ изъ своего сословія, что не распространялось на крѣпостныя (ст. 14), и безпошлинно продавать и покупать ихъ (ст. 15) [1]). Какъ же отнеслась къ этой попыткѣ вся масса дворянскихъ депутатовъ? Когда этотъ проектъ былъ внесенъ на обсужденіе въ общее собраніе коммиссіи (10-го іюля 1767 г.), то часть дворянъ отказалась высказаться такъ или иначе о свободныхъ деревняхъ, прежде чѣмъ о нихъ будетъ дано разъясненіе, а самые видные изъ дворянскихъ депутатовъ, съ кн. М. М. Щербатовымъ во главѣ, рѣшительно возстали противъ этого нововведенія [2]). Въ защиту его выступилъ тотъ же Коробьинъ. Между нимъ и кн. Щербатовымъ произошелъ словесный поединокъ, который мы не будемъ излагать, потому что онъ отличался вполнѣ отвлеченнымъ характеромъ [3]). Сторону Коробьина принялъ на этотъ разъ депутатъ отъ дворянства Изюмской провинціи Лука Татищевъ, который два раза былъ прерываемъ маршаломъ. Послѣднее показываетъ, что подъ вліяніемъ большинства дворянства, правительство начинало уже относиться менѣе благосклонно къ либерализму въ крестьянскомъ вопросѣ. Усталый и измученный Коробьинъ, по разстроенному здоровью, принужденъ былъ покинуть коммиссію до окончанія ея засѣданій.

Насколько подъ вліяніемъ преній коммиссіи по крестьянскому вопросу измѣнилось настроеніе императрицы, которая живо слѣдила за ними, прекрасно показываетъ изданное ею 8-го апрѣля 1768 года, «Начертаніе о приведеніи къ окончанію коммиссіи проекта новаго уложенія» (Полн. Собр. Зак. № 13095). Въ печатномъ наказѣ она еще высказывала истины такого рода: «Кажется, что новозаведенный способъ отъ дворянъ, сбирать свои доходы, въ Россіи уменьшаетъ народъ и земледѣліе; всѣ деревни почти на оброкѣ. Хозяева, не бывъ вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два, и даже по пяти рублей, не смотря на то, какимъ способомъ ихъ крестьяне достаютъ сіи денги» (ст. 269). «Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы, и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось болѣе земледѣліе и число бы народа въ государствѣ умножилось (ст. 270). Въ «Начертаніи» императрица говоритъ гораздо менѣе рѣши-

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXII, стр. 580—581.
[2]) Тамъ же, стр. 232 и сл.
[3]) Тамъ же, стр. 26—28.

тельно. «Въ разсужденіи разности состояній», читаемъ мы здѣсь: «въ обширныхъ россійскихъ областяхъ сего нижняго рода, когда государственная какая причина или польза частная не дозволяетъ сдѣлать вездѣ земледѣльцевъ свободными... въ томъ опасеніи, чтобы земли не остались неоранными черезъ ихъ побѣгъ, то не можно ли сыскать средства, чтобы такъ привязать къ землѣ и утвердить на ней сихъ самыхъ земледѣльцевъ. Къ сему есть разныя средства, особливо жъ и преимущественно такія средства избирать надлежитъ, въ коихъ и хозяину и земледѣльцу равная прибыль окажется... Здѣсь еще и то примѣтить нужно, чтобы всѣ сіи положенія клонились и поощряли всякаго къ обработыванію земли... Слѣдуя тѣмъ правиламъ, нѣтъ ли способа найти основаніе, могущее произвести нечувствительное нѣкоторое полезное въ состояніи нижняго рода исправленіе и пресѣчь всякія злоупотребленія, удручающія сихъ полезныхъ членовъ общества»... Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Екатеринѣ пришлось совершенно отречься отъ своихъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ и содѣйствовать усиленію крѣпостнаго права...

Такимъ образомъ Екатерининская коммиссія для составленія Уложенія не имѣла непосредственно никакихъ благихъ результатовъ для крѣпостныхъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе значеніе ея въ исторіи крестьянскаго вопроса очень велико: она выдвинула на видъ этотъ вопросъ, стоявшій до того времени въ тѣни; начиная съ нея все болѣе и болѣе оживляется литература по этому предмету: въ ней впервые замѣчается новая точка зрѣнія на крѣпостное право—нравственная, вмѣсто прежней экономической, наконецъ въ ней намѣчаются два главныя теченія въ крестьянскомъ вопросѣ вплоть до Положенія 19-го февраля 1861 г.: одно стремилось регламентировать крѣпостное право законодательными мѣрами (образцомъ можетъ служить знаменитый указъ о трехдневной барщинѣ), другое подрывало его въ корень, предоставляя однако иниціативу этого самимъ помѣщикамъ. (Таковы знаменитые указы о свободныхъ хлѣбопашцахъ и объ обязанныхъ крестьянахъ). Послѣ этого становится понятной та ненависть, съ которой говорятъ о коммиссіи современники-крѣпостники. «Въ бывшей въ 1767, 1768 и 1769 годахъ коммиссіи о сочиненіи уложенія», читаемъ мы въ одномъ памфлетѣ, вышедшемъ изъ этого лагеря и написанномъ въ 1785 году: «неосторожно предлагаемыя мнѣнія отъ господъ депутатовъ, а паче отъ Коробьина, всѣяли.... заразу въ сердца низкихъ людей, тутъ находящихся депутатами и ... тщетно многими лучшими сынами отечества совсѣмъ испровержено было мнѣніе г. Коробьина: упившіяся сердца лестнымъ ядомъ симъ не могли вкусить представляемаго имъ лѣкарства, и духъ неподданства и разврата въ грубыя и несмысленныя

души вкоренился, зарождающійся отъ разныхъ несправедливыхъ слуховъ и отъ разглагольствованій крестьянскихъ, однодворческихъ, старыхъ службъ и другихъ низкихъ чиновъ депутатовъ, которые, по разъѣздѣ своемъ, сѣмена сіи злыя и въ отдаленнѣйшія области Россіи разпростерли» [1]). Въ этомъ-то, понашему мнѣнію, и заключается главное историческое значеніе Екатерининской коммиссіи для составленія Уложенія.

В. Строевъ.

---

[1]) „Размышленіе о неудобствѣ въ Россіи дать свободу крестьянамъ и служителямъ или сдѣлать собственность имѣній", найденное въ бумагахъ извѣстнаго В. Н. Каразина, но относящееся, какъ указано въ текстѣ его, къ Екатерининскому времени. Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1861 г. Кн. 3-я, смѣсь, стр. 93.

Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса [1]).

I.

Послѣ 3-го раздѣла Польши между Австріею, Пруссіею и Россіею въ 1795 году Польское королевство исчезло изъ политической сферы европейскихъ государствъ. Послѣдній король польскій Станиславъ Понятовскій покинулъ Варшаву, переселился сперва въ Гродно, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ скончался въ 1798 году.

Наполеонъ I по тильзитскому миру 1807 г. заставилъ Пруссію отказаться отъ значительной части доставшагося ей по раздѣлу польскаго королевства, и въ вознагражденіе поляковъ за ихъ участіе въ рядахъ его войскъ въ войнѣ 1806—1807 гг., образовалъ изъ этой части особое герцогство Варшавское, полунезависимое и получившее особую конституцію 22-го іюня 1807 года. При этомъ герцогство, находившееся подъ верховною властію императора французовъ, было отдано королю саксонскому и объявлено наслѣдственнымъ въ саксонскомъ королевскомъ домѣ.

---

[1]) Въ архивѣ Государственнаго Совѣта въ С.-Петербургѣ хранятся дѣла, какъ бывшаго герцогства Варшавскаго, такъ и дѣла бывшаго министра статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго. На основаніи означенныхъ дѣлъ и составленъ по преимуществу помѣщаемый ниже очеркъ. Хотя выраженіе „Царство Польское“ не встрѣчается ни въ торжественномъ извѣщеніи 1815 года мая 9-го (П. С. З. № 28842) о присоединеніи къ Россіи обширнѣйшей части бывшаго герцогства Варшавскаго, ни въ актѣ Вѣнскаго конгресса 28-го мая 1815 года (П. С. З. № 25863), въ которомъ присоединяемыя къ Россіи части герцогства Варшавскаго означаются или общимъ именемъ Польши или земли бывшаго герцогства Варшавскаго, но въ ст. 1-й акта Вѣнскаго конгресса говорится, что его величество, даровавъ по своему благоусмотрѣнію внутреннее распространеніе сему государству, имѣющему состояться подъ особымъ управленіемъ, присовокупитъ въ разсужденіе его

Послѣ отечественной войны и низложенія Наполеона герцогство Варшавское, по Вѣнскому конгрессу 1815 года, было присоединено къ Россіи.

«Господинъ президентъ Совѣта графъ Островскій,—писалъ императоръ Александръ изъ Вѣны отъ 18-го (30-го) апрѣля 1815 г.

«Съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаю васъ о томъ, что участь вашего отечества наконецъ опредѣлена соглашеніемъ всѣхъ державъ, собравшихся на конгрессѣ.

«Принявъ титулъ короля польскаго, я хотѣлъ удовлетворить желаніямъ націи. Королевство Польское будетъ соединено съ Россійской Имперію узами собственной его конституціи, на которой я желаю основать счастье страны.

«Если великій интересъ соблюденія общаго спокойствія не дозволилъ соединить всѣхъ поляковъ подъ однимъ скипетромъ, то я по крайней мѣрѣ старался смягчить на сколько возможно суровость ихъ разъединенія и доставить имъ повсемѣстно мирное пользованіе ихъ національностію.

Прежде нежели выполненіе остающихся формальностей дозволитъ обстоятельно обнародовать всѣ статьи, касающіяся окончательнаго устройства дѣлъ Польши, я желалъ васъ перваго извѣстить самъ о содержаніи этихъ мѣръ, при чемъ я разрѣшаю вамъ съ содержаніемъ этого письма ознакомить вашихъ соотечественниковъ.

«Примите увѣренія въ искреннемъ моемъ уваженіи. Александръ».

Результатомъ переговоровъ на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г. о судьбѣ Польши явились прежде всего два трактата, заключенные оба 21-го апрѣля (3-го мая) 1815 года съ Австріею и Пруссіею. По первому [1]) Россія обязывалась возвратить Австріи уѣзды восточной Галиціи, присоединенные къ бывшему герцогству Варшавскому по трактату 1809 года. Краковъ объявлялся вольнымъ городомъ. По второму же трактату съ

прочихъ титуловъ и титулъ царя (короля) польскаго". Согласно этому, въ послѣдовавшихъ затѣмъ узаконеніяхъ этимъ землямъ присвоивается наименованіе Царства Польскаго, какъ, напримѣръ, въ узаконеніяхъ 1815 года іюня 11-го (П. С. З. № 26312), сказано: „признавая справедливымъ довольствовать войска наши въ Царствѣ Польскомъ по заграничному положенію... или октября 16-го (1-е П. С. З. № 26454), „желая болѣе и болѣе укрѣпить связи, соединяющія наше Царство Польское съ Всероссійской Имперіей и т. д. Это наименованіе Царство Польское окончательно присвоивается означеннымъ землямъ манифестомъ о вступленіи на престолъ императора Николая 1825 г. декабря 12-го (П. С. З. № 1), въ которомъ сказано: „вступаемъ на прародительскій престолъ и на нераздѣльные съ нимъ престолы Царства Польскаго и княжества Финляндскаго.

П. Майковъ.

[1]) См. П. С. Зак., 1815 г., № 25826.

Пруссіею [1]) часть герцогства Варшавскаго, подъ названіемъ герцогства Познаньскаго, поступала въ полное державное владѣніе короля прусскаго, при чемъ уплачивалась Пруссіи часть прежнихъ долговъ герцогства Варшавскаго.

По обоимъ трактатамъ остальная часть герцогства Варшавскаго навсегда присоединялась къ Россіи; въ силу своей конституціи герцогство будетъ въ неразрывной связи съ Россіею во владѣніи его императорскаго величества, наслѣдника его и преемниковъ его на вѣчныя времена. Его величество предполагаетъ даровать по своему благоусмотрѣнію внутреннее распространеніе сему государству, имѣющему состоять подъ особеннымъ управленіемъ.

Манифестомъ 9-го мая 1815 г. было возвѣщено объ этомъ въ Имперіи:

«Не суетное любостяжаніе,—говорилось въ манифестѣ,—внушило намъ искать распространенія предѣловъ нашихъ. Такое чувствованіе было бы несродно подъявшимъ оружіе для защищенія отечественной страны, а не для завоеваній. Непреоборимая сила Имперіи Россійской на вѣрѣ, на любви, на благополучіи основанная, отъ внѣшнихъ пріобрѣтеній возрасти не можетъ».

«Но соединеніе подъ единый скипетръ обширнѣйшей части герцогства Варшавскаго необходимымъ представилось къ устроенію всеобщаго въ Европѣ равновѣсія и порядка. Симъ ограждается предѣловъ нашихъ безопасность, возникаетъ твердый оплотъ, навѣты и вражескія покушенія отражающій, возраждаются узы братства племенъ, взаимно между собою сопряженныхъ единствомъ происхожденія. Сего ради признаемъ мы за благо устроить участь сего края, основавъ внутреннее управленіе онаго на особенныхъ правилахъ, свойственныхъ нарѣчію, обычаямъ жителей и къ мѣстному ихъ положенію примѣненныхъ».

Необходимо замѣтить, что еще до подписанія актовъ Вѣнскаго конгресса были утверждены императоромъ Александромъ въ Вѣнѣ же 13-го (25-го) мая 1815 года, такъ сказать, основныя начала польской конституціи, составленныя на французскомъ языкѣ, которыя впослѣдствіи были переведены на польскій и подписаны: Ланскимъ, княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, Новосильцовымъ, Ѳомою Ваврженкимъ и княземъ Ксаверіемъ Друцкимъ-Любецкимъ и объявлены въ королевствѣ при особомъ манифестѣ на польскомъ языкѣ, отъ того же числа. Эти основныя начала, вошедшія почти полностію въ текстъ конституціи, составленной нѣсколько позднѣе, были изложены въ 37 статьяхъ и заключались главнѣйшимъ образомъ въ слѣдующемъ: Польскія провинціи, присоединяемыя къ Россіи подъ особеннымъ названіемъ королевства

[1]) См. тамъ же № 25827.

Польскаго, будутъ навсегда принадлежать къ составу Россійской Имперіи и пользоваться народною конституціею, основанною на началахъ порядка, справедливости и свободы. Католическая религія, исповѣдуемая большинствомъ обывателей королевства, бывшая во всѣ времена религіею народа, будетъ продолжать пользоваться непосредственнымъ покровительствомъ правительства, при чемъ свободное отправленіе прочихъ вѣроисповѣданій ни въ чемъ не стѣсняется. Духовенству католическому и греко-уніатскому, вмѣсто отпускаемой отъ правительства ежегодно суммы въ два милліона флориновъ польскихъ [1]), назначается особый земельный фондъ на правѣ полной неотчуждаемой собственности, доходъ съ котораго равняется этой суммѣ. О православной церкви и ея духовенствѣ ничего не упоминалось.

Общественное образованіе будетъ народнымъ и безмезднымъ. Коммиссія, завѣдующая этимъ важнымъ дѣломъ, будетъ стремиться къ тому, чтобы распространять между всѣми сословіями обывателей должнымъ образомъ познанія и образованіе, съ цѣлію увеличивать полезныя свѣдѣнія въ народѣ, а также содѣйствовать процвѣтанію въ странѣ литературы, художествъ и наукъ. Эта коммиссія занимаетъ по важности своей первое мѣсто среди прочихъ административныхъ коммиссій и находится подъ предсѣдательствомъ сенатора. Для усиленія ея денежныхъ средствъ къ выполненію возлагаемыхъ на нее обязанностей, фондъ, ежегодно назначаемый на дѣло народнаго образованія, доводится до суммы двухъ милліоновъ польскихъ флориновъ. Странѣ обезпечивается свобода печати. Древній законъ neminem captivabimus nisi jure victum [2]) сохраняется и будетъ покровительствовать обывателямъ всѣхъ сословій. Всякая собственность признается священной и неприкосновенной. Повинности всякаго рода, а также подати и налоги, взимаемые съ обывателей, опредѣляются бюджетомъ, утверждаемымъ королемъ установленнымъ на то порядкомъ. Законы гражданскіе и уголовные, дѣйствующіе въ королевствѣ въ настоящее время (т. е. до 1815 года), сохраняются на будущее время впредь до утвержденія новыхъ.

Всякій иностранецъ, вступившій въ предѣлы территоріи королевства, будетъ пользоваться наравнѣ съ прочими обывателями покровительствомъ законовъ. Еврейскій народъ сохраняетъ предоставленныя ему нынѣ дѣйствующими законами права гражданства. Особыя узаконенія опредѣлятъ условія, при которыхъ евреи могутъ полнѣе участвовать въ народномъ благосостояніи.

---

[1]) Флоринъ польскій или злотъ равняется 15 копѣйкамъ русскаго серебрянаго рубля.

[2]) Т. е. никто не будетъ взятъ подъ стражу иначе, какъ по судебному рѣшенію.

Полезное и многочисленное сословіе крестьянъ пользуется свободою личною [1]) и возможностью пріобрѣтать поземельную собственность; законы, для нихъ издаваемые, должны имѣть по преимуществу характеръ отечественный.

Національное польское войско сохраняетъ свое обмундированіе и цвѣта, содержится на счетъ государства и обязано защищать границы Польскаго королевства и можетъ быть употребляемо въ дѣло только въ Европѣ. Если по политическимъ обстоятельствамъ войска русскія встрѣтятъ необходимость проходить по землямъ Польскаго королевства или пребывать въ его предѣлахъ временно, то будутъ содержимы на счетъ казначейства Имперіи.

Правительственныя должности какія бы ни было могутъ быть отправляемы только туземными гражданами; нѣкоторыя изъ сихъ должностей могутъ быть занимаемы только владѣльцами поземельной собственности. Всѣ дѣла административныя и судебныя безъ исключенія производятся на польскомъ языкѣ.

Исполнительная власть королевства во всемъ ея объемѣ принадлежитъ королю; власть законодательная—королю вмѣстѣ съ двумя палатами сейма. Власть же судебная распредѣляется между высшимъ трибуналомъ королевства, который пребываетъ въ Варшавѣ, двумя апелляціонными палатами для всего королевства и низшими судами первой степени въ каждомъ изъ воеводствъ (или палатинатствъ, на которыя дѣлилось королевство), при чемъ были суды первой степени: гражданскіе и уголовные [2]). Кромѣ того учреждались мировые судьи исключительно для примирительнаго разбирательства. Всѣ судьи назначались королемъ, но пожизненно и пользовались правомъ несмѣняемости. Въ заключеніи говорилось, что «эта хартія, даруемая нами обывателямъ нашего Польскаго королевства, должна всегда считаться главною и священною связью, которою это королевство навсегда безвозвратно присоединяется къ Имперіи Всероссійской, какъ въ особѣ нашей, такъ всѣхъ нашихъ наслѣдниковъ и преемниковъ».

Всѣ эти основныя начала вошли въ конституцію, составленную коммиссіею и изложенную на польскомъ и французскомъ языкахъ en égard. Одновременно составлены были положеніе о государственномъ совѣтѣ королевства, учрежденіе общаго собранія этого совѣта, внутренней организаціи административнаго совѣта, а также положеніе о народномъ представительствѣ. Этими положеніями опредѣлялось высшее управленіе

---

[1]) Польскіе крестьяне еще ранѣе во времена герцогства Варшавскаго были освобождены отъ крѣпостной зависимости, но безъ всякаго земельнаго надѣла.

[2]) Были еще суды полицейскіе и суды полиціи исправительной въ большихъ городахъ.

королевствомъ, состоявшее въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ. Законодательная власть страны принадлежала королю вмѣстѣ съ народнымъ представительствомъ (сеймомъ), состоявшимъ изъ двухъ палатъ, именно изъ сената и палаты депутатовъ. Въ отношеніи народнаго представительства все королевство раздѣлялось на 77 округовъ (повѣтовъ) и 51 сельскихъ округовъ, въ томъ числѣ 8 для города Варшавы и 43 для остальной страны. Въ каждомъ округѣ избиралось на сеймикахъ по одному депутату на сеймъ на 6 лѣтъ; но всякіе два года возобновлялась одна треть ихъ [1]). Чтобы быть избраннымъ депутатомъ или посломъ (нунціемъ), надо пользоваться правами гражданства въ краѣ, имѣть отъ роду 30 лѣтъ, платить ежегодно подати не менѣе ста флориновъ польскихъ [2]) и умѣть читать и писать по-польски.

Сенатъ составлялся изъ членовъ императорскаго и царскаго дома, епископовъ, палатиновъ, каштеляновъ [3]); число сенаторовъ не должно было превышать половины числа представителей въ палатѣ депутатовъ (избѣ посольской). Они назначались пожизненно королемъ. При этомъ сенатъ на открывшуюся вакансію самъ избиралъ двухъ кандидатовъ и представлялъ ихъ на утвержденіе короля.

Сеймъ собирался одинъ разъ въ два года въ Варшавѣ, въ сроки, опредѣленные королемъ; засѣданія сейма не могли продолжаться долѣе тридцати дней. Отъ короля зависѣло продолжить засѣданія сейма, а также закрыть сеймъ и отсрочить его. Кромѣ того, король могъ по усмотрѣнію своему созвать въ случаѣ надобности чрезвычайный сеймъ. Члены сейма въ періодъ его засѣданій пользовались правомъ неприкосновенности.

Въ обѣихъ палатахъ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ; при равенствѣ голосовъ—проектъ или предложеніе считались принятыми.

---

[1]) Поэтому при первыхъ выборахъ одни депутаты участвовали въ сеймѣ два года, другіе—четыре года, а остальные—шесть лѣтъ.

[2]) Въ повѣтовыхъ округахъ составляли сеймики—дворяне, владѣвшіе поземельною собственностью и записанные въ книги; въ гминныхъ округахъ сеймики составлялись изъ дворянъ, владѣвшихъ поземельною собственностію, изъ фабрикантовъ, мастеровъ, лицъ торговыхъ, обладавшихъ капиталовъ въ десять тысячъ флориновъ, изъ лицъ духовныхъ, художниковъ, лицъ, выдающихся своими талантами, заслугами и познаніями, и профессоровъ, преподавателей и другихъ лицъ вѣдомства народнаго образованія. Эти сеймики созываются королемъ съ точнымъ означеніемъ мѣста и дня собранія, продолжительности оныхъ и предметовъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію. Президенты сеймиковъ назначаются королемъ и называются маршалами.

[3]) Въ дополненіе стр. 76—80 конституціонной хартіи было утверждено позднѣе 7-го (19-го) ноября 1816 г., положеніе органическое о Сенатѣ, statut organique du Senat, подробно опредѣлявшій составъ его и порядокъ занятій въ Сенатѣ.

Обсужденіе дѣлъ и предложеній начиналось въ посольской избѣ, или сенатѣ и принятое одною палатою передавалось на разсмотрѣніе другой, которая была не въ правѣ дѣлать какихъ-либо измѣненій въ принятомъ первою палатою проектѣ и могла его только принять или отвергнуть. При подачѣ голосовъ въ палатахъ сейма, нельзя было уже ничего добавлять къ мнѣнію, а должно было выражать положительно: принимаю предложеніе или отвергаю, ничего не добавляя къ этимъ словамъ. Проектъ, принятый обѣими палатами, представлялся вмѣстѣ съ протоколомъ засѣданія королю, особою депутаціею. Король могъ или принять, или отвергнуть предложеніе сейма; въ послѣднемъ случаѣ сейму объявлялось, что король воздерживается отъ утвержденія. Рѣшенія сейма, не получившія утвержденія короля, не имѣли никакой обязательной силы. Засѣданія сейма были публичны. Они происходили въ такъ называемомъ замкѣ, выстроенномъ на возвышенномъ берегу р. Вислы, Сигизмундомъ III и окончательно отдѣланномъ Понятовскимъ.

Члены сейма при обсужденіи дѣлъ, поступавшихъ въ сеймъ, могли только произносить устныя рѣчи, но не читать ихъ; чтеніе заранѣе составленныхъ рѣчей дозволялось исключительно членамъ правительства. Разсмотрѣнію сейма подлежали вопросы законодательные и административные, а также бюджетъ королевства. Законодательный починъ принадлежалъ исключительно правительству, при чемъ законопроекты вносились въ сеймъ по опредѣленію короля. Сеймъ могъ представлять чрезъ государственный совѣтъ на благоусмотрѣніе короля вопросы, которые желательно было бы разсмотрѣть въ сферѣ дѣлъ, подлежащихъ его вѣдѣнію. Бюджетъ утверждался сеймомъ не болѣе, какъ на четыре года; при непринятіи сеймомъ государственной росписи правительство имѣло право оставить въ силѣ послѣдній принятый сеймомъ бюджетъ.

По конституціи судьи должны быть независимы, а потому они были признаны несмѣняемыми, за исключеніемъ случаевъ смѣщенія ихъ по особымъ судебнымъ приговорамъ. Государственныя преступленія и преступленія высшихъ сановниковъ подлежали вѣдѣнію сеймоваго суда, который составлялся изъ всѣхъ членовъ сената.

Верховная правительственная власть принадлежала королю. Но такъ какъ король не пребываетъ въ предѣлахъ Польши, то для управленія страною назначался намѣстникъ или изъ членовъ императорскаго дома, или изъ коренныхъ, или натурализированныхъ поляковъ. Онъ долженъ пребывать въ королевствѣ. Подъ главнымъ завѣдываніемъ намѣстника все управленіе краемъ распредѣляется между пятью коммиссіями (министерствами), именно: дѣлъ духовныхъ и просвѣщенія, юстиціи, дѣлъ военныхъ, финансовыхъ, внутреннихъ и полиціи. Во главѣ каждой коммиссіи находились министры. Кромѣ того состоялъ еще

государственный контролеръ, подчиненный непосредственно королю, и контрольная палата. При особѣ короля находился государственный секретарь, докладывавшій ему по всѣмъ дѣламъ королевства.

Подъ предсѣдательствомъ короля или его намѣстника, находился совѣтъ государственный, состоявшій изъ министровъ и другихъ лицъ, назначаемыхъ королемъ. Этотъ совѣтъ раздѣлялся на совѣтъ административный и общее собраніе совѣта. Въ первый поступали всѣ дѣла по управленію краемъ, превышавшія власть, предоставленную каждому министру въ отдѣльности; дѣла, подлежащія окончательному разсмотрѣнію общаго собранія, а также различныя дѣла, подлежавшія разрѣшенію намѣстника или короля. Этотъ совѣтъ имѣлъ только голосъ совѣщательный по всѣмъ дѣламъ, имъ разсматриваемымъ. О всѣхъ постановленіяхъ административнаго совѣта намѣстникъ еженедѣльно долженъ былъ докладывать его величеству съ приложеніемъ копій этихъ постановленій. Совѣтъ собирался не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, во дворцѣ намѣстника въ 10 часовъ утра, и долженъ былъ состоять не менѣе, какъ изъ трехъ членовъ. Если намѣстникъ не владѣлъ польскимъ языкомъ, пренія въ совѣтѣ происходили на французскомъ языкѣ, а журналы—составлялись на польскомъ и французскомъ языкахъ и представлялись въ такомъ видѣ его величеству. Но всѣ постановленія совѣта, утвержденныя его величествомъ, или намѣстникомъ, и всѣ бумаги его канцеляріи должны быть объявляемы на польскомъ языкѣ.

Общее собраніе совѣта собиралось въ бывшемъ дворцѣ Красинскаго, но при желаніи короля предсѣдательствовать въ этомъ собраніи—въ Королевскомъ замкѣ. Собраніе этого совѣта, чтобы считаться законнымъ, должно состоять не менѣе, какъ изъ 9 членовъ: дѣла докладывались секретаремъ, рѣшались по большинству голосовъ и представлялись на утвержденіе короля или его намѣстника. Обсужденію общаго собранія совѣта подлежали всѣ законопроекты, а также административныя постановленія, которыя король или намѣстникъ признавалъ нужнымъ передать на разсмотрѣніе совѣта. Ежегодно въ опредѣленные сроки министры должны были представлять общему собранію совѣта отчеты о ходѣ ввѣренной имъ отрасли управленія, о своихъ предположеніяхъ по управленію, объ израсходованіи назначенныхъ имъ по смѣтѣ денегъ и т. д. При этомъ общее собраніе совѣта могло присоединять свои замѣчанія о недостаткахъ или пробѣлахъ, существующихъ въ законахъ и постановленіяхъ.

Равнымъ образомъ общее собраніе совѣта разрѣшало пререканія, возникавшія между администраціею и судебнымъ вѣдомствомъ, а также вопросы о превышеніи власти различными должностными лицами. Точно также вопросы о преданіи суду административныхъ лицъ, въ точно опредѣленныхъ случаяхъ, разсматривались въ этомъ же совѣтѣ, при чемъ

изъ среды его составлялась особая слѣдственная коммиссія, которая представляла свое заключеніе, на усмотрѣніе совѣта. Отъ общаго собранія совѣта исходили всѣ предварительныя распоряженія о созваніи очереднаго сейма; всѣ законопроекты, предлагаемые сейму, разсматривались предварительно въ совѣтѣ.

Непосредственному рѣшенію монарха подлежали дѣла по управленію военными силами королевства, назначеніе начальниковъ воинскихъ частей и офицеровъ, дѣла внѣшней политики и назначеніе дипломатическихъ и торговыхъ агентовъ; также назначеніе лицъ на высшія должности по управленію королевствомъ (какъ-то сенаторовъ, судей верховнаго трибунала, епископовъ и т. д.), изъ числа двухъ кандидатовъ, представляемыхъ намѣстникомъ короля. Вся исполнительная власть во всемъ объемѣ сосредоточивалась въ особѣ короля, ему же принадлежало право помилованія, а также смягченія наказанія. Онъ одинъ утверждалъ статуты орденовъ, жаловалъ ихъ военнымъ и гражданскимъ лицамъ. Равнымъ образомъ король жаловалъ дворянство, коренное подданство и почетные титулы по своему усмотрѣнію. Королю принадлежало право созывать сеймъ и собраніе сеймиковъ; онъ утверждалъ постановленія сейма, и безъ этого утвержденія таковыя не имѣли силы и значенія. Король утверждалъ и ежегодные бюджеты королевства. Именемъ короля издавались указы и постановленія трибунала и судовъ; на монетахъ чеканились изображенія короля. Онъ и всѣ преемники его должны были короноваться королями польскими въ Варшавѣ по установленному порядку и приносить клятвенное обѣщаніе сохранять и исполнять всѣми зависящими средствами конституціонную хартію. Особа короля священна и неприкосновенна. Всѣ распоряженія и приказанія короля, или намѣстника, должны быть скрѣплены подписью подлежащаго министра, который и несетъ отвѣтственность, если бы таковыя оказались несогласными съ конституціею и законами страны.

По проекту конституціи армія и финансы вполнѣ зависѣли отъ правительства; всѣ должности въ королевствѣ должны были быть замѣщаемы одними поляками; польскій языкъ объявлялся языкомъ правительственнымъ; римско-католическое вѣроисповѣданіе должно было быть предметомъ особой заботливости правительства и т. д.

Пока коммиссія подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго вырабатывала всѣ вышеприведенныя узаконенія, императоръ Александръ, послѣ заключенія втораго Парижскаго мира, прибылъ въ Варшаву 31-го октября (12-го ноября) 1815 г. и жилъ въ королевскомъ замкѣ, въ которомъ 15-го (27-го) ноября 1815 года и была подписана имъ конституціонная хартія Польскаго королевства и прочія узаконенія. При этомъ въ заключеніи конституціонной хартіи императоръ писалъ:

«Полагая по совѣсти, что означенная конституціонная хартія соотвѣтствуетъ нашимъ отеческимъ видамъ, имѣющимъ предметомъ своимъ сохранить во всѣхъ классахъ подданныхъ нашего Польскаго королевства миръ, согласіе и союзъ, столь необходимый ихъ благосостоянію и упрочить благополучіе, которое мы желаемъ имъ доставить,—мы даровали имъ и даруемъ означенную конституціонную хартію, принятую нами и нашими преемниками, и предписываемъ, кромѣ того, всѣмъ общественнымъ властямъ содѣйствовать ея осуществленію. Дана въ нашемъ Королевскомъ замкѣ въ Варшавѣ отъ 15-го (27-го) ноября 1815 г.» [1]).

II.

Такъ какъ русскій императоръ имѣлъ свое пребываніе въ столицѣ Россіи, то, очевидно, представилась необходимость назначить въ царство Польское намѣстника. Эту должность надѣялся занять членъ извѣстнаго тріумвирата первыхъ годовъ царствованія Александра I, князь Адамъ Чарторыйскій, который при томъ пользовался благосклоннымъ расположеніемъ императора. Кромѣ того, до обнародованія конституціи, онъ управлялъ всѣми дѣлами королевства и докладывалъ по нимъ лично государю [2]). Это давало Чарторыйскому какъ бы право, чтобы занять въ своемъ отечествѣ первое мѣсто, и онъ до самаго отъѣзда императора изъ Варшавы былъ, повидимому, увѣренъ, что будетъ назначенъ намѣстникомъ. Однако, его надежды не осуществились; онъ былъ сдѣланъ только сенаторомъ. Намѣстникомъ же былъ назначенъ генералъ Заіончекъ, по словамъ Дембицкаго, польскій якобинецъ, заговорщикъ изъ школы Коллонтая, принимавшій участіе въ клубныхъ интригахъ во время возстанія Костюшки. Заіончекъ, по словамъ Дембицкаго, умѣлъ вкрасться въ довѣріе къ цесаревичу Константину Павловичу, русскихъ генераловъ и дипломатовъ и оставался намѣстникомъ до конца жизни [3]), т. е. до 1826 года.

Передъ отъѣздомъ императора Александра I изъ Варшавы, послѣдовалъ слѣдующій именной указъ, данный 1-го декабря 1815 года въ Варшавѣ: на польскомъ и французскомъ языкахъ [4]).

«Желая явить новое доказательство принимаемаго нами участія въ

---

[1]) См. Арх. Госуд. Сов. дѣло № 1 отъ 1815 года. Эта хартія написана на французскомъ и польскомъ языкахъ, и въ концѣ французскаго текста имѣется подпись императора на французскомъ языкѣ.

[2]) См. рукописный журналъ Михайловскаго-Данилевскаго 1816 года,—приведенъ въ соч. Шильдера,—Императоръ Александръ I, т. III, стр. 476, примѣчанія.

[3]) См. Дембицкій—Пулавы, т. II.

[4]) См. дѣло № 41, 1815 года.

благосостояніи нашихъ подданныхъ королевства Польскаго и, въ то же время, признать выдающіяся заслуги, усердіе и преданность генерала-отъ-инфантеріи Заіончека [1]), Мы назначили и назначаемъ его намѣстникомъ королевства Польскаго, въ томъ вниманіи, чтобы генералъ-отъ-инфантеріи Заіончекъ отправлялъ власть, присвоенную ему въ качествѣ намѣстника нашего на основаніи постановленій конституціонной хартіи и согласно нашимъ ему уполномочіямъ. Александръ».

Что же касается проживавшаго въ то время въ Варшавѣ великаго князя Константина Павловича, то хотя онъ по праву, какъ великій князь засѣдавшій въ сенатѣ, могъ быть назначенъ намѣстникомъ, но таковаго назначенія не послѣдовало по нерасположенію князя къ гражданскому управленію. Онъ съ раннихъ лѣтъ дѣятельно и съ любовью занимался военной частью и былъ назначенъ главнымъ начальникомъ надъ польскимъ войскомъ, численность котораго простиралась до 35.000 человѣкъ [2]).

По государственному управленію царствомъ, цесаревичу не было предоставлено власти никакимъ особымъ высочайшимъ указомъ; во всѣхъ оффиціальныхъ случаяхъ онъ уступалъ первое мѣсто Заіончеку, но, какъ братъ императора, Константинъ Павловичъ на дѣлѣ скоро сдѣлался какъ бы вице-королемъ, въ то время какъ Заіончекъ являлся только гражданскимъ намѣстникомъ и какъ бы подчиненнымъ великому князю. Къ тому же немного позднѣе, 29-го іюня 1819 года, Константину Павловичу было предоставлено главное наблюденіе надъ гражданскимъ управленіемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя составляли

[1]) Іосифъ Заіончекъ родился въ 1752 г. въ Украйнѣ, съ раннихъ лѣтъ, служилъ въ рядахъ польскихъ войскъ и былъ одно время адъютантомъ гетмана короннаго Браницкаго. Произведенный въ 1792 г. въ генералъ-маіоры, Заіончекъ командовалъ пѣхотною дивизіею въ арміи Понятовскаго и отличился въ сраженіи при Зеленцахъ. При образованіи Тарговицкой конфедераціи онъ удалился за границу и только въ 1794 г., вернувшись опять въ Польшу, примкнулъ къ партіи Коллонтая и получилъ командованіе войсками. Послѣ пораженія Костюшки Суворовымъ и взятія его въ плѣнъ, Заіончекъ находился подъ начальствомъ Ваврженцкаго, былъ раненъ при штурмѣ Праги и отвезенъ въ Варшаву. По занятіи этого города нашими войсками, Заіончекъ уѣхалъ сначала въ Галицію, а потомъ во Францію и, поступивъ въ армію Бонапарта, участвовалъ въ египетской его экспедиціи, а затѣмъ въ кампаніи противъ Австріи и Пруссіи въ 1805 и 1806 годахъ. Въ Отечественную войну 1812 года, командуя во французской арміи пѣхотною дивизіею, Заіончекъ, при переправѣ чрезъ р. Березину, лишился ноги. Послѣ занятія нашими войсками герцогства Варшавскаго, Заіончекъ выразилъ желаніе поступить въ русскую службу и былъ назначенъ членомъ военнаго комитета, образованнаго подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Павловича, для формированія артиллеріи въ арміи будущаго Польскаго королевства.

[2]) См. соч. Карновича—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, изд. 1899 г., стр. 121 и слѣд.

территорію прежняго Польскаго королевства, т. е. въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и въ Бѣлостокской области. Виленскій генералъ-губернаторъ сталъ входить къ нему съ рапортами и только по одобреніи ихъ цесаревичемъ представлялъ, чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, на высочайшее утвержденіе. Подобный же порядокъ естественно установился и въ царствѣ Польскомъ, намѣстникъ котораго по всѣмъ дѣламъ, болѣе важнымъ и въ особенности представляемымъ на высочайшее разрѣшеніе, входилъ въ предварительное соглашеніе съ главноначальствующими надъ польскими войсками, т. е. съ великимъ княземъ, и желалъ заручиться его согласіемъ или одобреніемъ. Всѣ эти представленія намѣстника препровождались для доклада государю къ статсъ-секретарю, отъ котораго и сообщались послѣдовавшія высочайшія повелѣнія по принадлежности.

Министры имперіи по предметамъ, до царства Польскаго относящимся, въ случаѣ надобности, сносились равнымъ образомъ съ министромъ статсъ-секретаремъ царства Польскаго, какимъ былъ первоначально Соболевскій [1]). Не много позднѣе всѣ сношенія по военной части царства Польскаго высочайше повелѣно было производить министру военному, чрезъ начальника главнаго штаба его императорскаго величества князя П. М. Волконскаго [2]).

П. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) См. П. С. Зак. 1816 г., № 26242.
[2]) См. П. С. Зак. 20-го января 1817 г., № 26627.

Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ.

I. Письма Д. Н. Блудова [1]).

1.

Письмо П. И. Полетики и Д. Н. Блудова.

6-го (18-го) іюля 1818 г. Парижъ.

На сихъ дняхъ два арзамасца, почтенная Ка(с)сандра [2]) и Очарованный Челнокъ [3]), собравшись въ комнатѣ сего послѣдняго, читали и перечитывали съ возрастающимъ восхищеніемъ стихи твои, любезный и непростительно лѣнивый Чу [4]), на разрѣшеніе отъ бремени великой княгини Александры Ѳедоровны [5]). Въ семъ произведеніи, исполненномъ высокими мыслями, глубокою чувствительностію и всѣми прелестями блистательнаго воображенія, узнали мы кисть пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ и единодушно сказали: «Спасибо, братъ Чу, за потѣху».

---

[1]) Эти письма дополняютъ собою тѣ письма Д. Н. Блудова къ Жуковскому которыя изданы въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 г., книга третья, стр. 341—343 и 1902 г., № 6, стр. 335—348.—Они печатаются съ подлинниковъ, принадлежавшихъ покойному академику А. Ѳ. Бычкову и имъ пріобрѣтенныхъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми бумагами К. С. Сербиновича.

[2]) Арзамасское прозвище Д. Н. Блудова.—Д. Н. Блудовъ находился въ это время въ Парижѣ проѣздомъ въ Лондонъ, куда онъ былъ назначенъ совѣтникомъ нашего посольства.

[3]) Арзамасское прозвище П. И. Полетики. — Полетика также ѣхалъ къ мѣсту новаго своего служенія: въ 1818 году онъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ Американскіе Соединенные Штаты.

[4]) Полетика забылъ, что прозвище «Чу» носилъ въ Арзамасѣ не Жуковскій, а Д. В. Дашковъ.

[5]) Извѣстное посланіе великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ на рожденіе великаго князя Александра Николаевича.

*

Я не знаю, какъ судятъ о сихъ стихахъ на берегахъ Невы, гдѣ худая проза часто предпочитается изящнымъ стихамъ, но въ засѣданіи здѣшнихъ двухъ арзамасцевъ они найдены совершенными: Ка(с)сандра, болѣе свѣдущая въ красотахъ всякаго рода писанія, не находитъ ни одной ложной мысли, ни одного слабаго стиха. Очарованный же Челнокъ, часто дерзкій въ своихъ сужденіяхъ, осуждалъ токмо одно выраженіе: ему казалось, что наука [1]) слишкомъ прозаическое слово, въ чемъ, однакожъ, Ка(с)сандра отнюдь не хотѣла согласиться. Полное собраніе Арзамаса рѣшитъ, кто изъ насъ правъ. Между тѣмъ я долженъ въ особенности погладить тебя по головкѣ за благородство, коимъ дышатъ твои (стихи), за добрые, истинно патріотическіе совѣты, данные августѣйшей родительницѣ. Карамзинъ показалъ намъ, какъ должно посвящать книги царямъ; отъ тебя же наши будущіе поэты научатся, какъ слѣдуетъ поздравлять ихъ въ стихахъ. Отъ васъ обоихъ познаютъ всѣ наши писатели, сколь великая есть разность между справедливою похвалою и подлою лестью.—Со всѣмъ тѣмъ, любезный братъ, ты великій подлецъ, и я на тебя зѣло сердитъ: стихи твои написаны 20-го апрѣля, а я выѣхалъ изъ С.-П(етер)бурга 7-го маія. Можно было бы, кажется, безъ всякаго богатырскаго напряженія прислать списокъ сихъ стиховъ къ отъѣзжающему на край свѣта арзамасцу; правда, что онъ не достоинъ сего званія, но въ глазахъ твоихъ онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, имѣть то достоинство, что любитъ тебя душевно, а стихи твои читаетъ съ обжорностію. Ты имѣешь два способа загладить свою вину: первый состоитъ въ немедленномъ доставленіи ко мнѣ въ Лондонъ печатнаго экземпляра послѣднихъ твоихъ стиховъ, а вторый—въ прибавленіи къ обѣщанному мнѣ нѣкогда посланію 50-ти штрафныхъ стиховъ.—Ка(с)сандра отправляется съ семействомъ въ Англію завтра, а я на слѣдующій день, но на корабль не прежде сяду, какъ 1-го октября н(оваго) ш(тиля), слѣдовательно, ты имѣешь время совсѣмъ примириться. Прощай, милый лѣнтяй. Обнимая тебя отъ всего сердца, остаюсь преданный тебѣ Очарованный Челнокъ П. [2]).

Далѣе идетъ слѣдующая приписка Д. Н. Блудова:

Обнимаю тебя, любезная, милая, лѣнивая Свѣтлана, а не Чу! Нашъ Очарованный Челнокъ сдѣлалъ двѣ ошибки въ своемъ письмѣ; назвалъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о слѣдующихъ стихахъ этого посланія:

Вотъ правила царей великихъ внуку.
Съ тобой ему начать сію науку.

[2]) Т. е. Полетика.

тебя не твоимъ именемъ и увѣряетъ, что по моему мнѣнію нѣтъ ничего дурнаго въ стихахъ, принадлежащихъ великой княгинѣ. Они принадлежатъ ей по многимъ правамъ, и по надписи, и по вдохновенію (она въ эту минуту была, точно, твоей музой), но однакожъ стихи эти принадлежатъ также къ однимъ изъ лучшихъ произведеній твоего таланта и нашей литературы. Обнимаю тебя лишній разъ за нихъ и еле успѣваю замѣтить, что есть выраженія четыре не совсѣмъ точныя и 10 или 12 стиховъ слабыхъ. Можно бы привязаться и еще кое къ чему, да некогда. Прости до Лондона; разумѣется, если Богъ принесетъ меня въ Лондонъ и если тамъ буду не такъ глупъ, какъ въ Парижѣ, особливо въ эту минуту. Прости, помолись за меня Аполлону и Арзамасскому генію гусю. А гуску, то-есть Тургенева [1]), обними такъ же нѣжно, какъ я въ третій разъ обнимаю тебя и всѣхъ арзамасцевъ.

2.

3-го (15-го) августа 1818. Лондонъ.

Здравствуй, любезный другъ Свѣтлана, здравствуй изъ Лондона. Я въ Англіи, друзья, но увы! объятій къ вамъ не простираю, или по крайней мѣрѣ долженъ прибавить: не встрѣтятъ васъ простертыя къ вамъ руки. Что сказать тебѣ еще? Лѣнь, непреодолимая лѣнь и привычка откладывать лишаютъ меня величайшихъ удовольствій: наслажденія умственной дѣятельности и утѣшенія бесѣдовать съ друзьями въ отсутствіи. Неужели мнѣ никогда не удастся побѣдить эти пагубныя явленія, эти язвы души моей, способностей и характера. Да, точно, и характера, потому что часто необработанныя мои идеи, невыраженныя чувства, весь этотъ избытокъ моральнаго существа моего, превращается въ какую-то желчь, непріятную для меня и другихъ. Оставимъ это: я съ неудовольствіемъ говорю про себя; не буду, по крайней мѣрѣ на сей разъ, говорить и о своемъ путешествіи и о житьѣ-бытьѣ въ Англіи. О послѣднемъ почти нечего еще и разсказывать: что касается до перваго, я, можетъ быть, скажу нѣсколько словъ нашему гусю-патріарху, то есть Карамзину: онъ, кажется, требовалъ отъ меня этого знака жизни. Впрочемъ, не зная, гдѣ онъ, я свое письмо пришлю къ тебѣ; только не теперь. Право, я не имѣю ни времени, ни силъ написать порядочную страницу, или даже собраться съ какими-нибудь мыслями или воспоминаніями. Покуда я соберусь напомнить о себѣ, скажи хоть ты за меня слова два нашему доброму, милому другу, и учителю, и образцу всего моральнаго. Обойми его по-арзамаски, поцѣ-

[1]) А. И. Тургенева.

луй ручку у Катерины Андреевны [1]) и пожелай счастія всему ихъ семейству. Обоймп всѣхъ арзамасцевъ... Написалъ это и остановился, и перо у меня чуть не выпало изъ рукъ. Однакожъ не отъ нѣжной тоски по Арзамасу, а вотъ отъ чего. Скажи, правда ли, что нашъ любезный, бѣдный Рѣзвый Котъ [2]) въ ужаснѣйшемъ несчастіи? Увѣряю тебя безъ всякаго жеманства, что въ эту самую минуту у меня льются слезы изъ глазъ. Ты знаешь, какъ я люблю Сѣверина; я сталъ бы жалѣть о всякомъ его горѣ. Но теперь меня трогаетъ не одно участіе въ его судьбѣ: я люблю... или, можетъ быть, уже... только любилъ... жену его не менѣе. Скажу еще, что я Сѣверина самого началъ любить болѣе съ тѣхъ поръ, какъ узналъ его милую Элену [3]): думаю также, что и онъ съ тѣхъ поръ сталъ любить меня болѣе. Таково свойство сихъ ангельскихъ душъ, созданныхъ для нѣжности и мирнаго счастія друзей, что даже тѣ, которые къ нимъ близки, становятся и болѣе любезны, и болѣе способны любить. Онѣ сообщаютъ какое-то благоуханіе любви, добра и райскаго спокойствія. И неужели правда, что одно такое небесное существо насъ оставило? Эта милая Элена, которая соединяла въ себѣ столько рѣдкихъ качествъ: кроткій характеръ съ живостью ума, таланты, знаніе и скромность, тонкость ума и добродушіе, наконецъ воображеніе и невинность почти ребяческую; ея ужъ нѣтъ! И я думаю только о томъ, что потеряли всѣ друзья ея; а Сѣверинъ, а мать, а братъ? Бѣдные! Какая ожесточенная судьба надъ этимъ любезнымъ семействомъ; страшно вспомнить, страшно вообразить! Да зачѣмъ и воображать? Слухъ, дошедшій до насъ, можетъ быть вздорный: дай Богъ! Но вотъ уже три дня, какъ я единственно объ этомъ провѣдываю и думаю. Къ несчастію, вижу мало причинъ сомнѣваться. Если т е б ѣ в о з м о ж н о, напиши ко мнѣ хоть строчку, хотя объ Сѣверинѣ только. Къ нему я не смѣю писать, и не осмѣлюсь, пока не узнаю: но и тогда какъ писать! Поклонись ему отъ меня: скажи что̀ хочешь и можешь. О, дай Богъ, чтобъ все кончилось враньемъ и ложью: я готовъ буду нашего лжеца и ненавидѣть за то, что онъ солгалъ, и благодарить за то, что онъ лжецъ!

Прости; мы отправляемъ курьера, и я занятъ въ эту минуту пустяками, однакожъ занятъ. Мое письмо, вѣроятно, отправлю къ тебѣ моремъ, и его тебѣ доставитъ мой посланный. Мнѣ хотѣлось отправить съ нимъ какое-нибудь произведеніе Байрона, Мура или Вальтеръ-Скота. Но отъѣздъ моихъ людей случился ранѣе ожидаемаго и довольно скоро-

---

[1]) Карамзиной, жены историіографа.

[2]) Арзамасское прозвище Д. П. Северина.

[3]) Д. П. Северинъ былъ женатъ, въ первомъ бракѣ, на Еленѣ Скарлатовнѣ Стурдза (сестрѣ извѣстнаго писателя и дипломата А. С. Стурдзы); она скончалась 20-го іюня 1818 года.

постижно, а я не успѣлъ еще здѣсь оглядѣться. Итакъ подожди, не сердись и не пеняй! Впрочемъ, и ты вѣдь въ долгу у меня. Когда я получу твое второе изданіе и все, что ты написалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались? Что ты дѣлаешь? Не пристала ли къ тебѣ корь[1])? Обойми Тургеневыхъ, сверхъ общаго объятія всѣхъ арзамасцевъ. Побрани Варвика-Николая [2]); я не получилъ отъ него ни одной книжки, ни Вѣстника, ни Сына, и такъ далѣе. Александра-Арфу и бранить нечего. Какая польза?

Напишите же ко мнѣ по первой почтѣ. Вотъ мой адресъ: A M-r de Bloudoff, conseiller d'état et d'ambassade de S. M. l'Empereur de toutes les Russies à Londres. Hôtel de S. E. l'ambassadeur de Russie, Harley Street № 36, или: à Londres, Welbeck Street, № 55. Я самъ тутъ живу. Однакожъ первый адресъ еще вѣрнѣе, ибо я могу переѣхать въ другой домъ.

Прости. Жена моя и дѣти, слава Богу, здоровы; не кланяются тебѣ за тѣмъ, что я пишу изъ канцеляріи. Да кстати, или хотя бъ некстати— перемѣняю свой планъ и отправляю письмо не моремъ, а чрезъ курьера. Моремъ дошло бы, можетъ быть, скорѣе, но послѣднее надежнѣе.

3.

9-го (21-го) августа 1818. Лондонъ.

Милая Свѣтлана! Нечаянный случай задержалъ здѣсь моихъ людей лишнюю недѣлю. Пользуясь этимъ, пишу къ тебѣ еще нѣсколько строкъ и посылаю книгу, которой тебѣ хотѣлось: послѣднее сочиненіе лорда Байрона, то-есть 4-ю пѣснь поэмы Childe Harold; первыя пѣсни вышли въ свѣтъ уже давно. Если не ошибаюсь, онѣ есть у тебя. Вмѣстѣ съ Байрономъ ты получишь и Мура въ двухъ маленькихъ томахъ. Я не купилъ всѣхъ его произведеній, ибо не знаю еще, понравится ли тебѣ этотъ вовсе не знатный поэтъ. Здѣсь онъ славенъ переводомъ Анакреона; но на что намъ, русскимъ, Анакреонъ по-англійски? Впрочемъ, если ты захочешь, я могу прислать тебѣ и остальныя стихотворенія Мура. Реестръ ихъ, кажется, есть въ концѣ втораго тома; а реестръ всѣхъ сочиненій Байрона, Вальтеръ-Скота и Саути я вытребовалъ у книгопродавца и посылаю къ тебѣ. Назначь, чего у тебя нѣтъ и что хочешь имѣть.

---

[1]) Около этого времени захворалъ корью великій князь Николай Павловичъ (см. „Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву". Спб. 1866, стр. 242).

[2]) Н. И. Тургеневъ носилъ въ Арзамасѣ прозвище Варвикъ, а А. И. Тургеневъ—Эолова Арфа.

Прости; поклонись отъ меня всѣмъ нашимъ, въ томъ числѣ и дерптскимъ [1]). Ты, вѣроятно, знаешь, что я съ ними познакомился.

Что сказать новому Saint-Preux о его Юліи [2])? Я воображалъ ее прекраснѣе, но не могъ вообразить лучше и милѣе. Надѣюсь, что она меня полюбила, разумѣется, за то, что я люблю тебя и твои стихи.

Прости; не сердись за сравненіе съ Saint-Preux. Обнимаю тебя, какъ старѣйшаго въ Арзамасѣ, а не старосту однакожъ.

Тебѣ кланяются жена моя, дѣти и сверхъ того Кривцовъ [3]). Очарованный Челнокъ [4]) уѣхалъ въ замокъ Вильтонъ для свиданія съ лордомъ Пемброкомъ [5]) и графомъ С. Р. Воронцовымъ [6]).

II. Письма А. А. Прокоповича-Антонскаго [7]).

1.

2-го февраля 1820 г.

Я не отвѣчалъ на послѣднее ваше письмо [8]), мой безцѣнный Василій Андреевичъ, отъ того, что все ждалъ къ себѣ г-на Офросимова [9]), чтобъ говорить съ нимъ про Кондырева [10]) и про долгъ. До сихъ поръ не

---

[1]) Т. е. Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ Протасовой и ея дочерямъ: Александрѣ Андреевнѣ Воейковой и Маріи Андреевнѣ Мойеръ.

[2]) Т. е. Жуковскому о М. А. Мойеръ. — Saint-Preux и Юлія главныя дѣйствующія лица въ романѣ Ж.-Ж. Руссо „Новая Элоиза“.

[3]) Николай Ивановичъ Кривцовъ (р. 1791 † 1843), человѣкъ очень умный и образованный, находившійся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ арзамасцами. Онъ въ это время состоялъ при нашемъ посольствѣ въ Лондонѣ.

[4]) Петръ Ивановичъ Полетика.

[5]) За однимъ графомъ Пемброкомъ была замужемъ дочь графа Семена Романовича Воронцова, графиня Екатерина Семеновна.

[6]) Съ жившимъ въ Англіи графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ (р. 1744 † 1832), бывшимъ посломъ нашимъ въ Лондонѣ.

[7]) Подлинники хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[8]) Отъ 26-го декабря 1819 года, напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“ 1883 года, книга первая, стр. 329, и вторично, съ небольшими отличіями, въ томъ же журналѣ 1902 г., № 5, стр. 143.

[9]) Александра Михайловича Офросимова, женатаго на племянницѣ Жуковскаго, Маріи Петровнѣ Юшковой. А. М. Офросимову, какъ видно изъ писемъ Жуковскаго къ Прокоповичу-Антонскому отъ 26-го ноября и 26-го декабря 1819 года, было дано Жуковскимъ порученіе переговорить съ Антонскимъ касательно уплаты денегъ, которыя долженъ былъ ему Жуковскій по векселю (см. „Русскій Архивъ“ 1883 года, книга первая, стр. 328 и 329; 1902 г., № 5, стр. 142 и 143).

[10]) Въ письмѣ отъ 26-го ноября Жуковскій просилъ Антонскаго добыть изъ университета аттестатъ для своего петербургскаго знакомаго Василія Ивановича Кондырева, слушавшаго въ университетѣ лекціи въ 1814—1817 г.г. Жуковскій старался помочь Кондыреву поступить на службу.

дождался. Далъ ему бумагу, чтобъ онъ отобралъ свидѣтельство отъ профессоровъ объ г-нѣ Кондыревѣ, и съ того времени совсѣмъ не вижу его. Сердечно буду тужить, если вы подумаете, что я не хочу исполнить вашей просьбы. Напротивъ, для меня ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ сдѣлать вамъ удовольствіе. Пеняйте своему коммиссіонеру. Посылаю вамъ книжку, XV часть Трудовъ Общества [1]). Читалъ по газетамъ, что ваши стихи произносили въ Россійской Академіи [2]), но, буду ли имѣть ихъ въ рукахъ, не знаю. Вы безпечны на то, чтобы меня утѣшать своими произведеніями. Дай Богъ, чтобъ ваше доброе желаніе исполнилось, чтобы вы никогда ни на часъ не разлучались съ своею прелестною музою [3]). Только глядите; всѣ думаютъ, что вы къ ней становитесь равнодушны, если не холодны. Обнимаю васъ отъ всего сердца и остаюсь всегда вамъ преданнымъ слугою А. Антонскій.

2.

15-го марта 1820 г.

Кондыреву вашему, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, свидѣтельство выдано. Не знаю, послужитъ ли оно ему къ добру. По крайней мѣрѣ я отъ добраго сердца желалъ исполнить ваше требованіе. Г-нъ Офросимовъ [4]) получилъ свидѣтельство. Другому Офросимову [5]) я сказывалъ также, что и въ деньгахъ я готовъ угодить вамъ; только чтобъ мнѣ не передавать чужихъ заемныхъ писемъ. И съ своими не умѣю управляться.

---

[1]) Общества любителей россійской словесности, предсѣдателемъ котораго былъ Антонскій.

[2]) Въ годичномъ собраніи Россійской Академіи 8-го января 1820 года былъ прочитанъ Н. И. Гнѣдичемъ переведенный Жуковскимъ отрывокъ изъ Овидіевыхъ Превращеній „Ценксъ и Гальціона“.

[3]) Въ письмѣ отъ 26-го ноября 1819 г. Жуковскій писалъ Антонскому между прочимъ, слѣдующее: „Муза моя очень стала скупа на стихи; кое-что она прошептала мнѣ въ послѣднее время, но новый свѣтъ, въ который попалъ я, закружилъ ей нѣсколько голову. Я стараюсь унять ее, и, можетъ быть, это мнѣ удастся. Хотя и не имѣю и не хочу никогда имѣть титула придворнаго, но близость двора опасна и для поэта: съ непривычки угоришь“. Въ письмѣ отъ 26-го декабря онъ писалъ Антонскому: „Благодарю васъ за пени насчетъ моего стихотворства: я и лѣнился, и былъ разсѣянъ своимъ новымъ образомъ жизни. Однако не разстался съ своею музою и понемножку пишу. Было бы великое для меня несчастіе, если бы муза моя, ближняя мнѣ родня, меня покинула: я бы жестоко осиротѣлъ“ (см. „Русскій Архивъ“ 1883 года, книга первая, стр. 328 и 329; 1902 г., № 5, стр. 142 и 143).

[4]) Николай Михайловичъ, которому Жуковскій поручалъ хлопотать о полученіи аттестата Кондырева.

[5]) Александръ Михайловичъ (см. предыдущее письмо).

Вотъ г-нъ Воейковъ [1]) занялъ денегъ и, просрочa годъ, хоть бы слово молвилъ. Гдѣ онъ теперь, въ Дерптѣ или въ другомъ мѣстѣ? У насъ слухъ пронесся было, что хотѣлъ перейти въ Казань [2]). Г-нъ Жихаревъ [3]) сказывалъ мнѣ, что васъ видѣлъ; но на вопросъ мой, что вы пишете, ничего не сказалъ. Я съ нимъ вмѣстѣ потужилъ, что вы не живете въ уединеніи. Оно вѣрно бы больше богато было вашими произведеніями. Житейскія суеты и дѣла службы съ музами худо ладятъ. Отъ всего сердца желая вамъ быть здоровымъ, остаюсь всегда вамъ преданнымъ слугою А. Антонскій.

III. Князя П. А. Вяземскаго [4]).

1.

24-го марта (1819). Варшава.

Жуковскій тебя обнимаетъ, а писать не хочетъ [5]): письмо Тургенева отъ 12-го марта. Такъ-то ты исправился. Мнѣ опять надобно умудриться написать какіе-нибудь стихи тебѣ не на вкусъ, чтобы расшевелить твою лѣнь. Но бѣда въ томъ, что никакіе стихи не пишутся. Je ne fais plus que des vers solitaires, un chaque jour [6]), для извѣстнаго посланія къ Ив(ану) Ив(ановичу) [7]). Напримѣръ на-дняхъ высидѣлъ я, говоря о спесивыхъ умникахъ, стихъ:

---

[1]) Александръ Ѳедоровичъ, женатый на племянницѣ Жуковскаго А. А. Протасовой.

[2]) Въ то время Воейковъ былъ еще профессоромъ въ Дерптѣ; но 25-го сентября того же 1820 года онъ былъ, по прошенію, отчисленъ отъ этой должности и затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на службу въ департаментъ духовныхъ дѣлъ и занялся издательствомъ и журнальною литературою (см. Е. В. Пѣтуховъ, „Каѳедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ“, Юрьевъ. 1900, стр. 44).

[3]) Степанъ Петровичъ, авторъ извѣстныхъ Записокъ („Дневникъ студента“ и „Дневникъ чиновника“).

[4]) Печатаются съ подлинниковъ, принадлежавшихъ покойному академику А. Ѳ. Бычкову, которымъ были пріобрѣтены вмѣстѣ съ нѣкоторыми бумагами К. С. Сербиновича. Этими письмами дополняется рядъ писемъ князя П. А. Вяземскаго, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 г. (книга первая, стр. 181 — 208 и 355 — 390) и въ „Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки“ за 1895 г., приложенія, стр. 129—130.

[5]) См. „Остафьевскій Архивъ“, изд. графа С. Д. Шереметева, подъ ред. и съ примѣч. В. И. Саитова, т. I (Спб. 1899), стр. 202, послѣднюю фразу въ письмѣ А. И. Тургенева къ кн. Вяземскому отъ 12-го марта.

[6]) Т. е. я пишу теперь только отдѣльные стихи, по одному каждый день.

[7]) Дмитріеву. Это посланіе было напечатано въ „Полярной Звѣздѣ“

Ихъ глупость тѣмъ глупѣй, что вѣчно корчитъ умъ [1]).

Не полюби этотъ стихъ: сдѣлай милость, не полюби, за то меня полюбишь, или по крайности дашь доказательство, что любишь, то-есть что-нибудь напишешь. Одно другого стоитъ. Что дѣлаешь? Напиши балладу на смерть Коцебу [2]). Что скажешь о своихъ курляндцахъ? Хороши мальчики! Видно ждать ума отъ Франціи: ваша Германія все переставитъ верхъ дномъ. У нея голова кружится въ облакахъ табачнаго дыма. И съ лучшими помышленіями ничего путнаго она не сдѣлаетъ. Во Франціи всѣ задачи рѣшатся при солнцѣ разсудка, въ Германіи при ослѣпительномъ заревѣ безобразныхъ кометъ. Есть ли у тебя трагедія: Die Anhfrau [3]), которая въ большой славѣ? Прости, моя молчанка. Обнимаю тебя и люблю по-старому. Плещееву [4]) мой поклонъ въ поясъ. Скажи ему, что Brice [5]) дебютировалъ у насъ dans Les deux jaloux и Le nouveau seigneur. Онъ у васъ потерялъ голосъ, но поетъ прекрасно. У насъ здѣсь и дочь славной Филисы [6]): варіаціи Каталани [7]) отдуваетъ какъ бы ни въ чемъ не бывало. А для фарсъ есть Méret [8]), въ роляхъ Жокриса [9]) и другихъ des Variétés [10]): Плещеевъ съ нимъ бы не разстался. Одна здѣсь и есть отрада: французскій спектакль. Для меня это настоящій обѣдъ ума: какъ умъ и желудокъ что-нибудь въ день перехватятъ, и довольно. Счастья не надобно, да его и нѣтъ, да и хо-

---

на 1823 годъ; къ этому году оно отнесено и въ Полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго (т. III, Спб. 1880, стр. 294 — 297). „Я теперь сижу надъ посланіемъ къ Ивану Ивановичу и ничего высидѣть не могу“, писалъ князь Вяземскій А. И. Тургеневу 24-го марта 1819 года (см. „Остафьевскій Архивъ“, т. I, стр. 206).

[1]) Въ печатномъ изданіи этотъ стихъ читается такъ:

Ихъ глупость тѣмъ глупѣй, что нагло корчитъ умъ.

[2]) Извѣстный нѣмецкій писатель Августъ Коцебу былъ убитъ 23-го марта н. ст. 1819 г., въ Мангеймѣ, Зандомъ, студентомъ Эрлангенскаго университета.

[3]) Трагедія Франца Грильпарцера (Grillpartzer).

[4]) Александру Алексѣевичу († 1827), находившемуся въ тѣсной дружбѣ съ Жуковскимъ, отличному чтецу, любителю театра, писавшему и пьесы для театра.

[5]) Комическій и оперный актеръ французской труппы въ Варшавѣ, ранѣе игравшій на французской сценѣ въ Петербургѣ (см. „Остафьевскій Архивъ“, т. I, стр. 589).

[6]) Женни Phillis, дочь извѣстной пѣвицы Филлисъ-Андріе (см. тамъ же, стр. 646).

[7]) Знаменитая итальянская пѣвица Анжелика Каталани (р. 1779†1849).

[8]) Въ письмѣ къ Тургеневу фамилію этого актера кн. Вяземскій пишетъ Mairet (тамъ же, стр. 359).

[9]) Въ комедіи: „Jocrisse Suicide“ (тамъ же).

[10]) Т. е. парижскаго театра Variétés.

рошо, что нѣтъ. Le bonheur serait le levier d'Archimède [1]). Одинъ счастливецъ измякъ бы, перекинувъ за плечо всю вселенную. Вотъ скачка титановъ: еще одинъ шагъ, и они залѣзли бы въ небо. Можно ли вообразить счастіе ограниченное? Гдѣ есть предѣлъ желаніямъ, тамъ нѣтъ уже воли, а гдѣ нѣтъ воли, тамъ нѣтъ и счастія. Мнѣ кажется, я умничаю на германскій ладъ. Авось, понравлюсь тебѣ, моя красавица жестокая.

На оборотѣ 2-го листа помѣщенъ слѣдующій адресъ: «Безмолвному Жуковскому, наслѣднику молчанія усопшаго Молчанова-Тургенева, нынѣ блаженно каммеръ-герствующаго [2]) и красноглаголющаго; старца-Эверса [3]) и всѣхъ германскихъ якобинцевъ сообщнику, переводчику Шиллера и Тугендъ и всякихъ другихъ бунтовъ [4]) усердному Сеиду и будущему Магомету, но только безъ сераля, упраздненнаго по несостоянію содержать его въ исправности».

2.

9-го февраля (1829), Москва.

Вотъ, любезнѣйшій другъ, бумаги [5]), прочти все; если успѣешь, прочти и князю Голицыну, нашему московскому [6]), а тамъ и съ Богомъ. Знакомъ ли ты съ Закревскимъ [7])? Я уважаю его и дорожу его мнѣніемъ; если будешь имѣть случай, скажи ему о моемъ дѣлѣ. Теперь мнѣ дѣлать въ Москвѣ нечего, и ѣду къ своимъ, слѣдовательно, ищи меня и пускай другіе ищутъ меня въ Пензѣ, куда и адресовать прямо ко мнѣ письма. Письмо къ государю [8]) раскрой. Получилъ ли ты мою печать и письмо мое съ Окуловою [9]), пріѣхавшею съ княгинею Зенеи-

---

1) Т. е. Счастье было бы то же, что́ Архимедовъ рычагъ.

2) А. И. Тургеневъ былъ пожалованъ камергеромъ 22-го февраля 1819 г. (см. „Остафьевскій Архивъ“, т. I, стр. 567).

3) Знаменитаго профессора догматическаго богословія въ Дерптскомъ университетѣ, Лоренца Эверса (р. 1742 † 1830). Ему посвящено Жуковскимъ стихотвореніе „Старцу Эверсу“.

4) Игра словъ. Т. е. извѣстнаго Tugenbund'a.

5) Извѣстная „Исповѣдь“ князя П. А. Вяземскаго, написанная имъ по поводу сдѣланнаго на него доноса, обвинявшаго его въ развратномъ будто бы образѣ жизни (см. Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. II, Спб. 1879, стр. 85—111, а также т. IX, Спб. 1884, стр. 96—114).

6) Московскому генералъ-губернатору князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну.

7) Арсеніемъ Андреевичемъ, впослѣдствіи графомъ, тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ.

8) Напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1890 года, книга вторая, стр. 279—280.

9) Анною Алексѣевною († 1861), потомъ бывшею наставницею при великихъ княжнахъ Ольгѣ и Александрѣ Николаевнахъ и камеръ-фрейлиною.

дою [1])? Прошу извиненія у Дашкова [2]), что упомянулъ о немъ въ письмѣ къ Бенкендорфу [3]), но, кажется, pas de manière à le compromettre [4]). Надобно же мнѣ отъ козней дьяволовъ выставлять свои честные образа. О службѣ моей на первый случай дѣлайте, что хотите. Я былъ аттестованъ къ чину статскаго совѣтника [5]) въ формулярномъ спискѣ, данномъ мнѣ Новосильцевымъ [6]). Обнимаю тебя и препоручаю себя вашей дружбѣ.

Непремѣнно ѣду, итакъ пиши въ Пензу.

3.

12-го апрѣля 1846. С.-Петербургъ.

Христосъ воскресе! И другъ друга обымемъ! И подѣлись этимъ привѣтствіемъ съ женою и дѣтьми своими. Ты жалуешься Булгакову [7]) на молчаніе мое. Во-первыхъ, если на то пошло, не я въ долгу, а ты. Я писалъ тебѣ въ концѣ ноября и отдалъ письмо Родіонову [8]). А во-вторыхъ, я сказалъ тебѣ, что не пишу, потому что не пишется. Письменная жила во мнѣ остыла и онѣмѣла. Изъ нея уже не бьетъ чернильный кипятокъ, какъ во время оно. О смерти нашего добраго и незабвеннаго Тургенева [9]) я не имѣлъ духа написать тебѣ первый. Къ тому же я знаю, что всѣ подробности о немъ и о кончинѣ его получишь изъ Москвы. Скорби не выразишь словами. Лучше молчать, особенно же на письмѣ не выразишь. Перо худой и слишкомъ матеріальный и многосложный прсводникъ. Свербеева [10]) пишетъ мнѣ (и кажется и къ тебѣ писала), que

---

[1]) Съ княгинею Зинаидою Александровною Волконскою.

[2]) Дмитрія Васильевича.

[3]) Графу А. Х. Бенкендорфу, шефу жандармовъ

[4]) Т. е. такъ, что его не компрометирую.

[5]) Спустя четыре года, въ 1833 году, когда князь Вяземскій былъ представленъ къ чину статскаго совѣтника, на это не послѣдовало высочайшаго соизволенія; причиною тому, по словамъ кн. Вяземскаго, была сказанная имъ шутка насчетъ пожалованія генерала Эссена въ графское достоинство („Напрасно не пожаловали его княземъ Пожарскимъ“) (см. Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. IX, Спб. 1884, стр. 108—109).

[6]) Николаемъ Николаевичемъ, при которомъ князь Вяземскій служилъ въ Варшавѣ.

[7]) Общему пріятелю Жуковскаго и Вяземскаго, Александру Яковлевичу Булгакову, въ то время московскому почтъ-директору.

[8]) Ростиславу Родіоновичу Родіонову, хорошему знакомому Жуковскаго, исполнявшему разныя его порученія въ Россіи.

[9]) Александра Ивановича, скончавшагося въ Москвѣ 3-го декабря 1845 г.

[10]) Екатерина Александровна, рожд. княжна Щербатова, жена Дмитрія Николаевича Свербеева, автора „Записокъ“, изданныхъ въ Москвѣ въ 1899 году.

Joukowski devrait écrire à M-me Tourgueneff [1]) (cousine à Alexandre Tourgueneff) que comme son retour en Russie que l'on a cru prochain et qui aujourd'hui est remis à un an et comme elle avait déjà l'intention de faire remettre les papiers du défunt à la disposition de Joukowski, il la priait de les faire remettre en son nom à monsieur Sverbéeff qui les éxaminerait et en rendrait compte à Joukowski pour en faire plus tard l'usage qui conviendrait le mieux [2]). Свербеева полагаетъ, что всѣ историческіе манускрипты слѣдуетъ принести въ даръ Московскому университету. Я очень одобряю эту мысль. Во всякомъ случаѣ нахожу, что бумаги покойника не должны быть высланы изъ Россіи и не должны быть причислены къ родовому наслѣдству. Надобно охранить ихъ и память его отъ возможнаго злоупотребленія и не выносить посмертный соръ или и драгоцѣнные пожитки (впрочемъ и то и другое, вѣрно, совокупно и нераздѣльно) изъ избы. Не нарушая совѣсти, мы можемъ произвольно признать себя законными наслѣдниками бумагъ Тургенева и въ такомъ смыслѣ и дѣйствовать. Если хочешь, пришли на мое имя письма твои къ Тургеневой и Свербеевой. Знаешь ли, что Андрей Карамзинъ женится на Аврорѣ Демидовой, вдовѣ [3])? Въ семействѣ очень довольны этимъ бракомъ, потому что она хотя нѣсколькими годами и постарѣе его, но во многихъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она совершенно милая, добрая женщина и была и будетъ примѣрною женою. За то весь городъ возстаетъ противъ этой свадьбы и удивляется, какъ Демидова можетъ рѣшиться сойти съ какого-то своего класса при дворѣ и, бывши тайною совѣтницею, идти въ поручицы? Родные также не мирволятъ и распускаютъ разныя глупости и клеветы. Но любовь восторжествуетъ надъ сопротивною силою. Кстати! Поздравь отъ меня и вашу франкфуртскую невѣсту [4]) и нѣжно поцѣлуй моими устами ручку ея. Сердечно радуюсь ея радости. На-дняхъ послалъ я тебѣ чрезъ Воейкова книгу

[1]) Александрѣ Петровнѣ Тургеневой (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 422).

[2]) Т. е. Жуковскому слѣдовало бы написать г-жѣ Тургеневой (двоюродной сестрѣ Александра Тургенева), что, въ виду того, что его возвращеніе въ Россію, которое считалось близкимъ, отложено еще на годъ, и такъ какъ она сама имѣла намѣреніе передать бумаги покойнаго (А. И. Тургенева) въ распоряженіе Жуковскаго, онъ проситъ ее передать эти бумаги, отъ его имени, Свербееву, который ихъ разберетъ и дастъ о нихъ отчетъ Жуковскому, который впослѣдствіи, какъ должно, ими распорядится.

[3]) Сынъ исторіографа Андрей Николаевичъ Карамзинъ (р. 1814 † 1854) женился на вдовѣ егермейстера Павла Николаевича Демидова, Аврорѣ Карловнѣ, рожденной Шернваль († 1902).

[4]) Дочь Маріи Андреевны Мойеръ (рожд. Протасовой), Екатерину Ивановну, вышедшую замужъ за Василія Александровича Елагина, сына Авдотьи Петровны Елагиной.

отъ Шевырева. Что твой Одиссей, студ. Васильевъ? Тронулся ли онъ съ половины пути, на которой было засѣлъ? Что знаешь о Гоголѣ? Здѣсь весьма неблагопріятныя вѣсти о здоровіи его. А хочешь ли знать, что о тебѣ говорится на святой и православной Руси? На, читай. Это извлеченіе изъ Маяка [1]). Этотъ журналъ нынѣ уже не издается и, какъ слышно, запрещенъ за излишнее свое православіе. Соболевскій [2]) сказалъ однажды:

Сочиненіе: Маякъ
Издаетъ большой дуракъ
По прозванію Корсакъ [3]).
Помогаетъ дурачекъ
По прозванью Бурачекъ [4]).

Этотъ-то Бурачекъ и кидаетъ на васъ, еретиковъ, громы православія. Онъ, сказываютъ, большой математикъ, и впрочемъ человѣкъ добросовѣстный, и говоритъ по убѣжденію. Выраженіе мысли его, конечно, нелѣпо, и самая мысль вдается въ крайность, но въ сущности своей она справедлива. Нѣтъ сомнѣнія, что мы, что вся современная образованность напитаны духомъ римскимъ, не только папежскимъ, но и идолопоклонническимъ. И какъ я однажды сказалъ, христіанство, церковь не есть краеугольный камень всего общественнаго зданія. Какъ въ нѣкоторыхъ римскихъ храмахъ евангельскія изображенія не совершенно вытѣснили миѳологическія, такъ и въ нашемъ нравственномъ и умственномъ общежитіи христіанскія понятія не совершенно подавили понятія языческія. Изъ-за Распятія выглядываетъ Юпитеръ, изъ-за Божіей Матери Венера и Граціи. Можетъ ли оно, должно ли быть иначе? Богъ

---

[1]) Издавался въ 1842—1845 гг. С. А. Бурачкомъ. Въ томѣ двадцать второмъ этого журнала, за 1845 годъ, въ статьѣ С. А. Бурачка „Критическій обзоръ народнаго значенія Вселенской Церкви на Западѣ и на Востокѣ“, нѣсколько страницъ посвящено обзору хода русской литературы, и тутъ встрѣчается слѣдующій отзывъ о Жуковскомъ: „Жуковскій уже совершенно преклонился передъ римскимъ истуканомъ французской, нѣмецкой и англійской лже-поэзіи. Онъ уже вовсе былъ чуждъ русскаго духа и стихій. Мораль его—мораль римская. Вліяніе его на современниковъ было полное: онъ создалъ Пушкина. Только въ послѣднихъ его стихотвореніяхъ начинаетъ пробиваться духъ Евангелія, но духъ все-таки римскій, а не русскій. Но его послѣднія произведенія уже не дѣйствуютъ на «юное поколѣніе русскихъ» — оно улыбается имъ“ (Глава IV, Критика, стр. 95).

[2]) Извѣстный библіофилъ Сергѣй Александровичъ Соболевскій.

[3]) Корсаковъ, нынѣ умершій, братъ Дундука. (Примѣчаніе князя П. А. Вяземскаго).—Петръ Александровичъ Корсаковъ (р. 1790 † 1844), цензоръ и писатель, братъ князя Михаила Александровича Дундукова-Корсакова, вице-президента Академіи Наукъ.

[4]) Степанъ Анисимовичъ Бурачекъ, генералъ-лейтенантъ корпуса корабельныхъ инженеровъ (р. 1800 † 1876).

вѣсть! Но неоспоримо, что изъ всего смѣшенія этого и выходитъ разладица, которая мутитъ и дергаетъ общество въ разныя стороны. Если признать христіанство за то, чѣмъ выдаетъ оно себя въ Евангеліи, то, разумѣется, нѣтъ другой возможной жизни намъ, другой дѣятельности, иной цѣли, какъ жизнь, какъ дѣятельность, какъ цѣль апостольская. Все прочее сбиваетъ насъ съ пути и слѣдовательно ведетъ насъ не къ спасенію, а къ гибели. Это неминуемый выводъ изъ начальнаго и неизмѣннаго положенія, то-есть основанія. Согласовать бѣлое съ чернымъ нельзя. Кто не за Христа, тотъ противъ Него, а кто за Него, тотъ иди по слѣдамъ Его, и только по слѣдамъ Его; двухъ путей тутъ нѣтъ, и нѣтъ проселокъ, а все одна столбовая, крестовая дорога. Еклектизма тутъ быть не можетъ. Оно такъ быть должно, потому что есть: согласенъ; но согласитесь и вы со мною, что въ такомъ случаѣ мы не христіане, или очень плохіе христіане, полу-христіане. Чтобы не попасть въ Кавелины, лучше кончу. Знаешь ли, что твой пріятель Кавелинъ [1]) немного рехнулся [2]) и наконецъ уволенъ отъ должности, а на мѣсто его назначенъ старикъ Храповицкій [3]), и въ городѣ говорятъ, что онъ назначенъ по его выбору. Забавно, или прискорбно, какъ хочешь и какъ взглянешь, то, что онъ мѣсяца два колобродилъ, сажая встрѣчнаго и поперечнаго на съѣзжую въ исправительный домъ, ругался, придирался ко всѣмъ и все-таки полновластно управлялъ городомъ. Россія баба здоровякъ. То-ли выдержать можетъ? О ней нельзя сказать, что духъ бодръ, а плоть немощна. Нѣтъ, въ ней и духъ бодръ, да и плоть хоть куда, закалена, залита мѣдью. Ничѣмъ не проймешь ея, ни Наполеономъ, ни Кавелинымъ. Стоитъ себѣ, да крестится и не унываетъ. Отрицательная ея сила, способности и умъ неимовѣрны. Есть и дѣйствительныя, но о нихъ рѣчь впереди. Нѣжно обнимаю тебя.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) С.-петербургскій генералъ-губернаторъ А. А. Кавелинъ.
[2]) См. „Русскую Старину“ 1902 года, мартъ, стр. 557.
[3]) Генералъ-адъютантъ Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій († 1847).

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

Ввечеру театръ Le postillon de Longjumeau [1]) и ..... [2]). Опера весьма посредственная и умерла безъ всякаго шума. Самойлова [3]).

26 октября (7 ноября), середа. Поутру у в(еликаго) к(нязя). Маркези [4]). Жерве [5]). Въ картинную галлерею Бреры. Къ Самойловой съ Тютчевымъ. Гербы всюду. Билліардная. Столовая съ амурами. Зала для танцевъ. Прихожая съ гравюрами. Гостиная. Зефиръ и Психея. Попугаи и обезьяны. Кабинетъ липовый, собственной работы. Спальня. Портреты самой хозяйки и портретъ ея воспитанницы верхомъ, Брюлова. Агарь и Измаилъ. Campo Santo, Мильара [6]). Поджіо въ альбанскомъ костюмѣ. Все это вмѣстѣ прихоть, купленная дорого; есть отсутствіе жизни, а какое-то трепетаніе, ее замѣняющее. Портретъ хозяйки между Наполеономъ и кающеюся Магдалиною. Я это замѣтилъ; отвѣтъ: «A présent seulement Magdalina (sic!), mais repentante—cela vient plus tard» [7]). Садъ, видъ съ балкона.—Проба пожарной команды. Составныя лѣстницы; веревки съ узлами и безъ узловъ; спуски и спасеніе; спуски по холстамъ; прыжки на ковры.—Осмотръ Maria delle Grazie и картины Ленардо да Винчи. Въ S. Vittore al Corso. Прекрасныя фрески Креспи. Необыкновенное богатство алтаря. Деревянный сводъ штучный съ позолотою и фресками. Въ сакристіи хорошія картины. Шитье Пеллегрини. Въ магазинъ картинъ: Голова Спасителя Ленардо да Винчи; портретъ Тиціановъ; С(вятой) Павелъ Пустынникъ Гвидо. Семейный портретъ П(авла) Веронеза. Обѣдъ у эрцгерцога [8]), довольно оригинальный за тѣмъ, что я обѣдалъ у него, ему не представленный. Вечеръ у графа Гартига [9]); графиня Терци съ сыномъ и дочерью. Графъ Пахта [10]). Фельдмаршалъ Радецкій [11]). Принцъ —[12]). Общество не многолюдное.

27 октября (8 ноября), четвергъ. Поутру у в(еликаго) князя. Мар-

[1]) См. выше, стр. 398, прим. 6-е.

[2]) Одно слово не разобрано.

[3]) Красавица графиня Юлія Павловна Самойлова, рожденная графиня Паленъ. Во второмъ бракѣ она была за французскимъ докторомъ Перри, а въ третьемъ бракѣ за французскимъ графомъ de Mornay.

[4]) См. выше, стр. 431, прим. 4-е.

[5]) Вѣроятно, Карлъ Андреевичъ Жервѣ, младшій секретарь нашего посольства въ Вѣнѣ.

[6]) См. выше, стр. 422, прим. 4-е.

[7]) Т. е. Въ настоящее время только Магдалина, а кающаяся—это придетъ позже.

[8]) Эрцгерцогъ Австрійскій Райнеръ (р. 1783†1853), вице-король Ломбардіи.

[9]) Губернаторъ Ломбардіи (см. выше, стр. 425, прим. 5-е).

[10]) Начальникъ полиціи (см. ниже, подъ 28-мъ октября).

[11]) Извѣстный австрійскій фельдмаршалъ графъ Радецкій (р. 1766†1858), командующій войсками въ Ломбардіи.

[12]) Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

кези [1]). Къ Фризьяни [2]). Съ нимъ къ Манцони [3]). Въ улицѣ—[4]), въ собственномъ домѣ. Переходъ черезъ дворъ; въ нижнемъ этажѣ. Передъ каминомъ. Тотчасъ подалъ мнѣ омбрасоль [5]). Сходство не наружностію, а всѣмъ слогомъ съ Каподистріею. Разговоръ о Гёте, о Бейронѣ; о тенденціи нынѣшней поэзіи. Бѣлые стихи. Сущность поэзіи. Нельзя вдохновенно написать похвалы побѣдамъ турокъ или похвалы терроризму. О соединеніи вѣръ.—Отъ Манцони въ S. Celso. Статуи Адама и Евы. Необыкновенное богатство алтаря. Въ S. Lorenzo—древняя колонада. Въ Maria della Passione. Картины Луини и Кампи Распятіе и Снятіе со креста. Въ церковь св(ятаго) Августина. Деревянная дверь съ рѣзьбою; гробъ стеклянный и на немъ утверждена каѳедра св. Августина. Древній алтарь на колоннахъ изъ краснаго мрамора; мозаика. Мраморная статуя св. Августина. Обѣдалъ съ в(еликимъ) княземъ. Ввечеру глупый балетъ и глупая опера—Италіанцы въ Константинополѣ и Эдимбургская тюрьма [6]).

28 октября (9 ноября), пятница. Во дворецъ, въ театръ и театральную школу. Императоръ главный содержатель театра, при немъ impressario. Здѣсь ложи не даютъ дохода; общій счетъ съ представленія; въ Вѣнѣ выигрышъ, здѣсь убытокъ. Продажа старыхъ костюмовъ на другіе театры. 36 ученицъ, приходящихъ со стороны. Азбука балетная.—Съ полицмейстеромъ въ S. Marguerite смотрѣть тюрьму Пеллико [7]). Къ Фризьяни [8]). Съ нимъ въ atelier Monti [9]), котораго сынъ много обѣщаетъ; живой и умный. Работаетъ Аякса, сражающагося за Патроклово тѣло. Амуръ и маленькая Психея. Къ Molteni [10]), оригиналъ въ шотландскомъ платьѣ. Портретъ Манцони (который не далъ снять копіи), Меттерниха, епископа, Вальмодена [11]) и многіе другіе. Стиль и эффектъ. Въ Библіотеку. Библіотекарь Rossi. Его каталогъ, расположенный по унив(ерсальнымъ) способностямъ. Нотная книга, чернила съ прекрасными виньетами. Monastere grande; прекрасные Лунніевы фрески. Въ atelier Маркези: Религія; Младенцы и слѣпецъ; Вѣра, надежда и

---

[1]) См. выше, стр. 431, прим. 4-е.

[2]) См. выше, стр. 427, прим. 3-е.

[3]) См. выше, стр. 425, прим. 10-е. Подробности о своемъ посѣщеніи Манцони Жуковскій сообщилъ И. И. Козлову въ письмѣ отъ 4-го (16-го) ноября 1838 года (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 474—476).

[4]) Для названія улицы въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

[5]) Ручной экранъ.

[6]) Комическая опера композитора Caraffa (р. 1787†1872).

[7]) См. выше, стр. 425, прим. 3-е.

[8]) См. выше, стр. 427, прим. 3-е.

[9]) Миланскій скульпторъ.

[10]) Живописецъ Giuseppe Molteni.

[11]) См. выше, стр. 425, прим. 3-е.

любовь; Геркулесъ; Церберъ и Альцеста; дрянные Саваоѳъ и Гименей; множество бюстовъ. Мраморный пьед(е)сталъ. У насъ обѣдалъ эрцгерцогъ[1]). Я сидѣлъ за обѣдомъ рядомъ съ графомъ Пахтою, главою полиціи. Въ театръ. Норма[2]) и вчерашній балетъ. Тютчевъ и наше прощанье.

29 октября (10 ноября), суббота. Выѣздъ изъ Милана и переѣздъ въ Кремону. Довольно пасмурный день. Пріѣхали въ Кремону въ сумерки. Явленіе Лауница[3]). В(еликій) к(нязь) въ театрѣ. Я остался дома.

30 октября (11 ноября), воскресенье. Осмотръ собора, гдѣ фрески Порденоне. Соборъ смѣсь готическаго съ византійскимъ. Все ужасно темно и неразборчиво. Баптистеріумъ, октогонъ.—Переѣздъ въ Мантую. Прогулка по городу. Башня съ клѣткою. Дворецъ герцоговъ Мантуанскихъ. Фасадъ стиля готическаго; внутренность архитектуры Жуліо Романа, коего здѣсь фрески изъ Энеиды и Иліады. Портреты герцоговъ Мантуанскихъ. Плафоны Жуліо Романа. Картины Пальмы Giovane. Остальное все въ разрушеніи.—Соборъ с(вятаго) Петра съ новою фасадою архитектуры Жуліо Романа; VII ладей. Съ плоскими плафонами и со сводами. Картины Гверчиніи или ученик(а) его. Церковь с(вятаго) Андрея прекрасной архитектуры Возрожденія. Гробница А. Мантеньи[4]) съ его бюстомъ и образомъ Богоматери его кисти. Ходилъ за городъ на мостъ, съ котораго видъ на укрѣпленія. Послѣ обѣда въ театръ. 1812 и 1814.

31 октября (12 ноября), понедѣльникъ. Осматривалъ крѣпость. Полковникъ графъ Карнчай. Въ замокъ del T.[5]), замѣчательной архитектуры Жуліо Романа и (съ) его фресками, наполняющими нѣсколько комнатъ, между коими самыя замѣчательныя: горница Гигантовъ и горницы Ночи, Юпитера и Аполлона. Palazzo Ducale. S. Pietro. S. André. Домъ Жуліо Романа. Здѣсь заключенъ былъ и разстрѣленъ Гоферъ[6]). Переѣздъ въ Верону. Дорога отъ Мантуи до Вероны по плотинамъ, между полями, коимъ заборомъ служатъ плодовитыя деревья. Сыров(арня) Lodenere.

1 (13) ноября, вторникъ. Верона. Поутру осматривалъ церковь с(вятой) Анастасіи. Двѣ картины Фаринетти[7]). Монументъ фамиліи

---

[1]) Эрцгерцогъ Райнеръ (см. выше, стр. 433, прим. 8-е).

[2]) Опера Беллини.

[3]) См. выше, стр. 230, прим. 6-е.

[4]) Итальянскаго живописца Andrea Mantegna († 1506).

[5]) Т. е. Palazzo del Té.

[6]) Андрей Гоферъ, стоявшій во главѣ тирольскаго возстанія 1809 года, былъ разстрѣленъ французами въ Мантуѣ въ 1810 году.

[7]) Въ дневникѣ фамилія живописца написана невѣрно; слѣдуетъ читать: Фарпнато (Paolo Farinato), веронскій живописецъ XVI вѣка.

Пеллегрини. Монументъ conte Cavalli. На алтарѣ Либерала [1]) Madonne, S. Augustin et S. Jean de Moroni. Concile (de) Trente, въ которомъ участвуютъ черти. La sacristie par la famille Giusti. Felice Brusasorci—Les pères d'église. Giolfino—Сошеств(ie) Св. Духа. S. Martin Carotto. S. Vincent Pietro Rotari.—Переѣздъ въ Виченцу. Картинная галлерея въ Palazzo — [2]). Замѣчат(ельно) Бассано Adoration des mages, впрочемъ одно только начало. Открытіе амфитеатра, коего обломки въ музеумѣ. Церковь S. Corona: Montagna—Группа святыхъ; J. Bellini—Крещеніе Спасителя; П(авелъ) Веронезъ—Волхвы. Пробѣжали какъ молнія. Théâtre Olympique de Palladio—игрушка. Базилика, величественныя развалины. До Падуи ѣхали на козлахъ. Замѣчательный городъ, въ которомъ видѣли прекрасную оперу Marino Faliero [3]) Donizetti. Primadon(n)a Amars—Эллену, дожа—Фарлотти, Израеля—Теретти.

2 (14) ноября, середа. Взглянулъ на церковь св(ятаго) Антонія. Великолѣпнѣйшее зданіе съ 7 куполами. Конная статуя Гатамелаты [4]). Переѣздъ въ Венецію. Отъ Доло на козлахъ до Фузины. Рядъ виллъ: предмѣстіе Венеціи. Переѣздъ изъ Фузины [5]) на лодкѣ Большимъ каналомъ. Чудное зрѣлище. Я въ горницахъ императора Александра. Прогулка по Piazza di S. Marco.

3 (15) ноября, четвергъ. 1 день въ Венеціи. У в(еликаго) князя представленіе. Брера [6]), графъ Мочениго, гр(афъ) Шпауръ, губернаторъ. Съ Лауницемъ въ церк(овь) св. Марка. Взглядъ на дворецъ дожей. Piaz(z)etta. Къ консулу. Piazza di S. Mauricio. Въ Palais Pisani. Нерли [7]) въ той горницѣ, гдѣ застрѣлился Робертъ [8]). Панорама Венеціи. Возвращеніе домой на гондолѣ. Вечеръ дома.

4 (16) ноября, пятница. Утро дома съ Quadri [9]) устраивалъ планъ. У меня Татищевъ, Мочениго, Паулуччи [10]), Брера, Фрейгангъ, Лауницъ,

---

[1]) Liberale da Verona, живописецъ второй половины XV вѣка.

[2]) Для названія въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ; слѣдуетъ читать: Palazzo Chiericati.

[3]) Въ дневникѣ описка: Falieri.

[4]) Gattamelata (Erasme de Narni, † 1443), главнокомандующій венеціанскихъ войскъ съ 1437 по 1441 г. Эта статуя работы извѣстнаго скульптора XV вѣка Донателло.

[5]) Въ дневникѣ описка: Фузино.

[6]) Извѣстный докторъ Valeriano-Luigi Brera (р. 1772†1840).

[7]) Фридрихъ Нерли (Nerly (Nehrlich), р. 1807 † 1878), извѣстный живописецъ.

[8]) Извѣстный французскій живописецъ Léopold Robert († 1835).

[9]) Вѣроятно, Antonio Quadri (р. 1777 † 1845), авторъ многихъ трудовъ по статистикѣ и политической экономіи. Имъ же былъ изданъ въ 1822 году Путеводитель по Венеціи.

[10]) Маркизъ Филиппъ Осиповичъ Паулучи (р. 1779, въ Моденѣ † 1845), бывшій лифляндскій, эстляндскій и курляндскій генералъ-губернаторъ. Въ

Толстой, Барятинскій. Обѣдалъ у Татищева съ Киселевымъ [1]), Нарышкинымъ, Соболевскимъ [2]) и Толстымъ. Вечеръ дома.

5 (17) ноября, суббота. Утро писалъ письма: къ Рейтерну, Плетневу [3]), Козлову [4]), гра(финѣ) Вьельгорск(ой),[5]), Уварову, Бравурѣ и Прянишникову[6]). Визитъ доктору Брера. Прогулка по набережной: le Pont des Soupirs. Дверь въ тюрьму съ плачущею фигурою. Разныя сцены на набережной: часовня и въ ней сидящій въ колпакѣ; отецъ, мать и сынъ. Комедія Гольдони [7]) съ гравюрами. Всякая всячина, которая всякій день собирается, прибирается, чтобы продать на ліардъ. Вода продажная. Старыя книги; битыя стекла; образа; подвижной театръ; спящіе и просто лежащіе на рогожахъ и безъ рогожъ; гондольеры; каменотесы и пр. пр. Обѣдали дома. Ввечеру письмо къ Миллеру [8]). Съ Лауницемъ началъ италіанскія лекціи.

6 (18) ноября, воскресенье. Начало нашихъ осмотровъ. Взглядъ на карту, на рельевъ Венеціи и на Венецію съ высоты колокольни св. Марка. Съ Лауницемъ началъ обозрѣніе искусствъ. У обѣдни въ греческой церкви.

7 (19) ноября, понедѣльникъ. Утро у в(еликаго) князя. Начало чтенія съ нимъ Данте. Урокъ италіанскаго языка. Обозрѣніе карты площади св. Марка и церкви. Поѣздка на Ріальтъ. Церковь, нѣсколько разъ перестроенная. Мѣсто, съ коего провозглашались законы. Ступени и колонны. Мостъ Ріальто, прежде деревянный. Путь Тьеполо во время заговора противъ Градениго [9]); мѣсто, означенное камнемъ, на коемъ убитъ знаменосецъ; грабежъ на Ріальто лавокъ.—Взглядъ на площадь; камень, означающій мѣсто, на коемъ стояла церковь с(вятаго) Гемпніяна; каналъ закладенный. Колокольня и мѣсто, гдѣ прокураторы

концѣ 1829 г. онъ покинулъ русскую службу и возвратился въ Италію, гдѣ вскорѣ былъ назначенъ главнымъ инспекторомъ войскъ короля Сардинскаго и генералъ-губернаторомъ Генуи и Генуэзской провинціи.

[1]) Вѣроятно, Николай Дмитріевичъ Киселевъ, совѣтникъ посольства въ Лондонѣ.

[2]) Извѣстный библіофилъ и юмористъ Сергѣй Александровичъ Соболевскій (р. 1803†1870).

[3]) Напеч. К. Я. Гротомъ въ статьѣ „Нѣсколько дополненій къ рукописямъ В. А. Жуковскаго“, Спб. 1901, стр. 3—4 (письмо помѣчено 4 (16) ноября)

[4]) См. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 473—476 (письмо также помѣчено 4 (16) ноября).

[5]) См. отрывокъ тамъ же, стр. 665—666 (также съ помѣтою 4 (16) ноября).

[6]) Ѳедору Ивановичу († 1867), петербургскому почтдиректору, впослѣдствіи члену Государственнаго Совѣта.

[7]) См. выше, стр. 422, прим. 2-е.

[8]) Вѣроятно, къ саксенъ-веймарскому канцлеру Миллеру.

[9]) Боэмондъ Тьеполо (Tiepolo), стоявшій во главѣ возстанія 1310 г. противъ венеціанскаго дожа Пьетро Градениго (р. 1249 † 1311).

содержали стражу во время засѣданій Совѣта. Пьедесталъ взяли въ Акрѣ генуэзцы и венеціаны. La peine du talion. Porta delle Carte [1]). Колонны акрскія. Три флага: Кипръ, Кандія и Морея. Два столба изъ красноватаго мрамора. Колонны тирскія: св. Ѳеодоръ и Левъ Марка; игра азартная; мѣсто казней. Подъ аркадами: кофейные домы, лавки. Старая прокуратія, новая среднее зданіе, гдѣ была церковь Геминіана. Старая библіотека. Но(вая) прокуратія Сансовино [2]). Голова львова, выбитая французами. Великій князь осматривалъ церковь св. Марка; а я съ Лауницемъ и Нерли въ Академіи Художествъ, о которой послѣ. Ввечеру у меня Брера. Совершенное уничтоженіе всего съ упадкомъ республики, воспоминаніе болѣе въ памятникахъ, нежели въ нравахъ. Тайная сила правительства. Маски. Messer grande. Здоровый климатъ. Холера.

8 (20) ноября, вторникъ. Поутру во всей формѣ поздравленіе в(еликаго) князя. Онъ къ обѣднѣ. Я домой. Съ в(еликимъ) княземъ въ Trésor с(вятаго) Марка. Чаша ониксовая. Кресты готической работы. Золотой покровъ съ финифтью для гробницы св. Марка. Скипетръ и корона императорскіе. Мощи въ разныхъ оправахъ, вывезенныя изъ Константинополя. Кости св. Урзулы [3]) въ ракѣ, подаренной Генрихомъ IV, и пр. На башню св. Марка. Въ дворецъ дожевъ. Осмотръ темницъ. Къ лѣстницѣ Гигантовъ. (Корзина съ плодами). На средній корридоръ. Булла папы. Прежнія тюрьмы. Камора авогадоровъ, изъ коей ходъ на Мостъ вздоховъ, и дверь въ отдѣленіе, ведущее въ тюрьмы общія. Мостикъ, раздѣленный на двѣ части; одна соединялась верхнею дверью съ ходомъ, ведущимъ въ нижнюю тюрьму и въ палату Десяти и въ судилище инквиз(иціи); друг(ая), нижняя, вела въ палату авогадоровъ. Сіи два отдѣленія разными дверями вели въ разныя отдѣле(нія) тюрьмъ, соединенныхъ съ Пломбомъ [4]) посредствомъ моста. Посреди находилась дверь, которая открывала(сь) для подсудимыхъ, признанныхъ принадлежащими къ тому или другому роду преступленія. Преступники посредствомъ тайныхъ ходовъ могли ходить снизу вверхъ и сверху внизъ такъ, что ихъ никто не подозрѣвалъ; единственное мѣсто, гдѣ ихъ видѣли въ лицо, было судилище инквизиціи, къ которому сверху примыкалъ ходъ, также темный, изъ подъ Свинцовъ. Нѣсколькими ступенями выше была камера пытки, высокая палат(а), доходящая до самыхъ кровель: здѣ(сь) производилась одна эстрапада [5]). Но ни подземныя

---

[1]) Т. е. Porta della Carta.
[2]) Извѣстный венеціанскій архитекторъ (р. 1486†1570).
[3]) Въ дневникѣ описка: Урзелы.
[4]) Piombi (Свинцы)—тюрьмы подъ крышею дворца дожей.
[5]) Т. е. пытка дыбою.

тюрьмы, ни Пломбы не стоятъ той ужасной репутаціи, какую имѣли. Темницы мрачны, но не подъ водою; верхнія довольно тѣсны, но не имѣютъ ничего слишкомъ ужаснаго. Ихъ репутація въ ихъ произволѣ и въ тайнѣ судопроизводства. Объ тюрьмы С(ильвіо) Пеллико [1]). Пломбы Казановы [2]). Онъ весьма могъ спастися. Горница инквизиторовъ передѣлана; она была обтянута кожею съ узорами. Палата президента X [3]). Сохранился потолокъ, писан(ный) Павл(омъ) Веронезомъ. Чудн(ые) потолки и ками(ны) въ другихъ горницахъ; живописныя украшенія Павла Веронеза и Тинторета. Галлерея философовъ. Золотая лѣстница съ чуднымъ потолкомъ.

9 (21) ноября, середа. Осмотръ Palazzo Ducale. Porta della Carta, гдѣ прибивали(сь) узаконенія. Писари. Лѣстница Великановъ; отверстія.—Булла папы. Золотая лѣстница. (Праздникъ Maria della Salute. У посла [4]). Орловъ) [5]). Обѣдалъ у посла.

10 (22) ноября, четвергъ. Фельдъегерь изъ Петербурга съ важною вѣстью. Осмотръ Свинцовъ и тайныхъ тюремъ. Рисованье. Вечеръ у Шпаура.

11 (23) ноября, пятница. Palazzo Griman(i). S. Maria dei Miracoli. S. Paolo et S. Giovanni. Утромъ Корніани. Perugino. Рисованье. Вечеръ дома.

12 (24) ноября, суббота. Съ вел(икимъ) кн(яземъ) въ цер(кви) dei Frari. S. Roch. Confrérie de S. Roch. Fenice [6]). Maria del' Orto.

13 (25) ноября, воскресенье. У обѣдни. Въ галлерею Барбини. S. Zacharie. S. Giovan(n)i et Paolo. Изъ греч(еской) церкви къ послу. У Скіавони [7]). Къ граф(инѣ) Чиконьяра [8]). S. Giorgio Maggiore.

14 (26) ноября, понедѣльникъ. Académie des Beaux Arts. Maison Treves. У San Querico.

15 (27) ноября, вторникъ. Въ галлереѣ Манфрини. Въ Frari. Экзекуція на Piazzet(t)a: Принъ.

16 (28) ноября, середа. Les ateliers: Dusi [9])—Ромео и Юлія. Смерть

---

[1]) См. выше, стр. 425, прим. 9-е.

[2]) Извѣстный венеціанскій авантюристъ XVIII вѣка (р. 1725†1803).

[3]) Т. е. президента Совѣта Десяти.

[4]) У нашего посла въ Вѣнѣ Д. П. Татищева.

[5]) См. выше, стр. 299, прим. 6-е.

[6]) Театръ.

[7]) Художникъ Natale Schiavoni.

[8]) Вѣроятно, вдова политическаго дѣятеля, историка искусствъ и президента Академіи Художествъ въ Венеціи, графа Леопольда Cicognara (род. 1767†1834).

[9]) Cosroe Dusi, жанристъ и историческій живописецъ, бывшій потомъ профессоромъ Петербургской Академіи Художествъ; работы его имѣются въ Исаакіевскомъ соборѣ.

св. Мартина. У Липарини [1]). Палинари. Греческі(й) патріархъ посреди грековъ, портретъ гр(афини) Самойловой. У Полити [2]): Елена, Тезей и Пир(и)той. У Бузи. У Боргати: разные виды. У Скіавони: Покло-(неніе) пастырей. Тиціанъ и Віоланта. Тассъ и Элеонора. Портретъ. Флора. Домъ Бьанка Капелло.

17 (26) ноября, четвергъ. Въ Мурано. Фабрика Биталліи.

18 (30) ноября, пятница. Арсеналъ. Львы. Баталія. Коллегія.

19 ноября (1 декабря), суббота. Въ монастырѣ de Salazzi, св. Магдалины. Игуменья и пять монашенокъ, француженки, изъ Ліонскаго монастыря, бѣжавшихъ въ началѣ монастыря сперва въ Мантую, потомъ въ Австрію, потомъ утвердились въ Венеціи. Рабочія съ надпис(ями): Ce qui n'est pas pour l'éternité ne peut être que vanité; въ другомъ мѣстѣ: Il faut vivre ici ayant le coeur au ciel et le corps au tombeau [3]). Спальни, классы; дѣвицъ числомъ тридцать шесть. Оттуда въ церковь. Панихида по Александрѣ.—Въ домъ Пизани. Прекрасная зала; великолѣпная спальня съ худыми занавѣсками; лѣстница высокаго стиля; штучный мраморный полъ. Картина Веронеза Дар(і)ево семейство, превосходная композиція съ странностями костюма и подробност(ей): колонада, обезьяна и прочее. Противъ нея Смерть Дарія, съ большимъ эффектомъ.—Въ домъ Барбариго. Картины Тиціана: .... [4]), съ большимъ выраженіемъ, странный костюмъ, полосатое платье; Венера и Амуръ съ зеркаломъ; Святое семейство; Св. Себастіанъ и другія, всѣ попорчены, но часто чистыя и нисколько не закрашенныя; Корреджіевы головки.—Въ Архивъ, находящійся въ монастырѣ dei Frari; до 10.000.000 рукописныхъ волюмовъ; отдѣльныхъ листовъ безъ числа. Документы съ 800 по 1836. Не въ большомъ порядкѣ, ибо мало чиновниковъ, и которые есть, несвѣдущи; когда нынѣшніе директоръ и вицъ-директоръ умрутъ, архивъ будетъ неприступенъ. Въ Maria della Salute. Великолѣпная церковь безъ вкуса, Лонгена [5]). Бронзовый канделябръ; картина стертая Тиціана Сошествіе Св. Духа. Въ сакристіи прекрасныя картины, коихъ видать было невозможно. Les noces de Cana Тинторета, перспектива. Св. Маркъ на тронѣ и святые Тиціана.—У графини Чиконьяра.—Ввечеру бродилъ по площади св. Марка и по пьяццеттѣ и по набережной des Esclavons.

20 ноября (2 декабря), воскресенье. У обѣдни во всей формѣ [6]). Во

---

[1]) Художникъ Людовикъ Липпарини (р. 1880†1856).

[2]) Профессоръ Академіи Художествъ въ Венеціи Odorico Politi (р. 1785).

[3]) Т. е. Все, что не для вѣчности, лишь суета. Надо жить здѣсь, имѣя сердце на небѣ, а тѣло въ могилѣ.

[4]) Одно слово осталось неразобраннымъ.

[5]) Baldassare Longhena, венеціанскій архитекторъ XVII вѣка († 1675).

[6]) День восшествія на престолъ императора Николая I.

время службы съ патріарха упала шапка и сломался крестъ. У Врбны [1]). У Шпаура. Clementine, старшая дочь; ея живописныя картины. Къ послу. Отдалъ евангеліе. Разговоръ о путешествіи в(еликаго) князя. Къ Нарышкиной [2]). Къ Брера, коему отвезъ перстень. Импровизаторъ вслѣдъ за нами отъ обѣдни. Заходилъ въ С. Марко. Обѣдъ у принца, долгой и скучный. Сидѣлъ подлѣ коменданта [3]). Послѣ обѣда разсказы Паулучи. Въ Фениче [4]). Norma. M-elle Remble—Norma.

21 ноября (3 декабря), понедѣльникъ. Укладка до 12 часовъ. Съ великимъ княземъ въ Армянскій монастырь. Школа. Типографія. Церковь. Евангеліе. Часы 8 вѣка. Русская грамматика. Русская исторія Гахвозова. Отецъ Паскали учитель Бейрона; мѣсто, гдѣ Бейронъ учился по-армянски, и другое, гдѣ часто сидѣлъ и сочинялъ. Физическій кабинетъ. Прелестные виды лагунъ, острововъ, Лидо съ Маламокко. Къ коменданту Штейнингеру. Карта Франціи и карта Баваріи. Къ Фрейгангу; Паткуль [5]) ловеласъ. У насъ обѣдалъ принцъ. Я подлѣ Дандоло [6]) и Лебцельтерна [7]). Ввечеру прогулка по Piazza при лунѣ. Тѣнь колокольни, блѣдный свѣтъ куполовъ; Maria della Salute какъ призракъ; полоса лагунъ; огни на корабляхъ; огни на гондолахъ. Почтовая лодка въ Кіожжу съ фонаремъ; спящіе на мост(ахъ) и гондолахъ; гондолы съ фонарями. Масса С. Марко и Palazzo съ огромными окнами. Левъ съ крыльями. Рѣзьба на свѣтломъ фонѣ зданій. Ponte d(e)i Sospire въ блѣдномъ свѣтѣ надъ темнымъ каналомъ, на коемъ полоса отъ фонаря гондолы и свѣтъ въ окнѣ тюрьмы. Per me si va... [8]). Вечеръ у Шпаура. Пѣнье. Картины Каролины [9])

Мой міръ лишенъ маги(че)ской одежды;
Еще могу по прежнему любить;

---

[1]) См. выше, стр 419, прим. 7-е.

[2]) Вѣроятно, къ Маріи Яковлевнѣ Нарышкиной (р. 1789 † 1854), вдовѣ оберъ-гофмаршала Кирилла Александровича Нарышкина († 25-го октября 1838).

[3]) Коменданта Венеціи Штейнингера (см. ниже, подъ 21-мъ ноября).

[4]) Театръ Fenice.

[5]) Александръ Владиміровичъ Паткуль († 1877), воспитывавшійся вмѣстѣ съ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ, въ то время адъютантъ наслѣдника, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ.

[6]) Быть можетъ, графъ Tullio Dandolo (р. 1801 † 1870), итальянскій литераторъ и путешественникъ. Между прочимъ, въ 1830 г. онъ издалъ книгу „Lettere su Venezia“.

[7]) См. выше, стр. 276, прим. 2-е.

[8]) Per me si va nella citta dolente—надпись на вратахъ Адовыхъ (изъ Дантова „Чистилища“).

[9]) Вѣроятно, описка; рѣчь, какъ кажется, идетъ о картинахъ дочери графа Шпаура, Клементины (см. выше, подъ 20-мъ ноября).

Но нѣтъ надежды [1])
Любимымъ быть.

22 ноября (4 декабря), вторникъ. Выѣздъ изъ Венеціи черезъ Местре. На лодкѣ. Завтракъ въ Падуѣ. Весь день пасмурно и дождь. Ночевали въ Ровиго.

23 ноября (5 декабря), середа. Переѣздъ изъ Ровиго въ Болонію. Пріѣхали довольно поздно.

24 ноября (6 декабря). Осмотръ въ Болоніи церкви св. Петронія; замѣчательная архитектура. Противъ нея замокъ короля Энціо [2]). Нептунъ Jean Bologna [3]). Двѣ башни покосившіяся. Картинная галлерея: Рафаель. Каррачи: Лудвигъ, Августинъ и Аннибалъ. Альбано. Доминикинъ. Гвидо Рени. Гверчино. Франческо Франчіа. Фонтана. Елиза Сирани. Двѣ залы великолѣпно полныя.—Переѣздъ изъ Болоніи въ Ковильяйо черезъ Аппенины. Быки. Дождь. Темнота. Сильный вѣтеръ. Густой туманъ. Холодная квартира съ дымящимъ каминомъ.

25 ноября (7 декабря), пятница. Переѣздъ изъ Ковильяйо во Флоренцію. Въѣздъ на козлахъ. Кн(язь) Голицынъ. Представленіе гросгерцогу [4]) въ сертукахъ. Прогулка по площади. Молтке. Вечеръ сперва у в(еликаго) князя, потомъ у себя. Ужасно вонючая горница.

26 ноября (8 декабря), суббота. Поутру на площадь. Palazzo Vecchio. Log(g)ia d(e)i Lanzi. J(ean) Bologne три силы. Персей сухъ. Давидъ уродъ. Геркулесъ мужикъ [5]). Левъ флорентинскій. Гербы. Статуя Козма I [6]). Каѳедральная церковь, особенно снаружи. Sid di Dante [7]). Bruneleschi и Arnolpho [8]). Баптистеріумъ. Campanile. Нѣсколько времени солнечнаго свѣта. Въ S. Crose. Памятники М(икель) Анжу, Данте, Альфьери, Макіавелю и Галилею. Огинскаго памятникъ. Въ сакристіи фрески Жіотто и его Мадонна, Богоматерь Чимабуе. Часовня съ четырьмя сивиллами и раемъ

---

[1]) Третій стихъ сначала былъ написанъ въ такой редакціи:
Но для меня ужъ нѣтъ теперь надежды.

[2]) Король Сардинскій Енціо, сынъ германскаго императора Фридриха II, во время войны императора противъ папы Григорія VII, былъ взятъ въ плѣнъ—въ сраженіи при Фоссальтѣ въ 1249 году и потомъ содержался въ плѣну въ Болоньѣ, до самой своей смерти († 1272).

[3]) Статуя Нептуна на площади, исполненная въ 1564—66 гг. извѣстнымъ скульпторомъ Giovanni da Bologna.

[4]) Великому герцогу Тосканскому Леопольду II.

[5]) Это три статуи Бенвенуто Челлини, Микель Анжело и Джіованни да Болонья (ср. выше, стр. 298).

[6]) См. выше, стр. 298, прим. 2-е.

[7]) Т. е. Sasso di Dante (см. выше, стр. 297, прим. 7-е.

[8]) Филиппомъ Брунеллески былъ сооруженъ (въ 1420—1434 гг.) куполъ флорентинскаго собора; начатъ же былъ соборъ постройкою въ 1294 г. подъ руководствомъ Arnolfo di Cambio († 1300).

на плафонѣ. Въ Annonziata [1]). Madonna del Sacco [2]): рисующій англичанинъ; другія запертыя фрески [3]) А(ндреа) дель Сарто изъ жиз(ни) Богоматери. Въ церкви великолѣпной, съ замѣчательнымъ потолкомъ, бронзовый крестъ и бронзовые барельефы [4]) Жанъ Болоньи.—Palazzo Borghese. Великолѣпная зала для танцевъ со множествомъ зеркаловъ; восточная пышность и пестрота безъ вкуса. Нѣсколько картинъ. Въ Académie des Beaux-Arts. Cimabue; Giotto; Giottino; Gaddi; Orcagna; Philippo Lippi; Domenico Ghirlandajo; Verocchio; Gentile da Fabriano; Fiesole; Masaccio; Lorenzo di Credi; Sandro Boticelli; Perugino; Fra Bartolomeo; Andrea del Sarto; Mariotto Albertinelli. Рисунки Микель Анжа и Рафаеля. Atelier de Benvenuti [5]). Картины въ маломъ для фресковъ часовни Медицисовъ. Ева; Благословеніе младенцевъ, отца или сына, не помню; духа новыхъ. Картоны лучше картинъ. Рядъ картинъ Фьезоля. Страшный судъ; ангелъ, выгоняющій сплутовавшаго грѣшника, надъ коимъ чертъ смѣется; лица ангеловъ, кои пляшутъ съ блаженными. Монашеская искренняя набожность. Картины Жіотто. Гипсы. Бюстъ Кановы. Группа Ніобеи. Двери Гиберти. Минерва. Діана. Колос(с)ъ съ Monte Cavallo. Геркулесъ Фарнезе. — Luca della Robbia.—Къ Муравьеву [6]), который въ домѣ Пандольфи, построенномъ по плану Рафаеля.—Къ Орлову [7]).—Обѣдалъ у кня(зя) Голицына, который скупаетъ корки. Ввечеру концертъ въ замкѣ Питти. Насъ прогнали сквозь блестящій строй. Пѣли Унгеръ [8]) и Торіани. Энгельбахъ. Маршалъ Мезонъ [9]).

27 ноября (9 декабря), воскресенье. Утромъ въ Palazzo Pitti. Старые чудесные знакомцы. Фрески Бенвенути, холодная исторія Геркулеса. Двѣ статуи Бартолини [10]) La Charité и Нимфа. Картина Баззоли [11])—Въѣздъ Карла VIII во Флоренцію. Въ Кармелитскій монастырь. Фрески Мазаччіо.—Въ ателье Бартолини. Памятникъ Демидова [12]). Онъ съ Анатоліемъ [13]) и съ благодарностью: геній обѣда, Сибирь, человѣколюбіе и

---

[1]) Т. е. Annunziata.

[2]) Фрескъ Андреа дель Сарто.

[3]) Защищенныя стеклянною галлереею.

[4]) Въ дневникѣ, писанномъ наскоро, описка: бронзовые фрески.

[5]) Pietro Benvenuti (р. 1769†1844).

[6]) Ивану Матвѣевичу Муравьеву-Апостолу (см. выше, стр. 292, примѣчаніе 7-е).

[7]) См. выше, стр. 299, прим. 6-е.

[8]) Извѣстная пѣвица Каролина Унгеръ (р. 1800).

[9]) Французскій маршалъ и политическій дѣятель (р. 1771 † 1840).

[10]) Флорентинскій скульпторъ Лоренцо Бартолини (р. 1778 † 1850).

[11]) Описка; слѣдуетъ читать: Беццуоли (Giuseppe Bezzuoli, флорентинскій живописецъ, р. 1784 † 1855).

[12]) Николая Никитича Демидова (р. 1773 † 1828, во Флоренціи).

[13]) См. выше, стр. 222, прим. 5-е.

покровительство наукъ. «Est ce que moi je suis un bâtard?» [1]) сказалъ Павелъ Демидовъ [2]), увидя эту статую. Дѣвочка, укушенная скорпіономъ; Нимфа; Дитя спящее (гробъ Малышовой). Статуя вакханки; Наполеонъ; Дѣвочка на колѣняхъ; группа на столѣ; Андромаха и Астіанаксъ.—Въ ателье Беццоли [3]): Смерть Строцци [4]). Мадонна. Ат(т)ила. Діогенъ. Невѣста и женихъ. Картоны изъ жизни Юлія Кесаря. Юголино [5]). Данте. Эскизы изъ Аріоста.—Въ Chapelle dei Scalzi [6]). Фрески Андреа дель Сарто.—Обѣдъ у эрцгерцога въ Palazzo Pitti. Я между принцемъ Корсини [7]) и M-e Massimi. Ввечеру театръ. Lucrezia Borgia [8]). M-elle Unger — Лукреція; Моріани—Дженнаро; Гризи—синьора Rosina; Alphonso—Copelli.

28 ноября (10 декабря), понедѣльникъ. Отъѣздъ Кавелина. Съ великимъ княземъ въ Gallerie dei Uffizii [9]). Общій взглядъ. Хорошо ли, что все собрано въ Трибуну? Кажется, много лишняго. Зданіе не соотвѣтствуетъ своему назначенію. La Madonna del Gran Duca. Контрастъ Seggiola [10]). 3 главныя Мадонны: Seggiola, Gran Duca, Сикстинская; Impanata. Сравненіе съ J(ean) Bellino [11]). Cima da Conegliano, Тиціанъ, Сассоферрато, Франція, Коррежіо, Леонардо да Винчи. Завтракъ дома.—Къ Бартолини, къ Беццуоло [12]). — Обѣдалъ у Муравьева съ Саблуковымъ [13]) и Барятинскимъ. Разговоръ о Бейронѣ. (Еще поговорить). Вечеръ у Орлова: душный раутъ.

29 ноября (11 декабря), вторникъ. Предложеніе, сдѣланное великому князю и имъ принятое, о составленіи собранія памятниковъ искусства Среднихъ вѣковъ. На Piazza del Gran Duca. Дворъ Palazzo Vecchio: рѣзныя колонны, погребъ, колодезь съ Амуромъ Донателло. Or San Micheli [14]) съ статуями Сансовино, Жанъ Болонь [15]) и Донателло. Алтарь съ барельефами; величественное зданіе. Въ каѳедральную церковь. Баптистеріумъ. Въ S. Lorenzo Брунелески [16]). Капелла Медичи.

---

[1]) Т. е.: А я развѣ незаконный сынъ?
[2]) См. выше, стр. 351, прим. 1-е.
[3]) Т. е. Беццуоли (см. выше, стр. 443, прим. 11-е).
[4]) Филиппа Строцци, противника Медичи († 1538).
[5]) См. выше, стр. 422, прим. 6-е.
[6]) Т. е. dello Scalzo.
[7]) Вѣроятно, князь Nero Corsini (р. 1771†1845), тосканскій министръ.
[8]) Опера Доницетти.
[9]) Т. е. degli Uffizi.
[10]) Въ дневникѣ описка: Seggioli.
[11]) Т. е. Bellini.
[12]) Т. е. Беццуоли (см. выше, стр. 443, прим. 11-е).
[13]) См. выше, стр. 191, прим. 2-е.
[14]) Т. е. Or San Michele.
[15]) Т. е. Jean de Bologne.
[16]) По планамъ Брунеллески построена церковь S. Lorenzo.

Начиная съ 1-го великаго герцога [1]). Выложена драгоцѣнными камнями; фрески Бенвенути [2]). Старый и Новый Завѣтъ. Гробы Медицисовъ съ статуями М(икель) Анжа Четыре времени года. Лоренцо (La pensée) и Жуліанъ [3]). Каѳедра съ барельефами Донателло. Въ Uffizii [4]) бронзы Жанъ Болоньи и другихъ; множество древнихъ. Рисунки Рафаеля и Перуджина. Между прочимъ рисунки Положенія во гробъ, многія Мадонны. Въ Трибуну. Разныя Мадонны Рафаеля. Зачѣмъ такъ много вмѣстѣ? Рай Fiesole. Къ скульптору Пампалони [5]). Дѣвочка и змѣя; Мальчикъ и голубь; Амуръ бѣгущій. Въ Annunziata. Въ Maria Novella. Темный хоръ за алтаремъ освѣщенъ большимъ окномъ. Архитектура? Брунелески [6]).—Вечеръ дома.

30 ноября (12 декабря), среда [7]). Утромъ къ Борди. Потомъ въ Трибуну. Оттуда черезъ Ponte Vec(c)hio и галлерею вмѣстѣ съ маркизомъ Del Monte въ Palazzo Pitti. Ma bella squarda домъ Галилеевъ, принадлежащій Albizzi. Возвращеніе домой. Визиты къ Дивову, къ Корсини и къ князю Голицыну вмѣстѣ съ Энгельбахомъ. Обѣдъ дома. Послѣ обѣда у меня Bartolini. Заказалъ работу для великаго князя.—Условіе. Bordi. Визиты. Къ Саблукову. Бѣдный Викулинъ [8]) въ безпокойствѣ о матери. Къ Муравьеву; все томъ же вѣтренный и бездушный полигисторъ. Разговоръ съ Лауницемъ о красотѣ въ искусствахъ. Не забыть въ Римѣ Броуна [9]) и русскаго скульптора.

1 (13) декабря, четвергъ. Переѣздъ изъ Флоренціи въ Ареццо. Не живописные виды, но пріятные, ибо все пышно обработано. Мерзкая квартира въ Ареццо.

2 (14) декабря, пятница. Переѣздъ изъ Ареццо въ Перужію. Поутру въ Ареццо ходилъ осматривать городъ, стоящій на высотѣ, какъ

---

[1]) Гробы Медичи, начиная съ перваго великаго герцога Козмы I († 1575)

[2]) См. выше, стр. 443, прим. 5-е.

[3]) Памятники Лаврентія Медичи († 1519; Лаврентій Медичи изображенъ погруженнымъ въ глубокую мечту, вслѣдствіе чего ему присвоено названіе: „il Pensiero“) и Юліана Медичи († 1516).

[4]) Т. е. въ Galleria degli Uffizi.

[5]) Luigi Pampaloni. Ср. выше, стр. 299.

[6]) Эта церковь, начатая постройкою въ 1278 г. по планамъ Fra Sisto и Fra Риcторо, окончена послѣ 1350 г. Джакопо Таленти.

[7]) Въ началѣ подъ этимъ числомъ помѣщена: „Записка о томъ, что велѣть сформировать во Флоренціи. То, что уже сформи(ровано)“, содержащая въ себѣ перечень снимковъ съ предметовъ искусства, для собранія памятниковъ искусства Среднихъ вѣковъ, которое было составляемо для наслѣдника.

[8]) См. выше, стр. 192, прим. 1-е.

[9]) Вѣроятно, археологъ Августъ-Эмилій Браунъ (Braun, р. 1809 † 1856), секретарь Римскаго археологическаго института.

и всѣ прочіе города по этой дорогѣ. Древняя церковь на мѣстѣ Меркуріева храма, стройное четвероугольное зданіе съ колоннами въ четыре ряда. Ложи на площади архитектуры Вазарія [1]). Каѳедральная церковь чисто готическая съ цвѣтными окнами и алтаремъ, на коемъ барельефы Jean Болоньи. Домъ, гдѣ родился Петраркъ. Дорога по сторонѣ, чудно обработанной. Кастпльоне и Кортона на высотахъ. Озеро Тразименское. Узкій проходъ въ Пассежіано [2]). Въ Перужіи фрески Перуджина и Рафаеля. Замокъ, гдѣ содержатся политическіе преступники.

3 (15) декабря, суббота. Переѣздъ изъ Перужіи въ Терни черезъ Фолиг(н)о и Сполето. На высотахъ Assisi. Треви. Видъ на прекрасную равнину, по коей извивается Клитумнъ. Храмъ Девены [3]). Les chênes verts; плющъ. Сполето на высотѣ посреди прекраснѣйшихъ окрестностей. Входъ въ узкую долину. Отъ Сполето до Терни спускъ черезъ Сомму; глубокая дебрь, удобный пріютъ для разбойниковъ. Пріѣхали поздно и не успѣли видѣть каскада.

4 (16) декабря, воскресенье. Изъ Терни въ Римъ. Сначала широкая долина отъ Терни до Отриколи. Спускъ по горѣ надъ бездною, гдѣ бѣжитъ рѣка. Замокъ ..... Отриколи на высотѣ. По долинѣ чудно извивается Тибръ; съѣздъ на равнину. Влѣвѣ гора Орестъ [4]); правѣе Тибръ и нѣсколько гробовъ (?). Часъ отъ часу пустѣе. Наконецъ Campagna di Roma. Захожденіе солнца. Пастухи на янтарномъ фонѣ. Первый видъ на Римъ. Темнота и звѣзды при въѣздѣ въ городъ.—Мятлевъ [5]), Кочубей, Васильчиковъ, Вьельгорскій, Кривцовъ [6]).

5 (17) декабря, понедѣльникъ. Представленіе. Поѣздка къ Папѣ. Prince Massimi [7]). Костюмы стражи и костюмы служителей. Простота покоевъ. Видъ изъ окна. Взглядъ на S. Pierre. Домой. Скинувъ мундиръ, на высоту Капитолія съ Лауницемъ. Конь Марка Аврелія. Бѣги. Къ Сестіевой пирамидѣ. Въ церковь св. Павла за стѣнами. Вечеръ у Вьельгорскаго и у М. Я. Нарышкиной [8]) съ Бруни [9]) и Кривцовымъ.

6 (18) декакря, вторникъ. Письмо отъ в(еликой) к(няжны) М(аріи) Никол(аевны). Обѣдня. Русскіе жители и русскіе художники. Послѣ обѣдни къ Кривцовой [10]), къ Долгорукому и къ гр(афинѣ) Фиккельмонъ [11]).

---

[1]) Джоржіо Вазари (Vasari, p. 1512†1574).
[2]) Т. е. Passignano.
[3]) Небольшой красивый храмъ вблизи селенія Vene.
[4]) Гора Soratte, на которой находится деревня S. Oreste.
[5]) См. выше, стр. 422, прим. 1-е.
[6]) См. выше, стр. 286, прим. 2-е.
[7]) Папскій церемоніймейстеръ.
[8]) См. выше, стр. 441, прим. 2-е.
[9]) См. выше, стр. 286, прим. 10-е.
[10]) Женѣ Павла Ивановича Кривцова, Елизаветѣ Николаевнѣ, рожденной княжнѣ Репниной.
[11]) Къ графинѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Фиккельмонъ, рожденной графинѣ Тизенгаузенъ, женѣ графа Карла-Лудвига Фиккельмона, бывшаго австрійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

Въ церковь св. Петра. Сумасшедшій англичанинъ. Принцъ—[1]). Обѣдъ у в(еликаго) князя. Ссора съ Липманомъ. Вечеръ у в(еликаго) князя. Чтеніе Мятлева [2]) с(к)учное и неприличное.

7 (19) декабря, середа. У Тенерани [3]): le buste du pape; двѣ Психеи; Флора; Положеніе во гробъ для Торлоніа; Вулканъ и Веста для Торси; Геній охоты и геній рыбной ловли; Венера съ занозою въ ногѣ. Барельефы: Христосъ, благословляющій младенцевъ; Св. Іоаннъ; барельефъ мученика; монументъ Северина; монументъ англичанки. Орловъ голый съ эмблемами. Благотворительность общественная. Фигуры для Лейхтенбергскаго монумента; бюсты Тасса и Аріоста. Фавнъ.—Къ Овербеку [4]): Большая картина: Катехизисы искусства, умирающіе въ лонѣ Бога. Рисунки для молитвенника.—На Монте Пинчіо. Рафаелева вилла. Вилла Боргезе.—Къ Пилати. Кабанъ прекрасный въ дурныхъ ландшафтахъ. Картины проданныя: Корреджіева Магдалина, Гвидо Софонеба [5]); пейзажъ К(лодъ) Лорреня. Св. Семейство Андреа д(ель) Сарто и еще Рафаелевъ Кальвинъ (sic). У Бруни.—Всѣ сіи осмотры вмѣстѣ съ Гоголемъ. Заѣзжалъ къ Кестнеру [6]), котораго не засталъ. Въ вечеру у княгини Волхонской [7]) вмѣстѣ съ Гоголемъ и Шевыревымъ [8]). Шевыревъ вѣчно на каѳедрѣ и все готовыя, округленныя, школьныя мысли; Гоголь весь минута. Онъ живетъ Италіею и въ то же время, кажется, видитъ, что ему не долго жить; всегда живописецъ, и часто забавный. Живетъ близъ Piazza Barberini, гдѣ, какъ говоритъ, прогуливаются только козлы и живописцы. Поутру былъ въ Санъ Жезу. Великолѣпный плафонъ, позолота и живопись, богатство матеріаловъ: мѣстный мраморъ; jaune antique; lapis lasuli.

8 (20) декабря, четвергъ. Прекрасное свѣтлое утро. Былъ у великаго князя, у котораго нашелъ к(нязя) Д. В. Голицына [9]). В(еликій) князь читалъ мнѣ письмо государя и кронпринца [10]). Прелестная переписка отца съ сыномъ.—Визиты къ гр(афинѣ) Элмптъ, къ посланнику [11]).

---

[1]) Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

[2]) „Сенсацій или приключеній за границею госпожи Курдюковой".

[3]) Скульпторъ Pietro Tenerani (р. 1789 † 1869).

[4]) См. выше, стр. 156, прим. 9-е.

[5]) Т. е. Софонизба (дочь Гасдрубала, жена нумидійскаго царя Массиниссы).

[6]) См. выше, стр. 292, прим. 6-е.

[7]) Княгини Зинаиды Александровны Волконской (см. выше, стр. 277, прим. 4-е).

[8]) Степаномъ Петровичемъ Шевыревымъ.

[9]) Московскаго генералъ-губернатора князя Дмитрія Владиміровича Голицына.

[10]) Кронпринца Прусскаго.

[11]) Посланникомъ въ Римѣ былъ Иванъ Алексѣевичъ Потемкинъ (р. 1778 † 1849).

Бродилъ по Колоссею, по развалинамъ дворца кесарей. Вилла Милсъ на грудѣ развалинъ, покрытыхъ розами. Здѣсь я рисовалъ. У Вьельгорскаго. Послѣ съ к(нземъ) Кочубеемъ на Monte Pincio. Обѣдъ съ к(нземъ) Д(митріемъ) В(ладиміровичемъ) [1]) и Васпльчиковымъ. Все послѣобѣда проспалъ.

9 (21) декабря, пятница. Утромъ у меня наши русскіе живописцы: Ивановъ [2]), Живаго [3]) и декораторъ Никитинъ [4]). Потомъ Шевыревъ. Къ Кривцову, у котораго завтракалъ: отъ него къ Броуну [5]) на Ripa Tatreja; къ княгинѣ Голицыной и къ княгинѣ Волхонской. Къ Гоголю; замазанная служанка. Въ рабочую Торвальдсена [6]): новый барельефъ Аполлонъ пастухъ, pendant Іоанна; начатый барельефъ Аполлонъ, граціи, музы и поэты; Молодая плясунья. Гомеръ, поющій предъ толпою. Судъ Соломоновъ, проектъ барельефа. Въ домъ Торваль(д)сена: картины новѣйшихъ. Публичный писецъ, пишущій письмо и читающій отвѣтъ на него,—[7]); Нерлпевы [8]) Буйволы; Грекъ Роберта [9]); портретъ Торвальдсена Г(ораса) Вернета; Мадонна Овербека; Положеніе во гробъ Корнеліуса; Спящій младенецъ въ колыбели на солнцѣ Кателя [10]); Песчаный берегъ Гюделя. Рисунки Керстена. Маски Наполеона и Гёте и еще многія другія. За обѣдомъ разговоръ о гвардіи и Петербургѣ, главный ораторъ Челищевъ. Вечеръ у посланника. Кестнеръ, Шпауръ [11]), посолъ австрійскій—[12]), монсиньоръ—[13]), Висконти, Нибби [14]), Броунъ, Бухъ [15]), Палацкій [16]), Тиле, Лудольфъ [17]), Литта [18]).

10 (22) декабря, суббота. Къ Гоголю и съ нимъ къ Иванову. Іоаннъ

---

[1]) Голицынымъ.

[2]) Александръ Андреевичъ (см. выше, стр. 288, прим. 2-е).

[3]) Семенъ Аѳанасьевичъ (р. 1805†1863), профессоръ исторической живописи.

[4]) Александръ Никитичъ (р. 1810).

[5]) См. выше, стр. 445, прим. 9-е.

[6]) См. выше, стр. 181, прим. 3-е.

[7]) Для фамилія живописца оставленъ пробѣлъ.

[8]) См. выше, стр. 436, прим. 7-е.

[9]) См. выше, стр. 295, прим. 1-е.

[10]) См. выше, стр. 295, прим. 2-е.

[11]) См. выше, стр. 286, прим. 8-е.

[12]) Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ. Австрійскимъ посланникомъ въ Римѣ былъ съ 1825 по 1848 г. графъ Рудольфъ Люцовъ (Lutzow) (р. 1780†1858).

[13]) Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

[14]) См. выше, стр. 294, прим. 6-е.

[15]) Лудвигъ-Августъ Бухъ, совѣтникъ прусскаго посольства.

[16]) Извѣстный чешскій историкъ Францъ Палацкій (р. 1798†1876).

[17]) См. выше, стр. 286, прим. 7-е.

[18]) Вѣроятно, маркизъ Литта, секретарь австрійскаго посольства.

Креститель.—Къ Габерцеттелю [1]) (не засталъ). Къ Живаго [2]): прекрасная копія Гвидовой Pietà и весьма дурныя картины собств(еннаго) сочиненія: Ѳома и Спаситель; Спящая Богоматерь съ Младенцемъ.—У Шамшина [3]): не засталъ.—У Маркова [4]). Негодный списокъ Пожара въ Борго. Сироты на гробѣ, италіанизированные русскіе крестьяне, безъ всякаго искусства и дара. Проектъ Воскресенія.—Іорданъ [5]). Начало Преображенія. Рисунокъ весьма хорошъ. Исторія съ Каневскимъ [6]) и портретъ Михаила Павловича [7]).—Пименовъ [8]). Проектъ русскаго богатыря и мальчика, играющаго на варганѣ. Голова разбойника. Натурщица.—У Логановскаго [9]). Кіевлянинъ, бѣгущій отъ печенѣговъ. Мальчикъ, играющій въ мячъ.—Ефимовъ [10]). Ресторація [11]) villa Adriana, виды греческіе и египетскіе. Рисунки, принадлежащіе вдовѣ Кипренскаго [12]). Обѣдалъ у М. Я. Нарышкиной [13]) вмѣстѣ съ Потоцкимъ, его женою, Висконти, Волхонскими и M-elle Bolvillers. Вечеръ писалъ письма.

11 (23) декабря, воскресенье. Обѣдня въ мундирахъ. — У меня Висконти и большой споръ. Обѣдалъ у княгини Волхонской на дачѣ вмѣстѣ съ Гоголемъ, Шевыревымъ, к(няземъ) Волхонскимъ и Бруни. Прекрасный видъ съ эспланады, весь Лаціумъ.—Вечеръ дома. Заѣзжалъ въ S. Jean de Latran.

12 (24) декабря, понедѣльникъ. Поутру съ в(еликимъ) княземъ поѣздка по русскимъ артистамъ. У Бруни. У Живаго. У Габерцет(т)еля. Іоаннъ Креститель. У Иванова. У Маркова. Потомъ въ церковь св. Петра, гдѣ Ave Maria съ Папою. Визитъ къ Вьельгорскому. За обѣдомъ у насъ Липманъ. Ввечеру дома съ Кривцовымъ.

13 (25) декабря, вторникъ. Праздникъ здѣшній Рождества Христова. Въ $9^1/_2$ въ церковь святаго Петра во всей формѣ. Я въ три-

---

[1]) См. выше, стр. 287, прим. 9-е.

[2]) См. выше, стр. 448, прим. 3-е.

[3]) Михаила Никитича, портретиста (р.1777†1846).

[4]) Алексѣя Тарасовича (р. 1801†1878).

[5]) Ѳедоръ Ивановичъ (р. 1800†1883), профессоръ гравированія, впослѣдствіи ректоръ Академіи Художествъ.

[6]) Ксаверій Ксаверіевичъ Каневскій (р. 1804†1867), впослѣдствіи директоръ Варшавской школы художествъ.

[7]) Великаго князя Михаила Павловича.

[8]) Николай Степановичъ (р. 1812†1864), скульпторъ.

[9]) Александра Васильевича (р. 1810†1855), скульптора.

[10]) Архитекторъ Дмитрій Егоровичъ Ефимовъ (р. 1811†1864).

[11]) Реставрація.

[12]) См. выше, стр. 286, прим. 4-е.

[13]) См. выше, стр. 441, прим. 2-е.

бунѣ дипломатическаго корпуса подлѣ Литты [1]). Явленіе Папы; разные чины и костюмы. Два опахала, подаренныя Генуею. Швейцары въ латахъ. Почетная гвардія изъ первыхъ дворянъ знаменитыхъ фамилій. Ка(р)диналы Пакка [2]), Ламбрухини [3]), Меццофанти [4]), Маи [5]). Консерваторы. Поклоненіе Папѣ; поцѣлуи кардиналовъ въ руку, епископовъ въ колѣно, другихъ въ ногу. Между епископами алжирскій, грекоуніатскій, арменскій. Одѣваніе Папы на боковомъ тронѣ. Служба. Онъ переходитъ на главное чтеніе Апостола и Евангелія. Переходъ къ совершенію таинства. Вознесеніе частей. Величественная минута. (Толпа. Свѣтъ и тѣнь. Трубы. На колѣняхъ). Переходъ Папы на тронъ. Причащеніе. Вторая прекрасная минута: мы на великолѣпнѣйшемъ мѣстѣ, созданномъ рукою человѣка, въ высочайшую минуту, и выразительнѣйшая изъ музыкъ молчала. Храмъ. Окна. Наша обѣдня. Несеніе хуже, чѣмъ шествіе. Причащеніе на тронѣ неприлично. — Послѣ обѣдни завтракалъ у великаго князя. Визиты: Литтѣ, Люццову [6]), фр(анцузскому) послу [7]), Буху [8]). Поѣздка въ Aracoeli. Смѣшной вертепъ. Младенецъ въ плохихъ пеленахъ. Въ Марію Maggiore. Базилика съ двумя огромными латеральными придѣлами. Придѣлъ папы Климента VI съ богатыми барельефами. Музыка неприличная, точно опера. Въ церковь св. Пуденціи. Одинокій богомолецъ. Въ ц(ерковь) св. Пракседы. Великолѣпный алтарь изъ jaune antique. Ступени изъ rouge antique. Картина Джуліо Романа—Бичеваніе Спасителя. Въ S. Pietro in Vincoli. Въ темнотѣ. Видъ Моисея М(икель) Анжева при свѣтѣ факела. Тутъ же картина Гвершина Св. Маргерита съ змѣемъ. К(артина) Доминикина—Освобожденіе св. Петра изъ темницы. Колонны, взятыя изъ термовъ Діоклетіановыхъ. Мозаика пола въ сакристіи изъ термовъ Тита; тамъ же и богатые мраморы, взятые изъ тѣхъ же термовъ. Старинная мозаика.—Марія Maggiore уступаетъ S. Jean de Latran.

14 (26) декабря, середа. Поутру съ Нибби на Капитолій. Взлѣзалъ до самой статуи на башнѣ. Видъ удивительный. Молнія надъ горами. Просвѣтъ сквозь облака. Масса дворца, и Колоссей, и св. Петръ. Видъ форума. По Нибби форумъ между Палатиномъ и Капитолиномъ къ

---

[1]) См. выше, стр. 448, прим. 18-е.

[2]) Бартоломео Пакка (р. 1756 † 1844), бывшій министръ папы Пія VII, извѣстный противникъ Наполеона I.

[3]) Луиджи Ламбрускини (Lambruschini), статсъ-секретарь папы для иностранныхъ дѣлъ.

[4]) См. выше, стр. 294, прим. 3-е.

[5]) Извѣстный ученый Angelo Маї (р. 1782†1854).

[6]) См. выше, стр. 448, прим. 12-е.

[7]) Французскимъ посломъ въ Римѣ былъ графъ Септимій de-La-Tour-Maubourg.

[8]) См. выше, стр. 448, прим. 15-е.

Тибру. Четыре пунк(т)а. Graecostasis и храмъ Весты съ одной стороны, l'Eglise de la consolation и хр(амъ) Concordia съ другой. — Меридіанъ между Graecostasis и Ростpами. Остатки Сената. Двѣ вершины; на одной храмъ Юпитера Капитолинскаго (Aracoeli), на другой — Arx и Roche Tarpéïenne. (Palazzo Ca(f)farelli?). Съ в(еликимъ) княземъ по ateliers. У Тенерани. Въ atelier Торвальдсена. Къ Bienaimé [1]): Лежащая вакханка; Пляшущая вакханка; Невинность; Психея съ лампою; Зефиръ; Ангелъ хранитель; Діана, подмѣченная Актеономъ; Телемакъ; Св. Іоаннъ. — У Вольфа [2]): Амазонка; Психея съ урною; Дѣвочка съ хлыстомъ; Ѳемида на дельфинѣ; Діана; Серна, кормящая ребенка; Дѣва съ багромъ.—У Финелли [3]): Архангелъ, поражающій діавола; Юнона съ молодымъ Геркулесомъ; Св. Ѳома; Психея и Амуръ. — Въ S. Agnèce съ Лауницемъ черезъ Porta Pia. Церковь внизу. Колонны въ 2 ряда. Древняя мозаика. Голова Спасителя Микель Анжа. Старый мраморный стулъ. Стѣны, выкладенныя мраморными плитами.—Другая церковь ротонда изъ храма Бахуса. Двойныя колонны составляютъ внутренній кругъ и поддерживаютъ куполъ. Кругомъ ходъ подъ сводомъ, украшеннымъ мозаикою, изображающею геніевъ, собираніе винограда и разныя фигуры. Мѣсто, гдѣ стоялъ саркофагъ св. Констанціи.—Вилла Торлонія, куда насъ не пустили; фальшивыя развалины. — Въ магазинъ картинъ: Христосъ Коррежіо. Пиръ Валтасара Рембранта. Гарпія С(альватора) Розы. Св. Павелъ и Св. Петръ Риберы. La charité. (Копія Давида, Юдифи, Игроковъ, Св. Екатерины). —У Рипенгаузена [4]).

15 (27) декабря, четвергъ. Бани Діоклетіана. Осмотръ съ Нибби. Круглая церковь Maria de(g)li Angeli. Статуя Бруно. Картина Доминикина Св. Себастіанъ, огромно и смутно. Фрески св. Петра, на мѣсто коихъ тамъ мозаика. 8 колоннъ. 6 футовъ подъ землею. Высота 60 ф(утовъ), діаметръ 1 сажень. Большіе остатки древней постройки не употреблены. Много лишняго мѣста взято. Дворъ съ огромными кипарисами. Въ древнихъ баняхъ. Теплыя и холодныя ванны. Писцина. Ипподромъ. Залы для собранія, для философовъ, для поэтовъ, для гимнастики. Убѣжища, портики.—Съ великимъ княземъ на вершину Капитолія, весьма благопріятная погода. Надпись. Скала Тарпейская. Colonne milliaire, Маріевы трофеи, Касторъ и Поллуксъ, Cloaca maxima, Arc de Janus, Arcus Argentarius, храмъ Весты.—Въ церковь S. Gregorio: Ангелы Гвида; Св. Андрей Гвида и Доминикина. Столъ св. Григорія и его статуя по модели Микель Анжа.—S. Stephano Rotondo. Храмъ Клавдія; ротунда. По стѣнамъ фрески, изображающіе мучени-

[1]) См. выше, стр. 286, прим. 3-е.

[2]) Скульпторъ Эмилій Вольфъ изъ Берлина (р. 1802 † 1879).

[3]) Скульпторъ Карлъ Финелли (р. 1782 † 1853).

[4]) Живописецъ и граверъ Johann Riepenhausen (р. 1789 † 1860).

*

ковъ.—S. Maria di Navicella [1]). Мозаика. Ладья мраморная предъ церковью. Le cicerone savant.—S. Giovanni et Paolo. Martyre de deux frères.—La villa Mattei. Саркофагъ подъ тѣнью зеленыхъ дубовъ. Видъ на Circus Maximus. Съ одной стороны—бани Каракаллы, съ другой развалины дворца кесарей. За циркомъ горы. Луна. Обѣд(алъ) у в(еликаго) князя. Вечеръ у себя.

16 (28) декабря, пятница. Съ Гоголемъ въ S. Maria in Cosmedin. Каѳедра и стулъ Августина. Витые мраморные канделабры съ мозаикою. Полъ изъ древней мозаики. Подземная церковь съ гробницами мучениковъ.—Cecilia in Trastevere. Статуя лежащей святой Мадерна.—S. Maria in Trastevere. Полы мозаичные. Витыя колонны. Хоръ, мозаика и фрески Цукари. Богатый плафонъ, въ коемъ фрески Домникина.—Фарнезина. Фрески Рафаеля. — Palazzo Corsini. Въ галлереѣ особенно замѣчательны три головы Спасителя: Гвершина—страждущій, Гвида—терпящій, К(арло) Дольче—исходящій кровью. Портретъ возмужалаго Филиппа II и портретъ его же съ братомъ, Тиціана.—Trinità di Pellegrini. Троица Гвида. — Farnese. Фрески Кар(р)ачіевъ; гармонія въ пестротѣ; недостатокъ общей мысли.—Къ Меццофанти.—Palazzo Doria. Цѣлая горница Пуссеней, Николая и Гаспара. Четыре Клодъ Лорреня. Нѣсколько ландшафтовъ Аннибала Караччи. Портретъ Жанны Неаполитанской Ленардо да Винчи. Магдалина Тиціанова.—S. Ignazio. Великолѣпная церковь, которая заставила много думать о томъ, что должна быть наша греческая. Великолѣпный плафонъ съ фрескомъ. Памятники въ темныхъ придѣлахъ.—S. Maria sopra Minerva. Прелестная Мадонна Fiesole. Благовѣщеніе и другая съ ангеломъ и съ святымъ N, его же. Христосъ Микель Анжа, слишкомъ грубо. — S. Maria della Pace. Великолѣпныя Сивиллы Рафаеля. Двѣ слушаютъ; одна читаетъ; одна пишетъ. Барельефы.—S. Agostino. Madonna и колонны со множествомъ привѣсокъ. Св. Исаія Рафаеля, намъ его не показали.—Обѣдалъ у в(еликаго) кн(язя) и пробралъ Наполеона. Вечеръ у себя. (У австрійскаго посланника [2]) раутъ).

17 (29) декабря, суббота. Съ Гоголемъ S. Giovanni in Fiorentin(i) [3]). Бѣлая церковь. Salvator Rosa Козма и Даміанъ [4]). Барельефы, коихъ никто не видитъ. Алтарь съ освѣщеннымъ барельефомъ Іоанна Крестителя.—Галлерея Феша. Множество не поставленныхъ картинъ. I. Нѣсколько прекрасныхъ Гвидовъ: Магдалина (Смирновъ!!!). Вознесеніе Богоматери. Ангелы у гроба Господня Альбано. Ангелъ и Товія Гвидо. Страшный Судъ Фьезоле. II. La Pietà Микель Анжело. Четыре головы

---

[1]) T. e. della Navicella.

[2]) См. выше, стр. 448, прим. 12-е.

[3]) T. e. S. Giovanni de'Fiorentini.

[4]) T. e. Картина Сальватора Роза, изображающая свв. Козму и Даміана.

А(ндреа) Мантеньи. III. S. Carlo Доминикина. Прекрасные портреты Спаньолета, Тиціана, Бордоне. Страшный Судъ Тинторетта. Два пейзажа Тиціана. IV. Богоматерь и 4 отца Церкви Тиціана. Жанъ Беллино [1]) Спаситель учащій. Рождество Хр(истово) Жіорджоне. V. Христосъ на крестѣ Рафаеля. Мазаньелло [2]) Бронзино. С. Себастіанъ Карло Дольче.—S. André della Valle. Фрески Доменикина на куполѣ. Его Четыре евангелиста. Вѣра, Надежда, Любовь, и пр. Еще фрески Calabrese и Цук(к)ари.—S. Agnese. Великолѣпная, октогонъ, барельефы, мраморъ, позолота.—S. Maria delle Pulinari. Богатство мрамора. — San Luigi di Francese [3]). Мраморъ и позолота. Длинная nef. Фрески Доминикина изъ жизни св. Сесиліи превосходны. Два образа Караважіо.—San Carlo sur Corso [4]). Великолѣпная церковь архитектурою, а не матеріаломъ. Росписана, какъ ей быть послѣ.—Въ галлерею Боргезе. Дверь. Колоссальныя древнія статуи. Галлерея. I. Рафаелевъ эскизъ. Богоматерь С(ас)со-Феррато. Св. Екатерина. II. Сня(тіе) со креста Гарофало. Богом(атерь) Фр(анческо) Франчіи. Діана и нимфы Доминикина. Спаситель у семейства Зеведеевъ Бонифачіо. Пейзажъ Поттера. III. Іюлій II Джуліо Романа. Семейство Порденоне. Портретъ Рафаеля, имъ самимъ (?) [5]) [писанный]. Граціи Тиціана. Лукреція Аллори. Богоматерь Жанъ Беллино [6]). IV. Апостолы М(икель) Анжа. Снятіе со креста—Рафаеля. Выраженіе лица Спасителя, отражается на несущихъ Его. Тѣ, кои далѣе, печальнѣе; Магдалина въ горести; Богоматерь безъ чувствъ, и молодыя около нея плачутъ; одна изъ нихъ смотритъ на Спасителя. V. Копія Мадонны d'Albi [7]). Les 4 saisons d'Albane. Одѣвающаяся Венера Padoviano. Les 4 âges de Sasso Ferrato, копія съ Тиціана. Іоаннъ Креститель, копія Ю(лія) Романа. VI. Форнарина [8]) и Венера Ю(лія) Романа. VII. Копія Мадонны Коррежіо. Голова Караважіо. L'amour profane et divin Тиціана. Портретъ Ц(езаря) Боржіа Рафаеля. VIII. Козимо Медичи Аллори. Самсонъ Тиціана. Богоматерь au serpent Караважіо. Дантъ Коррежіо. IX. Св. Семейство Гаетано (портретъ Саши) [9]). Св. Семейство Ж(анъ) Беллини, гдѣ особенно зам(ѣ-

---

[1]) Т. е. Беллини.

[2]) Masaniello (или Thomas Aniello), родившійся въ 1623 г., стоялъ во главѣ возстанія неаполитанцевъ и былъ убитъ въ 1647 году.

[3]) Т. е. S. Luigi de'Francesi.

[4]) S. Carlo al Corso.

[5]) Знакъ вопроса поставленъ самимъ Жуковскимъ.

[6]) Т. е. Беллини.

[7]) Т. е. d'Albe.

[8]) См. выше, стр. 298, прим. 7-е.

[9]) Т. е. сходство съ покойною племянницею Жуковскаго, Александрою Андреевною Воейковою.

чательна) голова Іосифа. Лукреція Элизы Сирани.—Богоматерь Ф(ранческо) Франціи и К(арло) Дольче. Богоматерь Перуджина (Юлія Романа, Гарофало).—Къ Вьельгорскому. У него Чертковъ [1]). Разговоръ.—Къ Кестнеру. У него Рипенгаузенова [2]) Богоматерь, портретъ Рафаелевъ и другіе его школы. Благовѣщеніе въ двухъ огромныхъ картинахъ (Жіотто, Органья и еще кое-что).—Обѣдалъ у Кривцова. Послѣ обѣда Висконти. Вечеръ у великаго князя; неудачное чтеніе Гоголя.

18 (30) декабря, воскресенье. У меня поутру Гоголь и Нибби. Къ обѣднѣ. Съ великимъ княземъ и съ Нибби въ Капитолій. На обсерваторію. Потомъ вмѣстѣ съ Нибби въ дождь на форумъ, зашедши напередъ въ Aracoeli. Церковь на мѣстѣ Юпитера Капитолинскаго, съ двумя гробницами Савелли [3]), отдѣланными мозаикою XIII вѣка; одна на древнемъ саркофагѣ. Покрытая ладья церкви на мѣстѣ положенія древняго Капитолинскаго храма: алтарь на мѣстѣ бывшей статуи Юпитера. Недалеко погребенъ Defredis [4]), отыскавшій Лаокаона, между термами Тита и церковью св. Мартина въ виноградникѣ. Каѳедра съ мраморными витушками и мозаикою. Прекрасные фрески Пинтуриккія, изображающіе чудеса св. Бернардина.—Обѣдъ у в(еликаго) князя. Ввечеру у к(нязя) Д. В. Голицына. Торлони, М-е Grisi [5]), Риччи [6]). Прекрасное пѣніе. Риччи представитель стараго, а Гризи—новаго, простоты и убранства. Лудольфъ [7]) съ женою. Возвратясь домой, разговоръ съ Кривцовымъ.

19 (31) декабря, понедѣльникъ. Вмѣстѣ съ Нибби въ тюрьму Мамертинскую, постр(оенную) Анк(омъ) Марціемъ. Лѣстница, къ ней ведшая, называлась Scala(e) Gemoniae. (Pont des Soupirs). Два этажа. Входъ въ оба въ отверстія. Нижняя тюрьма служила для казней (Tullianum, постр(оенное) Сервіемъ Тулліемъ), 12 футовъ ниже старой площади Рима: здѣсь погибли Югурта, Лентулъ, Сетегъ и друг(іе) соумышл(енники) Катилины, Сеянъ. Здѣсь запирались плѣнные главы народовъ во время тріумфа; плѣнный шелъ въ тюрьму въ ту минуту, когда тріумфаторъ подымался на гору приносить жертву Юпитеру Капитолинскому. Здѣсь по преданію св. Петръ и Павелъ содержались во вре-

---

[1]) Извѣстный изслѣдователь русскихъ древностей и нумизматъ Александръ Дмитріевичъ Чертковъ (р. 1789 † 1858).

[2]) См. выше, стр. 451, прим. 4-е.

[3]) Двухъ лицъ изъ фамиліи Савелли, между прочимъ Луки Савелли († 1266), отца папы Гонорія IV.

[4]) Фамилія написана въ дневникѣ ошибочно. Статуя Лаокоона была найдена въ 1506 году Felice de Fredi, уступившимъ ее папѣ Юлію II.

[5]) Извѣстная пѣвица Giuditta Grisi (р. 1805 † 1840).

[6]) См. выше, стр. 290, прим. 5-е, и стр. 426, прим. 5-е.

[7]) См. выше, стр. 286, прим. 7-е.

мена Нерона; показываютъ явившійся источникъ, коего вода послужила имъ для крещенія ихъ тюремщиковъ Процесса и Мартиніана; надъ сею тюрьмою церковь с(в.) Іосифа.—Обозрѣніе форума: Temple de la Fortune, de J(upiter) Stator, Via Sacra: ея раздвоеніе. Arx, Intermontium, Tabularium. Храмъ Юпитера Капитолинскаго; Мамертинскія тюрьмы. Ворота С(ептимія) Севера. Грекостазисъ. Курія. Храмъ Весты. Колонна Фокаса. Ростры. Форумъ Ю(лія) Кесаря; форумъ Августа; форумъ Нерона; форумъ Траяновъ. (Храмъ Траяновъ. Колонна, базилика съ двумя библіотеками, форумъ. Ворота съ обѣихъ сторонъ). Между Forum Romanum и Тибромъ форумы бычачій и рыбный.—Всходъ на колонну. Оттуда въ церковь св. Петра. Всходъ на самый верхъ. Машина для взноса матеріаловъ: водопроводъ. Два свода. Мраморныя доски съ надписями. Видъ съ верхняго, съ средняго и съ нижняго карнизовъ. 200 въ окружности, $^1/_2$ мили по нижнему карнизу. Модель Браманте. Греческій крестъ отъ церкви св. Петра. Въ монастырь святаго Онуфрія.—Обѣдалъ у граф(ини) Фиккельмонъ [1]). Въ девять часовъ при лунѣ (довольно тусклой) и при факелахъ осматривалъ Колос(с)ей. (Блѣдное освѣщеніе. Огромность съ нѣкоторыхъ пунктовъ. Луна сквозь аркады. Освѣщеніе факелами. Колокольный звонъ. Англичане. Часовые. Актеры. Крестъ). Заѣзжалъ къ кн(ягинѣ) Волхонской. До двухъ часовъ бесѣда съ Кривцовымъ.

20 декабря (1 генваря 1839 г.). День довольно блѣдный. Ввечеру съ Вьельгорскимъ и Кривцовымъ въ Колоссей; оттуда къ в(еликому) князю. Макао.

21 декабря (2 генваря), вторникъ. Съ Нибби по развалинамъ Рима. Temple de Faustine. Basilique de Constantin на мѣстѣ бывшаго храма Мира. Здѣсь былъ Нероновъ (памятникъ), перенесенный сперва Веспасіономъ на мѣсто, гдѣ храмъ Венеры и Рима, потомъ Адріаномъ къ Колоссею. Храмъ Рима и Венеры, построенный по Адріанову плану и приключившій смерть архитектору Аполлодору [2]). Всходъ на развалины дворца. Только нижній фундаментъ остался; высокіе переходы и своды. Жилище Калигулы, видъ на форумъ и Капитолій. Домъ Тиверія; видъ на Велабрумъ. Библіотека Августова, видно все основаніе: средняя зала, зала для декламаціи, входъ. Храмъ Аполлона и такъ называемый домъ Ливіи [3]). Домъ Августа: Villa Mills съ прекраснымъ видомъ на

---

[1]) См. выше, стр. 446, прим. 11-е.

[2]) Извѣстный архитекторъ Аполлодоръ Дамаскій, строитель форума Траяна, казненный (около 125 г.) императоромъ Адріаномъ за то, что не одобрилъ его плана храма Рима и Венеры.

[3]) Матери императора Тиверія, жены императора Августа.

цирк̀ъ и на Палестру. Пѣвецъ. Кактусы стражи театра Калигулы [1]). Обѣдалъ у вел(икаго) князя. Вечеръ дома. У меня Кривцовъ.

22 декабря (3 генваря), четвергъ. Съ Гоголемъ I) въ S. Maria del Popolo. Фрески Пинтуриккія: 1) Богоматерь предъ Младенцемъ; 2) Жизнь Богоматери: Рождество, Введеніе, Благовѣщеніе, бракъ, Срѣтеніе, Богоматерь на тронѣ, Успеніе, Христосъ въ гробѣ между двухъ ангеловъ; 3) Фрески на сводѣ алтаря: 4 евангелиста, 4 отца Церкви, 4 сивиллы. Апотеосъ Богоматери; 4) Мозаика по рисунку Рафаеля. Двѣ картины Каравашція.—II) Въ Санъ Карло. Росписанъ подъ мраморъ. Величеств(енная) архитектура. — III) Въ Gesù e Maria. Большое богатство мраморовъ. Неогромная церковь.—IV) Въ галлерею Sciar(r)a: 1) Копія Рафаел(ева) Преображенія Ж(уліо) Романа. Жертвоприношеніе Авраама—Гер(арда) de la Notti [2]); противная картина: Исаакъ реветъ, Авраамъ палачъ. 2) Хорошіе ландшафты Клодъ Лорреня, N(icolas) Poussin, Ботта [3]), Локателли, Оризонта [4]). 3) Аллегорическая картина Гауденці(о) Феррари. Богоматерь и Спаситель на тронѣ, ангелы, лица библейскія, лѣстница отъ земли на небо. Моисей 1-ой манеры Гвидо. Форнарина [5]), копія Юліо Романо. 4) Игрокъ на скрипкѣ Рафаеля. Усѣкновеніе главы Предтечи—Жіоржіоне. Суетность и Скромность Ленардо да Винчи. Двѣ Магдалины, повтореніе одного и того же Гвидо (Смирновъ). Семейство Тиціана, имъ самимъ. Св. Себастіанъ Перужино. Портретъ Віоланты [6]) Тиціана. Богоматерь Fra Bartolomeo.—Съ великимъ княземъ въ ц(ерковь) св. Павла, которую намъ показывалъ Tosti, министръ финансовъ. Съ нимъ же въ S. Jean de Latran [7]) и дворецъ. Древнія мозаики, найденныя въ Каракалловыхъ баняхъ и представляющія атлетовъ. Видъ изъ S. Jean de Latran. Богатство мраморовъ. Здѣсь красота въ противорѣчіи со вкусомъ. Баптистеріумъ. Обѣдалъ у Кривцова. Вечеръ у вел(икаго) князя. Макао и бильярдъ.

23 декабря (4 генваря), пятница. Съ Нибби въ Колоссеумъ. Эпохи въ исторіи. Землетрясенія. Дворецъ Венеціанскій, Канцелляріи, дворецъ Фарнезе, Рипетта и варвары разныхъ вѣковъ. Ничто его не разрушило. Въ S. Jean и S. Paul на мѣстѣ храма Клавдія, коего пространный

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ перечень названій предметовъ искусства (картинъ и произведеній скульптуры), вѣроятно, купленныхъ для наслѣдника, съ обозначеніемъ ихъ цѣнъ.

[2]) Т. е. Герарда Honthorst'a, по прозванію delle Notti, извѣстнаго фламандскаго живописца (р. 1592†1660).

[3]) Т. е. Бота (Both), голландскаго живописца († 1652).

[4]) Голландскій живописецъ Юлій-Францъ Bloemen, по прозванію Orizonte (р. 1656†1748).

[5]) См. выше, стр. 298, прим. 7-е.

[6]) Віоланта Палма, въ которую былъ влюбленъ Тиціанъ.

[7]) Въ дневникѣ описка: de Lateran.

фундаментъ занимаетъ высоту Авентина; во времена Тита пристроены снизу аркады, гдѣ находился меньшой виваріумъ; а внутри горы копи, въ коихъ работали карѳагенскіе плѣнные. Добрые монахи ордена—[1]). Ихъ монастырь; огородъ; между капустою померанцевыя деревья, усыпанныя золотыми плодами, лимонныя деревья, пальма, овощи въ саркофагахъ. Обѣдалъ у М. Я. Нарышкиной [2]) съ Шевыревымъ и Панинымъ. Съ великимъ княземъ на выставкѣ нѣмецкихъ живописцевъ: у Рейнгарда [3]), у Кателя [4]), у Эльзассера [5]), у Линдау [6]). Нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго. Вечеръ дома.

24 декабря (5 генваря), суббота. Поутру къ Рей(н)гарду. Смотрѣлъ его рисунки, напоминающіе Пуссеня, и рисунки Коха [7]), къ коимъ надобно привыкнуть, чтобы объ нихъ получить настоящее понятіе. Возвратясь къ в(еликому) к(нязю), узналъ, что Италія для насъ лопнула. Поѣздка къ русскимъ артистамъ. Оттуда въ Фарнезину и Palazzo Farnese. Обѣдалъ у в(еликаго) к(нязя) въ странномъ положеніи. Послѣ обѣда у гр(афа) Вьельгорскаго; потомъ у в(еликаго) князя. Макао.

25 декабря (6 генваря). Съ Гоголемъ въ Trinità del Monte [8]). Прелестная картина Положеніе во гробъ Д(аніеля) д(а) Волтер(р)а и Мадонна Фейта. Пѣніе монахинь. Съ великимъ княземъ по ателье живописцевъ. У Овербека [9]),у Северна [10]), у Терлинка, у Вильямса [11]), у Сулави и Энгра [12]). Мы прошли всѣ школы. Германская: правильность, мысль, Gemüth, правда, иногда сухость. У итальянцевъ школа и преданіе безъ жизни. У а(н)гличанъ экзажерація и въ то же время прав(д)а, много поэзіи. Французы—пріятность, безъ правды, манерность и аффектація; отсутствіе мысли или ея неглубокость.

26 декабря (7 генваря), понедѣльникъ. Съ Nibbi Thermes de Titus. L'église de St. Clément. Porte Majeure. Le tombeau du boulanger [13]). Minerva Medica. Съ великимъ княземъ Hospice de St. Michel; отрадно. S. Pietro in Montorio: маленькій храмъ Браманте на мѣстѣ мученичества св.

---

[1]) Для названія въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

[2]) См. выше, стр. 441, прим. 2-е.

[3]) Пейзажистъ Іоганнъ-Христіанъ Рейнгартъ (Reinhart, p. 1761†1847).

[4]) См. выше, стр. 295, прим. 2-е.

[5]) Пейзажистъ Фридрихъ-Августъ Элзассеръ (Elsasser, p. 1810†1845).

[6]) Жанристъ Дидрихъ Линдау.

[7]) См. выше, стр. 295, прим. 3-е.

[8]) Т. е. Trinità de'Monti.

[9]) См. выше, стр. 156, прим. 9-е.

[10]) Joseph Severn (p. 1793†1879), англійскій живописецъ.

[11]) Henry Williams, англійскій живописецъ.

[12]) Извѣстнаго французскаго живописца Jean-Auguste-Dominique Ingres (p. 1780†1867).

[13]) Эта могила была найдена въ 1838 году.

Петра. Въ калькографію. Подарки. Въ atelier Bianchini. Сюжетъ, взятый изъ Бокаччіо. Рафаелева Сесилія.

27 декабря (8 генваря), вторникъ. Съ Нибби въ Пантеонъ. Осматривали замокъ Св. Ангела. Горница, гдѣ скрывался Климентъ VII [1]), гдѣ задавленъ Караффа [2]). Взглядъ на Музеумъ Ватиканскій. Засѣданіе археологическое. На Monte Pincio. Ввечеру Музеумъ при факелахъ. «Не заглядывайтесь»—классическое слово Кавелина въ присутствіи Лаокоона.

28 декабря (9 генваря), середа. Съ Овербекомъ въ Ватиканъ. Рафаелевы Ложи и Станцы, капелла Фьезоле. У княгини Волхонской. Saltarella. Рисованье. Балъ у герцога Torlonia. La Grisi [3]) и la Garcia [4]) въ Montec(c)hi и Capuletti [5]).

29 декабря (10 генваря), четвергъ. Поутру съ Нибби въ церковь св. Петра. Всходъ на верхъ. Обозрѣніе подземелій. Садъ. Завтракъ въ павильонѣ Папы. Проходъ сквозь весь Ватиканъ. Сикстинская капелла. Фабрика мозаики. Около шести часовъ вечера кончина к(няз)я Ливена [6]) послѣ 14-тидневной простудной горячки, которая оборотилась въ нервную. Глупая сцена съ Кавелинымъ. Пріѣздъ принца Ольденбургскаго [7]).

30 декабря (11 генваря), пятница. Поутру въ 11 часовъ перенесеніе тѣла к(нязя) Ливена въ Капитолій. У принца Ольденбургскаго, у Нарышкиной, у графини Фиккельмонъ. Обѣдъ у в(еликаго) князя. Вечеръ дома; чтеніе Гоголево.

31 декабря (12 генваря), суббота. Погребеніе кня(зя) Ливена. У пр(инца) Ольденбургскаго. У Шпаура [8]). У Кестнера [9]). Въ Palazzo Barberini: Cenci [10]), Fornarina [11]), мать Ченчи [12]), Грѣхопаденіе Джуліо

---

[1]) Былъ на папскомъ престолѣ съ 1523 по 1534 годъ.

[2]) Кардиналъ Карлъ Caraffa былъ задушенъ въ темницѣ въ 1561 году.

[3]) См. выше, стр. 454, прим. 5-е.

[4]) Eugénie Garcia (р. 1818), жена извѣстнаго пѣвца Manuel Garcia.

[5]) Опера Беллини.

[6]) Генералъ-адъютанта князя Христофора Андреевича Ливена (см. выше, стр. 381, прим. 9-е).

[7]) Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

[8]) См. выше, стр. 286, прим. 8-е.

[9]) См. выше, стр. 292, прим. 6-е.

[10]) Портретъ извѣстной Беатрисы Ченчи (Cenci), убившей своего отца, Франческо Cenci, воспылавшаго къ ней страстью.

[11]) Портретъ Форнарины (см. выше, стр. 298, прим. 7-е), писанный Рафаелемъ.

[12]) Портретъ Лукреціи Ченчи, мачихи Беатрисы Ченчи (см. выше, примѣч. 10-е), писанный художникомъ Гаэтано.

Романо. У Сулл(иса) Буассерѣ [1]). Обѣдалъ у Нарышкиной. Вечеръ съ в(еликимъ) к(няземъ) встрѣчалъ Новый годъ.

1839 г.

1 (13) генваря, воскресенье. У обѣдни. Въ Тиволи съ Нибби и Лауницемъ [2]). Прекрасный день; но вечеръ и ночь холодъ. Сѣрный ручей. Lago — [3]). Ломки травентина. Входъ въ виллу Адріанову. Обошли виллу Пизонову. Обѣдали въ трактирѣ Regina. Ночевали въ домѣ Торлониа.

2 (14) генваря, понедѣльникъ. Въ Тиволи. Вечеръ дома.

3 (15) генваря, вторникъ. Всякаго рода хлопоты. Чичаговъ [4]). Русскія сплетни. Вечеръ дома. До 5 часовъ не спалъ.

4 (16) генваря, середа. Осматривалъ съ Нибби остатокъ развалинъ римскихъ. Обѣдалъ у к(нягини) Волхонской на Ponte Rotto съ Нарышкиною, Bollviller, графинею Ржевуцкою и Шевыревымъ. Рѣшился не ѣхать въ Неаполь [5]).

5 (17) генваря, четвергъ. Хлопоты. Обѣдня. Обѣдъ у в(еликаго) князя. Ввечеру у него же. Макао. Письма къ живописцамъ. Письмо къ Б. [6]) съ деньгами.

6 (18) генваря, пятница. Отъѣздъ в(еликаго) князя въ Неаполь. У Минарди [7]) и въ галлереѣ Colonna. Обѣдалъ дома и послѣ визитъ Вьельгорскому. Осмотръ ателье Басси [8]), живописца ландшафтовъ. Ввечеру Гоголь читалъ главу изъ «Мертвыхъ Душъ». Забавно и больно.

7 (19) генваря, суббота. Разговоръ съ Марковымъ [9]). Поѣздка съ Гоголемъ. Въ Villa Albani, оттуда въ Capucin(s). Монашескій бытъ.

---

[1]) См. выше, стр. 157, прим. 12-е.

[2]) См. выше, стр. 230, прим. 6-е.

[3]) Для названія въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

[4]) Вѣроятно, извѣстный адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ (р. 1762 † 1849), бывшій при Александрѣ I морскимъ министромъ.

[5]) Куда отправлялся наслѣдникъ. „Жуковскій не былъ въ Неаполѣ, ибо влюбился въ Римъ“—писалъ А. И. Тургеневъ князю Вяземскому (см. „Остафьевскій Архивъ“, IV, Спб. 1899, стр. 70).

[6]) Стоитъ одна начальная буква.

[7]) Итальянскій живописецъ Tommaso Minardi.

[8]) Giovanni-Battista Bassi, родомъ изъ Болоньи.

[9]) См. выше, стр. 449, прим. 4-е.

Гранетова[1]) сакристія. Кладбище. Въ Palazzo Барберини. До обѣда просидѣлъ у графини Эглофштейнъ [2]). Вечеръ дома. Странная роль правительства римскаго.

8 (20) генваря, воскресенье. Съ Гоголемъ въ S. Agostino. Бездна вотивовъ[3]). Въ S. Antonio. Мраморы. Въ Ватиканъ. Сикстина. Monsignor Laureani. Библіотека. Зала Сикста V и Фонтаны[4]). Горницы Боржіа и фрески Пинтуриккія. Манускрипты Данте (Клавіо[5]) и Бокаччіо), Виргилія, Теренція, писемъ Георга VIII къ Аннѣ Болейнъ.—Въ Villa Panfili. Обѣдалъ у Нарышкиной съ Вьельгорскимъ. Вечеръ дома. Споръ о музыкѣ.

9 (21) генваря, понедѣльникъ. Съ Гоголемъ на выставку. Къ князю Голицыну. Распятіе Перужина. Прекрасная картина С(вятой) Себастіанъ и Магдалина. La Pietà Мантеньи. Психея Bienaimée[6]). Дискоболъ Кессельса[7]). Портретъ Кипренскаго[8]).—Къ Овербеку. Въ Колоссей. Къ Сестіевой пирамидѣ. Къ Вьельгорскому. Дома.—Музыка. Двѣ дѣвы Капальди. Съ Гоголемъ росписаніе дня.

10 (22) вторникъ. Поутру у меня Чертковъ[9]). Съ Гоголемъ въ Palazzo Colonna. Къ Минарди[10]). Встрѣтилъ Тенерани[11]). Къ Дурнову[12]), у коего видѣлъ реставрацію[13]) бань Каракаллы. Въ галлерею Боргезе. Опять увидѣлъ своихъ любимцевъ: Мадонна J. Belino[13]), Діана съ нимфами Доминикина, Положеніе во гробъ Рафаеля, Жизнь человѣка Сассо Феррато, Цезарь Боржія Рафаеля, Мадонна Перуджино. Весьма много другихъ замѣчательныхъ. Потомъ въ Ватиканъ. Взглядъ на капеллу Фьезоле и на Станцы. Въ галлерею. Это алмазъ. Три Рафаеля первой степени въ 1-ой горницѣ (лучшая изъ нихъ картина Коронованія Богоматери). Другое Коронованіе J. Roman(o) и Фатторе[14]). При нихъ по достоинству С(вятой) Іеронимъ Доменикина. Въ слѣдующей

---

[1]) См. выше, стр. 299, прим. 5-е.

[2]) См. выше, стр. 185, прим. 2-е.

[3]) У мраморной статуи Божіей Матери.

[4]) Доминикъ Фонтана (р. 1543†1607), архитекторъ, построившій, по повелѣнію папы Сикста V, зданіе для Ватиканской библіотеки.

[5]) Сочиненія Данте, съ миніатюрами Джуліо Кловіо.

[6]) См. выше, стр. 286, прим. 3-е.

[7]) Скульпторъ Матіасъ Кессельсъ (Kessels, р. 1784†1836, въ Римѣ), родомъ изъ Фландріи.

[8]) См. выше, стр. 286, прим. 4-е.

[9]) См. выше, стр. 454, прим. 1-е.

[10]) См. выше, стр. 459, прим. 7-е.

[11]) Архитектору Александру Трофимовичу Дурнову (р. 1807).

[12]) Т. е. реставрацію.

[13]) Т. е. Bellini.

[14]) Fattore—живописецъ XVI вѣка.

горницѣ: Положеніе во гробъ Караважія, Распятіе Петра Гвида, С(вятой) Ромуалдъ—[1]) и большая Тиціанова картина, представляющая четырехъ святыхъ. Въ третьей горницѣ маленькая картина Фьезоле, представляющая сцены изъ жизни святаго, Коронованіе Богоматери Пинтуриккія. Въ четвертой: Рафаелевы Три добродѣтели и маленькая прелестная картина въ трехъ отдѣленіяхъ: Благовѣщеніе, Поклоненіе волхвовъ и Предст(авленіе) во храмъ. Дожъ Гритти [2]) Тиціана; Св. Елена П(авла) Веронеза; Pietà А(ндреа) Мантеньи; Pietà Кривелли. Три картины Перуджина: Воскресеніе, Богоматерь и 4 святыхъ и Praeseрio [3]). При этихъ картинахъ и Коровы Павла Поттера. Къ Никитину [4]). Возстановленіе Forum Romanum. Къ Іордану [5]), не засталъ. Къ Моллеру [6]). Будетъ искусный, чувственный живописецъ, безъ высокихъ чувствъ и мыслей. Къ Фабри [7]). Домой и вечеръ дома. Прекрасныя ночи Потемкина [8]).

11 (23) генваря, середа. Къ Потемкину. Въ картинную галлерею. Въ S. Agostino. Рафаелевъ Исаія, блѣдныя фрески. Къ Меццофанти [9]). Въ Ватиканъ, рисовалъ въ галлереѣ, сверху и снизу. Въ S. Onofrio. Вечеръ дома. У меня Витмеръ [10]) и Вьельгорскій. Чтеніе сказки Толстаго.

12 (24) генваря, четвергъ. Съ Гоголемъ и Викулинымъ [11]) у Минарди. Въ Villa Mills. Рисованье. Встрѣча съ Нибби и семействомъ Кохрена [12]). Въ Forum. Въ Музей Капитолинскій. Бюсты императоровъ. Обѣдалъ дома. Ввечеру у меня Виттмеръ [13]) съ рисунками и Толль.

13 (25) генваря, пятница. Въ S. Bibiana; къ С. Mettella, въ villa Mattei. Обѣдалъ у Вьельгорскаго. Прогулка пѣшкомъ при лунѣ. Вечеръ дома.

14 (26) генваря, суббота. Дождливый день. У Кавелиной. Въ цер-

---

[1]) Для имени живописца въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ; это картина живописца XVII в. Sacchi.

[2]) Венеціанскій дожъ Андреа Гритти († 1538).

[3]) Praeseрio—картина, изображающая Рождество Христово.

[4]) См. выше, стр. 448, прим. 4-е.

[5]) См. выше, стр. 449, прим. 5-е.

[6]) См. выше, стр. 403, прим. 10-е.

[7]) Быть можетъ, къ итальянскому граверу Luigi Fabri.

[8]) См. выше, стр. 447, прим. 11-е.

[9]) См. выше, стр. 294, прим. 3-е.

[10]) Баварскій живописецъ Іоганнъ-Михаилъ Виттмеръ (Wittmer, р. 1802 † 1880).

[11]) См. выше, стр. 192, прим. 1-е.

[12]) Быть можетъ, съ семействомъ извѣстнаго англійскаго адмирала лорда Томаса Кохрена (р. 1775†1860).

[13]) См. выше, прим. 10-е.

ковь Капуциновъ. Въ Palazzo Quirinale. Христосъ Тиціановъ. Капелла Папы, расписанная Гвидомъ, фрески. Ангелы, смотрящіе на шьющую Богоматерь. Фрескъ. Алтарный образъ Благовѣщенія. Садъ дворцовый. Залъ передъ входомъ въ залу конклава. Садъ. Прекрасный видъ съ балкона. У графини Фиккельмонъ. Опять больна и не говоритъ. Обѣдъ у Потемкина съ англичанами: сестра его жены образецъ смерти, lady Sutherland съ мужемъ, семейство Беверле, Фицъ-Геральдъ, Мену, Вьельгорскій, Адлербергъ. Вечеръ дома.

15 (27) генваря, воскресенье. Поѣздка въ Альбано. Не слишкомъ удачная. Посѣщеніе Капуцинскаго монастыря. Ихъ трапеза. Видъ изъ оконъ. Видъ съ горы. Оттуда черезъ городъ и черезъ галлерею дубовъ въ Castel Gandolfo и въ Villa Barberini. Ввечеру возвращеніе въ городъ при свѣтломъ лунномъ сіяніи, которое обмануло, ибо на другой день дождь.

16 (28) генваря, понедѣльникъ. Пасмурное утро. Къ Каульбаху [1]); къ Бруни [2]) и Живаго [3]). Къ Камучини [4]). Въ Музеумъ Ватиканскій. Холодъ помѣшалъ наслаждаться. Въ церковь святаго Петра и въ подземелье, и въ самой церкви до самыхъ сумерокъ. С. Петръ прибѣжище и въ холодъ, и въ жаръ. Видъ въ полусвѣтѣ огромной внутренности, особливо когда выйдешь изъ тѣснаго мѣста.

17 (29) генваря, вторникъ. У меня Минарди и Ниббп. Съ Гоголемъ къ Камучини. Прекрасная галлерея. Пристань морская Клод(ъ) Лорреня. Рафаеля Мадонна и св. Екатерина съ св. Варварой. Эскизъ Магдалины Корречія [5]). Жіотто. Замѣч(ательная) картина Жанъ Беллино [6]) Боги на землѣ въ пьянствѣ (Плутонъ и Прозерпина, Бахусъ и Венера, Юпитеръ и Геба, Аполлонъ, Геркулесъ, фавны. Ландшафтъ къ ней Тиціановъ). Христосъ и бѣснующійся Гарофало. Есеирь Гверчино. Ферарская красавица въ видѣ Юдифи Гарофало. Pra(e)serio [7]) de Garofalo. Распятіе—Гвида. Портретъ Павла III—Тиціана. — Въ Maria sopra Minerva повидаться съ несравненною Мадонною Фьезолс. Замѣчательная библіотека.—Въ Palazzo Braschi, дивная лѣстница, гранитныя колонны, пилястры изъ др(агоцѣннаго) мрамора, полъ мозаика, балюст(рада) бѣлаго мрамора; въ Palazzo Mattei, замѣчательный дворъ. На

---

[1]) См. выше, стр. 376, прим. 13-е.
[2]) См. выше, стр. 286, прим. 10-е.
[3]) См. выше, стр. 448, прим. 3-е.
[4]) Живописецъ Винченцо Camuccini (р. 1775†1844).
[5]) Т. е. Корреджіо.
[6]) Т. е. Беллини.
[7]) См. выше, стр. 461, прим. 3-е.

Рипетту рисовать. У Вьельгорскаго. Дома. Ввечеру у умирающаго Агафонова[1]). Потомъ чтеніе Гоголево «Коробочка».

18 (30) генваря, середа. Рожденіе Гоголя. День дождливый. Ѣздилъ рисовать къ Капуцинамъ. У Волхонской. Музыка. Марчелловы псалмы[2]). Пѣли Риччи, Corsini, Capaldi. Къ Вьельгорскому. Съ Гоголемъ обѣдалъ въ Falcone. Послѣ обѣда въ Bunatini.

19 (31) генваря, четвергъ. Мерзкій день. На выставкѣ съ Бруни. У французскаго гравера. У Нарышкиной. У Кестнера[3]). У графини Эглофштейнъ[4]). Обѣдалъ у Лютцова[5]), который хвасталъ дружбою Дашкова[6]). За обѣдомъ были графини S. Lorenzo, падчерицы Лютцова, Бреннеръ, Зичи[7]). Вечеръ дома. Просидѣлъ до 5 часовъ.

20 генваря (1 февраля), пятница. Обѣдалъ у Вьельгорскаго. Поутру съ Гоголемъ.

21 генваря (2 февраля), суббота. Обѣдалъ у Нарышкиной. Поутру въ Монте Маріо и Villa Borghese. Великолѣпный музей, котораго не могъ разсмотрѣть отъ холода.

22 генваря (3 февраля). Утромъ рано въ ясный, но весьма холодный день въ Villa Volchonsky для рисованья. Потомъ въ Колос(с)ей Проповѣдь по(дъ) самымъ прекраснымъ небомъ. Возвращеніе великаго князя[8]). Вечеръ дома.

23 генваря (4 февраля), понедѣльникъ. Начало карнавала. Утромъ у в(еликаго) князя кончалъ всѣ дѣла. Въ Сентъ Онофріо, гдѣ слышалъ колоколъ и сборъ войска для карнавала. Приготовленія. Вывѣшенныя платья и маски. Первая обноска маски. Полишинель, за которымъ толпа мальчишекъ. Ковры въ окнахъ. Блузы, маски. Омнибусъ. Мѣшки съ confetti. Ѣзда въ омнибусѣ. Сраженіе съ французами. Побѣда надъ Полторацкимъ. Маски интересны. Адвокаты. Пузыри. Карты. Стрѣльба въ знакомыхъ. Букеты красавицамъ, особенно двумъ. Поворотъ по Piazza del Popolo. Возвращеніе. Липманъ[9]). Le bonheur co(n)jugal. Les bailleurs. Les fumeurs. Les lunettes. Мальчишки. Приготовленіе къ скачкѣ. Пуццолана. Проѣздъ гвардіи. Процессія сенатора. Раздвигаю-

---

[1]) Не у миніатюриста ли Алексѣя Аѳанасьевича Агаѳонова (р. 1790)?

[2]) Бенедетто Марчелло (Marcello, р. 1686†1739), итальянскій композиторъ, авторъ знаменитыхъ Псалмовъ.

[3]) См. выше, стр. 292, прим. 6-е.

[4]) См. выше, стр. 185, прим. 2-е.

[5]) См. выше, стр. 448, прим. 12-е.

[6]) Дмитрія Васильевича, министра юстиціи, пріятеля Жуковскаго, члена Арзамаса. Съ Дашковымъ Лютцовъ познакомился въ Константинополѣ въ 1818—19 гг.

[7]) Бреннеръ и Зичи—состоявшіе при австрійскомъ посольствѣ.

[8]) Изъ Неаполя.

[9]) См. выше, стр. 376, прим. 1-е.

щаяся и сливающаяся толпа. Часовня. Скачка. Пушки. Исчезаніе каретъ. Быстрая тишина и пустота.—Обѣдъ у великаго князя. Балъ у Лютцова. Кронпринцъ Баварскій [1]). Вечеръ у графини Эльмптъ.

24 генваря (5 февраля), вторникъ. Поутру оканчивалъ дѣла съ в(еликимъ) к(няземъ) и Кавелинымъ. Съ Гоголемъ къ Кудинову [2]), который по обыкновенію нашихъ архитекторовъ возстановляетъ римскія развалины. Къ Черткову. Въ S. Sabina; церковь на древнемъ храмѣ, въ видѣ базилики. Прекрасная Мадонна, св. Доминикъ и Екатерина вмѣстѣ, Сассо Ферраты. Въ Prieuré de Malte, рисовалъ. Къ Вьельгорскому. Обѣдалъ дома. Вечеръ у Нарышкиной съ Шепингомъ, гр(афинею) Толстою и гр(афинею) Эльмптъ. Отвезъ Толстую домой. До трехъ часовъ убирался.

25 генваря (6 февраля), среда. День дождливый. Несмотря на то, живая масляница, и мы довольно отличились. Рѣшено оставаться до конца карнавала. Я обѣдалъ у Чертковыхъ.

26 генваря (7 февраля), четвергъ. Поутру въ $^1/_2$ 12 къ Папѣ. Прощаясь съ великимъ княземъ, онъ ему рекомендовалъ своихъ капитановъ. Въ церковь св. Петра. Позавтракавъ съ Гоголемъ, на Monte Pincio.—Чудный, ревучій день карнавала. Мы въ маскахъ на омнибусъ. Потомъ пальба съ балкона бл(изъ) Palazzo Ruspoli и церкви S. Carlo. Иллюминація Петра. Золотое кружево лежало въ ф(о)наряхъ. Быстрая перемѣна въ часъ ночи. Видъ издали. Разъѣздъ. Les nuées. Толпы на площади. Ввечеру балъ посланника: Баварскій кронпринцъ. Ночью пожаръ у Люцова.

27 генваря (8 февраля), пятница. Поутру съ Нибби въ садъ Саллюстіевъ, въ Castro Pretorio, въ S. Lorenzo, на Mont Sacer, въ Villa Luzzow. Три саркофага. Обѣдалъ у Вьельгорскаго. Вечеръ дома.

28 генваря (9 февраля), суббота. Споръ съ великимъ княземъ. Геройство и трусость Енохина [3]). Съ Гоголемъ въ S. Croce. Фрески Пинтуриккія: Обрѣтеніе Честнаго Креста, поправленные или испорченные капуцинами. Къ княгинѣ Волхонской. Завтракъ на виллѣ. Ея прекрасные стихи мнѣ. На Corso, по которому ходилъ пѣшкомъ въ толпѣ вмѣстѣ съ Гоголемъ и Бруни.—Исторія карнавала. Начало въ понедѣльникъ. Колоколъ въ 1 часъ пополудни (колоколъ Капитолія, или возвѣщающій начало карнавала, и(ли) конецъ папы). Проѣздъ сенатора съ свитою. Признаки карнавала: Явленіе портныхъ. Мука въ великомъ волненіи. Маски развѣшиваются въ лавкахъ. Нѣкоторые магазины обращаются въ окна и въ ложи. Строеніе балконовъ и балюстрадъ. Укрѣпленіе Piazza del Popolo, Piazza Colonna, Piazza di S. Carlo, Piazza di

[1]) Максимиліанъ (см. выше, стр. 418, прим. 8-е).
[2]) Александру Семеновичу Кудинову (р. 1810).
[3]) См. выше, стр. 391, прим. 6-е.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

дѣлъ сразу возросло болѣе чѣмъ на 15.000 дѣлъ; 2) скорѣе всего растутъ дѣла о бродяжничествѣ и кражахъ; 3) число арестантовъ по важнымъ преступленіямъ съ каждымъ годомъ уменьшается; 4) всего болѣе число арестантовъ возросло въ губерніяхъ: Витебской, Курляндской, Ковенской, Виленской и Лифляндской; 5) въ уѣздныхъ судахъ число рѣшенныхъ дѣлъ ежегодно возрастаетъ, но, не смотря на это, увеличивается число арестантовъ; то же наблюдается по совѣстнымъ судамъ, уголовнымъ палатамъ и уголовному департаменту Сената; въ общемъ, во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ возросло и число рѣшенныхъ дѣлъ, и число лицъ, содержимыхъ продолжительное время подъ стражею; особенно возросло это послѣднее число въ теченіе 1846 и 1847 гг. Спрошенные о причинахъ этого явленія губернскіе прокуроры объясняли его вліяніемъ условій мѣстныхъ и временныхъ, а также неудовлетворительнымъ устройствомъ слѣдственной полиціи и судовъ, а равно недостатками уголовнаго судопроизводства.

Комитетъ въ своемъ заключеніи призналъ, что увеличеніе преступленій не зависитъ отъ введенія новаго уложенія: увеличеніе началось раньше; частныя измѣненія уложенія весьма неудобны, и только одно общее, коренное исправленіе можетъ быть удовлетворительно и полезно; тѣмъ не менѣе Комитетъ призналъ, что было бы не безполезно предоставить II-му Отдѣленію, по соглашенію съ министерствами юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, выбрать мѣры, вполнѣ согласныя съ основаніями будущей реформы. Положеніе это было утверждено государемъ.

Интересны помѣтки императора Николая Павловича на выработанномъ Комитетомъ «Положеніи о наградахъ гражданскихъ чиновниковъ во время прохожденія службы». Въ этомъ Положеніи, между прочимъ, значилось: «тѣхъ, кои происходятъ не изъ родовыхъ дворянъ, не награждать орденами прежде достиженія чина VIII-го класса, такъ какъ, съ полученіемъ ордена, пріобрѣтается ими дворянство, и, слѣдственно, награда эта должна почитаться весьма важною». Государь написалъ: «это по моему мнѣнію было бы несправедливо, ибо какъ по военной, такъ и по гражданской службѣ, кто разъ допущенъ и служитъ наравнѣ съ родовыми дворянами, тотъ, въ случаѣ отличія, имѣть долженъ равное право къ награжденію орденовъ; но какъ тѣхъ, такъ и другихъ слѣдуетъ вносить въ думу».

Особый комитетъ полагалъ награждать орденомъ св. Владиміра не иначе, какъ черезъ думу, или за важныя заслуги, лично извѣстныя его величеству; поэтому комитетъ считалъ нужнымъ пересмотрѣть статутъ этого ордена и даже нѣсколько измѣнить внѣшній видъ ордена, чтобы безъ всякой огласки отличить новыхъ кавалеровъ отъ старыхъ. Императоръ Николай I положилъ резолюцію: «пересмотрѣть статутъ можно въ семъ смыслѣ, но не измѣняя вида креста, чтб было бы обидно для тѣхъ, кои прежде сей орденъ получили, и въ числѣ коихъ могутъ быть многіе, столь же достойные сего отличія и по новымъ правиламъ, и которые симъ измѣненіемъ были бы несправедливо отчуждены отъ полученной награды». Вообще Николай Павловичъ не любилъ измѣнять видъ орденовъ; такъ, еще въ 1827 г. кн. Куракинъ, канцлеръ россійскихъ орденовъ, предлагалъ чрезъ Комитетъ Министровъ перемѣнить печать ордена св. Андрея Первозваннаго сообразно съ орденскою звѣздою. Государь отказалъ: «оставить прежнюю—для памяти формы, данной ей великимъ основателемъ».

Императоръ Николай I очень не любилъ, чтобы служащіе, да и не служащіе ѣздили за границу. Онъ часто отказывалъ въ этомъ; такъ, когда канцеляристъ Кондратенко просился въ 1832 г. въ отпускъ за границу для пользованія минеральными водами,—государь написалъ: «есть воды въ Россіи не менѣе цѣлительныя, и впредь за границу не увольнять никого безъ моего дозволенія».

Въ шестой, послѣдней главѣ второй части второго тома своего труда С. М. Середонинъ говоритъ о просвѣщеніи и церкви. Императоръ Николай I придавалъ чрезвычайно важное значеніе учебно-воспитательному дѣлу. Его взгляды на это дѣло были вполнѣ опредѣленные и не измѣнявшіеся отъ начала царствованія до конца его: учебныя заведенія должны были не только учить подрастающее поколѣніе, но и воспитывать его въ строго государственномъ направленіи, въ уваженіи главныхъ основъ русской жизни, самодержавія, народности и православія. Въ этомъ отношеніи замѣчательна резолюція государя по поводу приглашенія въ Дерптскій (нынѣ Юрьевскій) университетъ двухъ профессоровъ изъ Лейпцигскаго университета: «какъ Лейпцигскій университетъ изъ числа отличающихся превратнымъ направленіемъ умовъ, то спросить прежде нашего посланника, каковы эти профессора по нравственнымъ качествамъ и могутъ ли (быть) сочтены за благонадежныхъ». Кругъ дѣйствій Комитета Министровъ по церковному управленію заключалъ въ себѣ, главнымъ образомъ дѣла о раскольникахъ и сектантахъ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно.**

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.